

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АТЛАС
РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
2023

Санкт-Петербург
ИЛИ РАН
2023

УДК 81.28
ББК 81.2Рус67

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2023 / отв. ред. С. А. Мызников. — СПб.: ИЛИ РАН, 2023. — 484 с.

Lexical atlas of Russian folk dialects (Materials and research) 2023 / Edited by Sergey A. Myznikov. — St.Petersburg: ILS RAS, 2023. — 484 p.

ISSN 2658-6150

В выпуске опубликованы статьи и материалы участников проекта «Лексический атлас русских народных говоров». В работах освещен широкий круг исследований диалектной лексики, семантики, структуры отдельных тематических групп и словообразования. Значительную часть книги составляют статьи по диалектной фразеологии, синонимии, истории слов и ономастике. Освещаются практические вопросы картографирования и некоторые теоретические проблемы лингвогеографии. Выпуск вносит вклад в теорию и практику лингвогеографических исследований и представляет интерес для широкого круга исследователей русского языка.

Печатается по решению Ученого совета ИЛИ РАН

Ответственный редактор: С. А. Мызников

Редколлегия: Т. С. Власова, Р. В. Гайдамашко, Л. Н. Донина, М. Д. Королькова, О. Н. Крылова, Е. Г. Соколов

Редакционный совет: Т. Е. Баженова, Т. И. Вендина, В. Н. Гришианова, О. И. Жмурко, Л. А. Климкова, Л. Я. Костючук, Н. А. Красовская, Е. А. Нефедова, Т. К. Ховрина

Рецензенты: К.филол.наук. М. М. Кондратенко и к.филол.наук М. В. Флягина

DOI: 10.30842/265861502022

© Коллектив авторов, 2023

© ИЛИ РАН, 2023

© Редакционно-издательское оформление. ИЛИ РАН, 2023

Содержание

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

- Женские демонологические персонажи в архангельских говорах: мифологическая хозяйка леса
Дарья Александровна Анненкова (Добкина) 5
- Лингвистическая интерпретация ландшафта средствами диалектной тельмографической лексики
Татьяна Евгеньевна Баженова 17
- Пермские диалектизмы, соотносительные с литературной устаревшей лексикой
Мария Владимировна Боброва 30
- Письменный вепсский язык и диалекты: проблемы соотношения
Игорь Вадимович Бродский 45
- Межзональные говоры северного наречия: история и современность
Ирина Анатольевна Букринская 62
Ольга Евгеньевна Кармакова 62
- Лексический атлас русских народных говоров (т. 3 Ландшафт)(итоги и перспективы)
Татьяна Ивановна Вендина 91
- Региональная лексикография и задачи отражения лексики различных тематических групп в ЛАРНГ
Нина Семёновна Ганцовская 117
Галина Дмитриевна Неганова

Номинации деревьев и кустарников как мотивационная база для лексических и фразеологических единиц, обозначающих человека в русских говорах Пермского края (по данным диалектных словарей Пермского края) <i>Мария Андреевна Гранова</i>	131	Названия мелкой рыбы в русских говорах Часть 1 <i>Мызников Сергей Алексеевич</i> <i>Королькова Мария Денисовна</i>	272
Амбивалентность оценки характера и поведения человека в лексике тверских говоров <i>Наталья Юрьевна Грибовская</i>	152	Речевой портрет жительницы села Четвериково Воронежской области <i>Любовь Винаминовна Недоступова</i>	302
Лексика, соответствующая разделам ЛАРНГ «Метеорология. Астрономия. Календарь» и «Ландшафт», в русских говорах Удмуртии <i>Екатерина Анатольевна Жданова</i>	164	Микротопонимия исторического поселения Крапивна Щёкинского района Тульской области <i>Ольга Сергеевна Венёвцева</i> <i>Игорь Валентинович Пантелеев</i>	314
Системные отношения в лексике русских народных говоров (на картографируемом материале) <i>Людмила Алексеевна Климкова</i>	182	Наименования родника, ключа в русских народных говорах (по данным ЛАРНГ) <i>Андрей Владимирович Приображенский</i>	326
Семантика прилагательного «серый» в русских говорах <i>Елена Валентиновна Колесникова</i>	208	Наименование начала и конца реки в русских народных говорах <i>Владимир Алексеевич Пыхов</i>	345
Устойчивые словосочетания и фразеологизмы со словом ШАР (ШАРЫ) в диалектной лексике <i>Елена Валентиновна Колосько</i>	228	О языке лингвистической карты современном состоянии лингвогеографических исследований <i>Николай Леонидович Сухачев</i> <i>Мария Денисовна Королькова</i>	355
К выходу второго тома ЛАРНГ «Животный мир» (содружество свершенного и познание нового в народной речи) <i>Лариса Яковлевна Костючук</i>	247	Наименования угодий сельского хозяйства в вятских диалектах русского языка <i>Ольга Анатольевна Теуш</i>	380
Из библейского именованного в народной речи (Адам и Илья)* <i>Валерий Михайлович Мокиенко</i>	256	Лексическая наполненность третьего типа склонения в диалектах (по материалам говоров Воронежской области) <i>Светлана Сергеевна Токарева</i>	396

Костромские ландшафтные микротопонимы (названия омутов) <i>Елена Вячеславовна Цветкова</i>	411
Слово вершина в русских говорах: значения 'овраг' и 'низменное место' <i>Надежда Викторовна Шевченко</i>	431
Список сокращений	431
Указатель лексики	431
Contents	431

Женские демонологические персонажи в архангельских говорах: мифологическая хозяйка леса*

Дарья Александровна Анненкова (Добкина)
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
dasha.dobk@yandex.ru

Статья представляет собой часть исследования, посвящённого изучению мифологических персонажей Русского Севера в гендерном аспекте. Мифологические персонажи в народном сознании мыслятся как реально существующие духи-хозяева определённого пространства. Они могут восприниматься как помощники и как опасная сила, готовая причинить человеку вред. Данное исследование посвящено женскому мифологическому персонажу леса: приводится мотивация лексем, анализируются функции, внешность и поведенческие модели персонажа, приведена диаграмма, иллюстрирующая частотность лексем в зависимости от мотивации. Традиционно мифологические персонажи леса называются с помощью дериватов от лексем *лес*, *бор*, терминов родства, лексем, указывающих на социальный статус, а также номинаций, характеризующих персонажа по его внешнему облику. Устоявшегося описания внешности духи-хозяева леса не имеют, однако их внешний облик и поведенческие модели характеризуются как противоположные установленной в обществе норме.

Ключевые слова: русская диалектология, архангельские говоры, мифологические персонажи, леший, лешачиха.

В народной картине мира пространство, окружающее человека, делится на «своё» и «чужое», то есть на пространство «защищённое» (дом) и «незащищённое» (баня, вода, лес, поле). Выходя из дома, человек попадает в пространство, принадлежащее фантастическим, мифологическим существам, воспринимающимся как реально существующие. Они

* Исследование выполнено благодаря поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00027, <https://rscf.ru/project/23-18-00027>.

устанавливают в своих локусах особые правила поведения, запреты, нарушение которых ведёт к наказанию.

Мифологические хозяева в народном сознании существуют параллельно миру людей и могут взаимодействовать с человеком, не всегда причиняя ему вред. В первую очередь, персонажи «чужих» локусов воспринимаются как опасные духи-хозяева, которых нужно задабривать, чтобы не навлечь на себя их гнев. Они могут представать как в мужской, так и в женской ипостаси, составлять пару, даже семью. Мир духов понимается жителями северных деревень как зеркальное отражение мира человеческого, поэтому мифологические персонажи часто предстают в антропоморфном облике, им часто приписывают действия, свойственные людям. В данной статье будет рассмотрен женский мифологический персонаж леса.

Леса на Русском Севере занимают большую часть территории. Как и в других локусах, в лесу есть мифологические хозяева — леший и лешачиха. Е. Е. Левкиевская отмечала, что лес — «одно из воплощений “иного мира” и место постоянного скопления нечистой силы» [Левкиевская 2009: 24].

Леший — один из самых популярных мифологических персонажей славянской демонологии. Он многолик, описания его внешности разнятся, он воспринимается как «главный» хозяин «чужого» пространства, может отождествляться с чёртом и представлять собой собирательный образ нечистой силы. То же самое можно сказать и про женскую ипостась образа. М. Н. Власова отмечала, что «в облике лешачихи проглядывают и черты русалки, лесного и водяного духа, и черты проклятой, сгинувшей в лесу девушки, покойницы, которые в ряде районов России могут именоваться лешачихами» [Власова 2008. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=231641&p=8>].

1. Инвентарь терминов. Для обозначения женских мифологических персонажей, связанных с лесом, в «Архангельском областном словаре» (АОС) и его картотеке (КАОС) зафиксировано около 10 лексем и 8 словосочетаний. Это

специальные термины (*лешачиха, лешуха, лесовица, боровуха, боровушка*) и словосочетания (*лесавая бабушка, жёница-леший, матушка-хозяйушка, лёгшего жёнка*). Для номинации используются также лексем *бўка, боровая бўка*, которые обычно употребляются для запугивания детей. Также для обозначения женского демонологического персонажа леса употребляются лексем *тётенька* и *волосатка*, указывающие на внешний облик персонажа и его антропоморфность.

Самой распространённой номинацией мифологической хозяйки леса является лексема *лешачиха*: *Поблázнилось, што каг бўтто лешачиха. УСТЬ. Говорят, в этой яме лешачиха была. Вот как лешачиха-то йёво надўла.* КРАСН.

2. Гендерные параллели. Мифологические персонажи леса могут составлять пару, семью, в этом противопоставляясь другим мифологическим хозяевам «чужого» пространства. Д. К. Зеленин отмечал: «По сравнению со всеми другими представителями нечистой силы, леший — самый чистый из них и по своей природе ближе всех к человеку» [Зеленин 1991: 415]. Мифологические персонажи воды, например, существуют отдельно друг от друга, хотя встречаются и в женской, и в мужской ипостаси. Мифологический персонаж поля представлен только в женской ипостаси.

В материалах, собранных в Архангельской области, лесная хозяйка встречается иногда вместе с мужской ипостасью образа, иногда самостоятельно. В парном употреблении встретились лексем *леший* и *лешуха, лешачиха*: *В лесу жывёт леший с лешухой.* ШЕНК. *Леший йесть да лешачиха йесть, жёна-то.* ПИН.

Лексема *лешачиха* соотносится с маскулинитивами *леший, лешак* и *шшиак*: *Йесь лешак и йесь лешачиха.* ПИН. *Про лешачих да шшиакóф-от говорили.* ЛЕШ. *Шшиак* — «дух, обитающий в лесу, в воде, в бане, на гумне (в овине, в риге)» [Власова 1995. URL: <https://rumagic.ucoz.ru/files/abevega.pdf>]. Однако в наших материалах, несмотря на то что лексема *шшиак* встречается в паре с *лешачихой*,

в остальных примерах *шшиа́к* — демонологический персонаж, связанный с домом: *Домово́й-то йе́сть ф ка́ждом д́оме, шшиа́к, шшиако́м еищё́ обзыва́ли*. ВИН. Исходя из этих примеров, можно провести некую параллель между *лешачи́-хой* как главной хозяйкой чужого пространства и *шшиако́м* как домовым духом.

Лесная хозяйка может представлять отдельно от мужской ипостаси образа: *А в лесу́ лешу́ха жи́вет*. ВИН. *В лесу́ лешачи́ха ходи́ла*. ПРИМ. В таком случае она сближается с «одинокими» мифологическими персонажами поля, воды и бани.

3. Мотивация терминов. Традиционно мифологические персонажи леса называются с помощью дериватов от лексемы *лес* (*лешачи́ха, лешу́ха, лесови́ца*): *Лешачи́ха — хозяйка в лесу́, вы́пуга лешачи́ха*. ПИН. *В лесу́ лешу́ха, говоря́т*. ВИН. *Лешэ́ва жи́бка гуля́т — ве́тёр шуми́т, не осту́паёт*. МЕЗ. *Иде́т по́ лесу жи́ница з дуби́ной на плече́, во́лосы растрё́паны — лесови́ца*. ПРИМ. Одним из синонимов слова *лес* будет лексема *бор*, также являющаяся производящим для однословных номинаций — *борову́ха, борову́шка*: *Борову́ха в лесу́, ска́жут, в лесу́ жи́вет*. *Борову́ха — э́та са́ма лешачи́ха и йе́сь*. ПИН.

Для номинации мифологического персонажа леса могут быть использованы лексемы, характеризующие персонажа по его внешнему облику — *волоса́тка*: *Волоса́тка, сево́дня Васи́лья-то води́ло в ли́се*. ХОЛМ.

Очень часто для задабривания нечистой силы используются термины родства (называющие старших родственников), а также термины *хозяйин, хозяйка*, обычно указывающие на социальное положение. Всё это подчёркивает главенство персонажей в данном локусе. Термины родства употребляются в вокативной конструкции (чаще по отношению к мужской ипостаси образа) и выполняют комплиментарную функцию [Качинская 2018: 49] или указывают на антропоморфный облик персонажа: *Леший-ба́тюшко, скажы́, кому́ што збу́деца*. ПЛЕС. *Хозя́ин-ба́тюшко и хозяйка-ма́тушка, разреши́те походи́ть по ва́шему осеку́, насобира́ть грибо́в*. Хо-

зья́ин-ба́тюшко и хозяйка-ма́тушка, не пуга́йте меня́ ПЛЕС. *До того́ доплута́ла, одни́ лепески́ оста́лись на пла́тье*. *Спроси́ли: с ке́м ходи́ла? С те́теньками да дяденьками ходи́ла, ша́ньги йе́ла*. КРАСН.

Для номинации демонологический персонажа леса регулярно используются лексемы, которые в основном своём значении указывают на персонажей других локусов: воды и поля. Так, для обозначения мифологической хозяйки леса употребляется слово *полудни́ца*, хотя обычно эта лексема называет персонажа поля. В наших материалах встретился пример, в котором женский демонологический персонаж леса может зачекотать человека до смерти. Именно в этом примере лесная хозяйка названа *полудни́цей*: *Каки́-то были́ полудни́цы, с полудня́ ходи́ли, вроде́ бе́глых*. *Я слы́хала от ма́тери, жи́ли в леса́х, от люде́й пря́тались, как пойма́ют челове́ка, та́к зачекотя́т*. ПИН.

По материалам «Словаря славянских древностей», *полудни́ца* «может смешиваться с другими сезонными и атмосферными персонажами, в первую очередь с русалками» (СД 4: 154). Существует два расхожих представления о *русалке*. Она может быть демонологическим персонажем воды, но может быть и не связана с водой. В материалах Словаря славянских древностей речь идёт как раз о т. н. «сухопутной» русалке, которая появляется, «когда цветёт рожь. В это время их можно было встретить в ржаном поле, у воды, на деревьях, в лесу, на перекрёстках дорог» (СМ: 416). М. Н. Власова отмечала, что «с середины весны и летом русалки могут обитать в полях, появляться в огородах» [Власова 1995. URL: <https://rumagic.ucoz.ru/files/abevega.pdf>]. В картотеке АОС также встретились примеры, в которых *лешачи́ха* и *полудни́ца* переключаются с *русалкой*, в том числе с *русалкой*, живущей в воде: *Ра́ньше дете́й пуга́ли полудни́цами — напо́добийе руса́лок*. ВИН. *Не ходи́те купа́ца — полудни́ца ута́щит*. ВИН. *Какие́-то ра́ньше бы́ли полудни́цы — как руса́лки жи́бки выходи́ли, с дли́нными волоса́ми, ба́пки говори́ли*. В-Т.

В Архангельской области леса занимают большую часть

территории, под поля специально вырубали часть леса, следовательно, поле оказывалось в лесу. Таким образом смешиваются и локусы (лес, поле, водные источники), и представления о мифологических персонажах. Происходит семантический сдвиг.

Номинация *бўка* может использоваться для обозначения демонологического персонажа любого пространства. По словарю Даля, *бўка* — «мнимое пугало, коим разумные воспитатели стращают детей» (Даль 1: 122). Это подтверждается и зафиксированными в Архангельской области примерами, в которых лексема *бўка* употребляется как собирательный образ нечистой силы: *Бўка вездѣ находица*. ПИН. *Чем пугали детей? А бўкой. Бўка это фсѣ вмещает*. ВИН. Лексема употребляется и в женской, и в мужской ипостаси: *Обменѣн ребѣнок — бўка обменил*. В-Т. *Эта-та бўка водяна да глэденька*. КРАСН. *Там и баба-яга, и там какой-то бўка*. ВИН.

На диаграмме представлена частотность фиксации терминов в зависимости от мотивации лексем:

4. Внешний облик мифологического персонажа леса. Персонажи могут представлять как в антропоморфном, так и в зооморфном облике, принимать вид растения или животного. Так, если леший принимал человеческий облик, то был наделён необычным ростом, который легко менял: «леший... может быть “выше леса”, выше домов или, наоборот, иметь небольшой рост» [Мифологические рассказы и легенды Русского Севера 1996. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/mip/hol/ogi/che/skye/6.htm>]. По-разному представлен и облик *лешачихи*. Иногда это девушка в красном сарафане или знакомая информанту женщина, иногда — существо выше леса.

По материалам работ Н. В. Дранниковой и И. А. Разумовой, исследовавших такого мифологического персонажа, как *боровуха*, женский дух леса появляется перед мужчинами в охотничьих избушках и на дальних покосах в образе знакомой женщины: «Для того, чтобы она [боровуха] появилась, достаточно вспомнить или подумать о жене или возлюблен-

ной. Боровухи пугают и хохочут, когда их узнают» [Мифологические рассказы Архангельской области 2009. URL: <http://www.litsnab.ru/literature/6586>].

По материалам, собранным на территории Архангельской области, *лешачиха* чаще всего предстаёт в антропоморфном облике. В этом случае показательны номинации *бабушка, жѣнцина, жѣнка, тѣтенька, дѣвка*: *Лѣшѣва жѣнка гулят — вѣтѣр шумит, не оступает*. МЕЗ. *Бабушки такие лесавые*. ВИН. *Лешачиха мы называли, жѣнцина-лѣший*. ПРИМ. *До того (в лесу) доплутала, одни лепески остались на платъе. Спросили: с кем ходила? С тѣтеньками да дяденьками, ходила, шаньги йѣла*. КРАСН. *Фсѣ говорят, лешачихи — дѣвки ф красных сарафанах, пѣсни поют*. МЕЗ.

В большинстве примеров персонаж имеет длинные волосы, иногда у него нет бровей: *Там, говорят, лешачиха длинные волосы чѣшет*. КРАСН. *Бровей нет у лешачихи*. В-Т.

Персонаж может обладать специфическими внешними чертами, например косолапостью, очень высоким или очень низким ростом: *Лешачихи косолапые*. ПИН. *От он идѣт через лес, дак йему показалося лешачиха выше лесу*. В-Т. *Мала, как лешачиха*. ПИН.

В антропоморфном облике *лешачиха* предстаёт как женщина, ярко, вызывающе одетая: *Лешачихи фсегда ф красных сарафанах*. МЕЗ. *Пришли дѣвки — лешачихи, сарафаны красные, шырѣкие, и плясали*. МЕЗ.

Примеров, в которых мифологическая хозяйка леса представляла бы в зооморфном облике, существенно меньше: *Лешачиха вродѣ, навѣрно, звѣря*. ПИН. *Боровая бўка — корявая, рясковая, мохнатая*. КРАСН. Исходя из контекстов, кажется более вероятным, что речь идѣт о некоем существе, которое похоже на зверя.

Иногда лесные хозяева не видны человеку, а лишь слышны. Фиксируются рассказы, в которых человек, идя по лесу, слышит голоса или музыку, однако вокруг никого нет: *А ф какой-то рас идѣм по лесу, послышалось дак: пара идѣ — жѣншишна поѣт, а мушишна играт на гармонн*. По-

верну́лись — а нигде́ никогó, отви́рну́ца — о́пять на за́пятках и́грают. ПЛЕС.

Иногда термины, обозначающие мифологическую хозяйку леса, используются при сравнении для указания на внешний вид или поведение человека. Сравнение может производиться на основе представления о внешнем облике демонологического персонажа: *Косу́ разде́ргала и сиди́т, как лешу́ха.* ВИН. *Ну на лешачи́ху нахо́дит, и фсе́.* УСТЬ. *Как лешачи́ха, говорит, нареди́лась.* МЕЗ. Также на основе сходства поведенческих стратегий: *Как лешачи́ха наду́лась и си́жу.* ПИН. По-видимому, дух леса очень быстро передвигается, поэтому женщина, которая много и быстро ходит, сравнивается с *лешачи́хой*: *Я фся бою́сь, как лешачи́ха бе́гу.* МЕЗ. *Как лешачи́ха летáш, ли́хо.* МЕЗ.

5. Функции мифологического персонажа леса. Духи-хозяева леса наделяются особыми характеристиками, им свойственны определённые модели поведения. *Леший* и *лешачи́ха* воспринимаются как мифологические хозяева «чужого» пространства, они могут навредить человеку, когда он заходит в лес. Хозяйка леса может реветь, шуметь, пугая людей, запутывать дорогу, не давая выйти из леса, бить, выгонять из леса и лесных избушек, уводить скот, который пасут в лесу. Она шумит: *Лешачи́хи пуга́ют, пёсни пою́т.* ПИН. Запутывает дорогу: *В лесу́ жы́вет леший с лешу́хой, говоря́т, леший вы́шэ ёлки води́л их.* ШЕНК. Бьет: *Лешачи́ха йего́ и уда́рила.* В-Т. *Лесова́я мо́жет захлиста́ть ветками на́смерть.* ПЛЕС. Выгоняет из леса: *Оне́ лешака́ бойелись, лешачи́ха, говоря́т, го́нит.* ЛЕШ. Уводит скот: *Лешачи́ха мо́жет свести́ скóт.* ПИН.

Часто лесные хозяева причиняют человеку вред, если он нарушает запреты, установленные нечистой силой, или ведёт себя в лесу неподобающим образом. По материалам Е. Е. Левкиевской, цель мужского представителя нечистой силы — «не загубить человека, а наказать (в том числе и смертью) только тогда, когда человек нарушает правила поведения в лесу» [Левкиевская 2009: 320].

Так, в одном из примеров зафиксировано, что из-за того, что люди, шедшие по лесной дороге, шумели и кричали, резко поднялся сильный ветер: *У нас па́па тогда́, говоря́т, шли́ то́жэ по́ лесу от ка́кво-то пра́зника, иде́м, говоря́т, да че́ попа́ло, говоря́т, ме́лим, ну, че́-то ни по до́бру, наве́рно, сказа́ли — как ле́с расходи́лся, говоря́т, э́ки дире́вья, ну ни то́, што дире́вья, кусты́-то три́ ме́тра как ста́ли, говоря́т, ложы́ца на́м на до́рогу дак.* ПЛЕС.

Лесные хозяева могут «забрать» ребенка или животное, если его *послать к лешему*. Фиксируется множество примеров, в которых информанты говорят, что ни в коем случае нельзя *лешака́ться*: *Леший мо́г взять ф то́м слу́чае у меня́ коро́ву, йёсли бы я сказа́ла «Да понеси́ тебя́ леший!»* ПЛЕС.

Причинение человеку вреда — не единственная функция хозяев леса. *Лешачи́ха* может помогать людям. Своим криком, ревом она предупреждает об опасности, беде, которая уже случилась или ещё случится: *А ра́ньше Кули́ково горе́ло дере́вня, так то́жэ, говоря́т, лешачи́ха-то реве́ла.* ВЕЛЬ. *Лешачи́ха реве́ла перед войно́й.* КРАСН.

Мифологическим персонажам леса могли приписываться и вполне нейтральные функции и действия, характерные и для человека. Они поют, спорят друг и другом: *Лешачи́хи иду́т, пёсни пою́т.* МЕЗ. *Леший с лешачи́хой спо́рят.* КОТЛ.

6. Многозначность терминов. Лексемы, называющие мифологического персонажа, связанного с лесом, многозначны. Они используются для называния не только хозяев леса, но и других локусов — воды, поля, бани. Так, *лешачи́хой* может быть названа любая представительница нечистой силы (русалка, банница): *Вы́шла лешачи́ха из водо́й, волоса́ расту́тила, лешачи́ха и сиди́т.* ЛЕН. *Ба́ня — это са́мо грязно́ ме́сто, а та́м лешачи́ха.* ПИН. Они могут обозначать хозяйку дома, поля (*хозяйка-матушка*), хозяйку поля (*полудница*).

Лексема *лешачи́ха* может употребляться и в инвективных конструкциях по отношению к человеку и животному: *Лени́ва, лешачи́ха, расте́ш!* ЛЕШ. *Лешачи́ха — непослу́ш-*

ница такая! ПИН. *А я ѳетово жэребѣнка лешачѳхой бы вѳругала, кобылу-то.* ВИН. Из этих примеров можно сделать вывод о том, какие модели поведения свойственны мифологической хозяйке леса и о том, какой у неё внешний облик. Как и другие мифологические персонажи, единого и устойчивого описания внешности *лешачѳха* не имеет. Однако и внешний облик, и поведенческие модели характеризуются как неправильные, противоположные той норме, которая установлена в обществе.

Сокращения названий районов Архангельской области

В-Т. — Верхнетоемский
 ВИЛ. — Вилегодский
 ВИН. — Виноградовский
 КАРГ. — Каргопольский
 КОН. — Коношский
 КОТЛ. — Котласский
 КРАСН. — Красноборский
 ЛЕН. — Ленский
 ЛЕШ. — Лешуконский
 МЕЗ. — Мезенский
 ОНЕЖ. — Онежский
 ПИН. — Пинежский
 ПЛЕС. — Плесецкий
 ПРИМ. — Приморский
 УСТЬ. — Устьянский
 ХОЛМ. — Холмогорский
 ШЕНК. — Шенкурский

Литература

Власова М. Н. Новая АБЕВЕГА русских суеверий [Электронный ресурс]. СПб.: Северо-Запад, 1995. 383 с.: ил. Режим доступа: <https://rumagic.ucoz.ru/files/abevega.pdf> (дата обращения: 15.06.2023).

Власова М. Н. Энциклопедия русских суеверий [Электронный ресурс]. СПб.: Азбука-классика, 2008. 622 с.: ил. Режим досту-

па: <https://www.litmir.me/br/?b=231641&p=8> (дата обращения: 14.06.2023).

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / пер. с нем. К. Д. Цивиной; примеч. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкович и К. В. Чистова; послесл. К. В. Чистова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 511 с.: ил. (Этнографическая библиотека).

Качинская И. Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). М.: Индрик, 2018. 288 с.

Левкиевская Е. Е. Русская народная мифология. М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2009. 379 с.: цв. ил. (Ломоносовская библиотека).

Мифологические рассказы Архангельской области [Электронный ресурс] / сост. Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. М.: ОГИ, 2009. 303 с. (Нация и культура / Фольклор. Новые исследования). Режим доступа: <http://www.litsnab.ru/literature/6586> (дата обращения 15.06.2023).

Мифологические рассказы и легенды Русского Севера [Электронный ресурс] / сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова; [ред. Л. А. Карпова]. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 209, [2] с. Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/mip/hol/ogi/che/skye/6.htm> (дата обращения: 15.06.2023).

Female Demonological Characters in the Arkhangelsk Dialects: the Mythological Mistress of the Forest

Darya A. Dobkina
 Moscow State University
 dasha.dobk@yandex.ru

The article is part of an issue devoted to the study of the Russian North mythological characters in the gender aspect. Mythological characters in popular mind are thought of as real-life spirits being the masters of certain spaces. They can be perceived as helpers and as a dangerous force ready to harm a person. This issue is devoted to the female mythological character of the forest including the study of lexical motivation, the analysis of functions, appearance and behavioral models

of the character, the diagram that illustrates the lexemes depending on motivation frequency. Traditionally, the mythological characters of the forest are named with the help of derivatives from the lexemes *forest*, *boron*, besides, kinship terms and lexemes indicating social status are also used, as well as nominations that characterize the entity by the appearance. The spirit masters of the forest do not have a well-established description of the appearance, however, their appearance and behavioral models are characterized as opposite to the norm established in society.

Key words. Russian dialectology, Arkhangelsk dialects, mythological characters, lešij, lešačixa.

References

Vlasova M.N. Novaya ABEVEGA russkih sueverij [New ABC of Russian superstitions] (<https://rumagic.ucoz.ru/files/abevega.pdf>, accessed on 15.06.2023).

Vlasova M.N. Enciklopediya russkih sueverij [Encyclopedia of Russian superstitions] (<https://www.litmir.me/br/?b=231641&p=8>, accessed on 14.06.2023).

Drannikova N.V., Razumova I.A. Mifologicheskie rasskazy Arkhangel'skoj oblasti/ Sost. N. V. Drannikova, I. A. Razumova [Mythological stories of the Arkhangelsk region]. (<http://www.litsnab.ru/literature/6586>, accessed on 15.06.2023).

Zelenin D.K. Vostochnoslavjanskaya etnografiya [East Slavic ethnography]. M.: Nauka, 1991. 507 pp.

Kachinskaya I.B. Terminy rodstva iazykovaya kartina mira [Kinship terms and language picture of the world]. M.: Indrik, 2018.— 288 pp.

Levkievskaya E.E. Russkaya narodnaya mifologiya [Russian folk mythology]. M.: Fond podderzhki ekonomicheskogo razvitiya stran SNG, 2009. 378 pp.

Cherepanova O.A. Mifologicheskie rasskazy i Legendy Russko-go Severa [Mythological stories and legends of the Russian North] (<https://www.booksite.ru/fulltext/mip/hol/ogi/che/skye/6.htm>, accessed on 15.06.2023).

Лингвистическая интерпретация ландшафта средствами диалектной тельмографической лексики

Татьяна Евгеньевна Баженова

Самарский государственный
социально-педагогический
университет
bazhenova@pgsga.ru

В статье рассматриваются названия природных объектов, связанных с болотом, болотистой местностью. Лингвистическая интерпретация ландшафта производится средствами лексики, извлеченной из материалов ЛАРНГ и диалектных словарей. Основной задачей исследования является сравнение представления о болоте в наивной и научной тельмографии. Сопоставление различных дискурсов дает основание говорить о существовании пересекающихся участков лексико-семантического поля 'болото' и о преобладании диалектных лексем, образованных по особым моделям. На территориях, где болота занимают важное место в ландшафте, зафиксировано большое количество слов, характеризующих болото с точки зрения наличия опасных и проходимых мест. Это подтверждается высокой степенью семантической плотности соответствующих лексических групп, наличием большого количества лексических и семантических дериватов. Кодирование характеристик болота в диалектном языковом пространстве осуществляется с использованием целого спектра культурных кодов, среди которых на первом месте оказывается антропоморфный код.

Ключевые слова: русские народные говоры, дискурс, тельмографическая лексика, болото, ландшафт, семантическая поле.

Понятие лингвистической интерпретации связывается с процессом понимания отношения человека к миру природы. В качестве результата интерпретационной деятельности человека мы рассматриваем тельмографические наименования, функционирующие в русских народных говорах.

Диалектная тельмографическая терминология включает довольно обширный и детально дифференцированный набор лексем, используемых в языковом пространстве для обозначения болот и болотистых мест. Под языковым пространством мы подразумеваем семантическое пространство языка, которое создается лексемами, фиксирующими классификацию объектов действительности, а также значимым отсутствием номинативных единиц, что в современной лингвистике называется синонимичным понятию *языковая картина мира*. Описание языкового пространства на материале диалектной лексики имеет особую значимость в определении языковой картины мира, так как на основании этих данных можно сделать вывод, что у носителей одного языка возможны различные представления об окружающей действительности. Одна из древнейших по происхождению, народная географическая терминология отчасти оставляет след и в топонимике [Мокиенко 1970: 71; Варникова 2010: 106–110]. Кроме того, народные географические термины — это источник пополнения научной терминологии [Подольская 1970: 54–59].

Существует два подхода к описанию семантического пространства тельмографической лексики. Для первого характерно описание структуры семантического поля «болото», в котором отражается вся совокупность знаний о данном объекте ландшафта, запечатленная в диалектном языке. Рассматривается семантика лексических единиц, именующих болото, те базовые характеристики, которые избирательно маркируются в процессе номинации и позволяют определить способ познания данного ландшафтного объекта [Николаева 2008: 23; Данилюк, Громко 2020: 73]. Чаще всего описываются единицы, в которых находят отражение характеристики болота по степени заболоченности, размеру, глубине, наличию/отсутствию растительности, особенностям почвы, цвету.

Второй подход к описанию тельмографической терминологии предполагает реконструкцию присущего данному народу взгляда на природу, отраженного в языке определенного отношения к данной реалии. Так, Т. А. Демешкина

рассматривает концепт ‘болото’ как сложную ментальную единицу, которая занимает важное место в языковой картине мира жителей Сибири [Демешкина 2019]. Применяя метод когнитивного анализа метафоры, Т. А. Демешкина приходит к выводу о том, что носителями сибирских говоров болото рассматривается не только с точки зрения практического значения в жизни и хозяйственной деятельности человека, но и как сложный природный комплекс. Обыденное сознание человека отражает сложные ландшафтные объекты так же подробно и в связи с другими объектами, как это представлено в научных классификациях. Описание языкового пространства при таком подходе производится с учетом отбора наиболее частотных лексических единиц на фоне всего корпуса тельмографической терминологии русского языка, что обеспечивает наиболее полный охват языкового пространства.

В составе тельмографической лексики в материалах ЛАРНГ представлены как общеупотребительные, так и диалектные слова.

В литературном языке в качестве общего наименования реалии используются в первую очередь лексемы *болото*, *болотце*. В качестве обозначения болотистого, заболоченного пространства в дискурсе литературного языка функционируют лексемы *болотина* ‘болотистое место’ (МАС 1: 105), *мочажьина* ‘заболоченное топкое место; болотце без кочек’ (МАС 2: 305), *топь* ‘топкое, болотистое место’ (МАС 4: 384), *марь* ‘болотное пространство в тайге, поросшее кустарником или отдельными деревьями’ (МАС 2: 231), *кочкарник* ‘низменное или болотистое место, покрытое кочками’ (МАС 2: 117), которые употребляются наряду с общим наименованием болота и имеют стилистические пометы *обл.* и *прост.* Общеупотребительным словом *болото* в дискурсе литературного языка называется всё, что характеризуется косностью, застоем, отсутствием живой деятельности и инициативы, например, *бюрократическое болото*; *обывательское болото* (МАС 1: 105).

При обращении к диалектным словарям можно увидеть,

что в диалектах у слова *болото* также могут развиваться производные лексико-семантические варианты. Например, в тамбовских, костромских, рязанских, вологодских говорах *болото* — ‘лужа’, ‘небольшой участок воды’. Ср.: *Смотри-ка, после дождя-то какие по дороге болоты стоят*. Морш. Тамб., 1849. *Болото — лужа, хотя бы и небольшая*. Касим. Ряз. (СРНГ 3: 80); *Ой, што болот-то по деревне, немало* (К-Г, Сергеево). *Опять по дороге болота после дождя* (К-Г, Рябиновщина) (СГРС 1: 112). Диалектные производные варианты значения также зафиксированы у общеупотребительного слова *болотина*, например, в архангельских и вологодских говорах — ‘трава, растущая на болоте; сено из этой травы’. Ср.: *На болоте болотину косим* (Сямж, Макаровская). *Накосил болотины, ни лешего коровы не жрут* (Шенк, Якуневская). *Болотина да багульник растёт всё на сырых местах* (Хар, Лукино). *Скотина болотину не так шибко ест* (В-Важ, Фоминская) (СГРС 1: 111).

Как показывает имеющийся материал, большое количество наименований болота, болотистого пространства представлено в русском языке диалектными словами. К ним относятся, например, наименования болота и его разновидностей, выбранные нами из «Словаря говоров русского Севера»: *бакáлда, бакчáга, барачáга, белáха, белъ, билъ, бíля, болóтичко, болóтичко, болóтыш, борочáга, борочáжник, бúковина/буковíна, бúковинка/буковíнка, вéльга, дернiк, дёрьби, жарiны, жёлтик, кáленьга, кáлтуз/кáлтус, калтузiна, керёндус, кóрба. кочúльник, красноянжiна, круглiшечка, кúгра, кúгреник* (29 лексем).

Со значением ‘болотистое место’ в «Словаре говоров русского Севера» зафиксированы слова *бáлмас, барлáк, белевiна, билъ, болóтиха, болóтица, болóтник, болотóвик, бороднiя, бречiна, буклё, буклó, бúкля/бужля, вáгмаз, вагмазiна, вáгмас, вáгмус, вáда, вáжканец, вáжканик, вáчега, вéльга, водопóй, вычурá, дёрьба, жом, кáлега, кáлтус/кáлтус, керёндус, кислúха,*

кúчара, клюговiна, кóйдома, кóйдомина/койдомiна, кúрнага (37 лексем).

На основании приведенных в словарных статьях примеров следует отметить активное употребление в диалектном дискурсе как диалектных слов, так и общерусских эквивалентов.

Об активном функционировании во всем семантическом пространстве русского языка лексемы *марь* говорит тот факт, что она зафиксирована не только в нормативных, но и в диалектных словарях, например, в «Словаре говоров русского Севера» (СГРС) и «Словаре русских говоров Приамурья» (СРГП) и имеет сходную семантическую структуру. Ср.:

МАРЬ¹. Болотистое место. Арх: Вин, В-Т; Влг: Вож. *А по марям-то и не ходит никто, что там делать* (Вин, Артюшинская). *Марь — это тоже что-то вроде болота, чахлые деревья на нём* (В-Т, Акуловская) (СГРС 7: 242).

МАРЬ, и, ж. 1. Болотистое кочковатое пространство в тайге, поросшее мелким кустарником. *Марь — то топкое место, поросло кустарником* (Нев. Лазо). *Марь — ягодное место, там кочки, мокрота, голубица растет* (Кврж. Кнст.). *Пойдешь на охоту, забредешь в марь, шагаешь по ей и думаешь, куда она кончится* (Кузн. Магд.). Амур. (Кнст. Магд. Мих. Своб. Скв. Шим.). Хаб. (Лазо). Нов.-Даур.

2. Высохшее болото, которое может использоваться под пашню. *Марь — это поле, оно больше болотисто было, а потом пшеницу стали сеять, словно золото, стоит марь, пшеница там хорошо растет* (Алб. Скв.). *На этой мари хлеб начали сеять, ерник там рос* (Джл. Скв.). Амур. (Скв.) (СРГП: 151).

Значение ‘болотистое место’ у лексемы *марь* не зафиксировано в других словарях говоров северных территорий, например, в «Словаре русских говоров Сибири» (СРГСиб) и в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК).

Основой для образования тельмографических наименований в русских говорах служат особенности ландшафта,

его качественные и структурные элементы. Народная речь регистрирует преимущественно прямое значение слова *болото*, но при дифференцированном наименовании основное внимание обращается на конкретные характеристики болотного ландшафта. Характерными признаками болота в бытовом сознании русского человека являются топкость, сырость, застойность воды, наличие и отсутствие растительности.

Наибольшей номинативной плотностью в диалектном языковом пространстве обладают фрагменты структуры концепта «болото», указывающие на опасный для человека признак неустойчивости, топкости, вязкости (*грязало, жи-дѣля, жиделяга, зăгрязь, мякость, мякоть, дряга, дрягва, дрягун, дрябучина, пльвун, плавь, слабун, тѳпость, тѳпесть* и др.) и признак наличия сухих мест, торфяных кочек и возвышенных мест на болоте, по которым можно передвигаться по болоту, где можно передохнуть (*кочуха, кѳчня, кѳчник, кочурник, кочугурник, клочь, клѳчья, клѳчня, кочкара, кочковина, кѳчки, кочкар-ник* и др.). Многочисленна и разнообразна по структурным признакам группа наименований непроходимых болот и опасных топких мест на болоте (*бездѳнница, вадѳга, вадѳнка, затяга, западина, керѳндус, кѳгра, кумѳрник, кру-ган, курган, ляговина, няша, падѳма, прѳдух/прѳух, прѳдых, прѳуха, прѳушина, прѳпарина, прѳрѳвина* и др.), окон воды на болоте (*блѳстки, жѳрло, кѳндрюх, конѳра, конѳрина, ляга, озерина, окнина, окнище, плѳс* и др.).

В данной группе слов можно выделить слова, образованные от общеупотребительных основ *вязкий, зыбкий (вязель, вязучѳк, зыбель, зыбун, зыбунѳще, зыбѳха, зыбник, провязина), качаться, дыбиться (кач, качѳля, качѳлина, дыбун, дыбутина, дыбучина, дыбѳчка, дыбѳ)*; а также лексемы с семантическим компонентом 'кислый (затхлый)' (*бурда* 'топкое место', *бурдомѳга* 'топкое, вязкое место на болоте', *кисляк* 'болотный мох', *квашина* 'заросший родник на болоте').

Общность тельмографической лексики (части) и лексики природы (целого) проявляется в том, что кодирование характеристик болота в диалектном языковом пространстве осуществляется с использованием целого спектра культурных кодов, среди которых на первом месте оказывается антропоморфный код, ср.: *глаз, глазина, глѳзик, глазовина* 'окно чистой воды на болоте'; *глѳзница* 'топкое место на болоте'; *глазѳвник* 'болото с озерками воды'; *горловина* 'топкое место между островами в болоте'; *голова, вертоголовѳк* 'болотная кочка', *голова* 'край, начало болота'; *голова, голловѳнчик, головаѳстик, головѳк* 'возвышенное место на болоте'; *горбѳльчик, горбѳчи* 'кочка на болоте'; *кѳрточки* 'кочки на болоте'; *булдырь* 'кочка на болоте', ср.: *булдырь* 'волдырь, нарыв, опухоль' (СРГСиб 1: 100). Предметный код в семантике тельмографических наименований, отмечается, по-видимому, не менее часто, ср.: *каравѳшек* 'небольшое болото' (СГРС 5: 67), *квашина* 'заросший родник на болоте' (СГРС 5: 115), *корчага* 'яма с водой на болоте' (СГРС 5: 267), *клубѳк/клубѳк* 'сухое лесистое место на болоте' (СГРС 5: 176), *колѳдец* 'окно чистой воды на болоте' (СГРС 5: 252), *лотѳк* 'впадина между болотными кочками' (СРГК 3: 151); *бубешѳчек* 'сухое возвышенное место на болоте' (СГРС 1: 197), ср. *бубешѳк* 'бубенец', 'островок' (СРНГ 3: 233); в материалах ЛАРНГ отмечены наименования болотных кочек *макѳшка* (п. 614); *стакѳны* (п. 347); *порѳжки* (п. 908); *шапка* (п. 891); *хохолки* (п. 879); *табарѳтки* (п. 437). Зооморфный код просматривается в лексеме *медвѳжник* 'большая болотная кочка' (СРГК 3: 210).

Во внутренней форме тельмографического термина заключено прямое указание на полезность болота с точки зрения жизненно важных ресурсов, в частности на наличие деревьев, ягод и птиц. Например, среди наименований кочковатого болота в материалах ЛАРНГ отмечены лексемы *чицанина* (> чистое, безлесное место), *пихтовѳц* (> пихта), *кѳлквенник* (> клюква), *жарѳны* (> жарина, то есть высохший на корню лес), *утѳтник* (> утки). В тельмографической

лексике закреплено представление о болоте как об освоенном человеком природном пространстве, которое служит местом косябы, ср. *кочковать* ‘косить траву на болоте’ (СРГСиб 2: 139), сбора трав, ср. *иван болотный, иван кочкин* ‘травянистое растение лабазник вязолистный, таволга’ (СРГСиб 1: 257). Многие названия болотных растений имеют корень *баг-* (*багун, багун, багула, багонник, багунник, багорник, багульник* ‘куст, стебли ягод семейства брусничных и вересковых’ и др.), связанного, вероятно, с *багно* ‘болото, топкое низкое место, трясина, топь’ (Фасмер 1: 103).

Для ЛСГ «болото», «болотистое место» в диалектном дискурсе в целом не характерно использование описательных конструкций. Если они и встречаются, то отличаются экспрессивностью, имеют признаки окказионального использования, например:

АДОВО ДНО. Топкое, вязкое, труднопроходимое место. Влг: М-Реч, У-Куб. *Щё там стало, на берегу? Как адово дно, еле прошла* (М-Реч, Уваровица) (СГРС 1: 13).

ВОЛЧЬЯ ЯМА. Топкое место на болоте. Арх: Холм. *Волчьи ямы вязучие, там засасывает* (Холм, Устрека) (СГРС 2: 166).

ВЫСОКИЙ МОХ. Топкое место с окнами воды на болоте. Арх: Прим. *Топкие места с окнами воды высокий мох называем* (Прим, Наволок) (СГРС 2: 260).

ЧЁРНОЕ МЕСТО. Топкий, без растительности, опасный участок на болоте, топь. *На болоте есть чёрные места, ни одной травинки, кустика там нет, засасывает там. Онеж.* (СРГК 3: 231).

В диалектном дискурсе наименования болота являются обычно однословными, в отличие от научных многословных терминов, поэтому диалектная тельмографическая лексика нередко используется в научном дискурсе наряду с общеупотребительной лексикой и научной терминологией. Ср. пример включения диалектных слов *займище* и *рям* в текст учебника по болотоведению: *В лесостепной зоне сохраняется тенденция трансформации эвтрофных травяных болот*

(*займище*) в олиготрофные сосново-кустарничково-сфагновые (рямы) [Инишева 2009: 63–64]. *В южной тайге, которая относится к зоне избыточного увлажнения, интенсивное торфонакопление обусловлено более благоприятными климатическими показателями и относительно высокой биологической продуктивностью болотных биогеоценозов сосново-кустарничково-сфагнового типа (рямов)* [Там же: 66].

Подобные факты свидетельствуют о том, что, исчезая из активного употребления в диалекте, собственно диалектные лексемы успешно функционируют в научном дискурсе, пополняя и развивая его терминосистему. Таким образом, диалекты продолжают служить ресурсом лексики литературного языка.

С точки зрения семантики и структуры концепт ‘болото’ в общих чертах совпадает в литературном и диалектном дискурсе, но имеет ряд существенных отличий. Тельмографические наименования в говорах по структурно-семантическим признакам отличаются значительной детализацией в описании болот, в чем обнаруживается сходство лингвистической интерпретации болотного ландшафта во всем русском языковом пространстве. Однако в наивной тельмографии нет того единства представления о болотном ландшафте, на котором обычно строятся научные классификации. В научных описаниях биогеоценозов на болоте используется в основном общеупотребительная лексика: *мох, торф, кочка, мочажина, озерко*; научная терминология: *разнотравье, древостой, сфагнум, растения-торфообразователи*, из которых и составляются характеристики болотного ландшафта. Виды растений, особенности микрорельефа по их отличительным признакам не описываются, поэтому для научного дискурса очень характерно употребление форм мн. числа с обобщенно-собирательным значением: *мхи, осоки, торфы, болота* и т. п.

Важным фрагментом структуры концепта «болото» во всем семантическом пространстве русского языка является наличие растительности. Так, например, лексемы *моховина, мошник, мошок, мошаринка, мошарник, миарина*

на, *мишарінка, мишарник, омшара* и др. в русских говорах характеризуют болото по наличию мха. В говорах Карелии, Архангельской, Ленинградской, Новгородской областей словом *мох* называют болото. Ср.: **МОХ**, м. 1. *Болото. У нас говорят, пошли на мох, на болото. Чуд. На каком мху бывали? Лычинский мох называли, таки клочки были; много топких мест. Везуйский мох был, ручей Вёзуй был, и мох Везуйский называли. Я-то не различаю, что мох, что болото. Тихв. В Обуйке вода холодная, моховая, с моху идет под кустам, так и не степлет. Чуд. Мох болото называли, а там и моху нет.* Пуд., Бат., Белом., Волос, Канд., Кем., Медв., Новг., Онеж., Плес, Сол., Тер. (СРГК 3: 265). Данный признак имеет первостепенную важность как в научном, так и в диалектном дискурсе.

В представлении носителя говора болото является важной и неотъемлемой частью того места, где живет человек, отсюда множественность оснований для его характеристики. Болото — это источник топлива и кормовой травы для домашних животных, это место охоты и сбора ягод, грибов, полезных растений. Высокая номинативная плотность наименований болота, его частей и разновидностей означает сформировавшийся в диалектном языке практический взгляд на болото и его большое значение в языковой картине мира.

Наименования экосистемы болота, относимые к литературному и диалектному дискурсу, находятся в синергии, в результате которой выстраивается целостное представление о болоте в языковом пространстве русского языка. Высокая степень номинативной плотности тельмографической лексики в говорах обусловлена тем, что в ней находят отражение важнейшие сферы жизни сельских людей северных территорий, следовательно, это означает большое значение концепта «болото» в региональной языковой картине мира.

Литература

Варникова Е. Н. Тельмографическая терминология в микро-топонимии Среднего Посухонья: [на примере терминов, обозначаю-

щих болото] // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сб. науч. тр. Ч. 4 / отв. ред. Г. В. Судаков. Вологда: ВГПУ, 2010. С. 106–110.

Данилюк О. К., Громко Т. В. Народная тельмографическая терминология в украинском языкознании // Научен вектор на Балканите. 2020. Т. 4. № 1 (7). С. 71–76.

Демешкина Т. А. Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта «болото») // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 62. С. 85–103.

Инишева Л. И. Болотоведение: учебник для вузов. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2009. 210 с.: табл. 16, ил. 111.

Мокиенко В. М. Семантические модели славянской тельмографической терминологии // Вопросы географии. Сб. 81: Местные географические термины / отв. ред. Е. М. Поспелов, Н. И. Толстой. М.: Мысль, 1970. С. 71–77.

Николаева М. В. К вопросу о семантической структуре тельмографической лексики тверских говоров // Тверские говоры в прошлом и настоящем / отв. ред. Т. В. Кириллова. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2008. 114 с.

Подольская Н. В. Народные географические термины в роли терминов научных // Вопросы географии. Сб. 81. Местные географические термины / отв. ред. Е. М. Поспелов, Н. И. Толстой. М.: Мысль, 1970. С. 54–59.

Linguistic Interpretation of the Landscape by Means of Dialectal Telmographic Vocabulary

Tatyana E. Bazhenova
orcid.org/0000-0002-4151-0686
Samara State University of Social
Sciences and Education
bazhenova@pgsga.ru

Summary. The article deals with the names of natural objects associated with swamp or swampy area. The linguistic interpretation of the landscape is carried out by means of the vocabulary extracted from the materials of the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects and dialect dictionaries. The main objective of the study is to compare the idea of a swamp in naïve and scientific telmography. The comparison of various

discourses allows us to assert the existence of intersecting subsets of the lexical-semantic field ‘swamp’ and the predominance of dialectal lexemes formed according to special models. In areas where swamps occupy an important place in the landscape, a large number of words have been recorded that characterize the swamp in terms of the presence of dangerous and passable places. This is confirmed by the high degree of semantic density of the corresponding lexical groups, the presence of a large number of lexical and semantic derivatives. The coding of the characteristics of the swamp in the dialectal language space is carried out using a whole range of cultural codes, among which the anthropomorphic code retains the first place.

Key words: Russian folk dialects; discourse; telmographic vocabulary; swamp; landscape; Semantic field.

References

Varnikova E. N. Tel'mograficheskaya terminologiya v mikrotoponimii Srednego Posuhon'ya [Telmographic terminology in the microtoponymy of the Middle Reaches of the Sukhona River] // Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epohi [Word and Text in the Cultural Consciousness of the Epoch]. Issue. 4, Part 1. Vologda: Vologodskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 2010. Pp. 106–110.

Danilyuk O. K. & Gromko T. V. Narodnaya tel'mograficheskaya terminologiya v ukrainskom yazykoznanii [**Folk telmographic terminology in Ukrainian linguistics**] // Nauchen vektor na Balkanite [Scientific Vector of the Balkans]. 2020. № 1(7). Pp. 71–76.

Demeshkina T. A. Mir prirody v zerkale dialekta (na materiale koncepta “boloto”) [The World of Nature in the Mirror of the Dialect (a case study of the Concept “Swamp”)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]. 2019. № 62. Pp. 85–103.

Inisheva L. I. Bolotovedenie: uchebnik dlya vuzov [Swamp Studies: A Textbook for Universities]. Tomsk: izd-vo Tomskogo gos.ped.un-ta, 2009. 210 p.

Mokienko V. M. Semanticheskie modeli slavyanskoj tel'mogra-

ficheskoj terminologii [Semantic models of Slavic telmographic terminology] // Voprosy geografii. 1970. Vyp. 81. Mestnye geograficheskie terminy [Issues in geography. 1970. Iss. 81. Local Geographical Terms]. M.: Mysl', 1970. Pp. 71–77.

Nikolaeva M. V. K voprosu o semanticheskoi strukture tel'mograficheskoi leksiki tverskikh govorov [On the semantic structure of the telmographic vocabulary of the Tver' Dialects] // Tverskie govory v proshlom i nastoyashchem: kollektivnaya monografiya [Tver' Dialects in the past and present: a collective monograph]. T.V. Kirillova (ed.). Tver': Izd-vo TvGU, 2008. 114 pp.

Podol'skaya N. V. Narodnye geograficheskie terminy v roli terminov nauchnykh [Folk geographical terms functioning as scientific terms] // Voprosy geografii. 1970. Vyp. 81. Mestnye geograficheskie terminy [Issues in geography. 1970. Iss. 81. Local Geographical Terms]. M.: Mysl', 1970. Pp. 54–59.

Пермские диалектизмы, соотносительные с литературной устаревшей лексикой

Мария Владимировна Боброва

Институт лингвистических
исследований РАН
bomaripgu@yandex.ru

Настоящая публикация связана с совершенствованием принципов лексикографического описания диалектной лексики. На примере отдельных слов в говорах Пермского края автор показал, что сопоставление с академическими словарями XVIII–XXI в. позволяет выявить в территориальных диалектах лексемы активного запаса, соотносительные с литературной лексикой, имеющей статус устаревшей. В отдельных случаях можно предположить ошибочность пометы «устарелое» либо ошибочность ее отсутствия в словарях литературного языка. Сделан вывод о необходимости отражения в региональных словарях лексики указанной группы, а также о том, что наличие пометы «устарелое» не может служить основанием для автоматического отклонения слова от лексикографирования в диалектном словаре без проведения дополнительного анализа.

Ключевые слова: диалектная лексикография, академические толковые словари литературного языка, источниковая база, устаревшая лексика, русские говоры Пермского края.

Мы обратились к вопросам, которые в конечном итоге нацелены на совершенствование принципов лексикографического описания региональной лексики. В настоящей статье сосредоточимся на особенностях функционирования в говорах слов, которые в литературном языке являются устаревшими. Иллюстрациями послужат материалы картотеки «Словаря русских говоров севера Пермского края» (далее — СРГСПК), изученные нами при подготовке второго выпуска словаря (отрезок Г–Д). Источником для сопоставления выступает, в первую очередь, наиболее авторитетный «Большой академический словарь русского языка» (далее в тексте — БАС-3),

а также иные словари русского языка («Словарь русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой (далее в тексте — МАС)), «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (далее в тексте — БТСРЯ), словарь под ред. С. И. Ожегова — Н. Ю. Шведовой, др.

В начале работы над СРГСПК коллективом авторов были разработаны принципы отбора лексики для словаря, среди них — решение о включении в словник не только собственно диалектных элементов, но также, в частности, тех, которые представлены в современных словарях литературного языка как устарелые (СРГСПК 1: 5). Считаем это решение достаточно обоснованным с учетом того, что СРГСПК является словарем синхронным. Включение же лексики, не востребованной в речи носителей литературного языка, но сохраняющей коммуникативную ценность для диалектоносителей, позволяет отражать актуальные процессы и тенденции в русском национальном языке в целом.

Как известно, начиная со словаря Д. Н. Ушакова, отечественными лексикографами используются специальные пометы для отражения устаревшей лексики. Обычно предпочитают пометы «стар.» при указании на давность архаизации слов и ЛСВ, «устар.» при относительно недавно вышедших из употребления лексемах и отдельных значениях. Помимо них в зоне толкования могут использоваться описательные конкретизаторы типа «в Древней Руси», «во времена татаро-монгольского ига на Руси в 13–15 вв.», «в старину», «в до-революционной России», «в советское время» и под. Чаще всего система помет не соотносится с принятым в современной лингвистической теории делением устаревших слов на историзмы и архаизмы либо не выдерживается во всем объеме словаря. Ср., например, в «Большом толковом словаре русского языка»: «*Устар.* (устарелое) — для слов, вышедших из употребления и используемых как выразительное средство имитации речи прошедших эпох; *Ист.* (историческое) — для слов, обозначающих реалии и понятия старины» (БТСРЯ: 15).

В каких-то случаях пометы устанавливают лишь исто-

рическую перспективу в употреблении отдельных слова. Однако еще Ф. П. Филин в статье «О новом толковом словаре русского языка» поставил вопрос о полифункциональности академического словаря и помет в нем: «Нормативный словарь русского языка должен быть “лексикографическим зеркалом” русской литературной лексики в ее современном состоянии, т. е. словарем, в котором должна найти свое отражение лексическая система литературного языка с ее закономерностями. <...> Конечно, не следует ставить знаки равенства между отмершими словами и архаизмами, функционирующими в современном литературном языке в качестве определенного стилистического средства (принятая в словарях помета “устарелое” не дифференцирует эти принципиально различные явления). Архаизмы как неотъемлемая часть современной языковой системы должны помещаться в словаре. Особо стоит вопрос об отмерших языковых явлениях, восстанавливаемых писателями в исторических произведениях в качестве языкового колорита описываемой эпохи. При решении вопроса о привлечении этих произведений в списки источников словаря следует проявлять осторожность и сдержанность» [Филин 1963: 186–187]. Возможно, в силу этого в наиболее поздних словарях нередко сочетается указание на архаизацию и стилистические особенности функционирования слов. Так, например, в МАС можно встретить сочетание помет «разг. уст., теперь ирон.», «уст., теперь шутл.» и под. «Большой академический словарь русского языка», который в определенном смысле подводит итог всей истории развития литературного языка, «представляет собой уникальную сокровищницу русской лексики XIX–XXI вв. БАС — словарь не только собственно литературного языка, он содержит и широкие пласты сугубо современной обиходно-разговорной и специальной лексики» [Горбачевич, Герд 2004: 5]. По этой причине в нем «в необходимых случаях применяется соединение помет: а) *устар. поэт., устар. прост., устар. разг.* — соединение помет означает, что устарелое слово или значение уже в XIX в. имело поэтический, просторечный или разговорный характер; б) *устар.*

и *прост., устар. и разг., устар. и обл.* — соединение помет означает, что устарелое слово в прошлом было нейтральным, а в современном языке употребляется с дополнительной стилистической окраской» (БАС-3 1: 26)¹.

Предметом изучения в настоящей статье стали диалектизмы, зафиксированные в говорах Пермского края и сопровождающиеся в словарях литературного языка какими-либо указаниями на архаизацию.

Например, запись в Соликамском районе Пермского края: *Богаты мужики жили хорошо, тепло и на войну не ходили. Вот Егор-от: изба была матерушша, сем да шесть коров доили, копчили богатство. На ихном-то капитале я бы до смерти прожила. Как они нас донимали! Демшиша всё говорила: «А худо робите, потому голо живите»* (Пеняхина Солик.) — позволяет выделить диалектизм *го́ло*, наречие со значением ‘не имея достаточных средств к существованию, бедно, убого’. Ср.: БАС отмечает слово *го́ло*, которое выступает в близком, теперь устаревшем значении ‘об отсутствии у кого-л. средств к существованию, имущества и т. п.’ и только в роли предикатива (является словом категории состояния): *Уж это первое дело — долг отдать.. Бедно, голо, да зато совесть спокойна.* А. Островский. Правда, хорошо.. (БАС-3 4: 266). МАС не фиксирует наречия или слова категории состояния в близком значении совсем. Впрочем, наречие *го́ло* ‘бедно, убого’ зафиксировано в XIX в. (Слов. Акад. 1789–1794 1: 194; Слов. Акад. 1847 1: 272; Слов. Акад. 1891–1930 1.2: 852), в аналогичном значении в ярославских говорах отмечен фразеологизм *го́ло на́ голо* (жить) ‘очень бедно (жить)’ (СРНГ 6: 297). Полагаем, перед нами пример типичного расхождения литературного языка и местных говоров с уходом слов в пассивный запас в первом и с сохранением активности употребления во вторых, что требует обязательного отражения таких слов в диалектных словарях.

Аналогичный пример транспозиции общеупотребительного

¹ Подробнее об отражении устарелой лексики в современных словарях см. [Грудева 1996; Емельянова 2015], др.

слова в сферу обиходной коммуникации являют собой лексемы *дóлгий* ‘протяженный в длину, длинный’, *долговáтый* ‘довольно длинный’. Отмеченные в нейтральной стилистической позиции в словарях XVIII–XIX вв. (Слов. Акад. 1789–1794 2: 707, 708; Слов. Акад. 1847: 345, 346; Слов. Акад. 1891–1930 1.3: 1092, 1093), уже с 1930-х гг. они квалифицируются как слова, ограниченные в употреблении: устарелое и областное (Ушаков 1: 753), устарелое и просторечное (БАС 3: 932; МАС 1: 422; БАС-3 5: 228), устарелое (БТСРЯ: 271). Но в Пермском крае они сохраняют свою активность (количество примеров велико и поэтому ограничено нами): *Боронили боронами, срубят ёлку, оставят сучья долги, свяжут чурбаки долговатые и боронят* (Бигичи Черд.); *Носил кафтан долгой* (Камгорт Черд.); *Ну раньше чё там одевались? Не как нонче одеваются. Юбка долгая, кофта* (Вильгорт Черд.); *Литовкой траву косили. Железная. Широтой такая — мужику долгая, тебе короткая* (Редикор Черд.); *Молотило — это екая палка, пришта к козюцке, тожно опеть долгая палка* (Марушева Черд.); [Телега называется] *долгуша, потому что долгая* (Касиб Солик.); *У тебя волосы долгие, так и космыння. Причёсан, так какая уж космыння* (Камгогрт Черд.); *Узенько, а шибко долгое озеро-то* (Митрофаново Черд.); *Летит муха белая, долгая* (Дий Черд.); др. Более того, в пермских говорах семантика слова *дóлгий* получает развитие в оттенках ‘высокий’: *Ле, какой долгой, то головой-то и стукатся* (Мартино Краснов.); *У одного-то долгая шапка была, у другого-то недолгая* (Тагьящер Черд.); *Крапива шибко долгая. На руки бросатся* (Редикор Черд.); *Иду, иду, иду. Чё тако? Куда же я иду? Лес долгой, большушшой* (Вильгорт Черд.); ‘имеющий высокое голенище (об обуви)’: *Осенью да весной здесь грязина бывает — долгие сапоги нужны* (Бондюг Черд.); *Мужички на охоту ходят. У их сапоги есть долгие* (Вильгор Черд.). Фиксируются новые словообразовательные звенья с таким значением (*дóлгуций*): *У меня стришовка внучка, бойкая да долгушиа, долгая да тонкая* (Вильгорт Черд.).

Основанием для включения слова в диалектный словарь

могут послужить стилистические особенности его употребления в говорах. Например, в «Словаре Академии Российской» без каких-либо помет помещены слова *грамоте́й* и *грамоте́йка* ‘искусный, знающий читать, писать’ (Слов. Акад. 1789–1794 1: 318), нейтральными они являются и в словаре В. И. Даля (‘кто знает грамоте, умеет читать, или читать и писать’ (Даль, 3-е изд. 1: 963)), ироничными — по мнению Я. К. Грота и А. А. Шахматова (Слов. Акад. 1891–1930 1.2: 893). По данным БАС, эти устаревшие слова выступали в значениях ‘грамотный человек’ и ‘женск. к грамотей’, соответственно, и в литературном языке XIX в. были нейтральными, позднее приобрели разговорный характер («устар. и разг.»), на современном этапе обычно употребляются в целях иронии (БАС-3 4: 376); эта же точка зрения прослеживается в словарях под ред. Д. Н. Ушакова («разг. и устар.» (Ушаков 1: 615)), под ред. С. А. Кузнецова («устар. и ирон.» (БТСРЯ: 225)). Сниженность окраски лексем подтверждается и другими словарями, но если составители БАС с опорой на цитаты из произведений А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского сделали вывод о том, что слова были разговорными (ср. также «разг.» в (МАС 1: 342)), то составители словаря 1847 г. относили их к «простонародным» (просторечным) (Слов. Акад. 1847 1: 188). Просторечными они представлены и составителями «Словаря современного русского литературного языка» (БАС 3: 364). Записи диалектной речи в Пермском крае свидетельствуют о том, что для носителей говоров это нейтральные или одобрительные слова активного запаса, и можно говорить об их принадлежности к стилистическим диалектизмам, ср.: *Грамотей, который знает много* (Редикор Черд.); *Грамотейка, дак про женщину* (Пянтег Черд.); *Какой-де он грамотей, она грамотейка* (Камгорт Черд.). В говорах значение данных лексем ближе к значению ‘ведущий в книжном деле; книжник’, нейтральному в к. XIX в. (Слов. Акад. 1891–1930 1.2: 893), устаревшему к сер. XX в. (с пометой «устар.» в (БАС 3: 364)). Не случайно они нашли отражение в некоторых диалектных словарях (АОС 10: 24;

СРГК 1: 388; др.).

Лексема *допроситься* ‘настойчиво расспрашивая, узнать что-л.; выспросить’ — редкий пример параллелизма лексико-семантических процессов в литературном языке и в местных говорах. Вплоть до МАС слово подавалось как нейтральный общеупотребительный элемент, но с 2000 г. оно квалифицируется как разговорное (БТСРЯ: 276; БАС-3 5: 286). В пермских говорах лексема была зафиксирована единожды в 1971 г.: *Мне ить допроситься надо что к чему, а они гуляют; а ведь какая гульба, робить надо* (Аниковская Черд.). Соответственно, данное слово следует отклонить от лексикографирования, поскольку оно никогда не обладало территориальными ограничениями в употреблении, стилистически тождественно лексеме в литературном языке.

Необычна ситуация с лексемой *делать*, которая в значении ‘устраивать, организовывать, обеспечивать’ не представлена ни в одном академическом словаре литературного языка, кроме БАС, в котором она сопровождается пометой «устаревающее». И ср. в пермских говорах, демонстрирующих ее активность, что необходимо отразить в диалектном словаре: *Вечёрки все делали* (Мартино Краснов.); *Да раньше игришша такие делали* (Вильгорт Черд.); *Ну, всё какая-то перестройка, это уж этот Горбачёв делат, чё он перестраивает, какую-то перестройку делат* (Вильгорт Черд.); *Вечер делают, своих собирают* (Лекмартово Черд.); *Надо поиграть, игру делали* (Камгорт Черд.); *Раз она уж просваталася, начинают там вечер делать будут. Да свадьба будё да всё* (Покча Черд.); *Ну как сказать, какая уж она [свадьба] роскошная была, не роскошная никакая. А, это у меня свекровка, значит, сделала там пиво, заняла деньги. Вот. Ак сё ровно как-то делали вечерок* (Коэпты Черд.); *Старуха умерла, год [т. е. поминки через год после смерти] делают* (Мартино Краснов.).

В отдельных случаях к словам с пометой «устарелое» следует подходить с осторожностью. Рассмотрим широко употребительное в пермских говорах слово *гольбец*. Слово

регулярно фиксировалось в академических словарях русского языка, начиная с 1780 г. Так, в трехязычном словаре И. Нордстета имеется статья *гольбец* с толкованием на немецком и французском языках: ‘дощаной шкаф рядом с печью в крестьянских домах’ (Нордстет 1: 137). Специфичность данного элемента именно для крестьянского жилища подчеркивалась и позднее, в большинстве словарей лексема подана с ограничительными пометами: малороссийское — *гольбец* ‘1) отгородка, чулан в покое, 2) сход подле печи в кладовую под полом находящуюся, иначе называется *подполье*’ (Слов. Акад. 1789–1794 2: 176); северное, восточное и сибирское — *гольбец*, *гольбчик*, *гобец* ‘род примоста, загородки, чулана или казенки в крестьянской избе, между печью и полатами; припечье, со ступеньками для всхода на печь и на полати, с дверцами, полочками внутри и с лазом в подполье; чулан называется *верхним*, а подполье *нижним гольбцем*. Иногда гольбец бывает не у входа и полатей, а за перегородкой, в стряпной, за печью (яроsl[авское]’ (Даль, 3-е изд. 1: 903); областное — *гольбец* ‘отгородка в избах при печах, в которой находится сход в подполье’ (Слов. Акад. 1847 1: 272), *гольбец* ‘отгородка в виде клетки, чулана, устраиваемая в жилой избе за русской печью’ (Ушаков 1: 585), *гольбец* и (реже) *гольбец* ‘отгородка или чулан в крестьянской избе возле русской печи со спуском в подполье, а также само подполье’, ‘деревянная лежанка подле русской печи’ (БАС 1: 209), *гольбец* ‘отгородка или чулан в крестьянской избе (возле русской печи) со спуском в подполье, а также самое подполье’ (МАС 1: 324); народно-разговорное («для слов, указывающих на принадлежность к ненормированной народной речи и используемых в текстах как средство сниженной экспрессии» (БТСРЯ: 15)) — *гольбец* ‘1) приступок у русской печи, 2) в крестьянской избе: отгороженное место возле русской печи, чулан со спуском в подполье, 3) в крестьянской избе: подполье, чулан’ (там же: 214). Развернутая статья представлена в «Словаре русских народных говоров» (10 лексико-семантических вариантов (ЛСВ) (СРНГ 6: 284–287)), в «Архангельском областном

словаре» (4 ЛСВ (АОС 9: 219–220)), «Новгородском областном словаре» (4 ЛСВ (НОС 2010: 171)), «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» (4 ЛСВ (СРГК 1: 352)), других. Территориальное ограничение в употреблении не оговорено лишь в словаре Я. К. Грота — А. А. Шахматова ('1) отгородка или чулан в крестьянской избе, при печке, со сходом в подполье, 2) лежанка у печки' (Слов. Акад. 1891–1930 1.2: 838)).

Вопреки сложившейся традиции, в БАС помета, указывающая на территориальные ограничения, была снята. Первый ЛСВ 'приступок у русской печи в крестьянской избе' (с опорой на цитаты из произведений А. Ф. Писемского и В. Г. Распутина и, вероятно, из-за поддержки вариантом *гѡлбчик* в этом же значении в произведениях Е. Н. Пермитина и А. С. Иванова) представлен как активное значение слова в литературном языке. Второй ЛСВ 'подполье, подвал в крестьянской избе' (с опорой на цитаты из произведений Д. Н. Мамина-Сибиряка и А. Я. Яшина) сопровождается пометой «устар.».

В картотеке СРГСПК указанная лексема в варианте *гѡлбец* представлена значительным количеством ЛСВ, реализуемых в десятках контекстов: 'подполье под жилой частью дома', 'подвальное помещение, приспособленное для жилья; подклет', 'ход в подвал', 'служащая хозяйственным помещением деревянная пристройка к русской печи, в которой обычно находится вход в подполье', 'пристройка к печи в виде широкой лавки-ящика с люком, ведущим в подвал', 'лежанка из досок для спанья, расположенная ниже верхнего края печи над входом в подполье', 'лавка, пристроенная к русской печи', 'возвышающаяся над крышей часть дымохода'. Это вершина словообразовательного гнезда: *голбечѡк*, *гѡлбик*, *гѡлбѡца*, *гѡлбѡчек*, *гѡлбчик*, *гѡлбечный*, *гѡлбешный*.

С нашей точки зрения, данные словарей и материалы картотеки СРГСПК позволяют рассматривать лексему *гѡлбѡц* не в качестве устарелого элемента в литературном языке, но в качестве диалектного слова, употребляемого в художественных текстах о жизни крестьянства для создания опре-

деленного колорита. Это диктует необходимость последовать примеру большинства наших предшественников и включить гнездо с вершиной *гѡлбец* в разрабатываемый нами словарь пермских говоров.

Некоторые сложности вызывают лексемы, для которых статус устарелых академическими словарями не определяется, вопреки их реальному положению в современной языковой системе. В частности, это относится к лексеме *горжѡт* 'то же, что горжетка — деталь женского костюма — полоса меха или шкурка пушного зверя, которую в виде украшения носят вместо воротника' (БАС-3 4: 306)), представленной в качестве основного варианта в МАС: *горжѡт* 'принадлежность женского туалета — полоса меха или шкурка зверя, носимая в качестве воротника' при *горжѡтка* 'то же, что горжет', без иллюстраций (МАС 1: 334). Ср. в пермских говорах: *Горжет — воротник из меха длинный, с кистями носили раньше* (Покча Черд.); *Горжет из куницы был* (Покча Черд.); *Горжет — воротник до пояса разных размеров, отдельно покупали, застѡгивалась на цепочку, из всякого меха* (Бондюг Черд.). Языковой (коммуникативный и читательский) опыт подсказывает, что едва ли данное слово до сих пор входит в активный запас литературного языка. Наши сомнения поддерживаются иллюстративным материалом в словарной статье БАС. Обнаруживается, что первая из двух цитат взята из описания одеяния царя в авторской сказке XIX в., во втором случае это описание деталей одежды знати в предыдущие эпохи из книги М. Н. Мерцаловой «История костюма». Другими словарями такое противоречие преодолевается, ср.: соответствующей пометой «устар.» словарная статья сопровождается в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (БТСРЯ: 220), в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина (ТСИС: 216). Косвенным свидетельством такого положения является то, что в словаре Я. К. Грота — А. А. Шахматова соответствующие словарные статьи отсутствуют; в словаре Д. Н. Ушакова имеется статья *горжѡтка* «разговорное»; в 17-томном словаре представлен

только вариант *горжэ́тка*, вариант *горжэ́т* не рассматривается и не представлен даже в справочной зоне. Становится очевидным, что вариант *горжэ́т*, достаточно поздно вошедший в русский язык (ни один из двух вариантов не представлен, например, в «Словаре Академии Российской», в «Словаре церковно-славянского и русского языка»), очень быстро вышел из употребления в литературном языке, будучи вытесненным русифицированным суффиксальным вариантом. Местные говоры демонстрируют его сохранность.

Аналогичны сомнения в способности лексемы *гребѡ́к* выступать в качестве слова активного запаса. Основной ЛСВ лексемы ‘кормовое или рулевое весло на плоту, барже и т. п.’ поддержан иллюстрацией из повести И. М. Зыкова «Три аксиомы» — в описании жизни на р. Мезени: *Плывут на пароме обычно два человека и вносят поправки в курс энергичными взмахами гребков — гигантских весел, приделанных спереди и сзади*. Цитата коррелирует с записями в Пермском крае: *Гребок — руль на плоту [жердь]. На плоту делали два гребка — на один и на другой конец. На плотях возвращались домой с рыбалки* (Велгур Краснов.). Вместе с тем оттенок ‘короткое с широкой лопастью весло без уключины’ находит значительно более широкое употребление в литературе о путешествиях по миру (БАС-3 4: 394). Сравним с данными иных словарей: слово отсутствует в «Словаре Академии Российской» (там, как и в словаре И. Нордстета, присутствует только вариант *греблѡ́* ‘весло’ (Нордстет 1: 144; Слов. Акад. 1789–1794 2: 326)); с иными значениями представлено в «Словаре церковно-славянского и русского языка» (Слов. Акад. 1847 1: 290), в словаре Д. Н. Ушакова (Ушаков 1: 619); в МАС с опорой на цитату из произведения Н. Н. Миклухо-Маклая о путешествиях представлен специфичный ЛСВ ‘короткое (кормовое или рулевое) весло’ (МАС 1: 345), частично соответствующее толкованию в «Словаре современного русского литературного языка» ‘короткое (кормовое или рулевое) весло; лопата для размешивания глины, извести и т. п.’, которое сопровождается пометой «областное» (БАС 3: 386),

и в «Большом толковом словаре русского языка» (‘короткое (кормовое или рулевое) весло на плоту, барже и т. п.’), которое соотносится с дефинициями в БАС и в МАС и пометами не сопровождается (БТСРЯ: 227). Наиболее развернутое семантическое описание находим в словаре тезаурусного типа Я. К. Грота — А. А. Шахматова: ‘4) кормовое весло вм. руля, потесь; также: весло ручное, короткое (в виде лопаты), которым гребут прямо из рук, не упирая его в кочеток (уклучину); 5) вообще: весло’ (Слов. Акад. 1891–1930 1.2: 901). Делается вывод, что в литературной речи данное слово употребляется в специфичных текстах путешественников, в специфичном значении. Ожидаемо с мнением составителей БАС и МАС не согласились авторы многих диалектных словарей, включившие данную единицу, например: *гребѡ́к* ‘весло’ (ОСВГ 3: 64; СГРС 3: 126; СРГК 1: 391; СРГНП 1: 154), ‘большое весло, которым пользуются на плотях для ускорения хода’ (СВГ 1: 128), ‘весло / большое весло, которым пользуются на барках, плотях для ускорения их хода / барочное огромное весло / короткое весло в виде лопаты, которым гребут, не закрепляя его в уключине / кормовое рулевое весло / короткое (кормовое или рулевое) весло // весла из жердей для лодок’ (СРНГ 7: 126), др. Можно предположить, что если в литературной речи употреблялась лексема *гребѡ́к* ‘весло’, то оно устарело. Еще более вероятно, что мы наблюдаем проникновение в литературную речь отдельных диалектных элементов, а затем закрепление одних и устаревание других. В конечном итоге на современном этапе слово *гребѡ́к* является диалектным.

Мы приходим к следующим выводам.

1) В русских говорах Пермского края фиксируется активная лексика, которая, по данным академических словарей, является устаревшей или устаревающей в литературном языке. В принадлежности к активному запасу слов проявляется региональная специфика таких слов, и они должны отражаться в диалектных словарях. Отклоняться от лексикографирования должны слова, устаревшие одновременно и в литературном языке, и в диалектах, никогда не обладавшие какими-либо

территориальными ограничениями в употреблении.

2) Отдельные единицы демонстрируют развитие семантики и способность образовывать новые слова, специфику стилистической окраски.

3) Отмечен случай, в котором мы предполагаем ошибочность пометы «устарелое» в БАС в отношении диалектного слова (*зоблѣц*).

4) Есть примеры отсутствия пометы «устарелое» при словах, которые являются такими по факту.

5) Помета «устар.» в академическом словаре литературного языка не может служить основанием для автоматического отклонения лексики от лексикографирования в словаре диалектном. Необходимо учитывать показания других словарей, специфику используемого составителями академических словарей иллюстративного материала (например, текстов с привлечением диалектных слов для создания определенного колорита в художественной литературе или текстов, значительно отстоящих по времени создания от момента составления словаря), данные картотеки разрабатываемого диалектного словаря.

Сокращения названий районов Пермского края

Краснов. — Красновишерский район

Солик. — Соликамский район

Черд. — Чердынский район

Литература

Горбачевич К. С., Герд А. С. Предисловие // Большой академический словарь русского языка. Т. 1. А — Бишь / гл. ред. К. С. Горбачевич. М., СПб.: Наука, 2004. С. 3–6.

Грудева Е. В. Хронологически отмеченная лексика в современном русском языке и ее лексикографическая интерпретация: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996. 216 с.

Емельянова О. Н. Устаревшая лексика в системе языка (по материалам толковых словарей современного русского языка) // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 48–69.

Филин Ф. П. О новом толковом словаре русского языка // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XXII. Вып. 3. М., 1963. С. 177–189.

Perm Dialectisms Related to the Archaic Vocabulary of Standard Russian

Maria V. Bobrova

Institute for Linguistic Studies, RAS

bomaripgu@yandex.ru

This publication is related to the improvement of the principles of lexicographic description of dialect vocabulary. Using the example of individual words in the dialects of the Perm Region, we demonstrate that comparison with academic dictionaries published from the 18th to the 21st century makes it possible to identify active vocabulary items in territorial dialects that correlate with Standard Russian set of archaic and obsolete words. In some cases, it is possible to assume the incorrectness of the mark “obsolete” or its absence in Standard Russian dictionaries. We come to the conclusion that it is necessary to record the lexemes of this group in regional dictionaries, as well as that the presence of the “obsolete” mark cannot serve as a basis for automatic rejection of a word and excluding it from a dialect dictionary without additional analysis.

Key words: dialect lexicography, academic explanatory dictionaries of the standard language, source base, archaic vocabulary, Perm Krai.

References

Emel'yanova O. N. Ustarevshaya leksika v sisteme yazyka (po materialam tolkovykh slovarey sovremennogo russkogo yazyka) [Archaic vocabulary in the language system (based on the materials of explanatory dictionaries of the modern Russian language) // *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. 2015. № 2. Pp. 48–69.

Filin F. P. O novom tolkovom slovare russkogo yazyka [On the new explanatory dictionary of the Russian language] // *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* [Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language]. Vol. XXII. Iss. 3.

Moscow, 1963. Pp. 177–189.

Gorbachevich K. S., Gerd A. S. Introduction // Gorbachevich K. S., Gerd A. S. (eds.) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Great academic dictionary of the Russian language]. St. Petersburg: Nauka, 2004. Vol. 1. Pp. 3–6. (in Russian)

Grudeva E. V. *Khronologicheski otmechennaya leksika v sovremenom russkom yazyke i ee leksikograficheskaya interpretatsiya* [Chronologically marked vocabulary in modern Russian and its lexicographic interpretation: PhD thesis]. St. Petersburg, 1996. 216 pp.

Письменный вепсский язык и диалекты: проблемы соотношения

Игорь Вадимович Бродский

Российский государственный
педагогический
университет им. А. И. Герцена
kodima@mail.ru

В предлагаемой статье автор делает попытку сравнить письменную форму вепсского языка, принятую в Республике Карелия, с диалектами с целью уточнения ее диалектной базы и выявления наиболее близких к ней говоров. Для этого проводится сравнение именной и глагольной словоизменительной системы, а также уточняется представленность в письменном языке ряда языковых явлений, характерных для различных вепсских диалектов и говоров. В отношении лексики дается краткая характеристика отбора диалектных слов для письменного языка. В целом на основе анализа проведенного сравнения можно сделать вывод о том, что грамматические явления диалектов внедрены в письменный язык по признакам частотности, а также их наличия в восточных говорах среднего диалекта. Лексика южного диалекта допущена в письменный вепсский язык в ограниченном объеме.

Ключевые слова: финно-угорские языки, прибалтийско-финские языки, письменный вепсский язык, именное словоизменение, глагольное словоизменение, вепсские диалекты.

В данной статье мы сравниваем письменный вепсский язык, используемый в Петрозаводске, с диалектами и важнейшими говорами вепсского языка. Цели работы: 1) установить, в какой степени различаются письменный язык и тот, на котором говорят носители; 2) уточнить диалектную базу письменного языка.

Мы рассматриваем только различия в словоизменении и лексике, так как полагаем, что именно они являются наибольшими. Различия, относящиеся к фонетике и словообра-

зованию, также существенны, но в меньшей степени. К первым можно отнести, например, соответствие звука [j] в южном и большинстве говоров среднего диалекта звукам [dʰ] (в северном диалекте) или [gʰ] (шимозерский говор); ко вторым — наличие специфических словообразовательных суффиксов (особенно в южном диалекте). Явлениям синтаксиса автор намерен посвятить отдельную статью.

Северный и южный диалекты вепсского языка показывают большую цельность языковых явлений, различия между отдельными говорами в них небольшие. Что же касается среднего диалекта, то он состоит из множества говоров и групп говоров, заметно различающихся между собой. В нашей работе мы представляем только ладвинский говор (западные говоры среднего диалекта) и группу т. наз. белозерских говоров. При этом следует учесть, что ладвинский говор по своим явлениям несколько отличается от соседних оятских говоров. Намерение показать грамматические особенности всех говоров среднего диалекта привело бы к неоправданному увеличению объема информации и неудобствам в ее восприятии, поэтому мы представляем в данной работе один из наиболее документированных говоров среднего диалекта — ладвинский.

Информация для данной работы почерпнута нами из ряда источников (основные: [Хямяляйнен 1966; Зайцева, Муллонен 1969; Зайцева 1981а; Grünthal 2015], (ЛАВЯ)); именное словоизменение дается в основном по монографии Н. Г. Зайцевой «Именное словоизменение в вепсском языке» [Зайцева 1981б], глагольное словоизменение — по работе того же автора «Вепсский глагол» [Зайцева 2002]. Транскрипция диалектных форм максимально упрощена нами для облегчения сравнения.

Вначале рассмотрим именное и глагольное словоизменение, сравнивая формы письменного вепсского языка и трех диалектов. Для сравнения мы берем те фрагменты парадигм склонения и спряжения, а также такие формы падежных и лично-числовых показателей, в которых обнаруживаются наиболее существенные различия.

Именное словоизменение

1. показатель «нового» пролатива
 письменный язык: -dme
 северный диалект: пролатив неизвестен, вместо него употребляется конструкция с послелогом *möto* — *ted möto* ‘по дороге’
 средний диалект: -(d)me, -(d)mö, -(d)med
 южный диалект -dmu, -mu, -(d)med
2. показатель комитатива
 письменный язык: -nke
 северный диалект: -nke, а также конструкция с послелогом *möto*: *tütart möto* ‘с дочкой’
 средний диалект (западные говоры): -(n)ke
 средний диалект (белозерские, кашпинские говоры): -(d)me, -(d)mö, -(d)med
 южный диалект: -dmu, -mu, -(d)med
3. показатель I аппроксиматива
 письменный язык: -ppo
 северный диалект: -ppo
 средний диалект (западные говоры): -ppo
 средний диалект (белозерские говоры): -nlou, -nlo, -nlu, -npu
 южный диалект: -nlon, -lon, -poo
4. показатель II аппроксиматива
 письменный язык: -nnoks
 северный диалект: II аппроксиматив неизвестен, вместо него употребляется I аппроксиматив
 средний диалект (западные говоры): -nnost
 средний диалект (белозерские говоры): -nnoks, -nloks
 южный диалект: -lost(e), -lest, -nost, -nlost, -nnoste
5. показатель эгрессива
 письменный язык: -nporäi
 северный диалект: -nporäi (редкое употребление)
 средний диалект: -nporäi, -nporai
 южный диалект: -lonprää, -lomprää
6. показатель I терминатива

письменный язык: -hVsaï (-zesai), где качество гласного V зависит от качества последнего гласного словоизменительной основы

северный диалект: -hVs(s)ei (-zes(s)ei), где качество гласного V зависит от качества последнего гласного словоизменительной основы

средний диалект: -hVsei (-zesei), где качество гласного V зависит от качества последнего гласного словоизменительной основы

южный диалект: -hVsaä (-zesaä), где качество гласного V зависит от качества последнего гласного словоизменительной основы

7. показатель II терминатива

письменный язык: -lesai

северный диалект: -les(s)ei, -les(s)ai

средний диалект: -leseï, -lesai

южный диалект: -lesaa

8. показатель I адитива

письменный язык: -hVpäï (-zerpäï), где качество гласного V зависит от качества последнего гласного словоизменительной основы

северный диалект: -hVpäï (-zerpäï), где качество гласного V зависит от качества последнего гласного словоизменительной основы

средний диалект: -hVpei (-zepei), где качество гласного V зависит от качества последнего гласного словоизменительной основы

южный диалект: -hVpää (-zerpää), где качество гласного V зависит от качества последнего гласного словоизменительной основы

9. показатель II адитива

письменный язык: -lerpäï

северный диалект: -lerpäï, -lorpäï

средний диалект: -lereï, -lorpäï

южный диалект: -lerpää

Основные диалектные различия в облике падежных по-

казателей, как видно из представленного описания, относятся к падежам позднего агглютинативного происхождения. Выбор формы падежного показателя в письменном языке не отличается последовательностью: в разных случаях он пал на формы различных диалектов и говоров. В этом плане особенно обращает на себя внимание показатель II аппроксиматива, характерный лишь для белозерских говоров среднего диалекта, имеющих незначительное число носителей.

Кроме того, в письменном языке в последнее время игнорируется так называемое неполное согласование в падеже определения-прилагательного и определяемого. Это явление состоит в том, что падежный показатель определения-прилагательного лишен агглютината, образующего вместе с ним комплексный падежный показатель определяемого. Например, в словосочетании *suress pertišpei* 'из большого дома' мы ожидаем полного согласования определения и определяемого в числе (единственном) и падеже (элатив); тем не менее, определение имеет форму инессива, а определяемое — элатива. Причина этого в том, что показатель элатива исторически сформировался с участием агглютината послеложного происхождения следующим образом:

*suress pertiš päin' > *suress pertišpäin' > suress pertišpei

Конечно, послелог, участвовавший в формировании показателя элатива, мог использоваться лишь один раз — после определяемого слова: двойное его употребление (и после определения, и после определяемого слова) было исключено. Тем не менее, в сегодняшнем письменном языке (петрозаводский вариант) указанное словосочетание записывается так: *suresspäi pertišpäi*. Если подобные формы и могли в очень редких случаях встречаться в речи, то их происхождение — исключительно позднее.

Подобное неполное согласование встречается и при склонении сложных числительных:

номинатив: kaks' || tošt || kümne 'двенадцать'

адессив: kahtel || tošt || kümnel

аблатив: kahtel || tošt || künnelpei

Примечательно, что в этом случае авторы письменного языка оставили те грамматические формы, которые наблюдаются в диалектах.

Глагольное словоизменение

Там, где это необходимо, в иллюстративных целях приводятся глаголы *joda* ‘пить’ и *jodas* (*jodaze*, *jodakse*) ‘напиться’

10. лично-числовые показатели презенса изъявительного наклонения, множественное число

письменный язык: -m, -t, -ba

северный диалект: -m, -t, -daze / -taze

средний диалект: -mei, -mai; -tei, -tai; -das / -tas

средний диалект (белозерские говоры): -m, -t, -das / -tas

южный диалект: -maa, -taa, -ba(d)

11. лично-числовые показатели имперфекта изъявительного наклонения, множественное число

письменный язык: -m, -t, -ba

северный диалект: -m; -t; -dihe / -tihe

— mei, -mai; -tei, -tai; -ba (*juiba*)

средний диалект (белозерские говоры): -m, -d, -ba

южный диалект: -maa, -taa, -ba(d)

12. отрицательные формы имперфекта изъявительного наклонения, множественное число

письменный язык: em *jonugoi*, et *jonugoi*, ei *jonugoi*

северный диалект: em *jodud*, et *jodud*, ii *jodud*

средний диалект: emei *jonugoi*, etei *jonugoi*, ii *jonugoi*

средний диалект (белозерские говоры): em *jonuhu*, et *jonuhu*, ii *jonuhu*

южный диалект: emaa *jo*, etaa *jo*, eba(d) *jo*

13. положительные формы перфекта изъявительного наклонения, множественное число

письменный язык: olem *jonuded*, olet *jonuded*, oma *jonuded*

северный диалект: olem *jodud*, olet *jodud*, oma *jodud*

средний диалект: olemei *jodud*, oletei *jodud*, oma *jodud*

средний диалект (белозерские говоры): olem *jonuded*, olet *jonuded*, oma *jonuded*

южный диалект: olemaa *jon(d)*, oletaa *jon(d)*, oma *jon(d)*

14. отрицательные формы перфекта изъявительного наклонения, множественное число

письменный язык: em *olgoi jonuded*, et *olgoi jonuded*, ii *olgoi jonuded*

северный диалект: em *olgoi jodud*, et *olgoi jodud*, ii *olgoi jodud*

средний диалект: emei *uugoi jodud*, etei *uugoi jodud*, ii *uugoi jodud*

средний диалект (белозерские говоры): em *uugoi jonuded*, et *uugoi jonuded*, ii *uugoi jonuded*

южный диалект: emaa *ole jon(d)*, etaa *ole jon(d)*, eba(d) *ole jon(d)*

15. положительные формы плюсквамперфекта изъявительного наклонения, множественное число

письменный язык: olim *jonuded*, olit *jonuded*, oliba *jonuded*

северный диалект: olim *jodud*, olit *jodud*, oldihe *jodud*

средний диалект: olimei *jonuded*, olimei *jonuded*, oliba *jonuded*

средний диалект (белозерские говоры): olim *jonuded*, olit *jonuded*, oliba *jonuded*

южный диалект: oliimaa *jon(d)*, oliitaa *jon(d)*, oliiba *jon(d)*

16. отрицательные формы плюсквамперфекта изъявительного наклонения, множественное число

письменный язык: em *olnugoi jonuded*, et *olnugoi jonuded*, ei *olnugoi jonuded*

северный диалект: em *oldud jodud*, et *oldud jodud*, ii *oldud jodud*

средний диалект: emei *uunugoi jonuded*, etei *uunugoi jonuded*, ii *uunugoi jonuded*

средний диалект (белозерские говоры): em *uunugoi jonuded*, et *uunugoi jonuded*, ii *uunugoi jonuded*

южный диалект: emaa *olen(d) jon(d)*, etaa *olen(d) jon(d)*, eba(d) *olen(d) jon(d)*

17. положительная форма 3 лица единственного и множественного числа императива

письменный язык: jogaha

северный диалект: jogha

средний диалект: (единственное число) laske job, okha jo(b); (множественное число) laske jodas, okha jo(das)

средний диалект (белозерские говоры): jogha

южный диалект: (единственное число) jogha или laske job; (множественное число) laske joba(d)

18. отрицательные (запретительные) формы множественного числа императива

письменный язык: algam jogoi, algat jogoi, algha jogoi

северный диалект: algam jogoi, algat jogoi, algoi jogoi

средний диалект: augam jogoi, augat jogoi, laske ij jo или okha ij jo

средний диалект (белозерские говоры): uugam jogoi, uugat jogoi, uugha jogoi

южный диалект: aagam jo, aagat jo, laske ii jogoo

19. положительные формы презенса кондиционала, множественное число

письменный язык: joižim, joižit, joižiba

северный диалект: joižim, joižit, jodeiž

средний диалект: juižimei, juižitei, juižiba

средний диалект (белозерские говоры): joižim, joižid', joižiba

южный диалект: joižiimaa, joižiitaa, joižiiba

20. отрицательные формы презенса кондиционала, множественное число

письменный язык: em joiži, et joiži, ei joiži

северный диалект: em jodeiž, et jodeiž, ii jodeiž

средний диалект: emei juižigoi, etei juižigoi, ii juižigoi

средний диалект (белозерские говоры): em joiži, et joiži, ii joiži

южный диалект: emaa joiž, etaa joiž, eba(d) joiž

21. положительная форма 3 лица множественного числа имперфекта кондиционала

письменный язык: jonuižiba

северный диалект: jodeniž

средний диалект: jonuižiba

средний диалект (белозерские говоры): jonuižiba

южный диалект: jonuužiba

22. отрицательная форма 3 лица множественного числа имперфекта кондиционала

письменный язык: ei jonuiži

северный диалект: ii jodeniž

средний диалект: ii jonuiži

средний диалект (белозерские говоры): ii jonuiži

южный диалект: ebad jonuuž

23. положительные формы перфекта кондиционала, множественное число

письменный язык: oližim jonuded, oližit jonuded, oližiba jonuded

северный диалект: oleižim jodud, oleižit jodud, oldeiž jodud

средний диалект: oližimei jonuded, oližitei jonuded, oližiba jonuded

средний диалект (белозерские говоры): oližim jonuded, oližid' jonuded, oližiba jonuded

южный диалект: oližimaa jon(d), oližitaa jon(d), oližiba jon(d)

24. отрицательные формы перфекта кондиционала, множественное число

письменный язык: em oliži jonuded, et oliži jonuded, ei oliži jonuded

северный диалект: em oldeiž jodud, et oldeiž jodud, ii oldeiž jodud

средний диалект: emei oleiži jonuded, etei oleiži jonuded, elež jonuded

средний диалект (белозерские говоры): em oliži jonuded, ed oliži jonuded, ii oliži jonuded

южный диалект: emaa oliž jon(d), etaa oliž jon(d), eba(d) oliž jon(d)

25. положительные формы плюсквамперфекта кондиционала, множественное число

письменный язык: olnuižim jonuded, olnuižit jonuded,

olnuižiba jonuded

северный диалект: olnižim jodud, olnižit jodud, oldeiž jodud

средний диалект: uunužižimej jonuded, uunužižitej jonuded,
uunužižiba jonuded

средний диалект (белозерские говоры): uunužižim jonuded,
uunužižid' jonuded, uunužižiba jonuded

южный диалект: oonižimaa jon(d), oonižitaa jon(d),
oonižiba jon(d)

26. отрицательные формы плюсквамперфекта кондиционала, множественное число

письменный язык: em olnuiži jonuded, et olnuiži jonuded,
ei olnuiži jonuded

северный диалект: em oldeiž jodud, et oldeiž jodud, ii oldeiž
jodud

средний диалект: emei uunužižim jonuded, etei uunužižim jonuded,
ii uunužižim jonuded

средний диалект (белозерские говоры): em uunužižim jonuded,
et uunužižim jonuded, ii uunužižim jonuded

южный диалект: emaa ooniž jon(d), etaa ooniž jon(d),
eba(d) ooniž jon(d)

возвратное спряжение

27. лично-числовые показатели презенса изъявительного наклонения, множественное число

письменный язык: -moiš, -toiš, -soiš

северный диалект: -mei, -tei, -ze

средний диалект: -moiš, -toiš, -soiš

южный диалект: -moo, -too, -soo

28. лично-числовые показатели имперфекта изъявительного наклонения, множественное число

письменный язык: -moiš, -toiš, -he

северный диалект: -mei, -tei, -he

средний диалект: -moiš, -toiš, -hezoiš

южный диалект: -moo, -too, -hoo

29. отрицательные формы имперфекта изъявительного наклонения, множественное число

письменный язык: em jonus, et jonus, ei jonus

северный диалект: em jonuze или em jonuste, et jonuze или
et jonuste, ii jonuze или ii jonuste

средний диалект: emei jonusoiš, etei jonusoiš, ii jonusoiš
средний диалект (белозерские говоры): em jonuksoi(š), ed
jonuksoi(š), ii jonuksoi(š)

южный диалект: emaa jonuzhoo, etaa jonuzhoo, ebad
jonuzhoo

30. положительные формы перфекта изъявительного наклонения, множественное число

письменный язык: olem jonus, olet jonus, oma jonus

северный диалект: olem jonuze или olem jonuste, olet jonuze
или olet jonuste, oma jonuze или oma jonuste

средний диалект: olemei jonusoi, oletei jonusoi, oma jonusoi
средний диалект (белозерские говоры): olem jonukse, oled
jonukse, ii jonukse

южный диалект: olemaa jonuzhoo, oletaa jonuzhoo, oma
jonuzhoo

31. отрицательные формы перфекта изъявительного наклонения, множественное число

письменный язык: em olgoi jonus, et olgoi jonus, ei olgoi
jonus

северный диалект: em olgii jonuze или em olgii jonuste, et
olgii jonuze или et olgii jonuste, ii olgii jonuze или ii olgii jonuste

средний диалект: emei uugoi jonusoi, etei uugoi jonusoi, ei
uugoi jonusoi

средний диалект (белозерские говоры): em uugoi jonukse,
ed uugoi jonukse, ii uugoi jonukse

южный диалект: emaa ole jonuzhoo, etaa ole jonuzhoo, ebad
ole jonuzhoo

32. положительные формы плюсквамперфекта изъявительного наклонения, множественное число

письменный язык: olim jonus, olit jonus, oliba jonus

северный диалект: olim jonuze или olim jonuste, olit jonuze
или olit jonuste, old'he jonuze или old'he jonuste

средний диалект: olimei jonusoi, olitei jonusoi, oliba jonusoi
средний диалект (белозерские говоры): olim jonukse, olid'

jonukse, oliiba jonukse

южный диалект: oliimaa jonuzhoo, oliitaa jonuzhoo, oliiba jonuzhoo

33. отрицательные формы плюсквамперфекта изъявительного склонения, множественное число

письменный язык: em olnugoi jonus, et olnugoi jonus, ei olnugoi jonus

северный диалект: em oldud jonuze или em oldud jonuste, et oldud jonuze или et oldud jonuste, ii oldud jonuze или ii oldud jonuste

средний диалект: emei uunugoi jonus, etei uunugoi jonus, ei uunugoi jonus

средний диалект (белозерские говоры): em uunugoi jonukse, ed uunugoi jonukse, ii uunugoi jonukse

южный диалект: emaa olen(d) jonuzhoo, etaa olen(d) jonuzhoo, ebad olen(d) jonuzhoo

34. положительная форма 3 лица единственного и множественного числа императива

письменный язык: jogahas

северный диалект: jogahaze

средний диалект: laske jose, okha jose; (редко) jogahas, jogasois

средний диалект (белозерские говоры): jogahas

южный диалект: jogahas, jogasoo

35. отрицательные (запретительные) формы множественного числа императива

письменный язык: algam jogoiš, algat jogoiš, algha jogoiš

северный диалект: algam jogiše или algam jogište, algat jogiše или algat jogište, algii jogiše или algii jogište

средний диалект: uugam jogoiš; uugat jogoiš; laske ii jode, okha ii jode; (редко) uugha jogoiš

средний диалект (белозерские говоры): uugam jogoiš, uugat jogoiš, uugha jogoiš

южный диалект: aagam jode, aagat jode, laske ii jode

36. положительные формы презенса кондиционала, множественное число

письменный язык: joižimoiš, joižitoiš, joižihe

северный диалект: joižimei, joižitei, joižihe

средний диалект: joižimoiš, joižitoiš, joižihezoiš

южный диалект: joižimoo, joižitoo, joižihoo

37. отрицательные формы презенса кондиционала, множественное число

письменный язык: em joižihe, et joižihe, ei joižihe

северный диалект: em joižihe, et joižihe, ii joižihe

средний диалект: emei joižihezoiš, etei joižihezoiš, ii joižihezoiš

средний диалект (белозерские говоры): em joižihe, et joižihe, ii joižihezo(i)š

южный диалект: emaa joižihoo, etaa joižihoo, ebad joižihoo

38. положительная форма 3 лица множественного числа имперфекта кондиционала

письменный язык: jonuižihe

северный диалект: jonižihe

средний диалект: jonuižihezoiš

средний диалект (белозерские говоры) jonuižihezo(i)š

южный диалект: jonižihoo

39. отрицательная форма 3 лица множественного числа имперфекта кондиционала

письменный язык: ei jonuižihe

северный диалект: ii jonižihe

средний диалект: ei jonuižihezoiš

средний диалект (белозерские говоры): ii jonuižihezo(i)š

южный диалект: ebad jonižihoo

40. положительные формы перфекта кондиционала, множественное число

письменный язык: oližim jonus, oližit jonus, oližiba jonus

северный диалект: oleižim jonuze или oleižim jonuste, oleižit jonuze или oleižit jonuste, oldeiž jonuze или oldeiž jonuste

средний диалект: oližimei jonusoi, oližitei jonusoi, oližiba jonusoi

средний диалект (белозерские говоры): oližim jonukse, oližid' jonukse, oližiba jonukse южный диалект: oližimaa

jonuzhoo, oliižitaa jonuzhoo, oliižiba jonuzhoo

41. отрицательные формы перфекта кондиционала, множественное число

письменный язык: em oliži jonus, ed oliži jonus, ei oliži jonus

северный диалект: em oldeiž jonuze или em oldeiž jonuste, et oldeiž jonuze или et oldeiž jonuste, ii oldeiž jonuze или ii oldeiž jonuste

средний диалект: emei oliži jonusoi, etei oliži jonusoi, elež jonusoi

средний диалект (белозерские говоры): em oliži jonukse, ed oliži jonukse, ii oliži jonukse

южный диалект: emaa oliiž jonuzhoo, etaa oliiž jonuzhoo, ebad oliiž jonuzhoo

Кроме указанных форм, в письменный язык (петрозаводский вариант) не были приняты формы так называемого отрицательного претерита (особая отрицательная форма прошедшего времени), широко распространенного в южном диалекте и капшинских (юго-западных) говорах среднего диалекта, например, *en mäniške* 'я не ходил', *ebad kuliške* '[они] не слышали'.

Что касается лексики, то петрозаводский письменный вепсский язык вобрал в себя множество слов из всех диалектов. Из-за присутствия таких слов образуется множество синонимов и целых синонимических рядов, например, *ald*, *laineh*, *lainiž* 'волна', *d'ol*, *ahav*, *tullei* 'ветер'. Там не менее ряд слов из южного диалекта в письменный язык не допущен, например, *mamš* 'баба, женщина', *samba* 'лягушка', *basiiida* 'разговаривать', *čonkta* 'бодать; протыкать', *mit'* 'как, каким образом', *rat'k* 'сквозь'. В других случаях слово в письменном языке может иметь значение, отличное от диалектного. Лексические различия между вепскими диалектами невелики, но заметны. Если в письменном языке создается неологизм (чаще всего это сложное слово), включающий в качестве одного из компонентов слово, неизвестное носителям диалекта (как, например, в *läbi//bumag* 'копировальная бумага', в котором компонент *läbi* неизвестен южному диалекту), то

шансы прижиться в речи у него, по-видимому, небольшие.

В большинстве случаев создатели письменного языка просто использовали наиболее распространенный вариант формы глагола, но иногда это не соблюдается: например, показателем 3 лица множественного числа презенса индикатива выбран *-ba*, который характерен только для южновепсского диалекта. Во многих других случаях бросается в глаза идентичность или выраженная близость форм письменного языка и восточных (белозерских) говоров среднего диалекта.

Представленное небольшое исследование приводит к следующим выводам:

1) петрозаводский вариант письменного языка в отношении словоизменения значительно отличается от почти всех диалектов и говоров вепсского языка, то есть является синтетическим;

2) сравнение показывает, что ближайшими к вепскому петрозаводскому письменному языку являются восточные, белозерские формы среднего диалекта, хотя и они во многих случаях имеют заметные отличия от письменной формы.

3) лексика южновепсского диалекта проникла в письменный язык в неполном объеме, по-видимому, в силу ее выраженного отличия от лексики других диалектов.

Литература

Зайцева М. И. Грамматика вепсского языка (Фонетика и морфология). Л.: Наука, 1981а. 360 с.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л.: Наука, 1969. 296 с.

Зайцева Н. Г. Вепсский глагол: Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск: Периодика, 2002. 286 с.

Зайцева Н. Г. Именное словоизменение в вепском языке (история и функционирование форм слова). Петрозаводск: Карелия, 1981б. 217 с.

Хямäläyinen М. М. Вепсский язык // Языки народов СССР: в 5 т. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки / отв. ред.: В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская. М.: Наука, 1966. С. 81–101.

Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. 347 s. (Apuneuvoja suomalais-ugrialaisten kielten opintoja varten XVII = Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen XVII).

Written Vepsian Language and Dialects: Problems of Correlation

Igor V. Brodsky
Herzen University,
St. Petersburg, Russia
kodima@mail.ru

In the present article we make an attempt at comparing the written form of the Vepsian language, adopted in the Republic of Karelia, with its dialects in order to clarify its dialectal base and to identify the dialects which are closest to it. For this purpose we carry out a comparison of the nominal declension and verbal conjugational system and specify a number of linguistic phenomena, characteristic for different Vepsian dialects which are present in the written form of the language. As for the lexicon, we give a brief characteristic of the selection of dialect words for the written language. In general, based on the analysis of the comparison, it can be concluded that the grammatical phenomena of the dialects are introduced into the written language on the basis of their frequency, as well as their presence in the Eastern subdialects of the Middle dialect. The lexicon of the Southern dialect was introduced into the written Vepsian language to a limited extent.

Keywords: Finno-Ugric languages, Baltic-Finnic languages, written Vepsian language, nominal declension, verbal conjugation, Vepsian dialects

Reference

Zajceva M. I., Mullonen M. I. Obrazcy vepsskoj rechi [Vepsian speech samples]. M.: Nauka, 1969. 296 pp.

Zajceva M. I. Grammatika vepsskogo yazyka [Vepsian language grammar]. M.: Nauka, 1981. 360 pp.

Zajceva N. G. Imennoe slovoizmenenie v vepsskom yazyke (istoriya i funkcionirovanie form slova) [Noun declension in the Vepsian language

(history and functioning of word forms)]. Petrozavodsk: Kareliya, 1981. 217 pp.

Zajceva N. G. Vepsskij glagol: sravnitel'no-sopostavitel'noe issledovanie [The Vepsian verb: a comparative study]. Petrozavodsk: Periodika, 2002. 286 pp.

Lingvisticheskij atlas vepsskogo yazyka. / [The Linguistical Atlas of the Vepsian Language. N. G. Zajceva (ed.)]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. 572 pp., maps

Hyamyalyajnen M. M. Vepsskij yazyk [The Vepsian language]. // Yazyki narodov SSSR. T. 3. Finno-ugorskie i samodijskie yazyki [Languages of the peoples of the USSR. Vol. 3. Finno-Ugric and Samoyed languages]. M.: Nauka, 1966. Pp. 81–101.

Grünthal R. Vepsän kielioppi. Apuneuvoja suomalais-ugrialaisten kielten opintoja varten [Vepsian grammar. Resources for the study of Finno-Ugric languages]. XVI. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. 347 pp.

Межзональные говоры северного наречия: история и современность

Ирина Анатольевна Букринская

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
irbukr@gmail.com

Ольга Евгеньевна Кармакова

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова
РАНokarmakova@list.ru

Авторы анализируют материал, собранный в экспедиции 2009 г. в деревнях Устюженского р-на Вологодской обл., а также карты и комментарии ДАРЯ. Разделяя точку зрения лингвиста С. Л. Николаева и археолога А. Н. Башенькина, исследователи полагают, что устюженские говоры (межзональные Белозерско-Бежецкие северного наречия) имеют кривичские корни, и приводят две древние черты, связанные с диалектом кривичей. В описываемых идиомах фиксируется севернорусский языковой комплекс, помимо этого сочетание западных и восточных явлений, что связано с их локацией между восточноновгородскими и ростово-суздальскими говорами. Тем не менее в области лексики преобладают черты, характерные для Западной и Северо-Западной диалектных зон. При этом устюженские говоры имеют несомненное лексическое своеобразие. В статье описаны два эксклюзивных пучка изоглосс, демонстрирующих бытование лексем *карзинка*, *пóтяг* / *прítяг*, *грудá*, *пелёвня*, *качигá*, *щукаши́*, *гло́бка*, *у́жншво*, *закúтатъ*, *нiва*, *вязiянки*.

Ключевые слова: лингвогеография, межзональные говоры северного наречия, лексическое своеобразие, тверские кривичи.

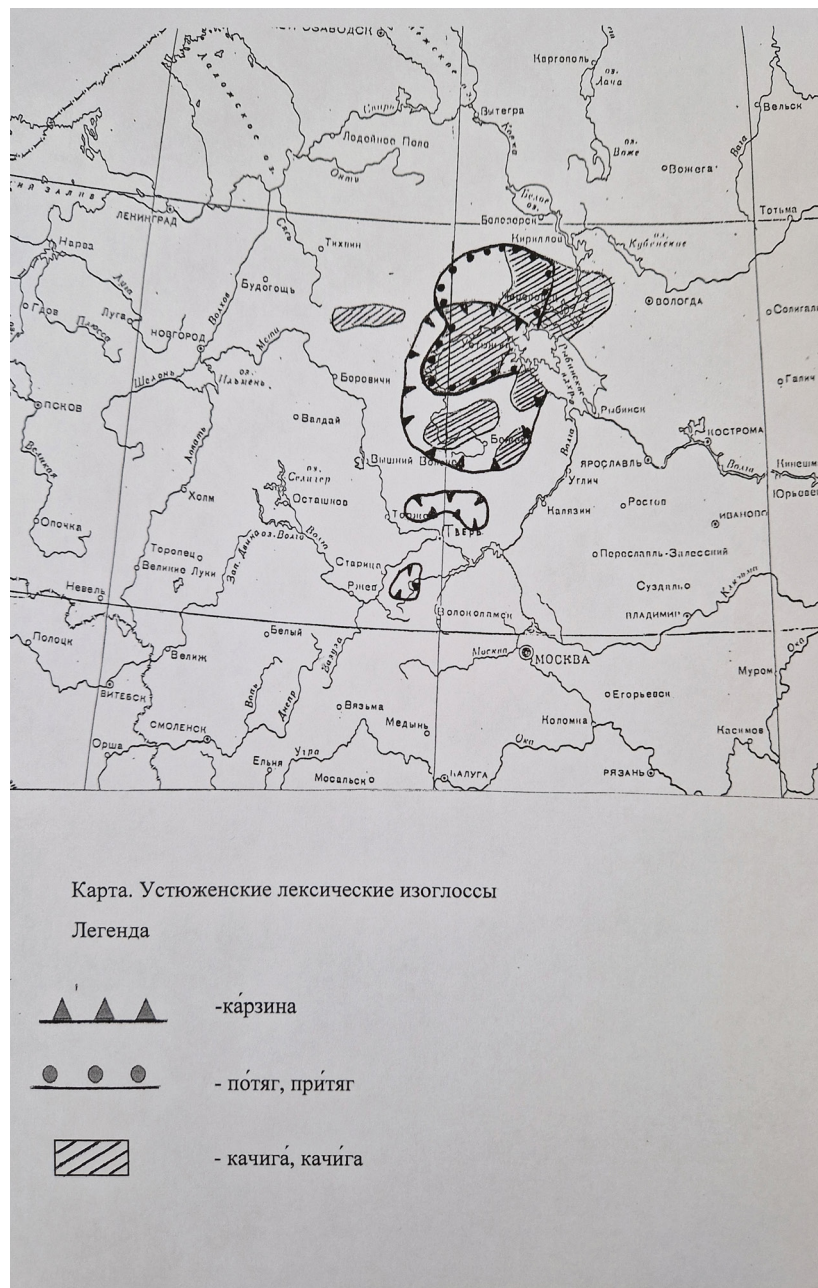
Членение русского диалектного пространства имеет не только «горизонтальную» ориентацию: северное и южное наречия, среднерусские говоры, но и вертикальную: запад — восток [Захарова, Орлова 1970]. Нам представляется важным

выявить изоглоссы, наиболее ярко характеризующие названную оппозицию, и понять в этом противопоставлении место межзональных говоров северного наречия. Объектом исследования являются говоры Устюженского района Вологодской области, немаловажные с исторической точки зрения. Они расположены между северо-восточными — Вологодской и Костромской группами говоров и северо-западной — Ладого-Тихвинской группой. Материалом для статьи послужили сведения, собранные в 2009 г. И. А. Букринской, И. И. Исаевым и О. Е. Кармаковой во время экспедиции в деревни Вологодской области Устюженского района (Даниловская, Марфино, Никола, Обухово), а также карты и комментарии Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ)¹. Нами была записана речь информанток 20–30-х годов рождения, носителей традиционного говора, и информантки 1940 года рождения, в речи которой утрачены отдельные архаические черты и шире представлена вариативность. Данная работа продолжает исследования говоров северо-западных территорий, исторически связанных с Новгородской феодальной республикой и ее соседями [Букринская, Кармакова 2021; 2022].

Начнем с того, что археолог **А. Н. Башенькин (Вологодский университет)**, исследовавший Молого-Шекснинское междуречье, отмечает, что с V по IX вв. н. э. первоначальное население, проживающее в бассейне Мологи, ассимилировали или же вытесняли на восток летописные кривичи — славянское или балто-славянское население, которое характеризуется культурой длинных курганов. Кривичи двигались из Новгородской земли по рекам: Мологе, Кобоже, Чагодоще. Позже, уже в IX–X вв., сюда же приходят словене (культура сопок) [Башенькин 1992].

По легенде, Устюжна была основана ильменскими словенами, а первое упоминание о ней содержится в Угличской летописи под 1252 г. Обратим внимание на то, что, хотя территориально город находился ближе к Новгороду, он входил

¹ Карты Диалектологического атласа русского языка доступны на сайте ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН по ссылке: <https://da.ruslang.ru/>

в состав Ростово-Суздальского княжества, потом в состав Московского, а новгородцы часто совершали набеги на него. Так, в 1340 г. летописец писал: «А из Новагорода ходивше молодцы, воеваша Устюжну и пожгоша». По устоявшемуся мнению, древнее поселение на месте современной Устюжны находилось рядом с устьем р. Ижины, на том месте, где она впадает в р. Мологу, откуда и пошло название Усть-Ижина, Устюжна.

Город считался богатым, поскольку население занималось выплавкой металла и оружейным делом. В XVI–XVIII вв. его называли Устюжна Железопольская, так как он стоял на Железном поле, где в болотах добывалось много железной руды. С 1727 г. Устюжна входит в состав Новгородской губернии, становится в 1738 г. уездным городом и лишь с 1937 г. числится в составе Вологодской области.

Напомним, что говоры Устюженского района и по течению р. Мологи относятся к межзональным Белозерско-Бежецким говорам северного наречия.

Какужеговорилось, на территории Молого-Шекснинского междуречья селились кривичи. По мнению С. Л. Николаева, изучающего следы племенных языков в современных диалектах, язык кривичей был неоднороден, описываемую территорию занимали верхневолжские кривичи, которые рано обособились от смоленско-полоцкого ареала: «Судя по данным диалектологии, говоры, которые можно считать потомками диалекта верхневолжских (тверских) кривичей на их первоначальной территории, располагаются в ареале, ограниченном линией Вышний Волочек — Бежецк — Калязин — Клин — Москва — Сычевка — Ржев — Торжок — Вышний Волочек. Современные русские говоры, восходящие к древнерусскому верхневолжскому (тверскому) диалекту, образуют ограниченную пучком изоглосс «тверскую зону» между восточно-новгородским и ростово-суздальским ареалами на русском Севере» [Николаев 2011: 5].

Мы предполагаем, что устюженские говоры являются потомками верхневолжских (тверских) кривичей. Из черт,

указанных в качестве архаических [Там же: 12], в современных говорах представлена только форма *её* в Р. и В. пп. личного местоимения 3 л. ж. р. *да её нѣту дѡма; я её не знаю; её взяла; капусти мелку её ѣли*. Единично отмечена форма указательного местоимения *туё* в В. п. ж. р. ед. ч.: *туё-то знаешь дѣвушку*.

Ареал распространения формы *её* показан на картах (ДАРЯ 1989, карта 65; 67), а также в названной статье С. Л. Николаева. Изоглосса идет на север от Твери по течению Мологи и верхней Волги, охватывая пространство около Рыбинского вдхр. и вокруг Белого озера, и уходит на северо-восток вологодских говоров, как бы разделяя северо-западные и северо-восточные территории.

К старым инновациям, упоминаемым С. Л. Николаевым, относится «Нефонетическое *x* в род. п. мн. ч. (др.-тверск. *содбмлянехъ, татарь^x*, совр. *отцѡх, трудѡх, зайцех*). Частичный синкретизм род. и мест. п. мн. ч. в *о*-основах вызвал появление гиперкорректного *-ѡ* в род. п. и мест. п. мн. ч. существительных и прилагательных на значительной части тверского ареала (*в домаѡ, в/из молодыѡ*)» [Николаев 2011: 6]. Это явление отражено и в атласе (ДАРЯ 1989, карта 39): [x] в окончании *-ов* Р. п. мн. ч. (*домѡ[x], местѡ[x]*) образует небольшие ареалы по течению рек Мологи и Суды, [ф] в окончаниях существительных в П. п. мн. ч. (*в домаѡ[ф], на местѡ[ф]*) распространено шире, образуя большой ареал в тверских и Белозерско-Бежецких говорах. Спустя 50 лет после сбора данных для ДАРЯ в наше время формы с [ф] сохранились лишь в архаическом слое говора, единично встретился пример *загоняют за полях*, возможно, что это форма М. п. с предлогом *за*, хотя других аналогичных примеров не отмечено.

Таким образом, у нынешних информантов фиксируются две старые черты, связанные с диалектом тверских кривичей.

Далее приведем краткое фонетическое и морфологическое описание говора, а затем более подробно остановимся на анализе его лексического своеобразия. Идиом, безусловно,

обладает всеми чертами, свойственными северному наречию.

Фонетические особенности.

1. Пятифонемный вокализм, единично отмечено [и] на месте *ь* и на месте *e* перед последующим мягким согласным: *ми́сяц, си́мя, си́ём* (сеем), *ди́сять*.

2. Полное оканье: *борона́, мотови́ло, позвони́ла, со двора́, хороши́*.

3. В 1-ом предударном слоге на месте *о* произносится более лабиализованный гласный: *було́то, куше́ль* (кошель), *путѡ́м, плути́ли* (*плоти́ть* 'соединять брёвна в плот').

4. У информантов наблюдаются разные варианты предударного вокализма после мягких согласных: частичное различие гласных — на месте *a* — [а]: *гляжу́, кряжу́ют, пяти́*, на месте *ь* — [e]: *река́, пресну́шки*, на месте *o* — [e], иногда [o]: *тепло́, свекру́шка, дѣржа́ли, ле́жанье*, в речи других диалектоносителей фиксируется совпадение гласных в [e] (еканье): *петно́, сестра́, принесу́, реку́-ту, везя́нки, редни́на, леди́на, сестре́, реке́*.

5. Различение гласных в заударных слогах после твердых согласных: *деду́шко, на́до, ско́лько, берѣ́ста, шко́ла*.

6. Заударное ёканье: *вре́мѣ, го́рѣ, двѡѣ́, дѣне́к, не бу́дет, посте́* ☒ *лѣшь, пра́здничок, свя́жошь*.

7. Отсутствие редукации на месте [а] в заударных слогах после мягких согласных: *коню́ш[н'а], баска́[ja], ру́[б'а]т*.

8. Ударный гласный *e* после шипящих в существительных на *-ечек*: *горше́чек, круже́чек, мешѣ́чек, сучѣ́чек* (ДАРЯ 1989, карта 39); а также в словах: *берѣ́сто, верете́шко, овѣс*.

9. Твердое [ч]: *дев[ч]ѡнка, пе[ч]ѡку, но[ч], кри́[ч]ыт*. У более молодых информантов наблюдается варьирование [ч] / [ч'].

10. В предударном слоге в традиционном говоре после [ч], [ж]. [ш] различаются два звука [o] и [a]: *ч[o]рдáк, Ч[a]пáй, ч[o]ты́ре, ч[o]лове́к, ч[o]сно́к, ж[о]на́, ш[o]сто́й, ж[a]ра́*.

11. В произношении местоимения *что* зафиксированы различия: в традиционном говоре [чо] и у более молодых носителей [што].

12. На месте мягких *с'*, реже *з'*, перед гласными (чаще пе-

реднего ряда) в речи некоторых информантов произносятся альвеоло-палатальные (шепелявые) *с»/з»*: *рбс»тишь, с»юда, с»эли, с»йма, в з»иму, на з»емлю, кос»ишь, кос»ат*.

13. Отвердение губных в конце слова: *вбсем, сем, цёркоф*.

14. Наличие долгих твердых шипящих: *вбжжсы, дбжжсык, дрбжжсы, прбшшэ, расташшэли, шшбблжк, шшжжк, яшшжжк*.

15. Выпадение *т* в конечных сочетаниях *ст, сть*: *ес (ест), кр'ес, лис, мос, есь (есть), клась, мблждось, пусь, рбдось, рось (из рость), шесь, жсысь*. Единично отмечено и не в конце слова: *роскй (росткй), с»енá (стенá), пятис»енжк (пяти-ст»енжк), ни в»еси, ни пов»еси* (ни вести, ни повести 'ничего не известно'). См. аналогичные случаи в (ДАРЯ 1986, карта 80, комментарий).

16. Произношение *нн* (*ннь*) в соответствии с литературным *дн*: *вр»ннй, оннá, оннйм, холбннй*.

17. Сочетание *шн* в соответствии с *чн*: *вршшнжю* (вручную), *молбшная каша, пшешшные пироги, тбшно* (точно), *яйшшница*.

18. У некоторых информантов отмечены долгие мягкие согласные в соответствии с сочетанием мягкий согласный + *-j-*: *кор»ннж, кочбннж* (кочаны), *плжттж* (плоты). По данным ДАРЯ, явление было намного частотнее (ДАРЯ 1986, карта 74).

19. В наречиях *тогда, когда* произносится [в], единично [л]: *товдá, ковдá, н»ковдá, колдá*.

20. В современных говорах не представлено цоканье, в материалах ДАРЯ фиксируется твердое цоканье (при сосуществовании с ч): *вжорáсь, п»цжкá, пбмжц, цжстжй, цжжбжй*, а в некоторых населенных пунктах и тогда были отмечены лишь единичные примеры: *глббжцжк, сцáстжэ*.

Грамматические особенности.

1. Сущ. м. р. *бáтжшжк, д»дужжк, бáтжк, д»джк* изменяются по типу 2 скл.: И. п. *д»дужжк сбл печ*; Р. п. *д»дужжк нету, без бáтжкá, сын обáнкрбтил бáтжкá*; Д. п. *прж»хáфшж к бáтжкж; пржнеслá д»джж едж*, В. п. *на д»дужжк пжхбжж, бáтжкá с мáтжкжй не купжшж*; Т. п. *с бáтжшжжк целовáцжцá, с д»джжк*

жшшж.

2. Отмечена форма Д. п. и П. п. *к лошадé, на лошадé* наряду с литературными формами.

3. В говоре зафиксированы собирательные сущ.: *корб»э дралж, сучб»э жгжж, дубб»э былж, волбсб»э длжж, п»нб»э корч»эвалж и жгжж* (на ниве), *зубб»э над»елано, кор»нб»э, кам»нб»э*.

4. Производные сущ. с суф. *-к* в исходе основы имеют в И. п. мн. ч. окончание *-а*: *робжтжшжкá, окбшжкá, верет»шжкá*.

5. Совпадение Т. п. с Д. п. сущ. мн. ч.: *гвоздям кржлж, рукáм жáлж, колотжшжкам колотжлж, тракторáм пáхáлж, машинá с држвáм, с лошадям-то бержт, с детжм жшлá, ходжлж за ягодáм*.

6. Выпадение *-j-* с последующим стяжением в окончаниях прилагательных и глаголов: *глжнжнж квáшбнжкá, м»лжкж капжстж наржбжт, нбвá збтжчжкá, св»эжжá кáшж, котбжá кудá, гржджкж сд»елáшж, намáтжвáшж, картбшжкж вржшшшжвáт зжтж, б»гáт, вжтáскáм л»н, гонжм (гонжем), склáдывáм в скжрдж*.

7. Личное местоимение 3 л. мн. ч. *онé*.

Двусложные формы указательного местоимения ж. р. та в И. и В.п.п.: *тажжá, тужжю*; *тжю все знáлж*.

9. Отмечены двусложные формы личного местоимения 1 л. ед.ч. в Д. и П. п.п. *менé дáлж, прж менé*.

10. Глагол *ревжт* относится ко 2 спр. – *ревжт*.

11. Зафиксировано употребление многократных глаголов (итеративов), среди них примеры с частицей *не*, подобные случаи В. В. Виноградов считает выражением сильнейшего отрицания события в прошлом [Виноградов 1972: 431]: *венбчжкж возлáжжвáют, вждывáлж вж этж, вждывáлж длжннжй зарбд, я и не нáшжвáлá тáкжх плáтжвэ; кл»вэр не севáлá рáншжэ*.

12. Причастия на *-шж* употребляются в функции сказуемого: *он тáк рáстжнжвшж, прббжкж вжскжчжвшж, нжкудá не пржпáвшж, все почерн»вшж, убжжжáвшж на рáботж не зáвтрáкáвшж*.

13. Постпозитивная частица *-то* при существительных, но возможно её употребление и с другими частями речи, она имеет тенденцию согласовываться по фонетическому прин-

ципу: в каком *годú-ту, зíму-ту, кинó-то, Праскóвьѧ-то, свет-то, д́ма-то; за что плачú-ту; зимóй-то, срáзу-ту.*

Определенно к чертам Западной диалектной зоны из всего перечисленного относится распространение местоимения *тáя* причастия в роли сказуемого, также западную локализацию имеет твердое произношение *ч* и «шепелявое» *с»/з*. А использование личного местоимения 3 л. мн. ч. *оне* и постпозитивной частицы – признаки восточных идиомов.

Обращаем внимание на то, что в области лексики в устюженских говорах преобладают явления, характеризующие Западную и Северо-Западную диалектные зоны, некоторые из них являются диагностическими.

Западные черты	Восточные черты
<i>бáбка</i> ‘малая укладка снопов круглой формы’ (ДАРЯ 1997, карта 50)	<i>пóмочь</i> ‘коллективная помощь в работе’ (при заготовке дров, замене венцов дома) (ДАРЯ 1997, карта 55)
<i>гверстá</i> ‘камень, который легко рассыпается и употребляется при мытье полов’ (СРНГ 6: 158)	<i>заварúха</i> ‘каша из муки’ (номинации с корнем <i>-вар-</i>) (ДАРЯ 1997, карта 28)
<i>горáзно</i> ‘очень’ (ДАРЯ 2004, карта 99)	
<i>жúто</i> ‘ячмень’ (ДАРЯ 1997, карта 53)	
<i>лядúна</i> ‘молодой лес’ (ДАРЯ 2004, карта 83)	
<i>мáтка</i> ‘мать’ (ДАРЯ 1989, карта 9)	
<i>прúзь</i> ‘орудие для ручного обмолота’ (м. и ж. р.: <i>прúзем назывáли; колотúшь прúзью</i>) (ДАРЯ 1997, карта 39)	
<i>свекрóвушка</i> ‘свекровь’ (ДАРЯ 1989, карта 10)	

<i>таскáть лён</i> ‘убирать лён с поля руками’ (ДАРЯ 1997, карта 57)	
<i>тúна</i> ‘ботва огурцов и картофеля’ (ДАРЯ 1997, карта 62)	
<i>упрýжка</i> ‘часть рабочего дня до перерыва, промежуток времени’ (ДАРЯ 1997, карта 56)	

Естественно, в описываемых говорах достаточно широко представлена лексика северного наречия, например: *бáйна* ‘баня’, *баскóй* ‘нарядный’ (по мнению информантов, устаревшее), *бесéда, бесéда* ‘вечерние собрания девушек с работой’, *вьть* ‘аппетит’, *голúцы* ‘кожаные или матерчатые рукавицы’, *зарóд* ‘большая укладка сена и/или соломы’, *квашн́я* ‘деревянная посуда для растворения теста’, *пахáть* ‘заметать под в печи’, *шуб́ницы* ‘рукавицы из овчины’. В материалах ДАРЯ фиксируется еще одно диагностическое северное слово — *орáть* ‘пахать’, которое на момент нашего обследования было утрачено, то же самое можно сказать и про лексику *позéм* ‘навоз’, имеющую северо-западную локализацию.

Но надо подчеркнуть, что устюженские говоры обладают несомненным лексическим своеобразием: многие из зафиксированных в экспедиции слов образуют, как следует из карт ДАРЯ, эксклюзивные области бытования. Проведем их ареалогический анализ.

Так, участок, на котором стоит дом и хозяйственные постройки, в устюженских говорах называется *план* (ДАРЯ 1997, карта 29). Безусловно, эта номинация не относится к архаической лексике, являясь инновацией, появившейся в XVIII в. По указу Петра I, к которому прилагался «чертеж с мерами» (план), предлагалось при устройстве деревень соблюдать определенное расстояние между жилыми постройками и овинами, а позже были составлены альбомы с планами крестьянских усадеб [Мораховская 1996а]. Как пишет иссле-

дователь, «наличие значительных ареалов слова *план* к западу и к северо-западу от Москвы, возможно, свидетельствует о том, что в этих местах перепланировка и застройка велась более интенсивно, чем в других местах» [Там же: 178]. Это лексема образует довольно большой ареал в устюженских говорах по течению р. Мологи и еще один на территории верхневолжских кривичей в треугольнике Тверь — Ржев — Волоколамск.

Первый ареал входит в пучок изоглосс, который определяет своеобразие исследуемых говоров. Конечно, все нижеперечисленные изоглоссы не полностью совпадают, существует некоторая зона вибрации на севере и западе. Некоторые из этих изоглосс показаны на карте «Устюженские лексические изоглоссы».

Прокомментируем лексемы, входящие в устюженский пучок изоглосс.

1. *Кáрзина, кáрзинка* ‘ящик вдоль боковой стенки печи, имеющий ход в подполье в виде поднимающейся крышки’ (ДАРЯ 1997, карта 7) образует компактный ареал по линии Вышний Волочок — Торжок — Бежецк — Весьегонск — Устюжна. Об этимологии слова и отражении его в словарях см. (Мызников 2019); [Букринская, Кармакова 2021]. *Карзину* подобного устройства называли иногда *нижней*, так как в некоторых домах была и *верхняя кáрзина* ‘уступ сбоку печи, на который клали доски, там спали, как правило, чужие’.

Восточнее, в вологодских, ярославских, костромских говорах в этом же значении распространено слово *гóлбец*; западнее, в отдельных новгородских идиомах известна лексема *кóник*, но в большинстве говоров Северо-Запада такой реалии нет, т. е. отсутствует пристройка к печи, здесь используются названия *подвáл, подызбица, истёбка* в значении ‘подполье и ход в него’.

2. В качестве наименования утепленной постройки для коров и мелкого скота, находящейся на *дворе* (холодной пристройке к дому), употребляется лексема *кони́шня*, имеющая небольшой ареал западнее Рыбинского вдхр. (ДАРЯ 1997,

карта 12). Кроме того, незначительные ареалы встречаются в восточноновгородских, тверских говорах, вокруг Москвы, а также крупный ареал представлен на юго-востоке — на территориях более позднего заселения.

3. Компактный ареал образуют названия *пóтяг* и *п́рiтяг* ‘жердь, скрепляющая укладку снопов или сена на возу’ (в 51 нас. пп.; ДАРЯ 1997, карта 52). Изоглосса идёт по линии Весьегонск — Череповец — Устюжна — Кириллов и далее по течению р. Мологи. Восточнее в этом же значении употребляется номинация *гнёт*, а западнее и севернее, в Ладого-Тихвинских и Онежских говорах, — *жсердь*. В отдельных нас. пп. северо-запада отмечается именование *стяг*.

4. Эксклюзивный («озёрный») ареал присущ номинации *грúда* ‘малая укладка снопов зерновых культур’ (ДАРЯ 1997, карта 50): он располагается вокруг Рыбинского вдхр., расширяясь на востоке и западе, доходит на севере до оз. Сиверского, Белого и от Кубенского озера далее на восток до р. Вага. Некоторые информанты подчеркивают, что такой тип укладки был характерен как для снопов зерновых культур (укладка круглая), так и для льна (тогда она имела продолговатую форму), и та и другая состоят из 10 снопов.

5. *Пелёвня* ‘название сарая для хранения сена и отходов от молотбы’ (ДАРЯ 1997, карта 18) не дает плотного ареала, распространено «россыпью» на северо-запад и запад от Рыбинского вдхр. по линии Рыбинск — Бежецк — Валдай — Новгород — Тихвин. В псковских и новгородских говорах известны наименования мякины с непроизводной основой *пелá / пелы́ (пёла́, пяла́)*, в северных говорах — вологодских, костромских — употребляются номинации *пелёва / пелева́* ‘мякина’ (СРНГ 25: 322), более подробно см. [Мораховская 1981].

6. *Качыгá* ‘название орудия для выколачивания белья при стирке’ (ДАРЯ 1997, карта 29) имеет ареал вокруг Рыбинского вдхр., особо подчеркнем, что устюженским говорам свойственно ударение на окончании, а говорам вокруг Череповца — ударение на основе: *качíга, кичíга* (см. карту).

7. *Щукаши́* ‘наименование рыжих муравьёв’ (*щукаше́вник* ‘муравейник’) — небольшой ареал в устюженских говорах. Приведенная номинация, скорее всего, возникла из широко распространенных в северо-западных говорах названий *сикаши́*, *сся́куши́*, поскольку описанному диалекту свойственно альвеоло-палатальное произношение *с’*. В исследуемых говорах различаются именованья рыжих и черных муравьев, последних называют *мураши́*. На карте 76 (ДАРЯ 2004) показано распространение еще одной лексемы с начальным *щ*: *щуканцы́* (южнее Рыбинского вдхр. в сторону Бежецка и Кимр).

8. *Гло́бка* ‘название тропинки’ (ДАРЯ 2004, карта 79) бытует в говорах западнее Рыбинского вдхр., что находит подтверждение и в словарях (СРНГ 6: 199; НОС 2010: 164 и др.).

9. Изоглосса, очерчивающая ареал наименования *у́ж-ниво*, *у́жнив* ‘сжатое поле’ (ДАРЯ 1997, карта 48), также идет на запад от Рыбинского вдхр. вплоть до Тихвина, чем и отличается от описанного выше пучка изоглосс, лишь частично с ним совпадая. Приведенные лексемы и другие их варианты со значением ‘сжатое поле’ и ‘стерня’ с разного рода уточнениями даются в (СРНГ 46: 345; НОС 2010: 1224).

Три лексемы (*закю́татъ*, *ни́ва*, *батбо́г*) образуют другой пучок изоглосс, охватывающий более обширную территорию, включающую еще Ладого-Тихвинскую и Онежскую группы говоров.

1. Глагол *закю́татъ* ‘закрывать дверь и/или окно, ворота’ (ДАРЯ 1997, карта 4) имеет нетривиальную территорию бытования: один его «узел» состоит из кружевных ареалов и включает межзональные говоры северного наречия — Лачские и Белозерско-Бежецкие, а также Ладого-Тихвинскую группу говоров северного наречия, спускаясь до Вышнего Волочка, т. е. в Селигеро-Торжковские говоры. Иными словами, «вписывается» в территорию продвижения тверских кривичей вплоть до Вытегры. Как пишет [Николаев 2011: 5], «западная граница тверских изоглосс к северу от Вышнего Волочка идет на северо-северо-восток к Вытегре,

а восточная и южная — по р. Сухоне. Тверские изоглоссы компактно расположены между Белоозером и Рыбинским водохранилищем». А второй «узел», тоже из кружевных ареалов, охватывает говоры Юго-Западной диалектной зоны южнее линии Ельня — Мещовск [Мораховская 1996б].

2. У слова *ни́ва* наиболее распространенным в русских говорах и в литературном языке является значение ‘засеянное поле’, на семантической карте ДАРЯ приведены и другие лексико-семантические варианты: ‘несжатое / сжатое поле’ (ДАРЯ 2004, карта 82). В северо-западных говорах (Новгородских, Ладого-Тихвинских, Белозерско-Бежецких) лексема обычно употребляется в значении ‘росчисть, вырубленное и выжженное под пашню, огород или луг место в лесу’ (СРНГ 21: 215), то же и в устюженских говорах.

3. *Батбо́г*, *бадбо́г* ‘бьющая часть цепа’ (ДАРЯ 1997, карта 43) обладает ареалом «опоясывающего» характера: он идет неширокой полосой от Ярославля к Весьегонску и Боровичам, через Устюжну — Тихвин к Белому озеру, а далее вдоль восточного берега Онежского озера в северную часть вологодских говоров [см. Букринская, Кармакова 2006]. Название *батог* в качества бьющей части цепа не сохранилось даже в памяти старшего поколения, поскольку реалия давно ушла из хозяйственной жизни деревни. Сама же лексема употребляется как название любой палки: клюки, посоха.

Своеобразный ареал образует номинация *вязя́нки* ‘вязаные рукавицы с одним или двумя пальцами’, который включает говоры по верхнему течению Волги, продолжается в сторону Рыбинского вдхр., огибая его с двух сторон, и заканчивается у Белого озера. К востоку, в костромских и ярославских говорах, в отличие от других частей ареала, эта лексема сосуществует с наименованием *ва́резки* (ДАРЯ 1997, карта 35). В Северо-Западной зоне бытуют названия, образованные от корней *-дея-/-деян-/-дель-* (*дя́нки*, *дея́нки*, *де́льницы* и др.), по-видимому, связанные с праславянским корнем **de(ja)ti* ‘делать, совершать’, а в восточных, центральных и юго-восточных — *ва́резки*. В юго-западных, смоленских,

брянских, курских говорах известно наименование *вязёнки*.

Наше внимание привлекла любопытная лексема, которая употребляется информантами старшего поколения, — *палыга* ‘огонь, костер’: *палыгу жгли* (глагол *палить* ‘жечь’ широко распространен в живой речи). Это существительное приводится в словарях с пометой Устюж.: *Палыги*. Груда горящего хвороста. Устюж. Новг., 1851 (СРНГ 25: 165); *Палыга*, и, ж. 1. Костер. Устюж. Новг., 1857 (СРНГ 25: 170). *Палыга*. 1. *соби́р*. Дрова. 2. Костер. *Уст.* (СРНГ 4: 378). Номинация *палыга* фигурирует в описаниях обряда сжигания Масленицы: «В Устюженском районе костер называли по-разному: «палыга» («палына», «палыгина»), «опалы́ха», «те́плина» [Календарные обряды и фольклор Устюженского района 2004: 65]. В качестве наименования обрядового костра на Масленицу и на Иванов день в Устюженском районе это слово приводится и в исследовании этнолога И. К. Слепцовой [Слепцова 2015]. Все упоминания лексемы имеют только устюженскую локацию. Интересно было бы выяснить, бытует ли это слово на других территориях, вне данного ареала. В исследуемых говорах известно и другое именование костра *те́плина*, *те́плинка*, эта номинация, как видно по словарям, имеет достаточно широкое распространение (НОС 2010; СРНГ).

Подводя итог, можно сказать, что устюженские говоры восходят к языку тверских кривичей, двигавшихся на север и расселявшихся вплоть до Вытегры, правда, из древних черт сохранилось, судя по материалам экспедиции и ДАРЯ, только две. На всех языковых ярусах в описанном идиоме представлен комплекс северных признаков, а историческое расположение между восточноновгородскими и ростово-суздальскими говорами способствовало, помимо прочего, сочетанию в нем западных и восточных явлений. Но, на наш взгляд, западные явления преобладают, это особенно видно по данным лексики. Вместе с тем говоры сохраняют яркое своеобразие на лексическом уровне, что показал анализ пучка изоглосс, приведенный выше. Устюженские говоры находятся в достаточно хорошей сохранности, как и элементы местной традиционной

культуры, о чем свидетельствуют полевые материалы, собранные нами и экспедициями музыковедов, фольклористов и этнографов [Календарные обряды и фольклор Устюженского района 2004].

Приложение

Акцентуация

В устюженских говорах представлена своеобразная (практически не совпадающая с литературной) акцентуация *i*- глаголов. Приведем весь собранный материал.

Глаголы с ударением на окончании являются архаизмами: *валить* — *валышь*, *завалышь*, *свалышь*, *навалым*, *навалят*, *отвалят*, *развалят*, *варить* — *варышь*, *варят*, *наварят*, *сварышь*, *сварят*, *сварят*, *сварятся*, *отварим*; *дойть* — *дойшь*, *дойт*, *подойшь*, *подойт*, *подойм*, *подойт*; *жарят*; *копить* — *копят*, *накопышь*; *косить* — *косышь*, *косит*, *косят*, *накосышь*; *колотить* — *колотышь*, *колотят*, (*колотят* — отмечена вариативность); *крестить* — *крестышь*, *крестят*; *пилить* — *пилишь*, *пилят*, *пилим*, *пилят*, *напилишь*, *напилят*, *распилишь*; *пойть* — *поишь*, *поит*; *рядить*, *рядиться* (спорить) — *рядится*; *солить* — *солишь*, *солим*, *засолит*, *насолим*, *посолишь*, *посолят*, *посолят*; *смолодиться* (свернётся — о молоке).

Глаголы с ударением на основе (старым или перенесенным): *бучить* — *бучат*; *боронить*, *боронят*, *заборонят*; *воронить*, *воронят*; *грозить*, *грозят*, *нагрозят*; *дробить*, *дробят*; *кробить*, *кробят*; *лбжнить*, *лбжнит*, *лбжним*, *лбжили*, *полбжнить* — *полбжнешь*, *полбжнат*, *полбжила*, *слбжнешь*; *мутить*, *мутимся*; *рбднить*, *рбдит*; *рбстнить*, *рбстят*; *рубить*, *нарубят*; *саждать*, *садят*, *насаждают*, *насадят*; *сбрызнуть*, *сбрызнут*; *(не) случиться*; *творить*, *растворить*, *растворит*; *терять*; *цудить*, *нацудить*.

Ударение на основе в ятевых глаголах: *вертеть*, *свертеть*, *кречь*, *шуметь*.

Отмечено диалектное ударение на основе в глаголах: *повёрнуть*, *завёрнуть*.

Лексика, собранная в основном по Программе ДАРЯ в деревнях Устюженского р-на Вологодской обл.

Жилище и приусадебное пространство

План (*плань*, *с планов*, *по планам*, *на плань*) 'участок, на котором стоит дом и хозяйственные постройки', *изба*, *дом*, 'крестьянская жилая постройка', *крестовик* 'дом с крестообразной капитальной перегородкой внутри'; *пятистенка* 'дом с внутренней бревенчатой перегородкой', *фатёра* 'комната в доме, избе', *матица* 'потолочная балка в избе, являющаяся основой для крыши', *воронёц* 'балка, поддерживающая полаты, брус от печи до стены', *карзина*, *карзинка* 'ящик вдоль боковой стенки печи, имеющий ход в подполье в виде поднимающийся крышки': *с карзином пёчки старинные*, *с пёчки слезаёшь*, *карзина — она открывається, тудь картошку сыплот, ходят по нему*; в некоторых домах была и *верхняя карзина* 'уступ сбоку пёчки, на который клали доски, там спали, как правило, чужие', *лэжэнье* 'лежанка на печи', *опечёк* 'место перед топкой в русской печи, шесток', *потолок* и *чердак* — одно и то же 'чердак'; *зыбка* 'детская колыбель, которая подвешивается к потолку', вешали её на *бцеп* 'деревянный шест, который вдевается одним концом в кольцо, прикрепленное к потолку', *байна* 'баня': *в пёчке мылись, потом байны стали*; *огород* 1. 'забор, изгородь', 2. 'место для посадки картофеля': *в угорёде большом — картёшку садим, пахатъ, запэхиватъ* 'подметать под в печи', *закута* 'закрытая пристройка', *закутатъ* 'закрывать дверь, окно, ворота', *заулок* 'переулок, проход между домами', *прогон* 'расстояние между домами'.

Помещения для содержания скота и др. хозяйственные постройки

Двор 'холодная пристройка к дому, где содержится скот, хранится хозинвентарь': *двор холонный, несколько лошадей, дёржэли овёи, корёв, поросят*; *клев*, *хлев* 'сруб внутри двора для коров и др. скотины', *конюшня* — то же, что *хлев*; *рига*, *овин* 'крытый сарай с печкой для сушки снопов перед молоть-

бой', *ладонь* 'площадка для молотбы', *приделок* 'хозяйственное помещение из досок, пристроенное к двору', *пелёвня* (*над хлевом*) 'сарай для сена и соломы на дворе', *сарай* 'пристройка на дворе для инвентаря, сена, кормов'.

Домашняя утварь

Горлэч 'ёмкость для пива с носиком, как у чайника', *горшок* 'глиняный сосуд разного объема', *кашник* 'маленький горшок для приготовления каши ребенку', *маслёночка* 'горшок для масла' *кринка* 'сосуд для молока с узким горлом', *стопка* 'глиняный горшок для приготовления пищи в печи', *квашня*, *квашонка* 'посуда, в которой растворяли тесто': *квашня — творили хлебы, могла быть деревянна и глиняна*; *наквашённый* 'салфетка из тóчи, чтобы тесто в квашне не задохлось', *кови*, *ковшик* 'деревянная ёмкость для воды с ручкой', *квасник* 'деревянная кадка с отверстием внизу для приготовления пива', *кушин*, *кушинь* 'сосуд типа кринки с носиком', *ручёнъка* 'глиняный горшок с ручкой, в котором носили еду на поле', *латка* 'глиняная миска'; *ходовик* 'деревянная кадка, в которой ходит пиво', *чигун*, *чигуны*; *сковорóдник* 'ручка сковороды';

веретёшка 'веретено', *коковка* (*куковка*) 'веретено с пряжей или круглая оконечность его', *мотовило* 'приспособление (катушка на оси) для ручной намотки пряжи при домашнем ткачестве', *качыга*, *качыга*, *кочерга* 'палка для выколачивания белья при стирке', *кляшка* 'палка с сучком для полоскания белья': *полоскают кляшкой, сучёчек оставляют, чтобы не уплыла*; *корёнушка* 'корзинка из дранки'; *бучить* 'кипятить бельё в щёлоке', *шиблок* 'раствор золы, в котором стирали бельё', *гнётень* 'груз (камень, банка), который кладут на капусту'; *каток*, *катки* 'деревянная доска для разглаживания белья': *бельё катали, катки катаёшь*.

Сельскохозяйственная лексика

Бабка 'малая укладка снопов круглой формы', *грудя*, *грудки* 'малая укладка снопов зерновых (круглая) и льна (продолговатая), состоящая из 10 снопов: 9 стоят, десятым покрывают', *зарбд* (*зород*) 'большая укладка снопов или сена

/соломы, часто продолговатой формы', *копёшка* 'укладка сена': *копёшки* — *сено кладёшь*; *куча* 'большая укладка снопов', *кбмель* 'нижняя часть снопа', *стог* 'большая круглая куча плотно уложенного сена', *острбвина* 'кол в середине стога, на который навивают сено' *жито* 'ячмень', *приузь* м. и ж. р. 'орудие для ручной молотбы': *приузьм молотили рожь, пшеницу, приузем называли, колотили приузью*; *сетево* 'ёмкость с зерном для ручного сева': *с'етево несё* — *кузовок или ведро, с'имья* 'конопляное семя', *ужниво, ужнив* 'сжатое, скошенное поле': *ужнив под яровым и под озимым*; *клевернице* 'поле, где растёт клевер', *ухбжа* 'огороженное место в лесу, где пасётся скот': *подёшь за лошадью в ухбжу босиком утром, ухбжи делали — там пасут скот и ухаживают за ним*; *плуг* 'орудие для вспашки почвы': *плуга были*; *борона* 'орудие для рыхления почвы': *боронни зубья*; *боронить* 'разрыхлять почву': *мы, маленькие, боронили уж*; *пбжня* 'покос, место, где косят сено', *одёр* 'телега с высокими бортами для сена', *таскать лён* 'убирать лен': *вытаскам лён*; *тина* 'ботва картофеля и огурцов', *нива* 'росчисть', *годовик* 'жеребенок по первому году', *двулётка* 'жеребёнок 2-х лет': *двулётка — запрягать можно*; *суягна(я)* 'беременная овца', *стёлна(я)* 'беременная корова', *жерёбая* 'беременная кобыла', *кмуха* 'курица на яйцах', *каркать* 'кудахтать': *кмуха каркает*; *ростится* 'курица кудахчет, собираясь снести яйцо', *корова мычит, овца блеёт, молодь, молоди* 'молодняк скота', *торба* 'мешок с овсом для лошади', *кожурина* 'кожа ягнёнка'.

Лексика природы

Белый груздь; *волнухи* 'волнушки', *жолтухи* 'желтый груздь', *конюх, конюха* 'грибы с серовато-синей шляпкой, пригодные для соленья', *серяк, серяки* 'подберезовик', *красик, красика* 'подосиновик', *поплавки, поплавухи* 'сыроежки', *белянки* 'болотный подберезовик?', *жесткие грибы* 'грубые грибы': *жесткие грибы — грузди и лисички*; *солонина* 'грибы, пригодные для соленья', *подолешник* 'гриб, какой?'

Вёрес, вересина 'можжевельник', *брёдина* 'ива', *ольха* 'ольха', *олешник* 'ольховый лес, заросли ольхи', *осинник* 'оси-

новый лес', *лядина* 'молодой чистый лес', *залесело* 'заросло лесом', *Дёчына пүстошь* — топоним, место в лесу, *сосульки* 'цветы клевера', *гонобол* 'голубика', *брусника, черника*; *грива* 'лесистый остров на болоте', *гверста* 'песок, который употребляется при мытье полов': *пол броснули гверстой*; *курган* 'холм', *нива* 'росчисть, вырубка', *щукаши* 'маленькие рыжие муравьи', *щукашевник* 'муравейник', *мураши* 'большие лесные муравьи', *палига, теплина, теплинка* 'костёр'; *вёдро* 'хорошая погода'.

Пища

Завариха 'каша из крупномолотого зерна', *жиделяга* 'жидкий остаток от пива', *преснушки* 'пироги с картошкой': *преснушки затворивают без дрожжэй*; *рогушка* 'открытый пирог с яблоком или творогом', *смолодётся* 'свернется' (о молоке), *крёшево* 'квашеные зеленовато-серые грубые верхние капустные листья', *опёкеша, опёкешки* 'поминальное блюдо в виде лепешек, булочек из квасного (дрожжевого) теста', *пшенишные пироги* 'белые пироги' (пекли только на праздники), *барда* 'отстой, отходы пивоварения в виде гущи'.

Названия одежды и обуви

Баской 'нарядный', *валенцы* 'валенки', *вязянки* 'вязаные рукавицы с одним или двумя пальцами', *голицы* 'рукавицы из материи', *шубинки, шубники* 'рукавицы из овчины', *лапти* 'крестьянская обувь, которую плели из бересты', *чуни* 1. 'обувь, сплетенная из верёвок': *тятя плёл чуни, чуни зимой носили*, 2. 'растоптанная обувь'; *лепестки* 'лоскуты материи', *казамайка* 'рубашка, кофта', *заплатка; заплатать* 'зачинить, постаить заплату', *ряднина* 'грубая холстина', *сканки* 'нитки, верёвки': *тятя всё бывало сканки плёл; тбченая* (материя) 'домотканая материя', *одежина, одежа* 'одежда'.

Человек

Прозвища: *Ваниха, Жёжиха, Тблиха, Олёшиха, Сениха* — называют жену по имени мужа; *(Анна) Лапка* — хромая женщина; *Чапаёнок* — называют сына по отцу, который кричал «Я Чапай!»

батька, тятя 'отец', *матка* 'мать': *батька с маткой не*

купить, *матушка* — обращение к взрослой женщине, *дочка* ‘дочка’, *девушка* ‘девушка’, *молодúха* ‘молодая жена сына’, *свекрòвyшка* ‘свекровь’, *сво́як* ‘муж старшей сестры жены’, *сноха́*, *сно́хи* ‘жена сына по отношению к его отцу’, *роди́ха* ‘роженица’, *че́решница де́чинская* ‘бойкая девица’, *дро́ля* ‘милый (ая), ухаже́р’, *зале́тка* ‘милый(ая), любимый(ая)’, *ка́екуша* ‘человек, который всё делает кое-как’, *зава́риха пер.* ‘недотёпа’ (о женщине), *баля́сничать* ‘разговаривать’: *балясы разводят; боро́нить пер.* ‘наговорить, наболтать’: *наборо́ни́ла вам всякой ерунды; ре́вом реву́* ‘очень сильно’, *выть* ‘аппетит’: *жре́т и вы́ти не знает* (не знает меры), *сбили выть, у него выть хорошая; дрóбишь* ‘танцевать с дробью’, *закле́мать* ‘о возникновении препятствия, невозможности что-либо сделать’: *закле́мало в голове́, не могу́ вспомнить; ла́яться* ‘ругаться’, *ма́яться* ‘болеть’, *ряди́ться* ‘спорить’, *приви́ться* ‘приспособиться, пристроиться, прижиться’, *спле́тки* ‘сплетни’, *ки́ла* ‘любая опухоль, в том числе вызванная порчей’, *мамо́н* ‘живот’, *упря́жка* ‘половина рабочего дня; промежуток времени’, *шуме́ть пер.* ‘пить, гулять’, *трать*, *тра́ли* ‘тереть, вытирать’.

Сплав леса

Плоти́ть ‘сцеплять бревна в плоты и сплавливать их по реке’: *лес плути́ли, лес плóтим и го́нку гна́ли; плу́ття* ‘плоты’; *го́нка* ‘сплав леса, во время которого несколько плотов (кошелей) сцепляют в одно целое’: *го́нка — там, может, 10 кушеле́й; коше́ль, куше́ль* ‘ограждение и брёвна внутри бревенчатого ограждения при сплаве леса или плот’: *куше́ль — это называ́цца, ну хоть с эту ко́мнату, такой плот, такие плу́ття, надо сде́лать, связа́ть, потом их друг с дру́жком сцепи́ть — получается го́нка. На задú стои́т челове́к и напередé стои́т челове́к, правит; го́нать му́лём* ‘сплав леса не в плотях, а россыпью’, *долго́й лес* ‘длинные брёвна’, *толсто́й лес* ‘крупные брёвна’, *дерёва́* ‘брёвна’.

Наречия

Гора́зно ‘очень’, *дале́ко* ‘далеко’, *до ду́ри* ‘очень много’: *грибо́в бы́ло до ду́ри; досу́жно* ‘без дела’, *ла́дно (ла́нно)* ‘хо-

рошо’, *ле́тось* ‘прошлым летом’, *но́нче* ‘теперь, в настоящее время’, *пе́шом* ‘пешком’, *сило́м (де́ржит)* ‘наси́льно’, *то́шно* ‘точно’: *я гля́жу, да, то́шно Тума́нова сфотографи́рована; ху́до* ‘плохо’, (*худо́й* ‘плохой’: *худо́й арти́ст*).

Обычаи, ритуалы, пляски

По́мочь, по́мощь ‘коллективная помощь в работе’, дольше сохранялась при строительстве дома, поднятии сруба, заготовке дров.

Бесе́да, бесе́да ‘вечерние собрания с работой’, на беседы ходили по очереди в те избы, где были девушки, или же платили деньги (по 2 рубля с человека) хозяевам, предоставившим свою избу, на беседы приходили парни с гармошкой, начинались игры, пляски. Но девушкам надо было выполнить урок: напярсть по две *куко́вки*.

Умира́льный день ‘день смерти’. В день смерти родственникам надо разнести поминание по деревне, на 2 день покойнику несут завтрак. В 9 день ездят на кладбище, а если оно далеко, вновь разносят поминание (конфеты, печенье) по деревне. Накануне 40 дня вечером накрывают стол: *Как спать ложи́ться, выходим с тарелочкой, тарелочка накла́дена, выходим к переднему углу́ на у́лицу и зове́м, что приходи́ завтра, тебе сде́лам пра́здничок — 40 дней, послéнный твой пра́здничок в этом году. И ты зови там, кто тебе угóден, а мы здесь позове́м всех родных, кто угóден для тебя и нас, мы здесь позове́м. И приходи́, эту тарелочку ставим на стол. Спать ложи́ться, дак эта тарелочка на столе будет.* На 40 дней ходят на кладбище, ничего съестного с собой не несут, а зовут усопшего: приходи, для тебя *пра́здничок* делаем. Если покойник начинает приходить к живым, *чу́дится*, то следуе его отругать, обматерив.

Обряд оплакивания усопшего не сохранился, но информанты старшего поколения его помнят, рассказывая о нем, называют глаголы *голоси́ть, пла́кать го́лосом*. Эти же слова отмечены в материалах ДАРЯ (ДАРЯ 2004, карта 96). Устюженский обряд с приведением плачей подробно описан А. Малиновским в журнале «Живая старина» в 1909 г. [Мали-

новский 1909], где автор пишет о его разрушении, отмечая, что женщин, умеющих исполнять обрядовый плач, трудно найти. Однако, как показывают материалы ДАРЯ, обряд сохранялся еще некоторое время.

В деревнях были люди, которые умели наводить порчу и те, кто умел снимать порчу. Порчу, зло могли *посылать по ветру*, человек случайно мог ее *поймать* и заболеть. Врачи не могли исцелить больного и посылали обычно к знахаркам, которые наговаривали на какие-то продукты (соль, масло и др.), их нужно было приложить к телу или съесть.

Вечерá, вéчер, свéтлы вечерá ‘собрания молодежи’: *на вечерáх плясáли, кадрéль былá, чéтьверо игрáли; потом ползункá ленивого — это двóе пляшут; пáрень-то с дéвкой пляшут звéздочку... Солóма* ‘пляска, во время которой исполнялись частушки’: *солóмушку плясáли, солóма-то солóма, немолóчный овёс, моегó залётку ястреб вмéсто кúрицы унёс.*

Рождество ‘Рождество Иисуса Христа’, *Медбóс»ий* ‘праздник 31 декабря, день памяти св. Модеста’, некоторые информанты вспоминают *святки* ‘время от Рождества до Крещения’, в это время молодые наряжались, ходили колядовать: *насобираю хлеба, наколядую, корзýночку принесу, Трóица* ‘церковный праздник, день сошествия св. Духа’: *вёточки берёзы у окóшка стáвили; ярманка* ‘ярмарка’.

Фразеологизмы

Жáба тебе сядь — замолчи. *Зблотом úши завéшены* — девушки не должна слышать плохое. *Только яти нет* — сил нет. Неять — немощь. Не осилить, не мочь (что-либо сделать). Устюж. Волог., 1899. (СРНГ 21: 212). Ять: > Не ять. 2. *Не по силам, невмоготу. Уст.* (СРГК 6: 969). *Ни вéси, ни пóвеси* — ничего не известно, нет вестей (в говоре отмечено выпадение *t* в сочетании *ст*). Ни вести, ни павести. Ничего не известно. Пудож. Олон., 1915. (СРНГ 4: 190). Пóвесьть > Ни вéсти, ни пóвести. Никаких известий. *Тер.* (СРГК 6: 587).

Местные слова, предания, былички и анекдоты содержатся в книге устюженского самодеятельного поэта Владимира Жабрева [Жабрев 2006].

Литература

Баиенькин А. Н. Новые аспекты славянского освоения Европейского Севера по археологическим источникам V–XIII вв. // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера: Межвузовский сборник научных трудов / ред. кол.: А. В. Камкин (отв. ред.), А. И. Комиссаренко, Ф. Я. Коновалов, В. В. Судаков. Вологда: ВГПИ, 1992. С. 12–21.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Говоры на восток от Новгорода (ареальный подход) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2022 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 47–65.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Диалектная лексика в современных западных среднерусских говорах (ареальный аспект) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2021. № 2. С. 191–205.

Букринская И. А., Кармакова О. Е. Названия орудия для ручной молотыбы и его деревянных частей // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 4 / под ред. Т. В. Поповой. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 2006. С. 146–160.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1972. 642 с.

Жабрев В. Бывальщины и небывальщины. Устюжна, 2006, 112 с.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970, 166 с.

Календарные обряды и фольклор Устюженского района / сост. А. В. Кулев, С. Р. Кулева. Вологда: [б.и.], 2004. 263 с.

Малиновский А. Похоронные причеты в Перской волости Устюженского уезда Новгородской губернии // Живая старина. 1909. Вып. 1. С. 70–79.

Моразовская О. Н. Крестьянский двор. История названий усадебных участков. М.: Наука, 1996а. 200 с.

Моразовская О. Н. Общеславянское *-k-Ø- и некоторые рефлексы и.-е. *-kei-/*-kou- в славянских языках // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991–1993: Сб. статей / отв. ред. В. В. Иванов. М.: ИРЯ РАН, 1996б. С. 116–130.

Моразовская О. Н. Существительные с корнем *-пел-/-пол-* и со значениями, связанными с понятиями мякины, соломы и некоторых видов их использования. // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979 / отв. ред. Р. И. Аванесов.* М.: Наука, 1981. С. 106–121.

Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // *Славяноведение.* 2011. № 6. С. 3–19.

Слепцова И. С. Отличительные признаки локальных традиций: обрядовые костры // *Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы: Сб. статей / ред. кол.: М. В. Ахметова (отв. ред.), О. В. Белова, А. Б. Мороз, Н. С. Петрова.* М.: Государственный республиканский центр русского фольклора. 2015. С. 53–69.

Interzonal Variants of the Northern Dialect: History and Modernity

Irina A. Bukrinskaya

Olga E. Karmakova

Vinogradov Russian Language Institute

of the Russian Academy of Sciences

irbukr@gmail.com

okarmakova@list.ru

The authors analyze the material collected during the 2009 expedition in the villages of the Ustyuzhensky District, Vologda region, as well as maps and commentaries from the Dialectal Atlas of Russian Language. Sharing the point of view of the linguist S. L. Nikolaev and archaeologist A. N. Bashenkin, the researchers believe that the Ustyuzhensky dialects (interzonal Belozersko-Bezhetsky northern dialects) have Krivichi roots, and retain two ancient features related to the Krivichi dialect. The described idioms feature the Northern Russian linguistic complex, besides a combination of Western and Eastern phenomena, which is connected with their localization between the Eastern Novgorod and Rostov-Suzdal dialects. Nevertheless, in the field of lexicon the features characteristic of the Western and North-Western dialectal zones

prevail. At the same time, the Ustyuzhenian dialects have undoubted lexical originality. The article describes two exclusive sets of isoglosses demonstrating the usage of lexemes *kárzinka, pótyag / prítýag, grúda, pelévnyya, kačigá, pčukaší, glóbka, úžnivo, zakútat', níva, vyazyánki*.

Key words: linguogeography, interzonal northern dialects, lexical uniqueness, Tver Krivichi.

References

Bashen'kin A. N. Novye aspekty slavyanskogo osvoeniya Evropejskogo Severa po arheologicheskim istochnikam V–XIII vekov [New aspects of Slavic expansion in the European North according to the archaeological sources of 5th-13th centuries] // *Problemy istoriografii i istochnikovedeniya istorii Evropejskogo Severa: Mezhdvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Issues in historiography and source studies of the history of the European North: a collective scholarly almanac]. Vologda, 1992. Pp. 12–21.

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Nazvaniya orudiya dlya ruchnoj molot'by i ego derevyannyh chastej [Words for hand threshing devices and their parts] / *Vostochnoslavjanskie izoglossy.* Vyp. 4 / pod red. T.V.Popovoj [T.V. Popova (Ed.) East Slavic isoglosses. Issue 4.]. M., 2006. Pp. 146–160.

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Dialektnaya leksika v sovremennyh zapadnyh srednerusskih govorah (areal'nyj aspekt) [Dialect vocabulary in modern Middle Russian dialects: an areal perspective] // *Trudy IRYA RAN* [Proceedings of the Russian Language Institute]. M., 2021. Pp. 191–205.

Bukrinskaya I. A., Karmakova O. E. Govory na vostok ot Novgoroda (areal'nyj podhod) [Dialects to the east of Novgorod. An areal study] // *Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov. Materialy i issledovaniya 2022* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research]. SPb.: ILI RAN, 2022. Pp. 47–65.

Vinogradov V. V. Russkij yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language. A lexico-grammar doctrine]. M., 1986. 640 pp.

Zaharova K. F., Orlova V. G. Dialektoe chlenenie russkogo yazyka [Dialect division of Russian language]. M., Prosveshchenie, 1970, 166 pp.

Kalendarnye obryady i fol'klor Ustyuzhenskogo rajona / Sost. A. V. Kulev, S. R. Kuleva [Calendar rites and folklore of the Ustyug district]. Vologda: Oblastnoj nauchno-metodicheskij centr kul'tury, 2004. 263 pp.

Malinovskij A. PohoronnyeprichetyvPerskojvolostiUstyuzhenskogo uezda [Burial laments in the Perskaya volost, Ustyug district] // ZHivaya starina. 1909. Issue. 1. Pp.70–79.

Morahovskaya O. N. Krest'yanskij dvor. Istoriya nazvanij usadebnyh uchastkov [Peasant's house. The history of the household parts names]. M., 1996. 300 s.

Morahovskaya O. N. Sushchestvitel'nye s kornem –pel-/-pol- i so znacheniyami, svyazannymi s ponyatiyami myakiny, solomy i nekotoryh vidov ih ispol'zovaniya [Nouns with the root –pel-/-pol- denoting chaff, straw and some variants of their use] // Obshch斯拉vianskij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovaniya [Commons Slavic linguistic atlas. Materials and research]. 1979. M., 1981. Pp.106–121.

Morahovskaya O. N. Obshch斯拉vianskoe *-kot- i nekotorye refleksy i.-e. *-keu-/*-kou- v slavyanskikh yazykakh [Common Slavic *-kot- and some reflexes of Indo-European *-keu-/-kou- in Slavic languages] // Obshch斯拉vianskij lingvisticheskij atlas. Materialy i issledovaniya. [Commons Slavic linguistic atlas. Materials and research] 1091–1993. M., 1996. Pp. 116–130.

Myznikov S. A. Russkij dialektnyj etimologicheskij slovar' [Russian dialect etymological dictionary]. SPb., 2019, 1064 pp.

Nikolaev S. L. Sledy osobennostej vostochnoslavjanskikh plemennyh dialektov v sovremennyh velikoruskikh govorah. Verhnevolzhskie (tverskie) krivichi [On the traces of some peculiar features of East Slavic tribal dialects in modern Russian dialects. Upper Volga (Tver) Krivichi] // Slavyanovedenie [Slavic Studies], № 6, 2011. Pp. 3–16.

Slepčova I. S. Otlichitel'nye priznaki lokal'nyh tradicij: obryadovye kostry [Distinctive features of local traditions: ritual bonfires] // Regional'nye issledovaniya v fol'kloristike i etnolingvistike — problemy i perspektivy [Regional issues and prospects in folklore and ethnolinguistic studies] M., 2015. Pp. 53–69.

Sources

DARYA I — Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka. Centr Evropejskoj chasti SSSR. Vyp.I. Fonetika. Karty. M.,1986, red. S. V.

Bromlej, T. YU. Stroganova. [S. V. Bromlej, T. YU. Stroganova (eds.) Dialectal Atlas of Russian Language. The Center of the European part of the USSR. Issue I. Phonetics, maps]

DARYA II — Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka. Centr Evropejskoj chasti SSSR. Vyp. II. Morfologiya. Karty. . M., 1989, red. S. V. Bromlej. [S. V. Bromlej (ed.) Dialectal Atlas of Russian Language. The Center of the European part of the USSR. Issue II. Morphology, maps]

DARYA III, ch. 1 — Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka. Centr Evropejskoj chasti Rossii. Vyp. III, ch. 1. Leksika. Karty. Minsk. 1997, red. O. N. Morahovskaya. [O.N. Morahovskaya (ed.) Dialectal Atlas of Russian Language. The Center of the European part of Russia. Issue III, part 1. Vocabulary, maps]

DARYA III, ch.2 — Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka. Centr Evropejskoj chasti Rossii. Vyp. III, ch. 2. Sintaksis. Leksika. Karty. M., 2004. Red. O. N. Morahovskaya [O.N. Morahovskaya (ed.) Dialectal Atlas of Russian Language. The Center of the European part of Russia. Issue III, part 2. Syntax, vocabulary]

NOS 2010 — Novgorodskij oblastnoj slovar' / izd. podgot. A. N. Levichkin, S. A. Myznikov [. N. Levichkin, S. A. Myznikov (eds.) Novgorod regional dictionary]. SPb., 2010.

SRGK — Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej: v 6-ti t. / gl. red. A. S. Gerd. [A.S. Gerd (ed.) Dictionary of the Russian dialects of Karelia and the neighbouring regions. In 6 vols.] SPb., 1994–2004.

SRNG — Slovar' russkikh narodnyh govorov / gl. red. F. P. Filin, F. P. Sorokoletov, S. A. Myznikov. T. 1–53. [F.P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov (eds.) Dictionary of Russian folk dialects. Vols. 1–53] M.; L./SPb., 1965–2022.

Лексический атлас русских народных говоров (т. 3 Ландшафт) (итоги и перспективы)

Татьяна Ивановна Вендина

Институт славяноведения РАН
vendit@rambler.ru

Статья посвящена проблемам интерпретации диалектного слова, представленного в третьем томе «Лексического атласа русских народных говоров», посвященном наименованиям ландшафта. Автор подробно отвечает на вопрос, о чем говорят карты Атласа и в чем их отличие от карт первого тома «Растительный мир» и второго тома «Животный мир».

Ключевые слова: русская диалектология, диалектная дифференциация, когнитивная лингвистика.

Системный подход, лежащий в основе «Программы» Атласа, дал возможность рассмотреть диалектную лексику в рамках отдельных микросистем, поэтому каждый том Атласа посвящен определенной семантической группе: первый том серии «Природа» был посвящен растительному миру, второй том — лексике животного мира, в третьем будет представлена ландшафтная лексика, в четвертом — метеорологическая лексика и т. д. Лексика «освоенной природы» (животноводство, полеводство, огородничество, садоводство и т. д.) ляжет в основу тематической серии «Трудовая деятельность человека». Такая организация материала позволит более четко эксплицировать различия в принципах номинации семантических групп, принадлежащих одному семантическому полю.

Очередной том «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) тематической серии «Природа» посвящен ландшафтными наименованиям. Он содержит карты, комментарии и диалектные материалы, собранные в полевых условиях на территории России до Урала.

В томе предполагается около 140 карт, представляющих

лексику разных тематических групп, которые объединяются общей семой 'место':

названия возвышенностей и низменностей (причем часто с детализацией, например, возвышенность, покрытая лесом);

названия оврагов, ям, впадин;

названия болот (причем опять же с детализацией: топкое болото, кочковатое болото, болото, поросшее лесом, моховое болото и т. д.);

названия почв (глинистая почва и соответственно глина, песчаная почва, илистая почва, плодородная и неплодородная почва и т. д.);

названия рек, ручьев, родников с многочисленными детализирующими признаками (ср. большая река, небольшая река, русло реки, старое русло реки, мелкое место, водоворот, омут, прорубь, весенний ручей, незамерзающий родник и т. д.);

названия всевозможных явлений, отражающихся в названиях рек (например, замерзание рек, первый тонкий лед на реке, выходить из берегов, войти в берега и т. д.).

Особенностью этого тома является и множество семантических карт (они составляют более половины карт тома, например: употребляются ли и в каких значениях слова *бочаг, буй, грива, гора, леденец, материк, головец, залив, заводь, лука, наволок* и т. д.). Эти карты Атласа являются чрезвычайно ценными, так как семантическая структура этих слов не была предметом специальных исследований, между тем они иллюстрирует многоплановые диалектные различия.

Лингвогеографическое представление диалектной лексики позволило реально увидеть всю лексико-семантическую глубину русского диалектного лексикона и сложность его лингвистического ландшафта. В отличие от предшествующих томов Атласа, посвященных названиям растительного и животного мира, здесь нет карт, иллюстрирующих звуковую или цветовую изобразительность диалектного слова. В основном это карты, демонстрирующие абстрактные понятия,

в которых отражается наблюдательность диалектоносителей в освоении ими пространственного мира. В то же время небезынтересно отметить, что в семантической сфере «Ландшафт» прослеживается та же типологическая закономерность, что и в семантической сфере «Растительный мир» и «Животный мир», а именно: «ословливание» окружающего мира происходит, с одной стороны, в соответствии с общим принципом категоризации мира, когда то, что является значимым для человека, оказывается глубоко осмысленным и детально проработанным в языке, тогда как менее значимые фрагменты получают более общие названия, нередко лишь в виде описательных конструкций; а с другой — в соответствии с аксиологическими законами, когда осуществляется движение по шкале знаний и человеческих ценностей, и любые отступления в сторону (будь то положительный или отрицательный вектор) получают свое отражение в языке. При этом в основе и первого, и второго номинативного принципа лежит когнитивно-прагматическое начало. Сам процесс «означивания» предметов и явлений внешнего мира представляет измерение их значимости для носителей языка.

При этом обнаружилось, что на картах Атласа устойчиво повторяется один и тот же ареальный сценарий, связанный с лексической дробностью русского диалектного континуума. Этот факт говорит о высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся в отношениях дополнительного распределения (см., например, ситуацию на картах *брод*, *место с быстрым течением*, *место с замедленным течением*, *залив*, *излучина в течении реки*, *исток реки*, *кочки на болоте*, *окно на болоте*, *топкое место на болоте*, *омут*, *родник* и т. д.). Не случайно многие карты этого тома потребовали создания карт-дублей, позволяющих более четко показать ареалы картографируемых лексем.

Задача Атласа, как известно, заключается в том, чтобы представить в пространственной проекции основные звенья словарного состава русских народных говоров — лексические и семантические различия в организации тематических групп

слов, семантическую структуру слова, особенности диалектного словообразования.

В соответствии с этой задачей для репрезентации диалектных различий русского языка были разработаны разные типы карт, каждый из которых имеет свои особенности в способах решения поставленной задачи:

1) **лексические карты** (Л), которые строятся на основе ономаσιологического принципа («от значения к слову»), см., например, карты на вопросы Л 455 ‘русло реки’, Л 457 ‘старое русло реки’, Л 455 ‘плодородная земля’, Л 456 ‘неплодородная земля’, Л 458 ‘излучина в течении реки’, Л 462 ‘мелкое место’ Л 463 ‘брод’ и т. д.), предметом картографирования на них являются названия того или иного объекта номинации (предмета, признака). Большинство из этих карт репрезентирует многоплановые и многочленные диалектные различия, объединённые соотносительными признаками разных типов (например, признаками, по которым различаются разные слова и формальные варианты одного слова). Так, в частности, на лексической карте Л 455 ‘русло реки’ картографическими знаками разной конфигурации представлены корни **борозд-** (*борозда́*, *борозда*), **русл-** (*ру́сло*, *русло́*), **ваг-** (*ва́га*), **вод-о-ток** (*водотóк*, *водотóка*), **желоб-** (*же́лоб*, *же́лоб*, *желобíна*, *желобина*), **мат-** (*матёра*, *матёра*, *матерíк*, *ма́тка*), **пря́м-** (*пря́мица*, *пря́мица*), **тру́б-** (*труба́*). Если материал карты отличается высокой степенью словообразовательной вариативности (многообразием корней или аффиксальных средств, как, например, на карте ЛСЛ 459 ‘залив’), затрудняющей её прочтение, то он подается в обобщенном виде на карте-дубль, сопровождающей основную карту (см., например, карту-дубль ЛСЛ 459 ‘залив’, на которой показано распространение лексем *лу́ка* (западная группа среднерусских говоров) и *ку́рья*, *курья́* (севернорусские архангельские и вологодские говоры)). Такой способ репрезентации материала позволил более четко представить картину дифференциации русских диалектов;

2) **семантические карты** (СМ), которые основаны на

иним принципе по сравнению с традиционными лексическими картами, а именно — «от слова к значению», см., например, карты на вопросы СМ 392 *буй*, СМ 404 *дол*, СМ 405 *материк*, СМ 406 *грива*, СМ 408 *вершина* и др. Предметом картографирования на этих картах являются соотносительные семантические признаки, представленные в лексических единицах, объединенных тождеством звуковой формы. Так, в частности, на семантической карте СМ 416 *дрегва* картографическими знаками разной конфигурации и цветовой заливки представлены инвариантные значения 'топь, трясина', 'вязкое болотистое место', 'студень', 'погодные явления'. На семантических картах так же, как и на лексических, эксплицированы многочленные и многоплановые различия, которые в структурном отношении можно уподобить полисемии. На картах этого типа нашла отражение много-признаковая классификация, поскольку семантическая структура диалектных различий характеризуется сложностью и многоплановостью;

3) **лексико-словообразовательные карты** (ЛСЛ), которые составляют большую часть тома, поскольку практически любая карта, построенная по принципу «от значения к слову», эксплицирует лексико-словообразовательные различия (ср., например, карты ЛСЛ 388 'возвышенность', ЛСЛ 401 'низина', ЛСЛ 407 'овраг', ЛСЛ 412 'болото', ЛСЛ 422 'моховое болото', ЛСЛ 437 'глина' и др.). На этих картах нашла также отражение и номинативные различия, связанные со способом номинации: так, например, на карте ЛСЛ 465 'место с замедленным течением' наряду с однословными номинациями (*заводь*, *заводь*, *заводень*, *заводень*, *заводина*, *заводина*, *заводина*, *заводня*, *заводня*, *бужля*, *бужля*, *вадега*, *вадига*, *закосок*, *закосок*, *залой*, *заловина*, *затяжйна*, *затяжжина*, *тиховодье*) представлены описательные конструкции (*стоячая вода*, *тихая вода*, *тихое течение* и др.);

4) **словообразовательные карты** (СЛ), на которых эксплицируются различия в словообразовательных средствах при тождестве корневой морфемы и способах deriva-

ции (ср., например, карты СЛ 438 'глинистая почва', СЛ 439 'глинистая', СЛ 442 'илистая' (о почве). Этим карт в томе представлено немного. Так, например, на карте СЛ 424 'топкий' (о болоте, дороге) нашли отражение следующие словообразовательные различия русских диалектов: при тождестве корневой морфемы **топ-** в них представлены суффиксы *-л-* (*топлый*), *-н-* (*топный*), *-к-* (*топкий*), *-уч-* (*топучий*), *-ист-* (*топистый*) и др., которые имеют разную территориальную дистрибуцию. Чаще всего словообразовательные различия эксплицируются на лексико-словообразовательных картах (так, например, на ЛСЛ 464 'место с быстрым течением' при тождестве корневой морфемы **быстр-** нашла отражение суффиксы *ин-а* (*быстрина*, *быстрина*, *быстрина*), *-иц-а* (*быстрица*, *быстрица*, *быстриница*), *-от-а* (*быстрота*), *-як* (*быстряк*), *янк-а* (*быстрянка*), *-ятк-а* (*быстрятка*), *-ен-ь* (*быстрень*, *быстрень*), *-ед-ь* (*быстредь*, *быстреть*) и др.;

5) **мотивационные карты**, которых в томе сравнительно немного, так как они не предполагались первоначально «Программой» Атласа и родились в процессе работы над картами (см., например, карты ЛСЛ 518 'полоса воды между берегом и краем льда', Л 463 'брод'). Цель этих карт — выявить различия в мотивационных признаках картографируемых номинаций одного и того же референта. Так, например, на мотивационной карте ЛСЛ 518 'полоса воды между берегом и краем льда' представлены различия русских диалектов в мотивации лексических дублетов: наряду с локативным признаком, репрезентирующим сему 'место' (ср. *бережйна*, *заберег*, *забрег*, *заберега*, *забережь*, *забережйна*, *забережка*, *забережник*, *забережник*, *забережник*, *забережник*, *забережня*, *забережье*, *забережье*, *прибрежница*, *подкраек*, *окраинка*, *окраиник* и др.), широко представлен акторный признак, актуализирующий сему 'результат действия' (ср. (*промойна*, *вымоина*, *проталина*, *проталинка*, *подталина*, *протечь* и др.), характерный в основном для южнорусских диалектов.

Каждую карту сопровождает развёрнутый комментарий, выполненный в соответствии с единым алгоритмом, разработанным для всех карт Атласа, включающим такие необходимые элементы, как объяснение проблематики карты, характеристика картографируемого материала и тех диалектных различий, которые получают отражение на карте, принятая система картографических средств, указания на сомнительные названия, дисквалифицированные автором по разным причинам, замечания эксплораторов о тех или иных формах, и другую информацию. В заключение дается лингвогеографическая характеристика материала карты с указанием ареалов картографируемых лексем.

Комментарий сопровождается иллюстративным материалом, который имеет своей целью не просто показать «жизнь слова» в реальном диалектном контексте, но и обосновать его появление на карте (так, например, на карте ЛСЛ 464 ‘место с быстрым течением’ встретились лексемы *брод* (пп. 8, 18, 51, 59, 157, 216, 273, 309, 337, 401, 443, 467, 472, 879, 910, 959, 964) и *буй* (пп. 10, 70, 121, 133, 137, 150, 167, 169, 206, 211, 217, 245, 262, 294, 310, 358, 438, 475, 478, 507, 510, 523, 551, 592, 594, 722, 845а, 864, 867, 964, 999), однако благодаря иллюстративному материалу и данным региональных словарей эти лексемы были сохранены. Так, тексты, записанные в полевых условиях, говорят о том, что место с быстрым течением действительно называется *брод* (ср. *Можно реку вброд перейти, где перекаты, только на самой быстрине, а то снести может* (п. 118); или *Турку вброд переходили по быстринке* (п. 163). Об этом красноречиво свидетельствуют и материалы самой карты, в которых лексемы *брод*, *быстринь* или *брод*, *быстрина* (пп. 51, 157, 216, 337), *брод*, *стремнина* (п. 309) часто выступают в одном синонимическом ряду.

К комментарию прилагается алфавитный список картографируемых слов, позволяющий реально увидеть представленность каждой лексемы на картографируемой территории и соотнести её с тем или иным населённым пунктом. Кроме того, приводится общий индекс всех материалов (в том числе

и тех, которые не получили отражение на карте). Этот индекс имеет самостоятельную ценность, так как он «паспортизирует» диалектный материал, который впоследствии может стать основой новых исследований. В индексах к картам приводятся дополнительные сведения, связанные с семантическими или этнографическими особенностями картографируемого слова. Материалы к карте подаются в соответствии с традицией, принятой в большинстве областных словарей, т. е. в современной орфографии с сохранением лишь тех фонетических особенностей, которые лексикализовались и перестали быть элементами фонетических закономерностей (подробнее см. (ЛАРНГ. Проект 1994: 74).

Знакомство с материалами тома раскрывает отношение русского народа к «вмещающей и кормящей» его природе, что выразилось прежде всего в чрезвычайно богатом и детализированном словаре, характеризующемся разнообразием в наименованиях одних и тех же реалий, которые различаются способами семантического и словообразовательного маркирования.

Карты Атласа говорят также о том, что русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия. Несмотря на интенсивный процесс влияния литературного языка, следствием которого является нивелирование диалектных различий, в русских говорах сохраняется огромное количество диалектизмов, успешно противостоящих тенденции к стандартизации. Это особенно ярко проявляется в наличии в диалектах слов, у которых в литературном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (см., например, карту Л 436 ‘неплодородная почва’: *жёлтык, жёлтык, подзол, подзол, песчанник, борвина, едун, захлестье, белунце, глина, пустошь, суходоблина* и др.; или карту Л 421 ‘лишенное кустарника болото’: *безлесица, безлесый, безлесье, бель, биль, вельга, вёреть, галь, гладина, гладюха, гладь, голеник, голёя, голёя, голина, голина, голое, голызина* (удар.?), *голынъ, голыш, голь, голыцы, голяк, еланъ, зеленчук* (удар.?),

косовик (удар.?), *кутíла*, *лишáйник*, *лобоза* (удар.?), *лугá*, *лысíна*, *лысúха*, *ляга* (удар.?), *ляжбина* (удар.?), *мáрь*, *наговíца*, *открытоё*, *паун* (удар.?), *пролэсина*, *пустолёсье*, *пúстошь*, *солончáки*, *стéжка*, *тропíнка*, *трóпка*, *ýйта*, *уйтá*, *ýйтина*, *уйтíна*, *урá*, *ура* (удар.?), *урóчище*, *чистáтка*, *чистíна*, *чистíнка*, *чíстки*, *чистовíна*, *чíстое*, *чистоё*, *чистъ*, *ши́рь* и др.).

Следует отметить также обилие нового материала, обогащающего наши представления о русском лексическом диалектном фонде: практически каждая карта Атласа выявляет новые диалектные слова, которые отсутствуют не только в словаре В. И. Даля, но и в таком крупнейшем диалектном компендиуме, каким является «Словарь русских народных говоров», ср., например, такие лексемы, как *зáвертень* или *вьюн* в значении ‘водоворот’, которые распространены не только в севернорусских архангельских говорах, как это указано в СРНГ, но и в среднерусских (владимирско-поволжских), и даже в южнорусских (курских и воронежских).

Любая карта Атласа, в отличие от диалектного словаря, являет собой лингвогеографическую проекцию целой лексико-семантической группы, которая обычно представлена в разрозненном и далеко не полном виде в отдельных диалектных словарях, а наличие разных мотивационных признаков, чётко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность реально увидеть своеобразие русского языкового сознания в сложном процессе познавательной и классифицирующей деятельности человека (см., например, карты Л 455 ‘русло реки’ или ЛСЛ 465 ‘место с замедленным течением’, которые отличает обилие лексем и мотивационных признаков).

На картах «Лексического атласа русских народных говоров» отчетливо просматривается типология диалектных различий на уровне лексики и словообразования.

Это, прежде всего, **лексические диалектные различия**. Они представлены на каждой карте Атласа, причём даже на таких картах, где их ожидать как будто бы трудно (см., например, карту ЛСЛ 437 ‘глина’, которая свидетельствует

о том, что, в отличие от литературного языка, в диалектах имеется довольно обширный репертуар лексем, являющихся названием глины: *гнила*, *гнилка*, *глинка*, *глиняка*, *глинник*, *глинница*, *гниль*, *гнильё*, *глей*, *глея*, *глейка*, *печина*, *печинка*, *луда*, *опока*). Нередко эти лексические различия сопровождаются фонетическими акцентологическими различиями (ср. *зáводень*, *заводéнь*, *заводнѣя*, *зáводня*, *буклѣя*, *бўклѣя* на карте ЛСЛ 465 ‘место с замедленным течением’) или связанными с фонемным составом корня (см., например, карту ЛСЛ 459 ‘залив’: *лáхта*, *лóхта*, *лохтá* или карту ЛСЛ 509 ‘речная галька’: *гáлыш*, *гóлыш*).

Еще шире представлены **лексико-словообразовательные** различия. Несмотря на то, что большинство вопросов «Программы» Атласа ориентировано на выявление лексических различий, собранный материал позволяет представить на карте и лексико-словообразовательную дифференциацию диалектов (ср., например, карту ЛСЛ 464 ‘место с быстрым течением’, иллюстрирующую распространение лексем *бирь*, *бой*, *брод*, *буй*, *буру́н*, *буруно́к*, *бы́рка*, *бырь*, *быстрь*, *бы́стер*, *бы́стерь*, *бы́стрина*, *быстрíна*, *быстрина́*, *быстрíнка*, *быстрица*, *быстрíца*, *бы́стриница*, *быстротá*, *быстротóк*, *быстрúйка*, *быстря́к*, *быстря́нка*, *быстря́тка*, *бы́стредь*, *бы́стреть*, *быстрéнь*, *бы́стрень*, *грíва*, *мелковóдица*, *мелковóдье*, *перекáт*, *порóг*, *стрéж*, *стрéж*, *стрéжа*, *стрéжень*, *стремníна*, *струя́* и др., или карту ЛСЛ 468 ‘время мелководья’, где представлены лексемы *безвóдица*, *вы́падка*, *жáрень*, *жарíна*, *зáсуха*, *зáсуша*, *иссу́ша*, *кратковóдье*, *маловóдица*, *маловóды*, *маловóдье*, *межсенíца*, *межсéнь*, *мéжень*, *мелковóд*, *мелковóдина*, *мелковóдица*, *мелковóдница*, *мелковóдище*, *мелковóдье*, *меля́тник*, *невóдица*, *спад*, *сухмéнь*, *суховóдье*, *сушнѣ́к*, *сушь* и др.).

Практически каждая карта Атласа позволяет сделать маленькие «открытия» в лингвогеографической проекции и семантической структуре диалектного слова. Яркой иллюстрацией может служить семантическая карта СМ 494

бочаг, выявившая целый спектр омонимичных значений этой лексемы. Поскольку лексема является многозначной, на первом уровне диалектного противопоставления выделяются несколько семантических регистров: локативный (основной), предметный и ботанический. Различия в этих семантических регистрах передаются на карте знаками разной конфигурации и цветовой заливки.

Каждое из значений этих семантических регистров является инвариантным по отношению к лексико-семантическим вариантам, образующим второй уровень диалектного противопоставления. Так, локативный семантический регистр объединяет следующие значения: 'глубокое место в водоёме, омут', 'залив, заводь', 'часть реки между изгибами, плёс, излучина', 'небольшое расширение устья реки', 'широкая и глубокая часть узкой речки', 'впадина, яма, выбоина', 'впадина, яма, заполненная водой; 'большая, глубокая лужа', 'искусственный водоём, пруд', 'окно, топкое место, трясина на болоте', 'заболоченное, топкое, сырое, низкое место', 'овраг'. Единичные значения локативного семантического регистра 'всё глубокое с водой', 'заполненная водой яма в мелководной пересыхающей реке', 'низменное место в реке', 'широкое место в реке, ручье', 'широкое и глубокое место в реке, ручье', 'глубокое, крутое, обрывистое место', 'высокое место после переката', 'место резкого перепада с высокого на низкое в реке', 'вымоина у берега, поросшая травой', 'исток', 'рукав речки', 'старое русло реки', 'ямы у реки на месте старого русла', 'место слияния двух рек в одно русло', 'часть реки', 'водоём', 'озерцо', 'река', 'река, берущая начало из озера', 'ручей', 'ручей, разлившийся в небольшое озеро', 'родник', 'глубокая яма, впадина, заполненная водой, где бьют ключи', 'выкопанная и заполненная водой яма для замачивания пеньки', 'глубокая яма, вырытая в реке для нереста рыбы', 'лужа', 'болото', 'заливной луг', 'луг, избитый коровами', 'берег', 'крутой берег, обрыв', 'несколько взятых вместе смежных гор, прорезанных ручейками и ямами', 'бок, край', являющиеся в основном названиями водоёмов разного вида и мест в них, различных

углублений в земле, с помощью специальных картографических средств на карте не отражаются, а передаются знаком той же конфигурации с вписанной в него звездочкой.

Предметный семантический регистр представлен значением 'бочка, бочонок'. В ботанический семантический регистр входят только единичные значения: 'растение' (пп. 382, 383), 'травя' (пп. 22, 46), 'пучок зелени' (п. 81).

В «Программе» Атласа нет специальных вопросов, нацеленных на выявление **грамматических** различий, однако часто они сопутствуют лексическим, усложняя их, см., например, карту ЛСЛ 459 'залив', которая указывает на различия в родовой принадлежности лексем *бочаг*, *бочага* или *плёс*, *плёсо*, *залой*, *залоя*.

Карты Атласа свидетельствуют о существовании и **мотивационных** различий. Такие различия выявляются в мотивационных признаках, лежащих в основе той или иной лексемы на каждой карте Атласа: так, например, на карте ЛСЛ 462 'мелкое место' отчётливо прослеживаются различия в мотивационных признаках, актуализируемых в акте номинации: если в большинстве русских диалектов значимым является адъективный признак, актуализируемый в лексемах с корнем *мелк-* (*мёлка*, *мелкóтка*, *мелкотня́* и др.), то в ряде диалектов таким признаком является акциональный (ср. *перекáт*, *перехóд*, *перебóр*, *перебрóд*), а в ряде диалектов — предметный (ср. *лягушáтник*, *гáлечник*, *зáпесок*).

Карты Атласа говорят и о **номинативных** диалектных различиях, связанных со своеобразием номинативной логики в «ословливании» окружающего мира. Лексическая детализация языка той или иной частной диалектной системы нередко оказывается разной, поэтому в одних диалектах существуют одни номинативные принципы освоения семантической сферы «Ландшафт», а в других — иные. В связи с этим отдельные участки этой семантической сферы могут не иметь соответствующих однословных номинаций, см., например, карту ЛСЛ 436 'неплодородная почва', где особенно ярко выражены номинативные различия, поскольку

в одних диалектах представлены однословные номинации (*боровина, неплодёрь, суходёл, подзёлок, суходёлина*), а в других — описательные конструкции (*зря́шная земля, нерёдная земля, голёдная земля, сухя́я земля, пустя́я земля* и т. д.).

Предварительный лингвогеографический анализ материалов карт, входящих в этот том Атласа, позволил выявить некоторые ареалы лексических диалектизмов, образующих **противопоставленные лексические различия**: так, в частности, материал карты ЛСЛ 466 ‘водоворот’ говорит о том, что лексемы *вир, вирок* распространены преимущественно в западной группе среднерусских говоров, а лексемы *быстер, быстерь, быстерье* локализуются главным образом в севернорусских (архангельских) говорах; или лексемы с корнем *груб-* (*гру́бой, грубо́й*) на карте ЛСЛ 474 ‘глубокий’ также характерны преимущественно для севернорусских (архангельских) говоров; четко очерченный ареал в уральских говорах имеет лексема *рекоста́й* на карте ЛСЛ 511 ‘замерзание водоемов’, в говорах Урала локализуются преимущественно и лексемы *бой, перекáт* на карте ЛСЛ 464 ‘место с быстрым течением’; диалектные наименования *кúпы, кúпки* на карте Л 419 ‘кочки на болоте’ бытуют преимущественно в южнорусских (курских) говорах; для южнорусских (западных и курско-орловских) говоров характерна и лексема *бук* на карте ЛСЛ 461 ‘омут’.

Анализ материалов карт «Лексического атласа русских народных говоров» свидетельствует о консервативности диалектов, на протяжении многих веков успешно противостоящих внешним влияниям, а также тенденции к стандартизации. Эта сопротивляемость диалектов в процессе их контактирования между собой и с литературным языком способствовала консервации отдельных узколокальных лексем, что привело к появлению эксклюзивной лексики, характерной для диалектов севернорусского или южнорусского наречий.

Так, в частности, для диалектов севернорусского наречия характерны такие лексемы, как *кривля́к, криву́лина,*

криву́ль, криву́ля, кривуля́, кривуля́ка, криву́н в значении ‘излучина’ (карта Л 458 ‘излучина в течении реки’), *рёлка* в значении ‘луг на возвышенности’ (карта Л 427 ‘луг на возвышенности’), *буклё, буклина, буклови́на, букля́, бужля́* в значении ‘место с замедленным течением’ (карта ЛСЛ 465 ‘место с замедленным течением’), *песья́нка* в значении ‘песчаная почва’ (карта Л 447 ‘почва с примесью песка, песчаная почва’), *чисть* в значении ‘лишенное кустарника болото’ (карта Л 421 ‘болото, лишнее кустарника’), *ва́га* в значении ‘русло реки’ (карта Л 455 ‘русло реки’), *курёя́, кúрья́, курья́* в значении ‘старое русло реки’ (карта Л 457 ‘старое русло реки, старица’), *тряси́на* в значении ‘моховое болото’ (карта ЛСЛ 424 ‘моховое болото’), *вьюн* в значении ‘незамерзающий родник’ (карта ЛСЛ 482 ‘незамерзающий родник, ключ’), *ерда́н, ёрдан, ердáнь, жерло́, проду́х, проду́шина* в значении ‘окно на болоте’ (карта ЛСЛ 417 ‘окно на болоте’), *полíва, исáда, присáд, присáда, урбчи́ще, уречи́ще* в значении ‘пойменный луг’ (карта ЛСЛ 428 ‘пойменный луг, прилегающий к реке, к озеру’) и т. д.

Если эксклюзивы севернорусского наречия — вполне ожидаемый феномен русского диалектного ландшафта (ср. устоявшееся мнение, что именно Русский Север сохраняет диалектные слова в их нетронутой языковой чистоте), то эксклюзивы южнорусского наречия, их состав, а главное — количество являются, скорее, неожиданностью. Так, в частности, диалекты южнорусского наречия характеризуют такие лексемы, как *буч, бúча, бучáло, бúчило, бучи́ло* в значении ‘водоворот’ (карта ЛСЛ 466 ‘водоворот’), *мелковóдница* в значении ‘время мелководья’ (карта ЛСЛ 468 ‘время мелководья’), *дрéгва* в значении ‘студень’ (карта СМ 416 ‘дрегва’), *кону́рка, полонь, полонь, полонка, ополонь, ополонь* в значении ‘пруть’ (карта ЛСЛ 520 ‘пруть’), *водотóк, водотóка* в значении ‘русло реки’ (карта Л 455 ‘русло реки’), *ёрик, ери́к, ёрка, ёрка, ерёк* в значении ‘старое русло реки’ (карта ЛСЛ 457 ‘старое русло реки’), *хвёля, хвёли* в значении ‘высокая волна’ (карта ЛСЛ 487 ‘высокая волна’), *плёс*

в значении ‘окно на болоте’ (карта ЛСЛ 417 ‘окно на болоте’), *ливán, подбл, низ, низы, низá* в значении ‘пойменный луг’ (карта ЛСЛ 428 ‘пойменный луг, прилегающий к реке, к озеру’), *водотéчь, ровчáк* в значении ‘ручей’ (карта ЛСЛ 478 ‘ручей’) и т. д.

И даже **среднерусские говоры** имеют такие отличительно характеризующие их лексемы, которые противопоставляют их говорам севернорусского и южнорусского наречий: в частности, такие лексемы, как *маловóдица* в значении ‘время мелководья’ (карта ЛСЛ 468 ‘время мелководья’), *прогáлина* в значении ‘окно на болоте’ (карта ЛСЛ 417 ‘окно на болоте’), *пóжня* в значении ‘травяное болото’ (карта Л 423 ‘травяное болото’), *безлéсица* в значении ‘болото, лишенное кустарника’ (карта Л 421 ‘безлесье, лишенное кустарника болото’) и т. д.

Нередко эти эксклюзивные лексемы появляются в диалектах какой-либо одной языковой группы, определяя её своеобразие, например:

архангельскую группу севернорусских говоров отличают такие лексемы, как *лúда* в значении ‘глина’ (карта ЛСЛ 437 ‘глина’), *дыбкий, дыбкóй, дыбúчий* в значении ‘зыбкий’ (карта Л 425 ‘зыбкий, прогибающийся под тяжестью’), *кулí-га, перебóр* в значении ‘мелководье’ (карта Л 467 ‘недостаток воды в реке, мелководье’), *вúска* в значении ‘ручей’ (карта ЛСЛ 478 ‘ручей’), *дыбкий, дыбкóй, дыбúчий, дыбунí-стый, жидкий, жидкóй* в значении ‘топкий’ (карта ЛСЛ 429 ‘топкий’), *калтус, рада* в значении ‘травяное болото’ (карта Л 423 ‘травяное болото’) и т. д.;

костромская группа говоров севернорусского наречия выделяется такими лексемами, как *дрéгва* в значении ‘гроза’ (карта СМ 416 *дрегва*);

вологодскую группу говоров отличают такие лексемы, как *перебóр* в значении ‘брод’ (карта Л 463 ‘брод’), *кóчик* в значении ‘кочки на болоте’ (карта Л 419 ‘кочки на болоте’);

новгородские и ладого-тихвинские говоры характеризуют такие лексемы, как *оболóнь* в значении ‘дождевое

облако’ (карта СМ 429 *оболонь*), *тежún* в значении ‘родник’ (карта ЛСЛ 481 ‘родник’), *пóжня* в значении ‘травяное болото’ (карта Л 423 ‘травяное болото’);

псковская группа среднерусских говоров характеризуется такими лексемами, как *маловóдица* в значении ‘время мелководья’ (карта ЛСЛ 458 ‘время мелководья’), *гнилка* в значении ‘глина’ (карта ЛСЛ 437 ‘глина’), *бузá* в значении ‘ил’ (карта ЛСЛ 440 ‘ил’) и т. д.;

для **курско-орловской** группы говоров южнорусского наречия характерны лексемы *дрéгва* в значении ‘талый снег’ ‘жидкая грязь’ и ‘студень’ (карта СМ 416 ‘дрегва’), *лиховóдь* в значении ‘брод’ (карта Л 463 ‘брод’), *кúны, кúпки* в значении ‘кочки на болоте’ (карта Л 419 ‘кочки на болоте’), *бук* в значении ‘омут’ (карта ЛСЛ 461 ‘омут’) и т. д.;

в **смоленских** говорах отмечены такие эксклюзивные лексемы, как *болóнь* в значении ‘топкое место’ (карта СМ 430 *болонь*) и т. д.;

брянские говоры выделяют такие эксклюзивные лексемы, как *вир, вирúна* в значении ‘глубокое место’ (карта ЛСЛ 460 ‘глубокое место’), *дух* в значении ‘прорубь’ (карта ЛСЛ 520 ‘прорубь’) и т. д.;

для **воронежских** говоров характерны такие лексемы, как *эрик, роднiк* в значении ‘исток’ (карта ЛСЛ 453 ‘исток’) и т. д.

Мы привели лишь некоторые примеры. Однако даже эти немногочисленные иллюстрации являются свидетельством не только сопоставимости диалектов процессу нивелирования диалектных различий, но и их динамики. Эти примеры говорят о том, что в ходе развития русских говоров возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия как от литературного языка, так и от других диалектов, см., например, лексемы *майдáн, котёл* (карта ЛСЛ 466 ‘водоворот’), *девáта, девáтка* (карта ЛСЛ 487 ‘высокая большая волна’), *зёркало* карта (ЛСЛ 417 ‘окно на болоте’) и др.

Материал этого тома Атласа вносит существенные коррективы в сложившиеся в науке представления о диалектных различиях на уровне лексики и словообразования. Напомню, что лексические различия еще со времен В. И. Даля признавались незначительными. Противопоставляя «народный язык» как язык многообразный, но **единый в лексическом отношении** книжному, Даль писал: «На всю ширь великой Руси нет наречий, а есть одни только говоры. Говор отличается от языка и наречия одним только **оттенком произношения**, с сохранением нескольких слов старины и прибавкою весьма немногих, образованных на месте речений, всегда верных общему духу языка» (Даль, 7-е изд. 1: V). Именно поэтому выявление лексических различий русских говоров находилось долгое время на периферии диалектологических интересов (диалектные слова привлекались в основном в качестве иллюстрации фонетических или морфологических особенностей говоров). Вместе с тем, как показала работа над «Лексическим атласом русских народных говоров», большинство карт Атласа демонстрирует высокую степень диалектной дифференциации. Диалектная картина, вырисовывающаяся на картах Атласа, заставляет задуматься над причинами устойчивости диалектизмов в условиях процессов социальной интеграции, протекающих во всех славянских диалектах, так как материал Атласа вносит существенные коррективы в лингвистические прогнозы об отмирании диалектов (свидетельством жизненной силы диалектов является лингвистическая перегруженность многих карт Атласа, невозможность отразить все их лексическое богатство, см., например, карты ЛСЛ 466 'водоворот', ЛСЛ 458 'излучина в течении реки', ЛСЛ 459 'залив', ЛСЛ 460 'глубокое место' и др.).

Итак, предварительный лингвогеографический анализ карт Атласа показал, что большинство их демонстрирует высокую степень диалектной дифференциации. И эта расчлененность, подчас мозаичность и пестрота русского диалектного ландшафта, наличие многочисленных островных ареалов требуют своего осмысления не только в социолингвистиче-

ском, но и глоттогенетическом аспекте.

Оценивая материалы этого тома Атласа в целом, можно сказать, что они являются убедительным доказательством того, что процесс номинации — это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество диалектоносителей, в котором познавательное и ценностное сливаются в единое целое. Они говорят о том, что диалектная категоризация мира отличается от литературной, поскольку крестьянин и горожанин видят один и тот же мир по-разному, т. е. диалекты имеют свой взгляд на окружающий мир. При этом «сознание не просто дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а **выделяет** в ней **значимые** для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности» [Петренко 1988: 12], т. е. объективный мир членится человеком с точки зрения категорий ценности и степень его лексической детализации во многом зависит от его дискурсивной значимости. И это является убедительным доказательством существования культурной и языковой корреляции.

Материалы Атласа убедительно свидетельствуют о справедливости слов Н. А. Бердяева, высказанных в статье «О власти пространств над русской душой» Н. А. Бердяев пишет о том, что в душе русского человека оказался очень сильным природный элемент, «связанный с необъятностью русской земли, с безграничностью русской равнины. У русских “природа”, стихийная сила, сильнее, чем у западных людей... Пейзаж русской души соответствует пейзажу русской земли, та же безграничность, бесформенность, устремленность в бесконечность и широта» [Бердяев 1955: 8].

В справедливости этих слов можно убедиться, если рассмотреть лексический состав семантической сферы «Ландшафт». В этой семантической сфере, действительно, отчетливо выделяется номинативный участок, связанный с обозначением рельефа, причем языковые средства используются в основном в целях актуализации главного противопоставления *верх* ~ *низ*. Множество производных имен,

связанных с обозначением **низменных**, ровных участков поверхности земли (равнин, долин, низменностей, полян, опушек, оврагов), свидетельствует о том, что в русской языковой картине мира центральное место в этом противопоставлении занимают имена, в семантической структуре которых присутствует компонент 'низкий'. Каждый из членов этого семантического ряда обладает, как правило, расчлененным семантическим пространством, в котором с помощью лексических и словообразовательных средств актуализируются такие дифференциальные признаки, как:

местоположение **низменных** мест, ср. *подгóрье, подóл, низодóл, низи́на, низби́на, низóвнина, нй́змень* (карта ЛСЛ 401 'низина'); *межнй́к, низи́на, низи́нка, пáберега* (карта ЛСЛ 407 'овраг'); *бережй́на, пáберега, низи́на, уречи́це, подóл* (карта ЛСЛ 428 'пойменный луг');

заливаются или нет **низменности** в половодье, ср. *зали́в* 'низина на лугах, позже, заливаемая водой', 'луг после дождя', 'впадина с водой от половодья' (карта СМ 491 'залив'); *зали́в, розли́в* (карта ЛСЛ 428 'пойменный луг'); *водомóина, вй́мойка, промóина, суходóл, суходóлье, рассóха* (карта ЛСЛ 407 'овраг');

характер поверхности, ср. *кря́ча, кря́чень, расщёлка, рóвина, вытяжй́на* (карта ЛСЛ 407 'овраг'); *зáростель, зарощй́на, леснóк, лесня́к, поросля́к, порóща* (карта Л 420 'болото, поросшее лесом');

характер происхождения, ср. *впáдина, вй́моек, вй́моина, пáдина, падй́н, обрй́в, провáл, провáлина, провáлье, промй́вина, размй́вина, спадй́нка* (карта ЛСЛ 407 'овраг'); *наволо́к, наволо́к, наволо́ка, наволо́ка, пáдинка, зáпадъ* (карта ЛСЛ 428 'пойменный луг'); *водорóй* (карта ЛСЛ 481 'родник, ключ'); *проруба́, прорубка́, разруб́, рубка́* (карта ЛСЛ 520 'прорубь');

размер, ср. *овра́жина, овра́жек, вражóк* (карта ЛСЛ 407 'овраг'); *бредничóк, кипунóк, кипунчик* (карта ЛСЛ 481 'родник, ключ').

Карты Атласа говорят о том, что отношение человека

к природе выразилось, прежде всего, в богатом и детализированном словаре, характеризующемся плюрализмом в наименованиях одних и тех же реалий, различающихся способами семантического и словообразовательного маркирования. Лексическое богатство семантической сферы «Ландшафт» свидетельствует о том, что для человека традиционной духовной культуры взгляд на окружающий мир оказывается не менее важным, чем взгляд на самого себя. Эта семантическая сфера полна присутствием человека, ибо «человеческие» признаки являются неотъемлемой частью любого ее номинативного участка. Они используются **либо прямо** (ср., например, названия *зашее́к, заше́йка, отнóга, пригуб́, пригубоќ, рука́в, усы́нок* в значении 'залив' (карта ЛСЛ 459 'залив'); *глазавй́ные, глáзина, глази́на, глáзинá, глáзник, глазнй́к, глазовй́на, глазóвья, глазóк, плéшина* в значении 'окно на болоте' (карта ЛСЛ 417 'окно на болоте'); *колéно, лóкоть* в значении 'излучина в течении реки' (карта Л 458 'излучина в течении реки'); *голова́, головй́то, головй́ца, головй́ще, изголóвье* в значении 'исток' (карта ЛСЛ 453 'исток реки'); *ма́тка* в значении 'старое русло реки' (карта ЛСЛ 457 'старое русло реки, старица'); *стару́ха, стару́шка, стару́нья* в значении 'залив' (карта ЛСЛ 459 'залив')), либо **опосредованно**, через восприятие человека: *болва́н* в значении 'залив' (карта ЛСЛ 459 'залив'), *отду́шина, прóдух, проду́шина* в значении 'окно на болоте' (карта ЛСЛ 417 'окно на болоте'), *подлóга, подля́га* в значении 'омут' (карта ЛСЛ 461 'омут'); *прóдух, прóдуха, проду́шина, прóдых* в значении 'прорубь' (карта ЛСЛ 520 'прорубь'); *свежй́н, сопй́н, стй́дница* в значении 'родник' (карта ЛСЛ 481 'родник, ключ') и др.

Однако убедительнее всего об этом говорит тот факт, что разные участки семантической сферы «Ландшафт» лексически и словообразовательно проработаны не одинаково. И эта неравномерность в распределении смысловой информации является свидетельством проявления жизненных интересов человека. В диалектной категоризации человеком

мира природы ярко выражена зависимость от внешних условий его бытия, близость к натуральному хозяйству, исконным занятиям крестьянина, парцеллирование объектов познания, в результате которого лексически маркируется то, что имеет для крестьянина практическую ценность в повседневной жизни, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем его мире (подробнее см. [Вендина 1998]), т. е. человек не только познает мир, но и оценивает его с точки зрения его значимости для удовлетворения своих потребностей. Именно этим обстоятельством объясняется, по-видимому, факт селективности словообразования, когда одни семантические сферы языка оказываются открытыми для актов словообразования, тогда как другие — практически закрытыми.

Карты Атласа говорят о том, что в этой семантической сфере маркируются, прежде всего, ценности **отрицательного** порядка, хотя негативность оценки часто выражена имплицитно. Так, в частности, для русского языкового сознания важно обозначение не просто низменности, а ‘низкого, сырого, заболоченного места’ (ср. *замочка, мокрель, мокретина, мочарина, сырину*). Отсюда такое разнообразие имен, связанных с обозначением **болот**. Кроме общего названия болота (ср. *болото, болотина, болотвина, багно, водотопина, дрягва, ляга, ляжка, лыв, лыва, лывина, топель, топлина* (карта ЛСЛ 412 ‘болото’)), в русских диалектах существует множество производных имен, с помощью которых это семантическое пространство детализируется и конкретизируется, при этом степень его детализации во многом зависит от его дискурсивной значимости. Так, в частности, с помощью языковых средств маркируются такие признаки, как:

степень заболоченности места (ср. названия ‘вязкого, топкого болота’: *вяз, вязотина, вязина* (карта ЛСЛ 412 ‘болото’)); проходимость или, скорее, **непроходимость** болота (ср. обозначение ‘топкого непроходимого болота’:

ва́дкий, во́деной, вяза́кий, вязако́й, вяза́чий, вяза́чий, вяза́листый, вяза́ливый, вяза́тый, вяза́ющий, гы́блый, гнило́й, гру́зкий, гря́зкий, гря́зенной, гря́зливый, дре́бный, ды́бкий, ды́бо́й, ды́бучий, ды́бунистый, ды́бунистый, жи́дкий, жи́дко́й, завя́зистый, завя́зкий, замо́ристый, засо́систый, зато́пливый, затя́гивающий, зы́бкий, зы́бочный, непрола́зный, непрохо́дный, прова́льчивый, просе́женный, пучи́стый, пучи́нистый, то́пельный, то́пливый, то́пкий, то́пистый, то́пый, то́пный, топу́чий, тряси́нистый, тряси́нный, тря́ский, трясови́тый, трясу́чий, тягу́чий и др. (карта ЛСЛ 424 ‘топкий’ (о болоте)); или, наоборот, возвышенных, сухих мест *бор* ‘сухое место на болоте’ (карта ЛСЛ 412 ‘болото’);

наличие или отсутствие растительности на болоте: *дря́зга, мацга́н, оли* и др. (карта Л 420 ‘болото, поросшее лесом’) или *безле́сица, безле́сье, белъ, гладина, гладю́ха, гладь, голени́к, го́лина, голы́нь, голы́ш, голъ, го́льцы, голя́к, куты́ла, лишайник, лысы́на, лысу́ха, нагову́ца, пу́столесье, пу́стошь, чисти́на, чисти́нка, чи́стки, чистови́н* и др. (карта Л 421 ‘болото, лишенное кустарника’); *моха́йник, моха́рник, мохови́к, мохо́вина, мохови́на, мохови́ца, мохови́ша, мохо́вище, мохови́ще, мохови́щное, мохови́щина, моша́ник, моша́нник, мошина, моши́на, омша́ник, омша́нник, омша́ра, омша́рина, омша́рина, омша́ринка* и др. (карта ЛСЛ 424 ‘моховое болото’);

особенности цвета находящейся в нем воды, ср. *ржа́вец* ‘торфяное болото с желтовато-бурой водой’, *зеленчу́к* (карта ЛСЛ 412 ‘болото’).

Думается, что такое внимание к названиям болот, а также оврагов и стариц связано с прагматической ориентированностью диалектной лексики и словообразования: маркируется, как правило, то, что не имеет хозяйственной значимости в жизни человека или несет в себе угрозу его благополучию, т. е. ценности отрицательного порядка.

Лексически и словообразовательно детерминированная лексика Атласа дает возможность взглянуть на ландшафт России сквозь призму народного сознания и тем самым проникнуть в глубинную основу традиционных представлений человека о своей земле.

В этой группе имен отчетливо прослеживается «давление действительности» на язык, которая стремится запечатлеть в нем свои черты. Даже не будучи знакомым с географией России, опираясь только на диалектный материал, можно превосходным образом составить представление о ее ландшафте, ибо производная лексика, воссоздавая общепринятый стереотип восприятия поверхности земли, позволяет «прочитывать» природно-географические особенности ландшафта России (ср. устойчивую повторяемость и лексическое многообразие названий равнин, низин, оврагов, болот, рек и т. д.).

Среди множества признаков, актуализируемых в этой семантической сфере, ведущими являются три:

— **качественно-характеризующий** (ср. *мелкóтина, мелкóтка, мелковóдина* (карта ЛСЛ 463 ‘брод’); *глубá, глубина́, глúбина, глúбнiка, глúбiца, глúбице, глúбник, глúбнiца, глúбница* (карта ЛСЛ 460 ‘глубокое место в реке’); *голéник, голéя, голéя, гóмина, голiна, гóлое, голынь, голыш, голь, гóльцы* (карта ЛСЛ 421 ‘лишенное кустарника болото’); *низiна, низiнка* (карта ЛСЛ 407 ‘овраг’); *борóвина, борóвина, борóвiнка, борóвинка* (карта ЛСЛ 395 ‘возвышенность, покрытая лесом’));

— **локативный** (ср. *полéсье, угóрье, сгóрок* (карта ЛСЛ 427 ‘луг на возвышенности’); *поджiлина, подзнóбрица* (карта ЛСЛ 481 ‘родник, ключ’); *загóрье, загóрьице* (карта ЛСЛ 390 ‘значительная возвышенность, гора, выделяющаяся среди других’); *отвёршек, отнóжина* (карта ЛСЛ 407 ‘овраг’); *заберега, забережсье, пáбережсь, пpибережсь* (карта ЛСЛ 469 ‘прибрежная полоса воды’); *закрáй, закрáина, закрáйник, закрáйница, окрáинец, подкрáина* (карта ЛСЛ 518 ‘полоса воды между берегом и краем льда’));

— **акторный** (ср. *зáлив, залiва, залiвина, залiвьё* (карта ЛСЛ 459 ‘залив’); *зáвертень, завертёнъ, зáвертель, завёртень, завертiна, зáверть, завёрть, завёрт, завёртыш* (карта ЛСЛ 466 ‘водоворот’); *зáмороз, зáморози, заморóзка, заморóзок, заморóжник* (карта ЛСЛ 511 ‘замерзание водоемов’); *вýгон, пáстбище, сенокóс* (карта ЛСЛ 426 ‘луг’); *прóруб, прóрубь, прорúб, прорúба, прорúбка* (карта ЛСЛ 520 ‘прорубь’); *промóй, промóина* (карта ЛСЛ 518 ‘полоса воды между берегом и краем льда’) и др.).

Материал Атласа является убедительным доказательством антропологизации диалектного слова, поскольку процесс номинации — это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество человека, в котором познавательное и ценностное сливаются в единое целое.

Системный подход к разработке «Программы» Атласа позволил обнаружить не только внутреннюю системность лексического уровня языка, но и проследить явление семантической, лексической и словообразовательной корреляции лексем, существующих в разных семантических сферах языка.

Материалы этого тома Атласа представляют особую ценность ещё и потому, что именно лексический уровень языка более всего подвержен «давлению действительности», в связи с чем он ярче всего передаёт своеобразие семантического облика модели мира. В этом смысле материалы Атласа, давая возможность увидеть пространственную и реальную классификацию человеческого опыта, позволяют взглянуть на русский ландшафт сквозь призму диалектного слова.

Свежий, достоверный материал Атласа заставляет по-новому оценить и природу диалектных номинаций. Сопряженность теории номинации и теории лингвистической географии откроет в будущем широкие перспективы для развития диалектологии.

Думается, что заложенный в «Программу» Атласа системный подход к картографическому освоению диалектной

лексики открывает перед отечественными диалектологами большие возможности в объективном представлении картины лексической дифференциации современных русских диалектов.

Диалектная картина, вырисовывающаяся на картах Атласа, заставляет задуматься над причинами устойчивости диалектизмов в условиях процессов социальной интеграции, протекающих во всех славянских диалектах, так как Атлас вносит существенные коррективы в лингвистические прогнозы об отмирании диалектов.

Изучение диалектного слова в лингвогеографическом аспекте дает возможность создать своеобразный «банк данных» лексических диалектизмов (подобно тому, которым располагает фонетика и морфология), поскольку до сих пор не определен инвентарный набор лексем по целому ряду лексико-семантических групп. Это позволит заложить фундамент для последующей обобщающей работы по систематизации диалектных различий на уровне лексики и словообразования, что явится стимулом дальнейшего развития диалектной лексикологии и лингвогеографии.

Литература

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с.

Петренко В. Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 208 с.

Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Vol. 3. Landscape): Results and Prospects.

Tatiana Ivanovna Vendina
Institute of Slavic Studies, RAS
vendit@rambler.ru

In this article we discuss the issues of interpretation of the dialectal vocabulary represented in the 3rd volume of the Lexical Atlas of Russian

Folk Dialects, which centers on landscape terms. We give a thorough outline of the design of the maps included in the Atlas and describe their differences from the maps of the first and the second volumes (“Plant kingdom” and “Animal kingdom” respectively).

Key words: Russian dialectology, dialectal differentiation, cognitive linguistics.

References

Berdyayev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Sources and point of the Russian Communism] M.: Nauka, 1990. 224 pp.

Vendina T. I. *Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm)* [Russian world-view from the derivational viewpoint (macrocosm)]. M.: Indrik, 1998. 240 pp.

Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The explanatory dictionary of living Russian language]. M., 1978–1980. Vols. I–IV.

Petrenko V. F. *Psihosemantika soznaniya* [Psychosemantics of consciousness]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1988. 208 pp.

Региональная лексикография и задачи отражения лексики различных тематических групп в ЛАРНГ

Нина Семёновна Ганцовская

Костромской государственный
университет
gantsovsky_n@mail.ru

Галина Дмитриевна Неганова

Костромской государственный
университет
g_neganova@ksu.edu.ru

Ручные ремёсла и промыслы ушли в прошлое и стали достоянием истории, всё труднее стало собирать сведения на основе живых говоров. Наряду с основным источником картографируемой лексики — полевым сбором — с каждым годом всё более актуальным становится выборка соответствующего материала из тематических региональных словарей и современных публикаций лексикографической направленности. В данной статье предлагается обзор вошедших в 4-й выпуск сборника «Громовские чтения» (Кострома, 2023) научных статей, в которых представлена лексика льноводства, прядения и ткачества. В материалах сборника диалектная терминологическая лексика рассматривается в ареальном, семантическом и этимологическом планах, а также в сопоставлении со словарём «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» А. В. Громова.

Ключевые слова: Программа ЛАРНГ, IV Громовские чтения, региональная лексикография, тематические группы лексики, лексика льноводства, прядения и ткачества.

Одной из задач создания ЛАРНГ является запланированные в её Программе собирание и обработка материалов, связанных с трудовой деятельностью человека, в частности, в области ремёсел и промыслов: обработкой льна и конопли, прядением, ткачеством, плотницким, столярным, кузнечным,

гончарным, валяльным делом и другими видами ареальных тематических говорных групп лексики. Наряду с основным источником картографируемой лексики — полевым сбором — с каждым годом всё более актуальным становится выборка соответствующего словарного материала из тематических региональных словарей указанных и других актуальных тематических групп лексики, связанных с деятельностью человека в области материальной и духовной культуры. Как известно, ручные ремёсла и промыслы ушли в прошлое и стали достоянием истории, более или менее глубокой, всё труднее стало собирать сведения на основе живых говоров и по другим тематическим группам. В этом плане задачи лингвогеографических исследований перекликаются с лексикографическими как общерусского, так и, пожалуй, чаще и продуктивнее, регионального масштаба. Наряду со словарями первого типа — Толковым словарём живого великорусского языка В. И. Даля, Опытном областном великорусском словаре и Дополнением к нему и почти законченным многотомным академическим СРНГ¹, информацию, полезную в свете данной тематики для составления ЛАРНГ, можно найти как в уже существующих, так и множачихся даже в нынешнем веке региональных тематических отраслевых словарях.

Об этом говорит опыт проведения в Костромском государственном университете в сентябре 2022 г. IV Громовских чтений, посвящённых 100-летию со дня рождения исследователя костромских поунженских говоров А. В. Громова и 30-летию

¹ По поводу СРНГ и других подобных ему современных областных словарей А. С. Герд в статье «Лексический атлас русских народных говоров. Антиномии. Антиномия IV. Диалект — атлас» писал следующее: «...СРНГ включает в себе всё богатство собственно диалектных слов из самых разных источников XIX–XX веков. По хронологии к нему близок ПОС. Новые диалектные словари, вышедшие и публикуемые начиная с 70–80-х годов XX века, отразили лексику диалектов в том виде, как она была записана в 60–70-е годы XX века, то есть тогда, когда диалекты ещё активно функционировали и сохраняли свою системную целостность. ЛАРНГ ориентируется в принципе на вторую половину XX века и на записи последних лет, однако постоянно оглядывается и на словарь Даля и на СРНГ» [Герд 2011: 7].

выхода в свет его знаменитого словаря «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» (сам автор для краткости называл его «Льняным словарём»). В Программе конференции были представлены сообщения, содержащие разнообразные сведения о тематических группах диалектных слов разных регионов России с точки зрения её оригинального состава и связи с социально-этническими группами населения, принципов отбора материала, способа представления в словарях, функционально-стилистических особенностей, коррелирования с общенародной и литературной лексикой и др. В ряде работ представлены результаты исследований, связанных либо с тематическими группами лексики «Обработка льна и конопли. Прядение. Ткачество» (Программа ЛАРНГ: 173–189), либо с диалектными тематическими словарями лексики обработки льна, прядения и ткачества.

Так, Ж. Ж. Варбот в исследовании «Об этимологии русск. диал. *смонуть* (к реконструкции чередования корневых гласных в праслав. **meṭi*)», посвящённом одной из важных задач славянской этимологии — «реконструкции вокалических чередований в корнях, лежащих в основе славянских этимологических гнёзд», как лексическое подтверждение того, что «теоретически возможные ступени чередований нередко обнаруживаются в диалектах», рассматривает диалектное слово *смонуть* ‘отрывать головки льна или листья от стеблей’ [Варбот 2023: 69] (в Программе ЛАРНГ вопрос «Л 12 009. Отделять головки льна от стебля»). На основе анализа словоупотреблений глагола, широко представленного в русских говорах, исследователь утверждает, что «генетическую связь для *смонуть* можно нащупать, обратив внимание на одну очевидную семантическую составляющую», а именно — сжимание, надавливание, «особенно *насмонуть* ‘нарвать листьев с веток, пропустив ветки между сжатыми в кулак пальцами’» и «*вымнуться* ‘очиститься от твердых частиц (о льне, конопле)’» [Там же]. То, что «в описании соответствующих действий присутствует обхват и движение по

стеблям сжатой ладонью, горстью», позволяет предположить образование анализируемого «глагола на базе *мять, мну* (праслав. **meṭi, mьnq*): праслав. **moniti* → русск. **монити* → нерегулярное русск. *монуть*, при вторичных преобразованиях **монити* в диал. *момнить, момнить* (восстановление корня *mn*)» [Варбот 2023: 68]. При этом отмечается, что «для праславянского глагольного корня **men-* ‘мять, сжимать’ (как и для исходного и.-е. **men-*) вокализм в ступени **o* до сих пор не был зафиксирован» [Варбот 2023: 70].

В работе И. А. Горбушиной [Горбушина 2023] рассматривается ряд относящихся к теме обработки льна лексем, которые имеют дополнительные значения, помимо указанных в словаре А. В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества костромских говорах по реке Унже». Называя «Льняной словарь» «масштабным явлением», но вместе с тем ограниченным костромскими говорами, исследователь задаётся целью «сопоставить некоторые слова и выражения, зафиксированные в словаре, с аналогичными лексемами в других говорах» и на примере слов с корнем *тер-* ‘тереть’, относящихся к сельскохозяйственной лексике, «показать, что некоторые лексемы, производные от одного корня, могут распространяться на разные этапы общего процесса обработки льна, а также других культур (в том числе зерновых)» [Горбушина 2023: 313]. В Программе ЛАРНГ это вопросы нескольких тематических подразделов (6. Полеводство; 12. Обработка льна и конопли. Прядение. Ткачество; 19. Пища, напитки и их приготовление).

ПОЛЕВОДСТВО

«Зерновые культуры. Процессы, связанные с их возделыванием и обработкой»:

ЛСЛ 6 240. Остатки колосьев, стеблей и другие отходы при молотье и веянии — *вóтра (вóтра), отёра, отúра, отúрка, отóра, отóрь, отóрье, отóрья, отóря, отрúна, тертуха, терюха, торúца, третъё*.

ОБРАБОТКА ЛЬНА И КОНОПЛИ. ПРЯДЕНИЕ. ТКАЧЕСТВО

«Названия льна и конопли. Уборка волокнистых растений»:

Л 12 007. Выдергивать лён, коноплю из земли — *теребить, торгáть* (несов. *торгну́ть*);

Л 12 009. Отделять головки льна от стебля — *теребить*.

«Переработка льна и конопли на волокно»:

Л 12 017. Измельчить стебли льна, конопли, чтобы отделить волокно — *терéть, терéться*;

ЛСЛ 12 018. Орудие измельчения жёсткого покрова стеблей льна, конопли — *терту́шка, тёрка, тёрница*.

ЛСЛ 12 025. Отходы трепанья волокна — *третьё*.

ПИЩА, НАПИТКИ И ИХ ПРИГОТОВЛЕНИЕ

ЛСЛ 19 190. Хлеб из ситной муки — *потéря*.

Исследователь отмечает, что «корень *тер-* в самых разных диалектах обладает широким кругом значений, применимых к льноводству, а также к обработке других культур... Основное значение, которым объединены все остальные, — ‘резкое движение, связанное с повреждением поверхности’ (которое включают процессы трепания, молотбы, очистки льна и т. п. и которое переносится на названия продуктов и отходов, полученных в результате этих процессов)» [Горбушина 2023: 316].

В статье «Из лексики домашнего прядения: нити, изготовленные без веретена» Т. В. Бахваловой [Бахвалова 2023] рассматриваются слова, которые в Программе ЛАРНГ соответствуют вопросу «ЛСЛ 12 056. Толстая пряжа, скрученная без веретена из отходов чесания». Устанавливается мотивационная основа, выявляются словообразовательные модели. По наблюдениям исследователя, к наиболее частотным и распространённым относятся отражающие способ изготовления таких нитей отглагольные производные, в основе которых «синонимичные глаголы *вертéть* (*вёрча, верчь, верть, верту́х, верту́ха, веретьяга*), *крути́ть* (*кручёнка*), *сучи́ть* (*сучка, сученика*)»; к единичным — наименования, которые образованы «в результате метонимических переносов: действие → результат этого действия (*верть*), сырьё, мате-

риал → артефакт из него (*хлопья́ника*)» [Бахвалова 2023: 75].

В предварительных замечаниях подраздела «18. Крестьянская одежда, обувь, головные уборы, рукавицы, украшения» Программы ЛАРНГ, с целью более успешного сбора материала о реалиях, которых уже нет, но «память о которых сохранилась у носителей диалекта», при опросе информантов предлагается использовать вопросы, в том числе связанных с названиями и характеристикой тканей, из которых изготавливалась одежда (Программа ЛАРНГ: 267–268). Задаче Программы ЛАРНГ «не упустить из сферы своего внимания диалектные слова, связанные с уходящими или ушедшими в прошлое сторонами быта русского крестьянина, так как соби́рание такой лексики весьма важно для разработки истории языка и истории народа» (Программа ЛАРНГ: 268) отвечает исследование «Из истории лексики ткачества (*брать узоры*)» Т. К. Ховриной [Ховрина 2023]. В статье в синхроническом и диахроническом аспектах анализируются наименования лексического гнезда «Бранина», представленные в разделе «VI. Ткань» (подгруппа «Названия разновидностей тканей») «Льняного словаря» А. В. Громова: *брань, браники, бранина, браное, браные кросна, брать (выбирать, наводит) узоры*. Особое внимание обращается на глагол *брать*, обычно в составе устойчивого оборота *брать узор (узоры)*, бытующего в ярославских говорах — некрасовских, переславских, пошехонских, ростовских [Ховрина 2023: 81]. Приведённые в большом количестве «записи народной речи раскрывают очень важные, уходящие в прошлое стороны жизни русского народа, его хозяйственной деятельности» [Ховрина 2023: 83].

В сравнении с «Льняным словарём» А. В. Громова представляет Н. С. Тугарина лексику ткачества в говорах группы деревень по правому берегу реки Вохмы [Тугарина 2023]: *бе́рдо, веретно́, дырова́тка, зубо́к, коло́да, колоколéц, косты́ца, кудéля, линейки, набéлки, навóй, ни́ченицы, па́смы, плесея́, плетéнь, понёбник, прéсница, притужа́льник, при́швица, прядея́, пря́лка, скать*,

сновáльно, собáчки, станíна, стенá (насновáла пять стен со столбóм), *тóча* (глядíть тóчу), *точея́, труби́ца, чиве́чки, чíсменки* и др. «...Основная часть лексики ткачества деревень по реке Вохме и Словаря А. В. Громова совпадает, поскольку это севернорусские говоры, одна область», — отмечает автор статьи. Вместе с тем наблюдаются и локальные особенности. Так, например, слово *куде́ля* у А. В. Громова приводится со значением 'свёрток для прядения из очёсков льна' (Громов 1992: 32), в вохомских же говорах «так называли любой свёрток для прядения льна, то есть оно бытовало в более широком значении» [Тугарина 2023: 95]; *вёкошки* 'деревянные блоки в ткацком стане, с помощью которых поднимаются и опускаются нити основы', *наби́лки* 'часть домашнего ткацкого стана — деревянная рама, в которую вставляют бёрдо', *цёвка* 'деревянная или берестяная трубочка в скальне, на которую надевают уточную нить' в Словаре А. В. Громова (Громов 1992: 62, 63, 66) — *собáчки, набéлки, чиве́чка* в вохомских говорах. «В вохомских говорах не было глагола *сучíть*, употреблялся всегда глагол *скать*. Это относилось и к процессам скручивания пряжи, и навивания уточной нити на скально для челнока. Распространённым было словосочетание *скать чиве́чки*, а не *сучíть цёвки*» [Тугарина 2023: 96].

В своей содержательной работе «Календарные праздники, обряды и предписания, связанные с процессами прядения и ткачества (по лексическим данным Пермского края)» Ю. В. Зверева и А. В. Черных [Зверева, Черных 2023] рассматривают лексику Пермского Прикамья, отражающую обряды, связанные с выращиванием и обработкой льна, прядением и ткачеством, которая в основном сходна с лексикой других русских говоров, но имеет и некоторые региональные отличия. Анализируемая лексика, которую исследователи характеризуют через призму народных обрядов, праздников и поверий, относится к разным тематическим подгруппам: «Характеристика человека по его отношению к труду и собственности. Социальный быт старой деревни», «Народный

календарь и календарная обрядность», «Демонология» и др. Приводится большое количество примеров различных терминов по исследуемой теме в развёрнутых и информативных контекстах. Приведём примеры.

«Л 5 172. Названия следующих дней (по старому стилю). <...>». На территории Пермского Прикамья бытовали следующие названия дня сева льна, приуроченного ко дню святых Константина и Елены (3 июня): *День матери Елены и отца Константина, Елена, Елены-ленницы/леносейницы, Еленосевки, Олёна-ленница, Олёнин день, Царёв день*. В качестве иллюстраций приводятся в основном записи живой народной речи из материалов полевых исследований А. В. Черных: *На вешала сушить повешают. Семечки выколотят вальком. Матери Елены и отца Константина, в этот день, что ли. Картошку выкопали, тогда лён убирают*. Русский Сарс; *К Елене отсевались, самогонку варили, песни старинные пели*. Степановка; *Елены-ленницы, Елены-леносейницы живут третьего июня*. Торговище; *Олёна-ленница — сеяние льна. Усолье; Царёв день — в этот день лёносевки. Около этого дня сеют лён*. Торговище; и др. [Зверева, Черных 2023: 85–86].

«ЛСЛ 2 213. Коллективная помощь в работе...». В пермских говорах зафиксирован ряд названий коллективных работ женщин для оказания помощи при обработке льна: *колоти́ха, копоты́ха/копоты́хи, кудельница/кудельня, потрепу́ха/потрепу́хи, почесу́ха/почесу́хи, у́тренник, субботе́я*. Пример из материалов полевых исследований А. В. Черных: *Это значит лён мнут и первый раз треплют. Это копотиха. Созовут девок, поработают, потом домой сходят, переоденутся и к хозяйке обратно идут. А в доме уж у ней угощение стоит. Вот гулянье и начинают*. Ольховка [Зверева, Черных 2023: 87]. В статье приводятся также наименования коллективных собраний для совместного прядения: *попряде́йка / попряду́ха, попряду́шка; пря́лки; сýпрядка/супряди́на/сýпрядь; позову́шки; суббо́тки; бесе́дка; вече́рка; посиде́лки/посиде́нки* (пример иллю-

страции: *В супрядь — собирались, кому надо, у него угощенье только было. Прядёшь, сидишь.* Русский Сарс) [Зверева, Черных 2023: 89]. Исследователи отмечают, что «номинации совместных работ обычно образованы от глаголов, обозначающих процессы, которыми занимались женщины при подготовке льна к прядению» [Зверева, Черных 2023: 87].

В 2022 г. вышел диалектный словарь «Псковский лён в диалектной речи, фольклоре и образцах традиционного ткачества: иллюстрированный словарь с комментариями». Источниками его послужили «уникальные, нередко эксклюзивные материалы: региональные словари, в первую очередь опубликованные выпуски и картотека “Псковского областного словаря с историческими данными”, архивы научно-образовательной лаборатории “Социогуманитарная регионалика” Псковского государственного университета» (Псковский лён: 6). С объёмом, составом и содержанием словаря знакомит в своей статье «Культурема “Лён” как смысловая доминанта социального проекта» его автор-составитель Н. В. Большакова [Большакова 2023]. Более трёхсот вошедших в него терминов объединены в четыре группы, позволяющие «представить весь предметно-понятийный комплекс ткачества через языковое выражение» [Большакова 2023: 105]: 1) названия домашнего ткацкого станка, его частей и деталей, 2) названия готовой ткани из льна, 3) названия видов узора на ткани, 4) названия изделий из льняного домотканого полотна (полотенца, скатерти и другие виды домашнего текстиля; одежда из домотканого полотна). Структура словарной статьи позволяет «показать широкую вариативность диалектной номинации»: варианты ударения, морфологические варианты, словообразовательные параллели, в составе устойчивых словосочетаний, а также в фольклорных текстах. Вне сомнения, материалы словаря «Псковский лён...» будут востребованы в качестве ценного источника лингвогеографического изучения диалектной терминологической лексики.

Программа ЛАРНГ «призвана обеспечить собирание широкого тематического круга сопоставимой в ареальном плане

лексики» (ЛАРНГ. Проект 1994: 43). Вместе с тем, в целях наиболее полного и всестороннего отражения лексических богатств русского языка, предусматривается «не только изучение широкого круга тематических групп лексики, но и достаточно подробная разработка каждой из тем» (ЛАРНГ. Проект 1994: 37). Обращение к региональным словарям, лексикологическим и лексикографическим исследованиям диалектной лексики (см. (ЛАРНГ. Проект 1994: 52–53)) всецело отвечает целям и задачам ЛАРНГ.

Литература

Бахвалова Т. В. Из лексики домашнего прядения: нити, изготовленные без веретена // Громовские чтения. Вып. 4. Проблемы современной региональной лексикографии: К 100-летию со дня рождения А. В. Громова и 30-летию «Льняного словаря»: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 15–16 сент. 2022 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2023. С. 71–76.

Большакова Н. В. Культурема «Лён» как смысловая доминанта социального проекта // Громовские чтения. Вып. 4. Проблемы современной региональной лексикографии: К 100-летию со дня рождения А. В. Громова и 30-летию «Льняного словаря»: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 15–16 сент. 2022 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2023. С. 103–108.

Варбот Ж. Ж. Об этимологии русск. диал. *смонуть* (к реконструкции чередования корневых гласных в праслав. **męti*) // Громовские чтения. Вып. 4. Проблемы современной региональной лексикографии: К 100-летию со дня рождения А. В. Громова и 30-летию «Льняного словаря»: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 15–16 сент. 2022 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2023. С. 68–70.

Герд А. С. Лексический атлас русских народных говоров. Антиномии. Антиномия IV. Диалект — атлас // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2011. С. 7–9.

Горбушина И. А. Дополнения к словарю А. В. Громова «Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже» // Громовские чтения. Вып. 4. Проблемы современной региональной лексикографии: К 100-летию со дня рождения А. В. Громова и 30-летию «Льняного словаря»: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 15–16 сент. 2022 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2023. С. 312–317.

Зверева Ю. В., Черных А. В. Календарные праздники, обряды и предписания, связанные с процессами прядения и ткачества (по лексическим данным Пермского края) // Громовские чтения. Вып. 4. Проблемы современной региональной лексикографии: К 100-летию со дня рождения А. В. Громова и 30-летию «Льняного словаря»: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 15–16 сент. 2022 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2023. С. 84–93.

Тугарина Н. С. Лексика ткачества в говорах группы деревень по реке Вохме // Громовские чтения. Вып. 4. Проблемы современной региональной лексикографии: К 100-летию со дня рождения А. В. Громова и 30-летию «Льняного словаря»: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 15–16 сент. 2022 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2023. С. 93–98.

Ховрина Т. К. Из истории лексики ткачества (брать узоры) // Громовские чтения. Вып. 4. Проблемы современной региональной лексикографии: К 100-летию со дня рождения А. В. Громова и 30-летию «Льняного словаря»: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф. Кострома, 15–16 сент. 2022 г. Кострома: Костромской государственный университет, 2023. С. 76–84.

Regional Lexicography and the Tasks of Representing the Vocabulary of Various Thematic Groups in the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects

Nina S. Gantsovskaya, Galina D. Neganova
Kostroma State University
gantsovsky_n@mail.ru; g_neganova@ksu.edu.ru

Summary. Folk crafts are a thing of the past having receded into the historical distance, and thus it becomes increasingly difficult to collect dialect terminological vocabulary. Along with the main source of mapped vocabulary — materials of dialectological expeditions — every year the selection of appropriate material from thematic regional dictionaries and modern lexicographic publications becomes more and more relevant. This article provides an overview of the research articles included in the 4th issue of the “Gromov Readings” almanac (Kostroma, 2023), which presents the dialect lexis of flax growing, spinning and weaving. In the materials of the almanac, dialect terminological vocabulary is considered from areal, semantic and etymological perspectives, and compared with the “Dictionary of the vocabulary of flax growing, spinning and weaving in Kostroma dialects along the Unzha River” by A. V. Gromov.

Key words: LARFD program, 4th Gromov readings, regional lexicography, thematic groups of vocabulary, lexis of flax growing, spinning and weaving.

Reference

Bahvalova T. V. Iz leksiki domashnego pryadeniya: niti, izgotovlennye bez veretena [Some fragments of the vocabulary of home spinning: threads made without a spindle] // Gromovskie chteniya. Issue 4. Problemy sovremennoj regional'noj leksikografii [Gromov Readings. Issues in modern regional lexicography]: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Gromova i 30-letiyu «L'nyanogo slovarya»: sb. materialov i issled. mezhhdunar. nauch. konf. Kostroma, 15–16 sent. 2022 g. Kostroma: Kostroma State University Publ., 2023. Pp. 71–75.

Bol'shakova N. V. Kul'turema «Lyon» kak smyslovaya dominanta social'nogo proekta [Culturally significant unit “Flax” as the semantic dominant of a social project] // Gromovskie chteniya. Problemy sovremennoj regional'noj leksikografii [Gromov Readings. Issue 4. Issues in modern regional lexicography]: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Gromova i 30-letiyu «L'nyanogo slovarya»: sb. materialov i issled. mezhhdunar. nauch. konf. Kostroma, 15–16 sent. 2022 g. Kostroma: Kostroma State University Publ., 2023. Pp. 103–108.

Varbot ZH. ZH. Ob etimologii russk. dial. *smonut'* (k rekonstrukcii

cheredovaniya kornevyh glasnyh v praslav. **męti*) [On the etymology of Russian dialectal *smonut'* (some notes on reconstructing the alternation of root vowels in Proto-Slavic **męti*)] // Gromovskie chteniya. Problemy sovremennoj regional'noj leksikografii [Gromov Readings. Issue 4. Issues in modern regional lexicography]: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Gromova i 30-letiyu «L'nyanogo slovarya»: sb. materialov i issled. mezhdunar. nauch. konf. Kostroma, 15–16 sent. 2022 g. Kostroma: Kostroma State University Publ., 2023. Pp. 68–70.

Gerd A. S. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov. Antinomii. Antinomiya IV. Dialekt — atlas [Lexical atlas of Russian folk dialects. Antinomies. Antinomy IV. Dialect vs. Atlas] // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and Research) / S. A. Myznikov (ed.)]. 2011. SPb.: Nauka, 2011. Pp. 7–9.

Gorbushina I. A. Dopolneniya k slovaryu A. V. Gromova «Leksika l'novodstva, pryadeniya i tkachestva v kostromskih govorah po reke Unzhe» [Addenda to A. V. Gromov's dictionary "The vocabulary of flax growing, spinning and weaving in Kostroma dialects along the Unzha River"] // Gromovskie chteniya. Issue 4. Problemy sovremennoj regional'noj leksikografii [Gromov Readings. Issues in of modern regional lexicography]: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Gromova i 30-letiyu «L'nyanogo slovarya»: sb. materialov i issled. mezhdunar. nauch. konf. Kostroma, 15–16 sent. 2022 g. Kostroma: Kostroma State University Publ., 2023. Pp. 312–317.

Gromov A. V. Slovar'. Leksika l'novodstva, l'nopryadeniya i tkachestva v kostromskih govorah po reke Unzhe [Dictionary. The vocabulary of flax growing, spinning and weaving in Kostroma dialects along the Unzha River]: ucheb. posobie. YArosavl': YAGPI im. K. D. Ushinskogo, 1992. 118 pp.

Zvereva YU. V., CHernyh A. V. Kalendarnye prazdniki, obryady i predpisaniya, svyazannye s processami pryadeniya i tkachestva (po leksicheskim dannym Permskogo kraya) [Calendar holidays, rituals and regulations related to the processes of spinning and weaving (according to the lexical data of the Perm Region)] // Gromovskie chteniya. Problemy sovremennoj regional'noj leksikografii [Gromov Readings. Issue 4. Issues in modern regional lexicography]: K 100-letiyu so dnya

rozhdeniya A. V. Gromova i 30-letiyu «L'nyanogo slovarya»: sb. materialov i issled. mezhdunar. nauch. konf. Kostroma, 15–16 sent. 2022 g. Kostroma: Kostroma State University Publ., 2023. Pp. 84–93.

Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov. Proekt / otv. red. I. A. Popov [Lexical Atlas of Russian folk dialects. Project / I. A. Popov (ed.)] SPb.: ILI RAN, 1994. 112 pp.

Programma sobiraniya svedenij dlya Leksicheskogo atlasa russkih narodnyh govorov [The program of collecting information for the Lexical Atlas of Russian folk dialects]: nauch.-metod. posobie. SPb.: ILI RAN, 1994. 336 pp.

Pskovskij lyon v dialektnoj rechi, fol'klоре i obrazcah tradicionnogo tkachestva [Pskov flax in dialect speech, folklore and samples of traditional weaving / N. V. Bol'shakova (author and compiler)]: illyustrirrovannyj slovar' s kommentariyami. Pskov: Konkord, 2022. 177 pp.

Tugarina N. S. Leksika tkachestva v govorah gruppy dereven' po reke Vohme [The vocabulary of weaving in the dialects of a group of villages along the Vohme River] // Gromovskie chteniya. Problemy sovremennoj regional'noj leksikografii [Gromov Readings. Issue 4. Issues in modern regional lexicography]: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Gromova i 30-letiyu «L'nyanogo slovarya»: sb. materialov i issled. mezhdunar. nauch. konf. Kostroma, 15–16 sent. 2022 g. Kostroma: Kostroma State University Publ., 2023. Pp. 93–98.

Hovrina T. K. Iz istorii leksiki tkachestva (*brat' uzory*) [On the history of weaving vocabulary (*brat' uzory*)] // Gromovskie chteniya. Problemy sovremennoj regional'noj leksikografii [Gromov Readings. Issue 4. Issues in modern regional lexicography]: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya A. V. Gromova i 30-letiyu «L'nyanogo slovarya»: sb. materialov i issled. mezhdunar. nauch. konf. Kostroma, 15–16 sent. 2022 g. Kostroma: Kostroma State University Publ., 2023. Pp. 76–84.

Номинации деревьев и кустарников как мотивационная база для лексических и фразеологических единиц, обозначающих человека в русских говорах Пермского края (по данным диалектных словарей Пермского края)*

Мария Андреевна Гранова

Пермский федеральный
исследовательский центр
Уральского отделения Российской
академии наук
marjanaandreeva@mail.ru

В статье на материале диалектных словарей Пермского края рассматриваются функционирующие в русских говорах региона номинации и устойчивые сочетания, называющие человека по различным признакам и включающие в свой состав фитонимы — обозначения деревьев и кустарников. В ходе исследования выявлены признаки растений, которые лежат в основе переноса номинации с растения на человека. Установлено, что это могут быть объективные признаки растений (форма всего растения; высота и толщина ствола; твердость коры, прочность древесины; вкус и цвет плодов растения; положение растения в пространстве) и признаки, приписываемые растениям диалектоносителями (*калина* связана с миром мертвых, *смоковница* связана с идеей греха). Выявлены также представления о деревьях и кустарниках в сознании русских Пермского края: дерево вообще связано с идеей высокого роста или неподвижности, дуб — с физической силой, здоровьем, полнотой, верба — с внешней красотой, кедр — с глупостью, шиповник — с придиричивостью, вывороченное с корнем дерево — с неуравновешенностью, малина — с женским началом; сухое дерево — с худобой и высоким ростом.

Ключевые слова: этноботаника, фитоним, дерево, кустарник, мотивационная модель 'растение' → 'человек', русские говоры Пермского края.

Мир растений — неотъемлемая часть окружающей человека действительности, поэтому народная фитонимия составляет «одну из древнейших лексических микросистем, в которой закреплен опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окружающей человека природы (Коновалова 2000: 4). За время своего существования фитонимы сформировали развитую систему семантических связей с единицами других лексических групп, а также развили различные культурные коннотации. Поэтому изучением растений и лексики, их обозначающей, сегодня занимаются не только ботаники, но и историки, этнографы, культурологи, фольклористы, этнолингвисты, диалектологи и другие ученые.

Так, роль различных растений в традиционной культуре славян описана, например, в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (СД) и работах ученых-этнолингвистов (см., напр., [Агапкина 2019]), а также в сборниках [Этноботаника 2010; СБФ 1986; 1994; 2000]. Изучению фитонимии русских говоров посвящены, например, работы Т. И. Вендиной [Вендина 1998] (словообразовательный и мотивационный аспект), В. А. Меркуловой [Меркулова 1967] (этимологический аспект), М. М. Сывороткина, Р. В. Гайдамашко, И. В. Бродского [Сывороткин 2001; Гайдамашко 2009; Бродский 2010] (отражение межъязыковых контактов в русской фитонимии различных территорий) и др.

Ведется и лексикографирование номинаций растений. Так, фитонимы включены в «Словарь русских народных говоров» (СРНГ), а также отражаются в региональных диалектных словарях; среди специальных словарей, посвященных этим единицам, можно назвать, например, «Ботанический словарь» Н. И. Анненкова (Анненков 1878) (это первый в России крупный свод диалектных фитонимов); из более современных изданий (созданных на материале отдельных групп говоров) — «Словарь народных названий растений Урала» Н. И. Коноваловой (Коновалова 2000) (говоры Сред-

него Урала), «Словарь фитонимов Среднего Приобья» В. Г. Арьяновой (Арьянова).

Важным направлением в изучении русской фитонимии является также ее картографирование. Речь идет прежде всего о создании первого тома ЛАРНГ «Растительный мир» (ЛАРНГ 2017). Работа над ЛАРНГ обусловила рост интереса исследователей к сбору и изучению фитонимии отдельных регионов, в том числе и Пермского края.

Предметом анализа в трудах ученых, рассматривающих фитонимы данного региона, были прежде всего мотивационные признаки, лежащие в основе этих единиц, и мотивационная база этих номинаций (см., напр., [Русинова, Богачева 2003; Русинова 2011]), словообразовательные особенности фитонимов (см., напр., [Боброва 2017а; 2017б]), а также отражение в этой лексике контактов русского населения края с другими народами (см. об этом, напр., в [Гайдамашко, Шкураток 2015; Подюков 2015]). Рассматривались роль самих растений в традиционной культуре русских Пермского края, их использование в народной магии, медицине, календарных обрядах (см. [Черных 2016; Боброва, Русинова, Черных 2017; Королёва, Клейкова 2017]).

Настоящая работа тоже посвящена вопросам мотивации, однако мы будем рассматривать те случаи, когда фитонимы выступают в качестве мотивирующей базы для лексики других тематических групп. В данной статье речь пойдет о процессах, происходящих в рамках мотивационной модели 'растение' → 'человек'. Отметим, что отфитонимные обозначения человека ранее рассматривались на материале русских говоров в целом [Колосько 2010; Леонтьева 2006] и говоров отдельных территорий — вологодских [Урманчиева 2013], орловских [Бахвалова 1996], говоров республики Мордовия [Акимова, Мочалова 2014] и др. В русских говорах Пермского края перенос по указанной модели изучался в основном на материале прозвищ (см. работы М. В. Бобровой [Боброва 2021; 2022]), а также на материале фразеологизмов сравнения (см. работы И. И. Баклановой, напр., [Бакланова 2011]).

В нашей работе объектом анализа будут номинации и устойчивые сочетания, называющие человека по различным признакам (внешнему облику, чертам характера, особенностям поведения и др.), включающие в свой состав фитонимы. Источниками материала для исследования послужили данные диалектных словарей Пермского края (СПГ; СРГЮП; СРГКПО; СРГСПК; Прокошева 2002). Отметим, что ввиду большого объема материала мы остановимся только на единицах, производных от названий деревьев и кустарников. Цель исследования заключается в выявлении признаков растений, которые лежат в основе переноса номинации с растения на человека.

Анализ словарных материалов показывает, что фитонимы, выступающие в качестве мотивационной базы для обозначений человека, можно разделить на несколько групп, первую из которых составляют **общие названия деревьев и кустарников**. Единицами этой группы мотивированы следующие лексические и фразеологические единицы, называющие человека: *как дѣрево (лежѣть)* 'о неподвижном, бесчувственном' (СРГЮП 1: 229), *лесина* 'высокий человек' (СРГЮП 2: 20), *куст* 'скопление людей' (СПГ 1: 456): *Вон у Зойки мать до ста дожсила. Дак че — последнее-то время как дерево лежала.* Федотово Бер. (СРГЮП 1: 229); *Из армии пришёл, такой лесина вырос.* Леун Окт. (СРГЮП 2: 20); *Куст-то какой стоит девок-то!* Андреево Киш. (СПГ 1: 456); *Сколь вас здесь! Ишь куст какой!* Андреево Киш. (Там же).

Указанные единицы мотивированы фитонимами *дерево*, *лесина*, *куст (кустарник)*. Представляется, что в первом случае при переносе фитонима на человека в народном сознании актуализируются, во-первых, признак твердости коры дерева, отсюда возможен перенос по модели 'твердый, жесткий' → 'бесчувственный'. Во-вторых, здесь оказывается важным признак неподвижности упавшего или поваленного дерева. Единица *лесина* в пермских говорах имеет прямое значение 'дерево' (СПГ 1: 473; СРГЮП 2: 20). Однако, как

показывают словарные иллюстрации, *лесиной* чаще называется большое, высокое дерево (ср.: *На сплаве всё лес таскали по покатам. Зацепим лесину и тащим из воды.* Суксун (СПГ 1: 473); *Мы, молоды-те, сильны были, лесины выкоренивали.* Меча Киш. (Там же); *Вчерась шибко сильная гроза была, так гремело, так сверкало, что у нас перед домом большу лесину свалило.* Суксун (Там же)). Это значение отмечено и в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ 16: 370). Таким образом, при переносе фитонима на человека актуализируется признак высоты дерева. Лексема *куст* в литературном языке имеет значения ‘древовидное растение с ветвями, начинающимися почти от самой поверхности почвы’ (БАС-3 8: 822), а также ‘травянистое растение, стебли которого растут от поверхности почвы пучком’ (Там же: 823). На наш взгляд, мотивационным признаком для появления у этой лексемы значения ‘скопление людей’ является форма растения — большое количество ветвей, растущих близко друг к другу, — через которую реализуется идея множественности.

Вторую группу фитонимов, мотивирующих номинации человека, составляют **названия конкретных видов деревьев и кустарников**. От них в пермских говорах произошли следующие обозначения человека: *вѣрбочка* ‘о красивом, стройном человеке’ (СПГ 1: 84)]; *как вѣрба* ‘о красивом нарядном человеке’ (Там же); *дуб* ‘о высоком, физически сильном человеке’ (СПГ 1: 236); *дуб дѣба лучше* ‘о физически сильных, здоровых’ (СРГКПО: 91); *дуботолк* ‘о крупном человеке’ (СРГЮП 1: 253); *колобѣха дубровская* ‘о полной, плотной женщине’ (Прокошева 2002: 172); *кѣдра вятская* ‘о глупом, недалёком’ (СРГКПО: 118); *как репѣй в малине* ‘об одном мужчине среди женщин’ (СРГЮП 3: 36); *калѣнник* ‘человек, умерший не своей смертью’ (СРГЮП 1: 366); *смаковница* ‘гулящая женщина’ (СПГ 2: 355); *шипичный бадог* ‘о придиричивом человеке’ (СРГСПК 1: 44).

Приведем контексты: *А молодежь-то! Такие вербочки все подросли, все работают. Теперь только живи да работай.* Фокина Юрл. (СПГ 1: 84); *Жених за столом просто как верба,*

беда уж красивой. Оськино Сол. (Там же); *Иной мужик высокий, большой, дак его дуб звали.* Козьмодемьянское Караг. (СПГ 1: 236); *Ниче не робят, по деревне шатаются, сами дуб дуба лучше.* Титова Юрл. (СРГКПО: 91); *Сама маленька, а такого дуботолка выродила. Здоровущий паренъ.* Лидино Окт. (СРГЮП 1: 253); *Оденется коротко, сама толстая, идѣт, как настоящая колобѣха дубровская.* Осиновка Ох. (Прокошева 2002: 172); *Ты че, кѣдра вятская, гольшиом! Иди на середь, оденься, а то мужик ведь в дом зашѣл!* Лобанова Юрл. (СРГКПО: 118); *Сижу тут, как репей в малине, вонскоко девок у меня.* Бияваш Окт. (СРГЮП 3: 36); *Задавятся, дак говорят, они калѣнники. Она шла по деревне, он её убил.* Колдунья, говорит. Ну, она не сама, наверно. Журавли Киш. (СРГЮП 1: 366); *Нинка-то смаковница у нас в деревне-то.* Пальники Част. (СПГ 2: 355); *Который такой агрессивный здорово, придирается ко всему, говорят: шипичный бадог.* Вильгорт Черд. (СРГСПК 1: 44).

Что касается мотивировки указанных выражений, то в некоторых случаях она обусловлена объективными характеристиками растения, а других случаях — ролью растения в традиционной культуре.

Так, верба (ива волчниковая, ива остролистная) имеет тонкие ветви, отсюда возможно появление у единицы *вербочка* семы ‘стройный (о человеке)’; возникновение сем ‘красивый, нарядный’ связано с наличием у этого растения изящных пушистых соцветий, которые распускаются ранней весной раньше его листьев.

Лексема *дуб*, как видно из примеров, наиболее часто мотивирует обозначения крупного, полного, высокого человека. Это связано с размерами самого растения: диаметр ствола у дерева может достигать 4 м в диаметре, а его высота — до 40 м (БРЭ. URL: <https://old.bigenc.ru/biology/text/1969337>). Кроме того, слово *дуб* может обозначать здорового и физически сильного человека, что, помимо размеров растения, может быть обусловлено такими его признаками, как твердость, прочность древесины, зимостойкость и продолжительность

жизни растения, которая обычно составляет 400–500 лет, но некоторые деревья могут доживать до 1000 лет (Там же).

Древесина кедрa мягче, чем древесина дуба, однако кедр относится к стойким породам и обладает достаточной твердостью, не подвержен гниению (Там же), поэтому получаем семантический перенос по модели ‘твердый, прочный’ → ‘твердолобый, глупый’. Отметим, что в литературном языке и говорах с идеей глупости намного чаще оказывается связан дуб, однако в Юрлинском районе, где зафиксирована анализируемая единица *кедра вятская* ‘о глупом, недалёком’, в большей степени распространены именно хвойные леса, в т. ч. кедрy (см. [Лесохозяйственный регламент 2021: 21]), и представляется, что именно это заставляет живущих там диалектоносителей сопоставлять глупого человека с кедром, а не с дубом, что в целом укладывается в общую семантическую модель: «Непонимание дураком происходящего, неумение осознать простейшую ситуацию осмысливается в русской культуре как его инаковость, которая выражается в образах “деревянного” <...> материала, из которого дурак “сделан”» (БФСРЯ: 195–196).

Малина в пермских говорах, как видно из примера, символизирует женское начало и женский коллектив. Представляется, что подобная семантика связана прежде всего со свойствами плодов этого полукустарника. Они обладают сладким вкусом, который имеет в народной культуре позитивные свойства («приятный», «красивый», «желанный», «любимый», «добрый», «счастливый» [СД 5: 33]; эти же свойства ассоциируются и с женщиной), а также связан с женскими пищевыми пристрастиями [Там же: 38]. Кроме того, цвет ягод — чаще всего красный, в народной культуре он может получать символику жизни, плодородия, красоты, следовательно, связываться с женским началом (СД 2: 647). Кроме того, согласно народной медицине, ягоды, цветы, листья малины оказывают положительное воздействие на организм женщины, поэтому малина считается «женским» растением [Красовская 2020: 125]. Представляется, что в анализируемом сочетании *как*

репей в малине противопоставление женского и мужского начал помогает показать также грамматический род существительных: *репей* — слово мужского рода, символизирует мужчину; *малина* — лексема женского рода.

Названием другого ягодного растения — калины — мотивирована пермская единица *калинник* ‘человек, умерший не своей смертью’. Представляется, что основой семантического перехода здесь также послужили свойства ягод этого растения — кислый вкус и кроваво-красный цвет. Кислый, в противовес сладкому, может символизировать нечто неприятное, недоброе. Красный цвет в данном случае следует связывать с нечеловеческим, демоническим миром, тем светом, миром мертвых (ср. фольклорный образ Калинова моста как перехода из мира живых в мир мертвых; в пермской традиции известно приготовление *калиновика* ‘киселя из калины с солодом’ (СРГЮП 1: 366) или *калиновки* ‘блюда типа киселя с ягодами калины’ (Там же) которые могли быть на поминальном столе).

Еще одно растение, название которого в пермских говорах переносится на человека, — это смоковница, другие названия — инжир, фиговое дерево. Это плодовое дерево выращивают в странах Средиземноморья, Азии, Америки, Африки, Австралии, в России — в Краснодарском крае (БРЭ. URL: <https://old.bigenc.ru/biology/text/1969337>). В Пермском крае оно не растет, поэтому мотивацию использования данного фитонима в качестве обозначения гулящей женщины следует искать не среди объективных свойств растения, а в его культурной семантике. И здесь следует вспомнить библейскую притчу о бесплодной смоковнице, которую Иисус проклял за то, что она не принесла плода, но своими распутившимися листьями вводила всех в заблуждение, будто плоды есть, и она тут же засохла. Отметим, что еще в Ветхом Завете смоковница символизировала Израиль, который — уже в Новом Завете — три года (столько проповедовал Иисус, прежде чем рассказал эту притчу) — не приносил плода покаяния [Маханьков 2005. URL:

za-chto-xristos-proklyal-smokovniczu.html]. Таким образом, отсутствие плода у смоковницы символизирует отвержение Христа израильянами, а в картине мира диалектоносителей расширяет свою семантику, становясь символом греховного поведения, беспорядочных половых связей, в которые вступает женщина, обозначаемая в говоре через рассматриваемый фитоним. Интересно, что в говорах края слово используется в форме *смаковница*, а не *смоковница*, что может указывать на мотивацию словом *смак*, которое в пермских говорах имеет значения '1. Вкус какой-л. пищи' и '2. Способность ощущать вкус пищи' (СРНГ 38: 340). С этой точки зрения *смаковница* — 'та, кто испытывает наслаждение от связей с мужчинами'.

Наконец, номинацию придиричного человека *шипичный бадог* следует связывать со словом *шипница* 'шиповник' (СПГ 2: 552). Шиповник — листопадный или вечнозелёный кустарник с длинными, иногда до 6 м, побегами с шипами (БРЭ. URL: <https://old.bigenc.ru/biology/text/1969337>). Представляется, что именно наличием у данного растения шипов, которыми оно может уколоть, мотивировано название придиричного человека, который может «уколоть» словом.

Третью группу фитонимов, мотивирующих номинации человека, составляют **общие названия растений, имеющих те или иные характеристики**. При этом анализ словарных материалов показывает, что номинации человека мотивируются названиями плохих деревьев, непригодных для строительства.

Так, в пермских говорах встречается единица *сухара* со значением 'высокая тонкая женщина': *Вон Нюрка-то: сухара сахарой. Вроде ест много, а всё как в бездонную бочку. Худушиша да высокушиша*. Кресты Ел. (СПГ 2: 423). Указанная номинация производна от фитонима *сухара*, имеющего в русских говорах края значение 'сухое дерево' (Там же). Семантический перенос здесь обусловлен, вероятно, тем, что древесина при высыхании сжимается, и высохшее дерево теряет свой объем и массу, становится более тонким в диаметре.

Отсюда семантический перенос по модели 'высохшее, потяввшее в объеме и массе, ставшее тонким дерево' → 'худой человек'. При этом высохшее дерево почти не теряет свою высоту, поэтому, если оно выросло достаточно высоким, его номинация может обозначать и высокого человека.

Ряд единиц, обозначающих человека, в пермских говорах образован от фитонима *баера́ка* 'вывороченное с корнем дерево' (СРГСПК 1: 44): *баера́ковый*, *баёры́й* 'неуравновешенный, задиристый' (Там же: 45); *баёра* 'неуравновешенный, задиристый' (Там же: 44); 'неуравновешенный задиристый человек, причиняющий беспокойство окружающим', *как баера́ка* 'о неуравновешенном задиристом человеке, причиняющем беспокойство окружающим' (Там же): *Баераковский мужчина, баерачится так да. Шумливый ли чё*. Гашкова Черд. (Там же: 45); *Дед [старый муж] мой меня долго приговаривал за себя, а меня обхаживал. Другой баёры́й был, но обходливый*. Вильгорт Черд. (Там же); *Баёра был тихий сегодня*. Камгорт Черд. (Там же: 44); *Как баерака! Ну, шутоломный, беспокойный*. Бондюг Черд. (Там же); *Шумливые люди есть. Чё, говорит, ты зашумел как баерака?!* Гашкова Черд. (Там же). На наш взгляд, мотивирующий признак здесь — место и положение растения в пространстве: дерево вырвано с корнем, т. е. «потеряло равновесие» и свое место, «вышло за рамки» «отведенного» ему участка земли, а также, находясь в горизонтальном положении, значительно затрудняет передвижение человека по лесу. Отсюда возникновение значения 'неуравновешенный человек', т. е. 'не имеющий эмоциональной устойчивости, душевного равновесия', следовательно, 'выходящий за рамки дозволенного и причиняющий беспокойство, неудобства окружающим'.

Итак, мы рассмотрели функционирующие в русских говорах Пермского края обозначения человека, производные от фитонимов — названий деревьев и кустарников. Такие лексические и фразеологические единицы могут подчеркивать гендерную принадлежность человека (*как репей в малине* 'об одном мужчине среди женщин'), указывать на особенности

его внешнего облика (*вербочка* ‘о красивом, стройном человеке’, *дуботолк* ‘о крупном человеке’), черты его характера (*шипичный бадог* ‘о придирчивом человеке’), особенности поведения (*смаковница* ‘гулящая женщина’).

Проведенный анализ, с одной стороны, позволил выявить признаки растений, лежащие в основе переноса фитонима на человека. Это могут быть, во-первых, объективные характеристики деревьев и кустарников: форма растения (*куст* ‘скопление людей’, *вербочка* ‘о красивом, стройном человеке’); высота ствола (*лесина* ‘высокий человек’, *дуб* ‘о высоком, физически сильном человеке’, *сухара* ‘высокая тонкая женщина’); толщина ствола (*дуб дуба лучше* ‘о физически сильных, здоровых’, *дуботолк* ‘о крупном человеке’, *сухара* ‘высокая тонкая женщина’); твердость коры, прочность древесины (*как дерево* ‘о бесчувственном человеке’); наличие у растения шипов, его способность уколоть кого-либо (*шипичный бадог* ‘о придирчивом человеке’); вкус и цвет плодов растения (*как репей в малине* ‘об одном мужчине среди женщин’, *калинник* ‘человек, умерший не своей смертью’); положение растения в пространстве (*баераковый, баёрый* ‘неуравновешенный, задиристый’, *баёра* ‘неуравновешенный задиристый человек, причиняющий беспокойство окружающим’, *как баерака* ‘о неуравновешенном задиристом человеке, причиняющем беспокойство окружающим’). Во-вторых, в основе семантического переноса ‘растение’ → ‘человек’ могут лежать признаки, приписываемые растениям диалектоносителями, обусловленные ролью этих растений в традиционной культуре. Так, *калина* имеет семантику, связанную с тем светом, миром мертвых, отсюда номинация *калинник* ‘человек, умерший не своей смертью’; *смоковница* осмысливается как «греховное» растение, следовательно, данный фитоним получает значение ‘гулящая женщина’.

С другой стороны, проведенное исследование позволяет выявить представления и о самих растениях, существующие в сознании русских Пермского края. Так, в их картине мира дерево вообще связано с идеей высокого роста или неподвиж-

ности, дуб также связывается с физической силой, здоровьем либо идеей полноты тела; верба соотносится с идеей внешней красоты, кедр — с глупостью, шиповник — с придирчивостью, вывороченное с корнем дерево — с неуравновешенностью, малина — с женским началом; сухое дерево — с худобой и высоким ростом; калина — с идеей смерти; смоковница — с идеей греха. Представления о растениях у русских Пермского края имеют свою специфику как по сравнению с литературным языком (где, например, лексемы *дерево* и *дуб* связываются прежде всего с глупостью (ср., напр., данные БАС-3 — статью о дереве (БАС-3 5: 21–22) и статью о дубе (Там же: 408)); а фитоним *смоковница* (в варианте *бесплодная смоковница*) обозначает бездетную женщину либо человека, который занимается бесполезной деятельностью, не приносящей результата (ср. (БАС-3 26: 378))), так и по сравнению с говорами других территорий (ср., напр., выводы И. С. Урманчевой, сделанные на основе анализа вологодских говоров [Урманчева 2013]). Отметим, что в настоящей работе мы лишь кратко описали представления о некоторых растениях как элементах растительного кода традиции русских Пермского края. В сопоставлении полученных данных с данными литературного языка и говоров иных территорий, в создании полноценных «портретов» растений Пермского края видятся перспективы нашего исследования.

Сокращения названий районов Пермского края

Бер. — Берёзовский;
 Ел. — Еловский;
 Караг. — Карагайский;
 Киш. — Кишертский;
 Окт. — Октябрьский;
 Ох. — Оханский;
 Сол. — Соликамский;
 Част. — Частинский;
 Черд. — Чердынский;
 Юрл. — Юрлинский.

Литература

Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки. М.: Индрик, 2019. 656 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Акимова Э. Н., Мочалова Т. И. Компаративные фразеологические единицы в русских говорах на территории Республики Мордовия // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 11–24.

Бакланова И. И. Фразеологизмы сравнения в пермских говорах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 4 (16). С. 27–31.

Бахвалова Т. В. Лексика орловских говоров, характеризующая человека по внешнему облику // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1994 / отв. ред. И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1996. С. 99–104.

Боброва М. В. Названия ягод и ягодных растений в русских говорах Пермского края и иных территорий // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017. СПб.: Нестор-История, 2017а. С. 59–77.

Боброва М. В. О диалектных лексических формантах: к постановке вопроса (на материале ЛСГ «Ягоды») // Севернорусские говоры. 2017б. Вып. 16. С. 107–126.

Боброва М. В. Фитонимическая лексика в современных прозвищах русских в Пермском крае // Филология в XXI веке. 2021. № 1 (7). С. 89–94.

Боброва М. В. Флористические прозвища русских в Пермском крае: лексический и формально-грамматический аспекты // Ономастика Поволжья: Материалы XX международной научной конференции / сост. и ред. Н. А. Кичикова, В. И. Супрун. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. С. 59–61.

Боброва М. В., Русинова И. И., Черных А. В. Дикорастущие травы в ритуальной традиции Пермского края // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIII. Ч. 2. Этноботаника 2: Растения в языке и культуре / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2017.

С. 167–190.

Бродский И. В. Русские заимствования в фитонимическом фонде финно-пермских языков // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2010. С. 293–298.

Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 236 с.

Гайдамашко Р. В. Лексемы *бака* и *бакса* как результат развития в русских народных говорах прауральского *p8kz // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2009. С. 417–423.

Гайдамашко Р. В., Шкуратов Ю. А. Названия грибов в коми-пермяцком языке: русские заимствования // XLIV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г.: Тезисы докладов. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015. С. 676–677.

Колосько Е. В. Метафорический перенос «растение — человек» в русских народных говорах // Этноботаника: растения в языке и культуре / отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ипполитова. СПб.: Наука, 2010. С. 69–77. (АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VI. Ч. 1).

Королева С. Ю., Клойкова Е. А. «Сны Богородицы» и богородский сон (фольклорные материалы из Юрлинского района Пермского края) // Живая старина. 2017. № 2 (94). С. 28–32.

Красовская Н. А. Русские названия некоторых деревьев и кустарников: символическое значение // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 4 (39). С. 120–129.

Леонтьева Т. В. Интеллект человека в зеркале «растительных» метафор // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 57–77.

Лесохозяйственный регламент Юрлинского лесничества Пермского края. Пермь, 2021. 384 с.

Маханьков Р. Чудо разрушения. За что Христос проклял смоковницу? [Электронный ресурс] // Фома. 2005. № 1 (24). С. 48–49. Режим доступа: <https://foma.ru/chudo-razrusheniya-za-chto-xristos-proklyal-smokovniczu.html> (дата обращения: 10.06.2023).

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре

растений (Травы, грибы, ягоды). М.: Наука, 1967. 259 с.

Подюков И. А. Культурные коннотации лексем *дерево* / *пу* в русском и пермских языках // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / отв. ред. Е. М. Гордеева. Пермь, 2015. С. 163–168.

Русинова И. И. Названия травы душица обыкновенная в пермских говорах (на материале словарей) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2011. С. 358–364.

Русинова И. И., Богачева М. В. Фитонимическая лексика говоров Пермской области // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2000 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2003. С. 116–127.

СБФ 1986 — Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1986. 286 с.

СБФ 1994 — Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1994. 267 с.

СБФ 2000 — Славянский и балканский фольклор. Народная демонология / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Наука, 2000. 400 с.

Сывороткин М. М. Некоторые финно-угорские и тюркские заимствования в лексике природы Мордовии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998 / отв. ред. И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 2001. С. 115–119.

Урманчеева И. С. «Деревянные» образы в экспрессивных наименованиях человека (на материале вологодских говоров) // Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира: сб. науч. тр. / сост., отв. ред. Т. В. Симашко. Архангельск: [б.и.], 2013. С. 89–96.

Черных А. В. «Цвет папоротника» и представления о его чудесных свойствах в русских традициях Прикамья // Демонология и народные верования: сб. науч. ст. / сост. А. Б. Ишполитова. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2016. С. 267–278.

Этноботаника: растения в языке и культуре / отв. ред. В. Б. Колосова, А. Б. Ишполитова. СПб.: Наука, 2010. 386 с. (АСТА

LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VI. Ч. 1).

Nominations of Trees and Shrubs as a Motivational Base for Lexical and Phraseological Units Denoting a Person in the Russian Dialects of the Perm Region (according to the Data of the Dialect Dictionaries of the Region)

Mariia A. Granova

Perm Federal Research Center
Ural Branch of the Russian Academy of
Sciences
marjanaandreeva@mail.ru

Based on the material of the dialect dictionaries of the Perm region, the article examines the nominations and set expressions that function in the Russian dialects of the region, naming a person according to various signs and including phytonyms designating trees and shrubs. The study reveals the features of plants that underlie the transfer of the nomination from a plant to a person. We found out that these can be objective characteristics of plants (shape of the whole plant; height and thickness of the trunk; hardness of the bark, strength of wood; taste and color of the fruits of the plant; position of the plant in space) as well as characteristics attributed to plants by dialect speakers (viburnum is associated with the world of the dead, fig tree is associated with the idea of sin). We also scrutinize the ideas associated with trees and shrubs in the minds of Russians in the Perm region: a tree is generally associated with the idea of high growth or immobility, oak — with physical strength, health, fullness, willow — with external beauty, cedar — with stupidity, wild rose — with captiousness, a tree turned out by the root — with imbalance, raspberries — with femininity; dry tree — with thinness and high growth.

Key words: ethnobotany, phytonym, tree, shrub, motivational model 'plant' → 'human', Russian dialects of the Perm region.

References

Agapkina T. A. *Derev'ya v slavyanskoj narodnoj tradicii: ocherki* [Trees in the Slavic folk tradition: essays]. М.: Indrik, 2019. 656 pp.

Akimova E. N., Mochalova T. I. Komparativnye frazeologicheskie edinicy v russkikh govoraх na territorii Respubliki Mordoviya [Comparative phraseological units in Russian dialects on the territory of the Republic of Mordovia] // *Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and Research) A. S. Gerd (ed.)]. 2014. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. Pp. 11–24.

Baklanova I. I. Frazеologizmy sravneniya v permskikh govoraх [Idioms of comparison in Perm dialects] // *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm university herald. Russian and foreign philology]. 2001. Iss. 4 (16). Pp. 27–31.

Bahvalova T. V. Leksika orlovskikh govorov, karakterizuyushchaya cheloveka po vneshnemu obliku [Vocabulary of the Orel dialects that characterizes a person by the appearance] // *Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and Research) I. A. Popov (ed.)] 1994. SPb.: Izd-vo ILI RAN, 1996. Pp. 99–104.

Bobrova M. V. Nazvaniya yagod i yagodnyh rasteniy v russkikh govoraх Permskogo kraя i inyh territoriy [Words for berries and berry plants in the Russian dialects inside and outside the Perm region] // *Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and Research)] 2017. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017a. Pp. 59–77.

Bobrova M. V. O dialektnyh leksicheskikh formantah: k postanovke voprosa (na materiale LSG «YAgody») [On the dialect lexical formants and the problem statement (according to the material of the lexical-semantic group “Berries”)] // *Severnorusskie govory* [Northern Russian dialects]. 2017b. Iss. 16. Pp. 107–126.

Bobrova M. V. Fitonimicheskaya leksika v sovremennyh prozviskach russkikh v Permskom kraе [Phytonymic vocabulary in contemporary Russian nicknames in the Perm Krai] // *Filologiya v XXI veke* [Philology in the XXI century]. 2021. № 1 (7). Pp. 89–94.

Bobrova M. V. Floristicheskie prozvischa russkikh v Permskom kraе: leksicheskiy i formal'no-grammaticheskij aspekty [Floristic nicknames of Russians in the Perm region: lexical and formal-grammatical aspects] // *Onomastika Povolzh'ya: mat. XX mezhdunar. nauch. konf.*

[N. A. Kichikova, V. I. Suprun (comps., eds.) *Onomastics of the Volga region: proceedings Of the 20th International Research Conference*]. Volgograd: PrinTerra-Dizajn, 2022. Pp. 59–61.

Bobrova M. V., Rusinova I. I., CHernyh A. V. Dikorastushchie travy v ritual'noj tradicii Permskogo kraя [Wild herbs in the traditional rites of the Perm region] // *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvистических issledovaniy*. [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research]. Т. 13. Ч. 2. Etnobotanika 2: rasteniya v yazyke i kul'ture [Ethnobotany 2: plants in language and culture. N. N. Kazanskiy (ed.)]. 2017. Pp. 167–190.

Brodskiy I. V. Russkie zaimstvovaniya v fitonimicheskom fonde finno-permskikh yazykov [Russian loanwords in the phytonymic vocabulary of the Finno-Permian languages] // *Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and Research) A. S. Gerd (ed.)] 2010. SPb.: Nauka, 2010. Pp. 293–298.

Vendina T. I. Russkaya yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniya (makrokosm) [Russian linguistic picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. М.: Indrik, 1998. 236 pp. *Gajdamashko R. V.* Leksemy baka i baksa kak rezul'tat razvitiya v russkikh narodnyh govoraх praural'skogo **p8k3 [The lexemes of baka and baksa as a result of the development of the Proto-Uralic **p8k3 in Russian folk dialects] // *Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and Research) A. S. Gerd (ed.)] 2009. SPb.: Nauka, 2009. Pp. 417–423.

Gajdamashko R. V., SHkuratok YU. A. Nazvaniya gribov v komi-permyackom yazyke: russkie zaimstvovaniya [Names of mushrooms in the Komi-Permian language: Russian loanwords] // *XLIV Mezhdunarodnaya filologicheskaya nauchnaya konferenciya: tez. dokl.* [XLIV International philological research conference: abstracts]. SPb.: Filologicheskij f-t SPbGU, 2015. Pp. 676–677.

Kolos'ko E. V. Metaforicheskij perenos “rastenie — chelovek” v russkikh narodnyh govoraх [Metaphorical transfer “plant — man” in Russian folk dialects] // *Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture* [Ethnobotany: plants in language and culture V. B. Kolosova, A. B.

Ippolitova (ed.)). SPb.: Nauka, 2010. Pp. 69–77.

Koroleva S. YU., Klyujkova E. A. «Sny Bogorodicy» i bogorodskij son (fol'klornye materialy iz YUrlinskogo rajona Permskogo kraja) [“Dreams of the Virgin Mary” and the Virginal dream (folklore materials from the Yurlinsky district of the Perm Territory)] // *ZHivaya starina* [Living antiquity]. 2017. № 2 (94). Pp. 28–32.

Krasovskaya N. A. Russkie nazvaniya nekotoryh derev'ev i kustarnikov: simvolicheskoe znachenie [Russian names of some trees and shrubs: symbolic meaning] // *Teoriya yazyka i mezhekul'turnaya kommunikaciya* [Theory of language and intercultural communication]. 2020. № 4 (39). Pp. 120–129.

Leont'eva T. V. Intellect cheloveka v zerkale «rastitel'nyh» metafor [The human intellect in the light of “plant” metaphors] // *Voprosy yazykoznaniya* [Issues in linguistics]. 2006. № 5. Pp. 57–77.

Lesohozyaistvennyj reglament YUrlinskogo lesnichestva Permskogo kraja [Forestry regulations of the Yurlinsky Forestry of Perm Krai]. Perm', 2021. 384 pp.

Mahan'kov R. CHudo razrusheniya. Za chto Hristos proklyal smokovnicu [elektronnyj resurs] [The miracle of destruction. Why did Christ curse the fig tree [electronic resource]] // Foma [Thomas]. Rezhim dostupa: <https://foma.ru/chudo-razrusheniya-za-chto-xristos-proklyal-smokovniczu.html> (data obrashcheniya: 10.06.2023).

Merkulova V. A. Oчерki po russkoj narodnoj nomenklature rastenij (Travy, griby, yagody) [Essays on Russian folk nomenclature of plants (herbs, mushrooms, berries)]. M.: Nauka, 1967. 259 pp.

Podjukov I. A. Kul'turnye konnotacii leksem derevo / pu v russkom i permskih yazykah [Cultural connotations of the lexical items “derevo” (tree)/ “pu” (tree) in the Russian and the Komi-Permian languages] // *Komi-permyackij yazyk i kul'tura: proshloe, nastoyashchee, budushchee: mat. Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Komi-Permian language and culture: past, present, future: materials of the All-Russian research and practical Conference. E. M. Gordeeva (ed.)]. Perm', 2015. Pp. 163–168.

Rusinova I. I. Nazvaniya travy dushica obyknovennaya v permskih govorah (na materiale slovaroj) [Names of the herb origanum in Permian dialects (according to the material of dictionaries)] // *Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov* (Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of

Russian folk dialects (Materials and Research) A. S. Gerd (ed.)]. 2011. SPb.: Nauka, 2011. Pp. 358–364.

Rusinova I. I., Bogacheva M. V. Fitonimicheskaya leksika govorov Permskoj oblasti [Phytonymic vocabulary of dialects of the Perm region] // *Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov* (Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and Research) A. S. Gerd (ed.)] 2000. SPb.: Nauka, 2003. Pp. 116–127.

SBF 1986 — *Slavyanskij i balkanskij fol'klor*. Duhovnaya kul'tura Poles'ya na obshch斯拉vianskom fone [Slavic and Balkan folklore. Spiritual culture of Polesie against the common Slavic background. N. I. Tolstoj (ed.)]. M.: Nauka, 1986. 286 pp.

SBF 1994 — *Slavyanskij i balkanskij fol'klor*. Verovaniya. Tekst. Ritual [Slavic and Balkan folklore. Beliefs. Text. Ritual. N. I. Tolstoj (ed.)]. M.: Nauka, 1994. 267 pp.

SBF 2000 — *Slavyanskij i balkanskij fol'klor*. Narodnaya demonologiya [Slavic and Balkan folklore. Folk demonology. S. M. Tolstaya (ed.)]. M.: Nauka, 2000. 400 pp.

Syvorotkin M. M. Nekotorye finno-ugorskie i tyurkskie zaimstvovaniya v leksike prirody Mordovii [Some Finno-Ugric and Turkic borrowings in the lexicon of the nature of Mordovia] // *Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov* (Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of Russian folk dialects (Materials and Research) I. A. Popov (ed.)] 1998. SPb.: Izd-vo ILI RAN, 2001. Pp. 115–119.

Urmancheeva I. S. «Derevyanye» obrazy v ekspressivnyh naimenovaniyah cheloveka (na materiale vologodskih govorov) [Metaphors related to woods in the expressive names of persons (according to the material of Vologda dialects)] // *Yazyk i kul'tura Russkogo Severa: k voprosu o regional'noj yazykovej kartine mira: sb. nauch. tr.* [Language and culture of the Russian North: on the issue of the regional language world-view: a collection of research papers. T. V. Simashko (comp., ed.)]. Arhangel'sk: Solombal'skaya tipografiya, 2013. Pp. 89–96.

CHernyh A. V. «Cvet paporotnika» i predstavleniya o ego chudesnyh svojstvah v russkih tradiciyah Prikam'ya [“Fern flower” and the ideas of its miraculous properties in the Russian traditions of the Kama region] // *Demonologiya i narodnye verovaniya: sb. nauch. st.* [Demonology and folk beliefs: a collection of research articles. A. B. Ippolitova (comp.)].

М.: Gos. resp. centr rus. fol'klora, 2016. Pp. 267–278.

Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture [Ethnobotany: plants in language and culture V. B. Kolosova, A. B. Ippolitova]. SPb.: Nauka, 2010. 386 pp.

Амбивалентность оценки характера и поведения человека в лексике тверских говоров

Наталья Юрьевна Грибовская

Тверской государственный
медицинский университет
grinatal74@mail.ru

В статье рассматривается, как амбивалентность оценки характера и поведения человека проявляется в лексике тверских говоров. Автор использует термин «амбивалентность» в широком смысле, имея в виду двойственность в оценке того или иного действия человека или его личностных качеств. Семантический анализ тверской диалектной лексики, характеризующей человека, выявление случаев оценочной энантиосемии в исследуемой лексико-семантической группе отражает неоднозначность и противоречивость некоторых ценностных ориентаций и установок.

Ключевые слова: диалектология, диалектное слово, тверские говоры, амбивалентность оценки, оценочная энантиосемия.

Понятие «амбивалентность» ввел в научный обиход швейцарский психиатр Эйген Блейлер, выдвинувший концепцию амбивалентности как сосуществования взаимно исключающих противоречий в душах людей. Первоначально «амбивалентность» обозначала патологическое состояние человека, однако уже в психоаналитическом учении Зигмунда Фрейда амбивалентность рассматривается как одна из форм проявления противоречивой природы человека. В современной психологии под амбивалентностью понимается сложная гамма чувств, которую человек испытывает к кому-либо. Амбивалентность проявляется одновременно в положительной и отрицательной оценках одного объекта, в эмоциях, мыслях и поведении. Со временем произошло существенное расширение смысла, содержания и области применения этого понятия. Амбивалентность человеческих

чувств, оценок, отношений, поведения сегодня является предметом многочисленных исследований не только в психологии, но и в социологии, антропологии, философии, лингвистике. Амбивалентность связана с центральными оппозициями человеческого бытия: добро и зло, правда и ложь, мудрость и глупость, сила и слабость, красота и уродство и т. п.

Мы используем термин «амбивалентность» в широком смысле, имея в виду двойственность в оценке того или иного действия человека или его личностных качеств. Эта двойственность оценки, являясь следствием неоднозначности отношения к окружающему миру и противоречивости ценностных ориентаций, находит отражение в языке говор. Лексика русских народных говоров, номинирующая человека по различным внешним и внутренним качествам, активно изучается диалектологами [Гурская 2009; Красовская 2009; Сметанина 2012; Литвинова 2007 и др.]. Наиболее масштабным исследованием в отечественной лингвистике является монография Т. И. Вендиной «Антропология диалектного слова, посвященная реконструкции образа человека, его мировоззрения, духовных, этических и социальных ценностей, отраженных в русской диалектной лексике [Вендина 2020]. В нашей работе мы обратились к диалектному материалу, собранному на территории Тверской области. Рассмотрим, как амбивалентность оценки человека проявляется в тверской диалектной лексике. Лексика, характеризующая человека по различным свойствам и качествам, всегда содержит положительную или отрицательную оценку с позиций «хорошо — плохо», «красиво — некрасиво», «правильно — неправильно», «честно — нечестно». Поскольку отношение к той или иной реалии действительности может быть различным, то и оценка одного и того качества или поступка может также отличаться вплоть до противоположной. В зависимости от контекста, ситуации, отношения к объекту оценки, человека можно назвать осторожным или трусливым, бережливым или скупым, смелым или наглым, умным или заумным, коммунибельным или болтливym и так далее.

В группе лексем, характеризующих много работающего человека, среди подавляющего количества имен с положительной характеристикой трудолюбивого человека зафиксированы лексемы с негативной коннотацией: *копендѣй* — человек, который трудится много, но бесполезно; *комѣга* — тот, кто комеет, т. е. изнуряет себя работой. Очевидно, что мериллом оценки много и усердно работающего человека может являться результат работы, а также отношение к собственному здоровью как одной из нематериальных ценностей человека.

Амбивалентность обнаруживается в оценке общительно-го человека. Эту двойственность в оценке человека, склонного к общению, иллюстрирует ряд лексем с позитивным значением: *человѣчный, человѣческий, людѣмый, людѣвый, артѣльный, полдѣдный*, и еще более многочисленные группы лексем, негативно характеризующих назойливого человека, сплетника и болтуна. Настырного, назойливого, излишне общительного человека репрезентируют лексемы *докучник, досадный, звѣга, звѣгало, зундѣло, кобенъ, липун, лудѣ, лудѣло, лыска, мозольник, набивоня, набивоха, набивуѣха, набойный, набивщик, набойчивый, набойчистый, навязчивый, надоѣдный, напорный, наскука, настѣрный, настѣрник, неотступ, неотступный, обліпа, поступа, привѣва, прилѣпщик, прилипало, приставун, пристегай, скобель, смола, совень, увязчивый*. Разговорчивый человек репрезентируется в тверских говорах лексемами *базарник, баклок, балабон, балабоха, балажучий, барабоха, барабошка, барабуля, баргатунья, бессовестник, болтовня, болтучий, болтушный, боронуха, брехало, брехливый, говорѣла, говорѣстый, говорѣтель, говоруха, гомонѣха, гутарливый, гундѣрка, долготызыкый, дуруплѣт, желобѣйка, калякала, каркѣша, колокол, колокола, колоколка, колоколк, колотѣла, колтѣвка, колтовня, колтѣк, кѣстишина, лала, лаларь, лескотун, лескотуха, лоскотун, лоскотуха, лоскобѣйка, лопотѣнь, лопотливый, лопотун, лопотуха, ляпун, лѣса, мелѣла, молѣла, молотѣга,*

обаку́ла, обмо́лотень, плету́н, пустообрёх, пустозво́н, пустозво́нный, пустомáтный, пусто́лыга, пусто́мбл, пусто́плёт, пусто́сло́в, растаба́ра, речы́стый, сколоту́ха, щелжу́н. Значение ‘сплетник’ имеют лексемы *бухво́стка, бахво́стка, бухво́стник, долгоязы́чница, дурно́плётка, жало́бвник, зубочёс, колоу́шник, мо́лотильня, нахво́стник, нахво́стница, облы́га, облы́га́ла, оку́льник, оку́льница, остро́хво́стка, охво́стка, перево́день, перево́док, перево́дина, перемё́льщик, плету́н, плету́ха, плету́хан, подхво́стница, посе́щик, приплета́ла, сводка, смуста́, сму́толок, спле́тень, треплу́ха.* Таким образом, коммуникабельность, разговорчивость человека оценивается положительно, если она не переходит в назойливость, пустую болтовню или передачу сплетен.

Амбивалентность присутствует в оценке такого качества, как хитрость. Диалектные лексемы, репрезентирующие хитрого, склонного к обману человека — *азу́рчик, дра́нка, калма́н, карзо́вка, ко́валь, ко́лотыра, лазу́ха, ло́ж-ник, ловка́ч, лука́вый, лука́вистый, лыса́пиха, лы́ска, мазу́рик, мазу́р, мазу́рка, мазу́рница, мазу́ристый, моро́к, обаку́ла, обаку́льник, обде́р, обди́ра, обла́за, об-ла́зливый, облоу́м, облы́га́ла, облы́га, оку́ла, оку́льник, обморо́к, обормо́т, обойдо́ха, обтягу́льник, обтягу́лиха, охло́й, охлы́нец, прощелы́га, пройдо́ха, про-ны́ра, продо́уень, хитру́ля, хитру́ля* — в подавляющем большинстве имеют резко негативную коннотацию, что подтверждается и контекстом употребления, и прозрачной внутренней формой большинства лексем. Однако и отсутствие хитрости также подвергается безоговорочному осуждению. Негативный образ бесхитростного, простоватого человека, которого легко обмануть, обхитрить, тщательно разработан в языке говоров. Категоричность в оценке не только обманщика, но и жертвы обмана иллюстрируют лексемы *зеворо́т, каплоу́х, каплу́х, кипалу́х, ла́бут, лоха́, лопу́х, лох, межсеу́мок, мишу́ля, мо́дя, моргафо́ня, пантёха,*

пи́па, пору́да, пору́дливый, простофи́ля, просты́ни-ца, раздеву́ля, разева́й, разена́й, рази́ня, разобурда́, разро́зя, рассома́ха (росома́ха), расте́ля, расте-пи́ля, рахма́нный, ротозе́й, ро́хля, славу́та, слане́й, соло́ня, то́ня, хля́бота. Как видим, осуждается не только хитрость, но и бесхитростность, простота, которая бывает «хуже воровства».

Различная оценка поведения или качества человека является одной из причин возникновения оценочной энантосемии в исследуемой группе лексики. Примером может служить прилагательное *упрямый*, имеющее в современном литературном языке значения как с отрицательной коннотацией — ‘неуступчивый, несговорчивый, стремящийся поступить по-своему, поставить на своем вопреки необходимости и здравому смыслу’ *Упрямый как осел* (МАС 4: 509), так и с положительной — ‘упорный, настойчивый’ *Старики Петровы говорили, что их сын Филипп упрямый и своего места в жизни добьется* (Там же).

Лексемы, характеризующие упрямого человека в тверских говорах — *арта́чина, ба́лмаш, во́льник, во́льница, здо́рный, кобе́нистый, кобе́нь, ко́постный, ко́пош-ный, ко́пырза́, купы́рза́, ко́рень, коры́стный, костьг, костьк, напро́тивщик, насто́йчистый, непоко́рчи-вый, неслу́хмяный, несгово́рный, норо́витый, об-на́т, облóm, обу́шник, одёр, одри́на, ослу́шка, обо-ну́систый, обону́сный, оборо́тень, остебе́льщик, по́рный, по́ркий, рога́тистый, стро́пильный, суко-ва́тый, сопро́тивный, уко́бистый, ухóбистый, упе́р-тый, хло́поть* — также можно разделить на две группы по наличию положительного или отрицательного оценочного компонента в значении. Положительная характеристика упрямого, настойчивого в делах человека содержится в словообразовательном диалектизме *насто́йчистый* и семантическом диалектизме *коры́стный*. В литературном языке лексема *коры́стный* содержит отрицательную коннотацию, имея значение ‘стремящийся к личной выгоде, наживе’ (МАС

2: 109). В тверских говорах семантический диалектизм *ко-рыстный* функционирует в значении 'настойчивый' и имеет положительную коннотацию. *У нас человек корыстный: если нельзя сделать, но человек все равно сделает* (Селигер 3: 111). *Корыстным быть хорошо, человек любое дело сделает. Трудно, нельзя это сделать, а он сделает* (КТГ). Группа имен, содержащих отрицательную оценку упрямого человека, гораздо многочисленнее. Анализ многозначных слов из этой группы дает информацию о зонах пересечения смежных отрицательных качеств: *одёр* 'о глупом, ленивом, дрянном человеке', 'упрямый человек', 'нахальный, беззастенчивый человек' (ТСГТО 4: 69); *остебэльник* — 'упрямый, ленивый и своевольный человек' (ТСГТО 4: 71); *оборотень* — 'несговорчивый' и 'сварливый' (КТГ). Диффузностью значения обладают лексемы *суковатый, обонюсистый, обонюсный, норovitый*, характеризующие упрямого, своенравного человека с трудным характером, *баллаш, дёрный* — упрямого, вздорного, взбалмошного; *хлопот* — упрямого, несговорчивого и беспокойного.

Зыбкой является граница между чувством собственного достоинства и завышенной самооценкой, заносчивостью, что находит отражение в оценочной энантиосемии прилагательного *гордый*, употребляющегося в современном русском языке в значениях: 'обладающий чувством собственного достоинства, самоуважения' (МАС 1: 332) и 'считающий себя выше, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим; заносчивый, высокомерный' (Там же). В тверских говорах большая часть лексем — *басило, вийный, вьяха, вылеток, гордый, гэрный, гмыра, гмыря, гмырастый, гмырястый, гордэц, гордэна, гордэха, гёрный, заверняй, кóпырзá, купырзá, кичень, купáва, лимонник, скопысоватый, харзистый, хозистый* — содержит отрицательную оценку гордого человека: высокомерного, спесивого, зазнающегося, превозносящегося перед другими, самодовольного. Положительная оценка в структуре лексических значений единиц данного поля единична. Так, позитивное от-

ношение к гордому человеку, человеку «с уважением к себе» выражает диалектное прилагательное *гёрный*, употребляющееся диалектоносителями по отношению к самому себе. *Я гордая, мне чтоб к каждому празднику платье* (Селигер 1: 188). Связь между внешней красотой и гордостью отражают лексемы *гэрный* — 'гордый, форсистый' (ТСГТО 4: 45) и *купáва* — 'гордая, красивая, полная женщина' (ТСГТО 4: 57). Однако чаще гордость в тверских говорах осмысливается через другие черты характера, оценивающиеся носителями языка негативно — упрямство, капризность, наглость или нелюдимость. Так, полисемант *кóпырзá* (и фонетические варианты *купырзá*) в тверских говорах имеет значения 'гордый, чванливый человек', 'шалун, проказник' и 'капризный, несговорчивый, упрямый человек' (ТСГТО 4: 56). Смежность понятий гордость и вспыльчивость отражена в лексеме *заверняй*, функционирующей в тверских говорах в значениях 'гордец' и 'буян' (ТСГТО 4: 49). Лексемы *гмыра, гмыря, гмырастый, гмырястый* функционируют в тверских говорах в значении 'необщительный, высокомерный человек' *Гмырястый внук, взбучится, как бык стоит, стоит, как гмыря. Гмырястая пошла, ни с кем не здороваются* (Селигер 1: 176).

Двойственность обнаруживается в оценке веселого, озорного поведения человека. Так, противоположные оценочные компоненты присутствуют в семантике лексем *лихóй* и *лиходéй*, функционирующих в значениях 'злой', 'злодей' и 'бойкий, веселый человек'. *Лиходеи мужики, это не лихие, в смысле воры или разбойники, это лихие в смысле заводные, весёлые* (Селигер 3: 216). Отсутствие четкой границы между весёлым, озорным поведением и наглостью также отражена в энантиосемичных лексемах *наян, наянка*, имеющих в тверских говорах значения — 'веселый, бойкий, озорной' и 'тот, кто поступает не так, как следует, дерзкий, упрямый человек'. *Я весёлая девчоночка... наяночка, я нигде не пропаду, ни на одной гуляночке. Наян — настёрный, назорливый человек, ему говоришь, а он все равно делает. Наян, наян-*

ка — *нахалка, непослушница, не так, как надо, говорит, не по порядку, не уважает* (Селигер 4: 101). Лексема **озойник** встречается в тверских говорах в значениях ‘насмешник’ и ‘нахал, грубиян, наглец’ (ТСГТО 4: 69). В такой близости смысловых регистров «насмешник» и «грубиян» находит отражение фрагмент объективной действительности, в котором бывает сложно провести четкую границу между шуткой и грубостью.

Амбивалентность может присутствовать в оценке доброго, ласкового, приветливого человека. Прилагательные **лестливый** и **лестливый** содержат в своей семантической структуре значения с противоположным эмоционально-оценочным компонентом — ‘ласковый’ и ‘хитрый, льстивый’. *Лестливый — ласковый. Он такой, лестливый, Павка мой. Она любит, когда ее ласкают, а я не лестливая* (Селигер 3: 207). *Лестливый — ласковый, говорят, что хитрая ласковая, подлиза* (Там же). *Лестливый — хорошее говорит, а сам обманет* (КТГ). Глагол **лестить** в тверских говорах употребляется в значениях: ‘угодливо хвалить, льстить’; ‘льстиво уговаривать, соблазнять’; ‘ухаживать, радушно принимать гостей’ (СРНГ 17: 13). Причины возникновения эмоционально-оценочной энантиосемии могут находиться в различном контексте проявления доброго отношения: приятные слова, ласковое обращение оцениваются положительно или отрицательно в зависимости от степени искренности человека. Критерием положительного или отрицательного отношения к ласковому, доброму, радушному поведению человека является степень искренности проявления его чувств. Семантический диалектизм **мягкотелый** в значении ‘добрый, отзывчивый’ зафиксирован в Осташковском районе, в то время как в литературном языке **мягкотелый** употребляется в значении ‘легко поддающийся чужому влиянию, бесхарактерный’ (МАС 2: 320) и содержит отрицательный оценочный компонент. В диалектном же значении данной лексемы присутствует положительная коннотация: *Она такая мягкотелая, хорошая девочка* (Селигер 3: 322). Оценочная энантиосемия лексемы **мягкотелый** в ли-

тературном языке и в тверских говорах может быть вызвана амбивалентным отношением говорящих к одному и тому же качеству или поступку. То, что одними будет расценено как доброта человека, другими может быть воспринято как проявление его слабости и бесхарактерности.

Оценка человека по его отношению к собственности, когда бывает трудно определить четкую границу между жадностью и скупостью, между скупостью и бережливостью, между щедростью и расточительностью, также является неоднозначной. Скупость может быть расценена как отрицательно, сближаясь с жадностью, так и положительно, сближаясь с бережливостью и хозяйственностью, что отражает оценочная энантиосемия в значениях лексем **скудный** и **скупой**. В южных районах Тверской области (Бельский, Оленинский, Нелидовский районы) прилагательные **скудный** и **скупой** имеют положительную оценку, обозначая рачительного, хозяйственного человека. *Скудный — это скупой то есть. Скудным, скупым хорошо быть, правильно. Так и говорят: «Скупость не глупость»* (КТГ). В северных районах Тверской области (Сандовский, Сонковский) значения ‘скупой’ и ‘жадный’ чаще не дифференцируются, здесь прилагательные **скупой** и **скудный** имеют отрицательную коннотацию. *Скупой, скудный — плохой человек, жадный, ничего никому не дает* (КТГ).

Противоречивость оценки личностных качеств и поведения человека демонстрирует полисемант **рахманный**, функционирующий в тверских говорах в следующих значениях: 1) ‘тихий, спокойный, смиренный, кроткий’ *Она говорит про меня, что я спокойная, рахманная* (Селигер 6: 69); 2) ‘вялый, медлительный, непроторный, нерасторопный’ (КТГ); 3) ‘простодушный, бесхитростный, простой’ (ТСГТО 4: 85); 4) ‘добрый, добродушный’ (КТГ); 5) ‘хилый, слабосильный, болезненный’ *А второй сын у меня не такой. Здоровье у него плохое, рахманный такой. Он всегда был рахманный, нездоровый* (ТСГТО 4: 85); 6) ‘щедрый, хлебосольный’ (КТГ); 7) ‘бесхозяйственный, беспечный’ *Парень-то больно рахман-*

ный у нее. Что заработает, то и разматает (ТСГТО 4: 85); 8) 'грустный' Ваня рахманый, грустный (Селигер 6: 69); 9) 'неряшливый' Они пыльно живут, пыль с ладонь, кругом рахманно так, она женщина рахманная (Селигер 6: 69). В зависимости от угла зрения поведение спокойного, кроткого человека, легко отдающего свою собственность, может расцениваться как проявление доброты и щедрости или же бесхозяйственности, бесхарактерности, слабости, излишней простоты и нерасторопности, получая соответственно положительную или отрицательную оценку окружающих. Добрый человек, щедрый, хлебосольный и гостеприимный — эти качества оцениваются положительно; однако излишняя щедрость может восприниматься как бесхозяйственность, беспечность, безалаберность, т. е. качества, осуждаемые диалектоносителями. Кроткий, спокойный, тихий человек оценивается со знаком плюс, однако оценка меняется на противоположную, если излишнее спокойствие человека отражается в особенностях моторики, препятствующих выполнению работы (в медлительности и неповоротливости). Также спокойствие, кротость, неспособность причинить зло другим может происходить не от высоких моральных качеств человека, а от его слабости, что способствует развитию у данной лексемы значения 'слабый, хилый, больной'.

Таким образом, диалектное слово эксплицирует амбивалентность в оценке характера и поведения человека, отражая различные национальные ценностные ориентиры и установки, позволяющие увидеть противоположные аспекты одного явления и оценить его с различных точек зрения.

Литература

Вендина Т. И. Антропология диалектного слова. М.; СПб.: Нестор-История, 2020.— 684 с.

Гурская С. Л. Имена существительные общего рода, характеризующие человека по его отношению к труду, в ярославских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. — СПб.: Наука, 2009. — С. 243–249.

Сметанина З. В. Диалектная лексика и фразеология, характеризующая человека по его отношению к труду (на материале идиолектного словаря) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012. — СПб.: Издательство Нестор-История, 2012. — С. 300–309.

Красовская Н. А. Тематическая группа «Человек» в тульских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. — СПб.: Наука, 2009. — С. 359–363.

Литвинова Т. А. Номинации человека по особенностям поведения в воронежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2007. — СПб.: Наука, 2007. — С. 141–146.

Степанова Т. В. Негативно-приставочные наименования человека (отношение к труду и собственности) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. — СПб.: Наука, 2009. — С. 236–242.

Ambivalence of the Assessment of Human Character and Behavior in the Vocabulary of Tver Dialects

Natalya YU. Gribovskaya
Tver State Medical University
grinatal74@mail.ru

The article examines how the ambivalence of assessing the character and behavior of a person is manifested in the vocabulary of Tver dialects. We prefer to use the term “ambivalence” in a broad sense, referring to the duality in the assessment of a particular action of a person or his or her personal qualities. The semantic analysis of the Tver dialect vocabulary that characterizes a person and the identification of cases of evaluative enantiosemy in the studied lexico-semantic group reflect the ambiguity and inconsistency of some value orientations.

Key words: dialectology, dialect word, dialects of Tver, ambivalence of evaluation, evaluative enantiosemy.

References

Vendina T. I. Antropologiya dialektного slova [Anthropological component in dialect speech]. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2020. 684 p.

Gurskaya S. L. Imena sushchestvitel'nye obshchego roda, harakterizuyushchie cheloveka po ego otnosheniyu k trudu, v yaroslavskih govorah [Common gender nouns describing person's attitude towards work as represented in Yaroslavl dialects] // *Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) 2009* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and research, 2009]. SPb.: Nauka, 2009. Pp. 243–249.

Smetanina Z. V. Dialektnaya leksika i frazeologiya, harakterizuyushchaya cheloveka po ego otnosheniyu k trudu (na materiale idiolektного slovarya) [Dialect vocabulary and set expressions describing person's attitude towards work, as represented in a dictionary of an idiolect] // *Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) 2012* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and research, 2012]. SPb.: Izdatel'stvo Nestor-Istoriya, 2012. Pp. 300–309.

Krasovskaya N. A. Tematicheskaya gruppa «СНеловек» v tul'skih govorah [Thematic group “Human being” in Tula dialects] // *Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) 2009* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and research, 2009]. SPb.: Nauka, 2009. Pp. 359–363.

Лексика, соответствующая разделам ЛАРНГ «Метеорология. Астрономия. Календарь» и «Ландшафт», в русских говорах Удмуртии

Екатерина Анатольевна Жданова

Ижевский государственный
технический университет им.

М. Т. Калашникова

zhdanovaea@gmail.com

В статье рассматривается диалектная лексика, относящаяся к разделам «Метеорология. Астрономия. Календарь» и «Ландшафт» программы Лексического атласа русских народных говоров, зафиксированная в корпусе русских говоров Удмуртии. Диалектные наименования проанализированы в аспекте их распространения на территории Удмуртской Республики, а также в русских говорах других регионов. Для установления распространения слов в диалектном языке привлекались данные Словаря русских народных говоров. Для выявления локализации диалектных лексем в Удмуртии использовались возможности лингвогеографической информационной системы (ЛГИС) «Диалект»: составлены карты, демонстрирующие распространение некоторых диалектных обозначений на территории Удмуртской Республики. Проведенное исследование показало различия в наименованиях ландшафтных и метеорологических явлений между говорами севера и юга региона. Наибольшим своеобразием отличаются говоры населенных пунктов юго-восточной части Удмуртии, расположенные вблизи реки Камы.

Ключевые слова: русские народные говоры, корпус русских говоров Удмуртии, метеорологическая лексика, ландшафтная лексика, лексикографический анализ, лингвистическая география.

Данное исследование посвящено анализу диалектных наименований ландшафтных и метеорологических явлений, отмеченных в русских говорах Удмуртии. Лексика этих разделов рассматривается в рамках одного исследования, поскольку, с одной стороны, тематически относится к единому

кругу явлений, описывающих общие условия жизни человека, с другой стороны, несмотря на то, что эти разделы в сумме включают почти триста вопросов, то есть охватывают широкий круг реалий, в русских говорах Удмуртии отмечено не так много диалектных слов данных лексико-семантических групп.

Источником материала для статьи послужил корпус русских говоров Удмуртии [Баранов, Верняева, Жданова 2020], состоящий из транскрибированных записей диалектной речи, сделанных в 1970–1980-е гг. XX в. Корпус русских говоров Удмуртии (<http://dialect.manuscripts.ru>) был создан на основе лингвогеографической информационной системы (ЛГИС) «Диалект», которая содержит также лексику, собранную для Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) в более поздний период. Однако стоит заметить, что сбор материала для ЛАРНГ по этим разделам охватил лишь десять населенных пунктов в различных районах Удмуртии, причем в большинстве случаев примеры употребления не записаны, что вызывает сомнения в достоверности результатов проведенного обследования говоров. В то же время при наличии в корпусе подтверждений употребления того или иного диалектного наименования при анализе учитывались и данные опроса по программе ЛАРНГ. Приходится принимать во внимание и тот факт, что сбор сведений для ЛАРНГ проводился на 20–30 лет позже, чем были сделаны записи корпуса, то есть собиратели опрашивали уже другое поколение информантов, которое, к сожалению, могло в меньшей степени знать традиционную лексику. Таким образом, данные корпуса русских говоров Удмуртии корректируют и дополняют материалы, собранные для ЛАРНГ.

ЛГИС «Диалект» позволяет представить лексику русских говоров Удмуртии в различных ракурсах: лингвогеографический модуль системы использовался для определения ареалов и изоглосс диалектных лексем, лексикографический модуль — для поиска слов, представленных в семантических вопросах, и определения их значений. Ссылки на тек-

сты корпуса, представленные в лексикографическом модуле, позволяют увидеть диалектные наименования в контексте и уточнить их семантику.

Прежде чем говорить о метеорологической и ландшафтной лексике, необходимо охарактеризовать соответствующие реалии региона, о котором идет речь.

Удмуртская Республика расположена на востоке Восточно-Европейской равнины, в междуречье Камы и Вятки. Однако далеко не везде ландшафт является равнинным. Большая часть территории республики представляет собой чередующиеся возвышенности и низменности, пересеченные речными долинами и оврагами. Более 40% территории Удмуртии занимают возвышенности разнообразной формы. В средней полосе республики есть ряд низменностей. На юго-востоке возвышенность обрывается, образуя правый крутой берег Камы.

В Удмуртии распространены и подземные воды, и поверхностные — реки (на территории республики их насчитывают более 500), пруды (насчитывают до 1900 прудов и водохранилищ), местами озера-старицы и болота. Удмуртию называют «родниковым краем» из-за большого количества ключей и минеральных источников. Реки республики замерзают в первой половине ноября, на Каме лед держится 150–160 дней, на малых реках чуть меньше.

Почвы в Удмуртии достаточно разнообразны, но преобладают дерново-подзолистые. Почти все почвы республики пригодны для земледелия, однако средне- и сильноподзолистые почвы малопродуктивны.

Климат Удмуртии умеренно-континентальный, ярко выражена сезонность. Амплитуда средних температур составляет 33 градуса: +19 летом и –14 зимой. Период с температурой выше 0 градусов длится на севере республики 190 дней, на юге — 200 дней. На микроклимат влияют также рельеф и растительный покров. Большая часть Удмуртии покрыта хвойными лесами. Северную и значительную часть средней полосы республики занимает подзона южной тайги. Южная

часть Удмуртии входит в подзону смешанных темнохвойно-широколиственных лесов. В Удмуртии распространены пойменные и суходольные луга.

Стоит отметить высокую облачность на территории республики, особенно в осенний и зимний период. В течение года бывает от 178 до 203 дней с осадками. Количество дней со снежным покровом на юге и в средней полосе республики 160–165, на северо-востоке 172–175. Зима длится 5 месяцев, самые поздние заморозки на почве бывают в первой половине июня. Лето в Удмуртии относительно теплое, иногда жаркое. Средняя температура июля на юге республики +19,4 градуса, на севере +17, 5 градуса [Широбоков 1969]. Таким образом, во многом климат и ландшафт Удмуртии являются типичными для средней полосы России, но стоит отметить, что рельеф и погодные условия северной и южной частей республики различаются.

Как показывают данные корпуса русских говоров Удмуртии, а также анализ сведений, собранных для ЛАРНГ, ответами на многие вопросы программы разделов «Метеорология. Астрономия. Календарь» и «Ландшафт» являются общеупотребительные слова: *погода, дождь, град, снег, месяц, сутки, яма, болото, луг, речка, русло, берег* и т. д. В текстах корпуса лексика, связанная с реками и прибрежным ландшафтом, встречается в основном в населенных пунктах Сарапульского и Каракулинского районов, расположенных на берегу Камы, однако даже здесь зачастую не фиксируются специфические диалектные номинации. Например, при всем разнообразии Камского русла для обозначения мелкого места зафиксирован только соответствующий описательный оборот: *На мелком месте утонул* (Сарапульский р-н, д. Ожгихино).

Также можно обобщить, что семантические вопросы, направленные на уточнение значений слов, обозначающих детали ландшафта, метеорологические, астрономические или календарные явления, в большинстве случаев не нашли ответов в русских говорах Удмуртии.

В корпусе зафиксировано несколько названий возвышенностей:

бугор (Кизнерский р-н, с. Бемыж, с. Васильево): *Крутик — нет у нас такого слова. Сугор, бугор говорят;*

угор (Завьяловский р-н, д. Банное, Красногорский р-н, д. Бухма, д. Курья, Сарапульский р-н, д. Большие Пещеры, д. Дулесово, д. Макшаки, д. Юриха, Шарканский р-н, с. Зюзино, д. Кочни): *На угорах клубеника ешь;*

сугор (Кизнерский р-н, с. Бемыж): *Вон на сугре дом, дак за этим домом там внизу был завод. Сугор — возвышение, бугор, если по-другому;*

а также производные от них:

бугорок (Каракулинский р-н, с. Арзамасцево, с. Кулюшево),

угорчик (Балезинский р-н, д. Коньково, Красногорский р-н, с. Большой Селег).

В данном случае корпусные данные не противоречат сведениям, собранным в ходе опроса для ЛАРНГ, что позволяет составить карту, отражающую распространение этих слов в Удмуртии (Карта 1. ЛСЛ 389. Небольшая возвышенность, холм). При этом необходимо заметить, что, учитывая контексты, картографируемые обозначения представлены как синонимичные.

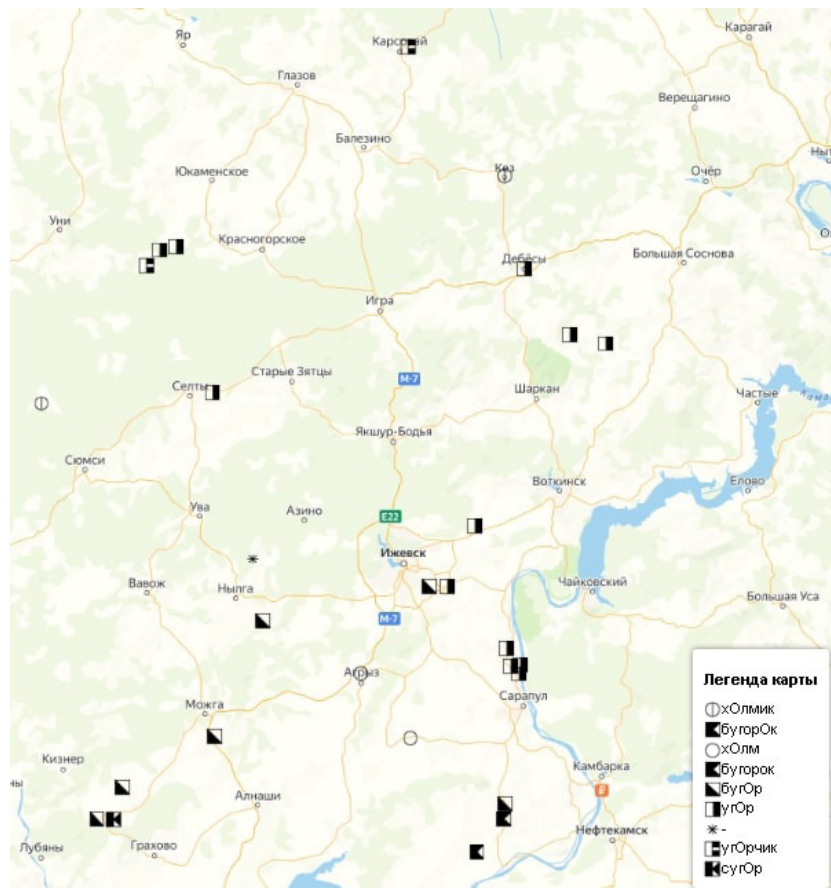
Как показывает карта, наиболее распространенными в Удмуртии являются наименования с основой *угор*. Названия с основой *бугор* отмечены только в южной части республики. Обозначение *сугор* имеет единственную фиксацию на юго-западе Удмуртии.

Карта 1. (ЛСЛ 389) Небольшая возвышенность, холм

В числе названий возвышенностей в корпусе русских говоров Удмуртии отмечено слово *рёлка*, записанное как общее наименование, но, судя по примерам употребления, обозначающее возвышенное место между оврагами:

Там за логом, на рёлку называм; меж логами, вот и рёлка (Кезский р-н, д. Лёвино),

Мы на рёлочке живём, кругом лога, а мы на выступке,

Карта 1. (ЛСЛ 389) Небольшая возвышенность, холм

рёлочка чисто находится между логами (Кезский р-н, с. Кулига),

За рёлкой живём, через лог, дак вот тебе рёлка (Кезский р-н, д. Митёнки).

Такое употребление данного слова зафиксировано только в Кезском районе, на северо-востоке Удмуртии.

В других говорах слово **рёлка** обозначает:
— поляну в лесу (юго-запад республики):

Завлодал большой рёлкой, двадцать гектаров размером-то (большая поляна, освобожденная от леса (прим. собирателя)) (Граховский р-н, с. Грахово),

— отмель (на юго-востоке, в Сарапульском районе, расположенном на Каме):

Рёлки — песок в виде островов на Каме (Сарапульский р-н, д. Большие Пещёры, с. Дулесово).

Таким образом, в зависимости от конкретного рельефа местности, слово **рёлка** в различных русских говорах Удмуртии используется для обозначения различных выступающих, выделяющихся частей ландшафта. Словарь русских народных говоров фиксирует аналогичные обозначения в сопредельных пермских и вятских говорах (СРНГ 35: 47–48).

Анализируя названия низменностей, оврагов, можно отметить повсеместно распространенное обозначение **лог** (при почти не употребляемом **овраг**), а также единичные обозначения оврагов:

верховина (Каракулинский р-н, с. Каракулино): *Верховина — все лога друг за дружкой идут и соединяются;*

подувал (Сарапульский р-н, д. Большие Пещёры, с. Дулесово, д. Смолино): *Подувал — лог.* Отметим, что в материалах, собранных в ходе опроса для ЛАРНГ, встречается слово *увал* (в качестве ответа на вопросы о видах возвышенностей и склонов), однако примерами употребления, а также данными корпуса наличие этого слова в местных диалектах не подтверждается.

В корпусе русских говоров Удмуртии отмечено употребление слова **наволо́к** для обозначения поля на низком месте или наносов на берегу реки плодородной земли: *Наволо́к полё называца, потому что землю наволокло* (Сарапульский р-н, д. Горбуново).

Слово **мыс** зафиксировано как обозначение возвышенности: *Мыс — така высокая гора, у нас-то нет* (Каракулинский р-н, д. Марагино) и выступающей части склона: *Мыс — отъёмок оторвался или прирос к оврагу* (Каракулинский р-н, с. Арзамасцево).

Для обозначения высокого мыса в одном из прикамских сел отмечено наименование *опунок*: *Опунок — мыс высокой, на ём пихта, ёлка, сосна* (Каракулинский р-н, д. Марагино). Учитывая то, что фиксация слова единична, а описание места весьма конкретно, возможно, в данном случае мы имеем дело с микропонимом, хотя в СРНГ слово *опунок* отмечено как наименование различного рода возвышенностей в вологодских, уральских и сибирских говорах (СРНГ 23: 311).

Анализируя последние примеры, записанные в населенных пунктах одного и того же района, находящегося вблизи Камы, можно предположить, что словом *мыс* здесь обозначается любой выделяющийся, возвышающийся участок суши.

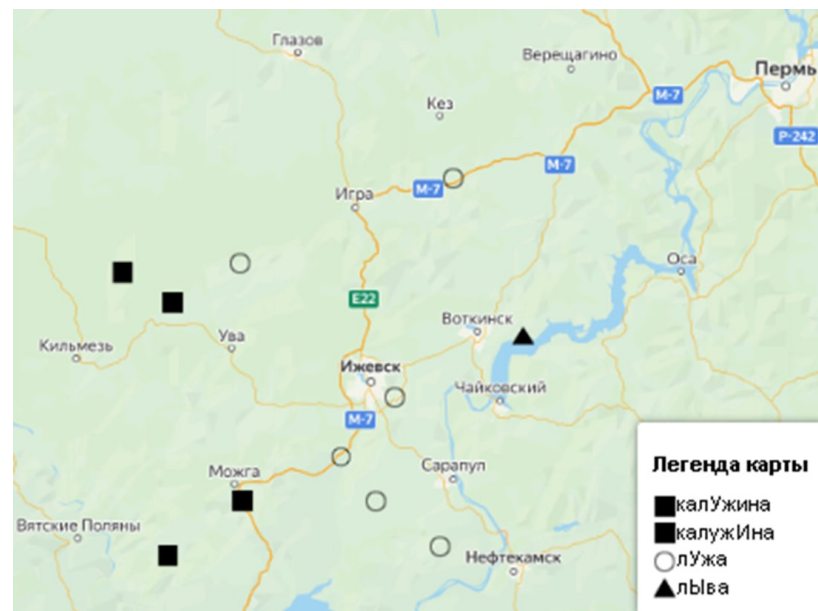
Лексема *крутик* в прикамских селах называет высокий берег или высокий склон: *Лежали на крутике, глядим, как их расстреливают* (Завьяловский р-н, с. Гольяны), *Даже где уж ягоды собирать, все в округе знают: дак по малину-ту в низа ходют, по клубянику-то на крутик* (Сарапульский р-н, с. Мазунино). Слово *крутик* с аналогичной семантикой отмечено в СРНГ как характерное для пермских говоров (СРНГ 15: 325).

Из названий водоемов, зафиксированных в корпусе русских говоров Удмуртии, можно выделить следующие диалектные лексемы:

кипун, кипунчик — ‘родник, ключ’ (Красногорский р-н, с. Курья; Якшур-Бодьинский р-н, д. Гопгурт, с. Старые Зятцы): *Кипунам называли родники*; данные слова зафиксированы в основном на западе центральной части Удмуртии;

калужина — ‘лужа’ (Кизнерский р-н, с. Бемыж, Сюмсинский р-н, д. Маркелово) *Рыбы очень много было, когда мельницу-то прорвало, рыба-то прыгает в калужинах-то*; данное слово зафиксировано на юго-западе республики;

лыва — ‘лужа’ (Воткинский р-н, с. Забегаево) *Гравиёй засыпали...коло дому, где лыва*. Это единственная фиксация данного слова в Удмуртии, в юго-восточной части (Карта 2. ЛСЛ 485. Лужа). В материалах, собранных для ЛАРНГ, эта лексема также не встречается. Однако стоит отметить,

Карта 2. (ЛСЛ 485) Лужа

что, по данным СРНГ, такое наименование зафиксировано и в пермских, и в вятских говорах, а также на севере Удмуртии (Карсовайский район) (СРНГ 17: 216).

Для обозначения прилива, подъема воды в отдельных русских говорах Удмуртии используются лексемы *зажбры* (Вавожский р-н, д. Колногородо) *Зажбры — вода, в половодье заликает луга*; в СРНГ слова *зажбр, за-жбры* отмечены в сходных значениях в ряде отдаленных от Удмуртии регионов (СРНГ 10: 88–89).

поползюха (Сарапульский р-н, д. Горбуново) *Поползюха — на деревню вода нападала. То на гору, то с горы спускались. Приходила большая вода. Так и назвали поползюхой*. В СРНГ данное наименование не зафиксировано.

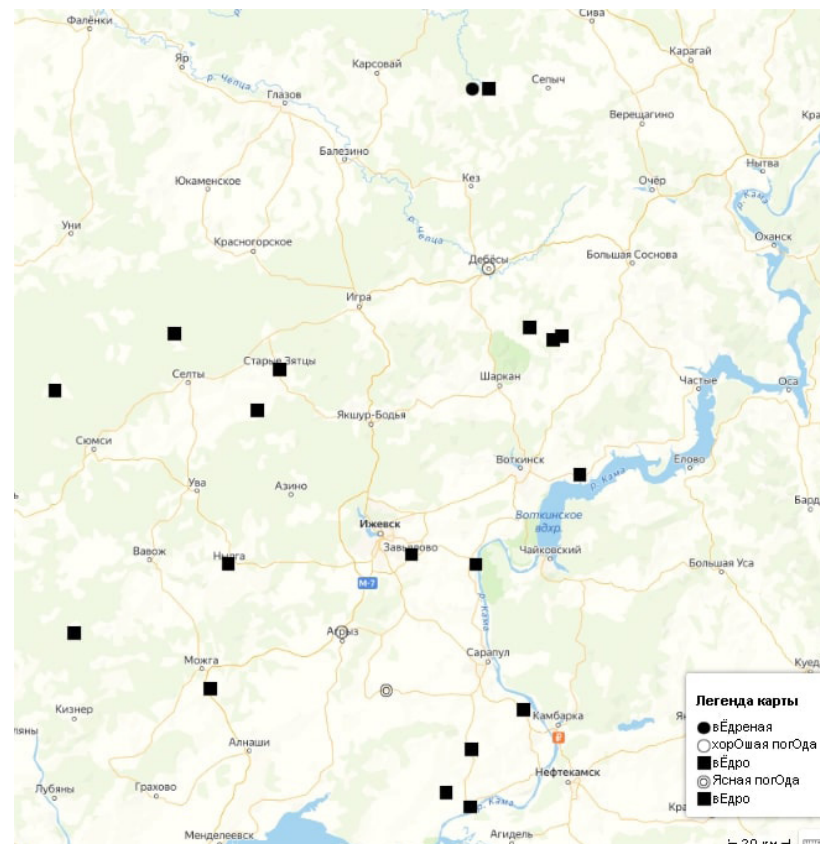
Отметим, что среди слов, собранных в ходе экспедиций по программе ЛАРНГ, эти лексемы отсутствуют.

Слово *ледянка*, являющееся предметом семантического вопроса в программе ЛАРНГ, отмечено в корпусе русских говоров Удмуртии в качестве названия зимней дороги: *Ледянка — дорога зимняя. Такую дорогу получали в результате обливания ее водой, чтобы легче было перевозить дрова из леса* (объяснение собирателя) (Якшур-Бодьинский р-н, с. Старые Зятцы). Использование этого слова с другой семантикой не подтверждается примерами из речи информантов и материалами корпуса.

Слово *ледень* в корпусе русских говоров Удмуртии зафиксировано однократно со значением 'гладкий камень': *Ледень возьмёшь, камушек гладкий, и колотишь трут-то. Потом дуёшь и дым идёт* (Можгинский р-н, д. Вишур), — хотя в тексте соответствующего семантического вопроса предложены другие значения. Слово *ледень* в значениях 'булыжник' и 'галька' представлено в СРНГ как вятское (СРНГ 16: 320). Отметим, что Можгинский район, где записано это обозначение, находится в западной части Удмуртии, граничащей с Кировской областью.

В группе слов, объединенных метеорологической тематикой, также отмечен ряд лексических особенностей, отраженных в текстах корпуса русских говоров Удмуртии.

В качестве обозначения ясной солнечной погоды в ряде населенных пунктов отмечено слово *вёдро*: *На вёдро туды пойдите, на дощ не ходите* (Каракулинский р-н, с. Кулюшево), *Если пожар вижсу [во сне], вижсу пожар такой, то значит вёдро будет, ко хорошей погоде* (Завьяловский р-н, с. Гольяны). Однако стоит отметить, что при распространенности в центре и на юге республики данная лексема имеет лишь одну фиксацию в северной части Удмуртии (см. карту 3. Л 531. Ясная солнечная погода (весенняя или летняя), вёдро), в с. Кулига Кезского района. В том же контексте отмечено обозначение *вёдреная погода*: *Сёдня ясно...дощ нету-ка, вёдро...то вёдреная, то ясная говорят погода*.

Карта 3. (Л 531) Ясная солнечная погода (весенняя или летняя), вёдро

В качестве обозначения жаркой погоды отмечены лексемы *жар*, *жары́* (Сарапульский р-н, с. Дулесово, Шарканский р-н, д. Бородули): *В жар косят, копнят, возят на вицах* (Шарканский р-н, д. Бородули), *В то время большие были жары́, дожжов давно не бывало* (Сарапульский р-н, с. Дулесово).

Для обозначения засушливой погоды на юго-востоке ре-

спублики употребляется акцентологический вариант *засу́ха* (Сарапульский р-н, с. Горбуново, с. Дулесово, д. Юриха, Каракулинский р-н, с. Кулюшево): *Засу́ха, голод был, ели травяной хлеб, всё продавали, всё проедали.*

В с. Лёвино Кезского района, на северо-востоке Удмуртии, отмечено наименование теплой погоды, оттепели в зимний период — *потай́ка*: *Девятое число [ноябрь (прим. собирателя)] такая потайка была, тёплая погода, даж сейчас дожджит.* В СРНГ это слово отмечено как пермское (СРНГ 30: 262).

Слово *пого́да*, помимо общеупотребительного значения, в корпусе русских говоров Удмуртии отмечено и как обозначение ненастья: *Руку убила, нонче падала, к погоде болит* (Шарканский р-н, с. Бородули).

Другим наименованием пасмурной, ненастной погоды, а также тучи, которая такую погоду сопровождает, в русских говорах Удмуртии является слово *мо́рок* (Сарапульский р-н, с. Дулесово, Шарканский р-н, с. Зюзино): *Вот опеть завелася туча, к мо́року голова болит.* По данным СРНГ, слово *мо́рок* с аналогичной семантикой распространено в севернорусских, в том числе пермских, говорах (СРНГ 18: 272), поэтому фиксация этого слова в районах, граничащих с Пермским краем, вполне закономерна.

Лексика описываемых разделов программы ЛАРНГ является в основном именной, однако среди диалектных лексем данной тематики в русских говорах Удмуртии отмечены и глаголы:

дожди́ть (дождну́ть) — ‘идти (о дожде)’ (Балезинский р-н, д. Шарпа, Воткинский р-н, с. Забегаево, Кезский р-н, с. Лёвино): *Там шибко позавчера дождну́ло,*

мороща́ть — ‘моросить’ (Сарапульский р-н, с. Горбуново, с. Дулесово): *Засу́ха, дожджа нет, морощало же только, громушко гремело,*

западе́рить — ‘начаться (о метели)’ (Кезский р-н, с. Кулига): *Погода всяка бывает. Когда западе́рит, так хоть и на улицу не выходит. Падэ́ра — ветер. Зима когда холодная,*

когда отходит маленько.

Последний глагол образован от названия сильной вьюги *падэ́ра*, зафиксированного в том же населенном пункте в том же контексте. По данным СРНГ, слово *падэ́ра* известно во многих севернорусских говорах (СРНГ 25: 128), а также зафиксировано в Карсвайском районе Удмуртии, который сейчас входит в состав Балезинского района, граничащего с Кезским. Однокоренной глагол в СРНГ отсутствует.

Также в качестве обозначений метели, вьюги, бурана в корпусе русских говоров Удмуртии зафиксированы слова *пурга́*, *метель*, *бури*, которые диалектоносители определяют по-разному с точки зрения направления ветра и интенсивности:

Сверху пада́т, так бура́н, а со стороны — метель (Каракулинский р-н, с. Каракулино),

Метель хуже, сильнее, метёт понизу, вредный метель, вся пыль на снегу. Бура́н — ветер слабже. Пурга — бури страшные (Каракулинский р-н, с. Арзамасцево).

Распространенное в русских говорах слово *пурга* стало производящим для аффиктива *пурга́тый* ‘сопровожаемый метелями, вьюжный’ (Кезский р-н, с. Кулига): *Зимы пурга́тые-то у нас, сумёты нанесёт, значит, бугры, сугробы.*

Как показывает последний контекст, помимо общеупотребительного *сугроб*, в Удмуртии зафиксирован диалектный синоним *сумёт* (Кезский р-н, с. Кулига). Данное слово в СРНГ отмечено в том числе в вятских и пермских говорах, т. е. в говорах сопредельных с Удмуртией регионов (СРНГ 42: 233).

В с. Бемьж Кизнерского района, на юго-западе республики, записаны обозначения природных явлений и их характеристика, не отмеченные в других точках Удмуртии:

Зимой кúржево стоит; осенью, весной морозик на траве бывает; мороз, говорят, бело сегодня; когда понизу метёт — метель, а летом воспаренье, растенья.

Слово *кúржево* в СРНГ не представлено, но в этом источнике отмечены однокоренные слова: *куржас*, *куржавень*,

куржевина в значении ‘иней, изморозь’ в севернорусских говорах (СРНГ 16: 123–124). С. А. Мызников пишет о том, что распространенные в русском диалектном языке образования с основой *курж-* «можно рассматривать как субстрат прибалтийско-финского типа» [Мызников 2004: 127].

Лексема *морóзик* ‘заморозки, иней’, зафиксированная в том же контексте, в СРНГ не отмечена.

Слово *воспарéние* со значением ‘пар, испарение’, ‘туман’ зафиксировано в ряде говоров, в том числе пермских (СРНГ 5: 139).

Специальные названия ветров в корпусе русских говоров Удмуртии записаны только в прикамских селах Каракулинского района, на юге Удмуртии:

сéвер (сúвер) — ‘северный ветер’ (д. Боярка, с. Каракулино),

полудёнка (полудёнок) — ‘южный ветер’ (д. Боярка, с. Каракулино, д. Юньга),

ночнiк (ночнoй) — судя по контекстам, это слово может обозначать северный, западный или восточный ветер (Каракулинский р-н, с. Каракулино, д. Юньга).

В д. Юньга записаны следующие контексты: *Ветер ночник дует с Клестова, он холодный* (д. Клестово находится на северо-западе от д. Юньга. — Прим. автора); *Ветра всяки есь: есь полудёнка, западный, север и ночник, полудёнка дует с тёплой стороны, дожжса приносит, ночник тожсо дует — дожжса приносит, север — холодный ветер, западный с западу дует; С запада ночник дует обычно холодный, как и север.*

Возможно, в данном случае мы имеем дело с неточной записью собирателей или неверной идентификацией информантами сторон света.

В материалах, собранных для ЛАРНГ на территории Удмуртии, данные слова отсутствуют. В СРНГ слово *сéвер (сúвер)* отмечено в севернорусских говорах, в том числе пермских (СРНГ 37: 101), вятских и говорах Прикамья (СРНГ 37: 268). Слова *полудёнка* и *ночнiк* как названия ветров в севернорусских говорах в СРНГ не зафиксированы.

В остальных тематических группах (наименования болот, видов почвы, частей рек, астрономических явлений, частей суток и т. д.) диалектные наименования в корпусе русских говоров Удмуртии не отмечены.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев диалектные лексемы, отмеченные в Удмуртии благодаря корпусу, входят в ареалы пермских и / или вятских говоров.

Наименования, имеющие ареалы на территории Удмуртии, в основном ограничены изоглоссами, проходящими с запада на восток, разделяя говоры южной и северной частей республики. По нашим наблюдениям, аналогичное явление характерно также для лексики группы «Растительный мир». В то же время для многих слов, относящихся к другим тематическим группам, характерно деление на восточный и западный ареалы, что можно объяснить влиянием Кировских говоров с западной и пермских с восточной стороны. Различия же в распространении слов, обозначающих природные явления, между севером и югом Удмуртии можно объяснить разницей природных условий в этих частях региона, а также историей их заселения.

В некоторых случаях диалектные наименования локализованы в более узком ареале, однако у нас недостаточно оснований для построения предположений о причинах такой локализации, поскольку в других говорах данные лексемы также могли существовать, но не быть отраженными в корпусе, поскольку составляющие его записи имеют широкую тематику и не нацелены на полный охват лексического состава русских говоров Удмуртии.

В то же время нужно отметить своеобразие лексики прикамских районов, на жизнь в которых оказывает большое влияние близость крупной реки и соответствующих рельефных и климатических особенностей.

Большинство отмеченных наименований прозрачны с точки зрения этимологии и мотивации, в связи с разноплановостью описываемых явлений типизации среди обознача-

ющих их лексем не отмечено.

Литература

Баранов В. А., Верняева Р. А., Жданова Е. А. Мультимедийный корпус русских говоров Удмуртии: разработка и возможности использования // Cuadernos de Rusística Española. 2020. № 16. С. 39–54.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб.: Наука, 2004. 492 с.

Широбок С. И. Удмуртская АССР. Экономико-географический очерк. Ижевск: Удмуртия, 1969. 327 с.

Vocabulary Corresponding to the LARFD Sections “Meteorology. Astronomy. Calendar” and “Landscape” in Russian Dialects of Udmurtia

Ekaterina A. Zhdanova
Kalashnikov Izhevsk State Technical
University
zhdanovaea@gmail.com

Summary. The article deals with the dialect vocabulary related to the sections “Meteorology. Astronomy. Calendar” and “Landscape” of the program of the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects, recorded in the Corpus of Russian dialects of Udmurtia. Dialect names are analyzed in terms of their distribution on the territory of the Udmurt Republic, as well as in the Russian dialects of other regions. To find out the distribution of words in the dialect language we used the data from the Dictionary of Russian Folk Dialects. To identify the localization of dialect lexemes in Udmurtia, we resorted to the functionality of the linguogeographic information system (LGIS) “Dialect” plotting maps in order to show the distribution of several dialect nominations on the territory of the Udmurt Republic. The study showed differences in the names of landscape and meteorological phenomena between the dialects of the north and south of the region. The biggest number of peculiarities was registered in the dialects of the settlements of the southeastern part of Udmurtia, located near the Kama River.

Key words: Russian folk dialects, Corpus of Russian dialects of Udmurtia, meteorological vocabulary, landscape vocabulary, lexicographic analysis, linguistic geography.

References

Baranov V. A., Vernyaeva R. A., Zhdanova E. A. Mul'timedijnyj korpus russkih govorov Udmurtii: razrabotka i vozmozhnosti ispol'zovaniya [Multimedia corpus of Russian dialects of Udmurtia: development and possibilities of use] // Cuadernos de Rusística Española. Vol 16 (2020). Pp. 39–54.

Myznikov S. A. Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkih govorah Severo-Zapada: Etimologicheskij i lingvogeograficheskij analiz [Vocabulary of Finno-Ugric Origin in Russian Dialects of the North-West: Etymological and Linguistic and Geographical Analysis]. SPb.: Nauka, 2004. 492 p.

Shirobokov S. I. Udmurtskaya ASSR. Ekonomiko-geograficheskij ocherk [Udmurt ASSR. Economic and geographical outline]. Izhevsk: Izd-vo «Udmurtiya», 1969. 327 pp.

Системные отношения в лексике русских народных говоров (на картографируемом материале)

Людмила Алексеевна Климкова

Независимый исследователь

dialekt_arz@mail.ru

В статье рассмотрены две лексико-грамматические группы слов, функционирующих в русских народных говорах на территории Европейской части России, для называния плодородной и неплодородной земли, почвы, составляющие объект картографирования в ЛАРНГ. Представлены номенклатура единиц этих парадигм, их семантическое пространство, лексикографические, ареальные характеристики, примеры функционирования в русских народных говорах, общие лингвогеографические показатели. Особое внимание (при реализации сравнительно-сопоставительного и компонентного методов анализа) обращено на системные отношения единиц: антонимию, параллелизм, синонимию, пересечение парадигм. Большой объем группы *Неплодородная земля, почва* как результат работанности данного лексического участка представляется закономерным, обусловленным номинацией явления, находящегося ниже нормы, этот факт вписывается в общую картину бытия человека и его языка, отражая этнические черты русского народа, в частности трудолюбие, терпение, любовь к родной земле, двоемирие.

Ключевые слова: диалектная лексика, лексико-семантическая группа, плодородная земля, неплодородная земля, антонимия, синонимия, параллелизм.

При всей полипарадигмальности современной науки о языке фундамент ее составляют традиционные устои — системность и историзм. Системность пронизывает весь язык — все его компоненты, разновидности, уровни. Мы неоднократно демонстрировали лексическую системность, характер системных отношений, в том числе на региональ-

ном материале — в нижегородской окско-волжско-сурской лексике: диалектонимии (неофициальной антропонимии и топонимии) [Климкова 2008: 196–204; 2022: 80–84;], на апеллятивном материале [Климкова 2020: 309–323], в частности на глаголах речи, именах-характеристиках [Климкова 2019: 264–270] и др.

На очередное осмысление диалектной лексики в этом ракурсе сподвигла нас работа над картами «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ) из раздела «Ландшафт» — Л 435 Плодородная земля, почва и Л 436 Неплодородная земля, почва. Соответствующие лексико-семантические группы слов (ЛСГ) и являются предметом рассмотрения здесь. Уже в самих наименованиях этих парадигм проявлена противоположность, антонимия: при одних и тех же гиперсемах ('земля', 'почва') комплексы дифференцирующих гипосем исключают друг друга.

Семантика адъектива *плодородный* 'способный производить и питать богатую растительность, дающий хорошие урожаи (о почве)' (МАС 3: 143) включает семный комплекс, семы со знаком плюс, положительно характеризующие реалию: 'способный', 'способный производить', 'способный питать', 'богатый', 'хороший'. Семема же адъектива *неплодородный* 'такой, на котором культурные растения не могут дать урожай или дают плохой урожай' (МАС 2: 463) включает основополагающие отрицательно характеризующие семы 'не' (по отношению к 'могут дать', 'культурный', 'урожай'), 'плохой'.

В первой из названных парадигм слова — субстантивы и / или адъективы в словосочетаниях — имеют живую внутреннюю форму, включая корни *-род-* / *-рож-*, *-плод-*, *-черн-*, *-жир-*, *-зем-* / *-зём-* / *-земл-*, *-золот-*, *-удоб-*, *-год-*, *-хорош-*, *-добр-*, *-богат-* и некот. др., в том числе во многих случаях сопряженные друг с другом в композитах. Это подтверждается иллюстративным и / или лексикографическим материалом, например: *родíмая земля*, ср.: *родíмый* 'плодородный, плодоносный, урожайный'. Курск. Орл. Тул.

Калуж. Ряз. Сев.-Двин. Приамурье; *родимая земля* 'плодородная почва'. Орл. Ворон. Казаки-некрасовцы. Яросл. Саратов. Башк. АССР (СРНГ 35: 134—135); *родная земля*, ср.: *родный* 'высокоурожаемый, плодородный; быстро растущий'. Смол. Моск. Влад. Арх. Коми АССР. Яросл. Новосиб. Том. Прибайкалье. Приамурье; *родная земля* 'плодородная почва'. Моск. Р. Урал. Новосиб. Иркут. (СРНГ 35: 142); *родовитая земля*, ср.: *родовитый* 'плодовитый, быстро размножающийся'. Твер. (СРНГ 35: 143); *материчная земля*, ср.: *материчная (материчная) земля* 'подпочвенный пласт земли'. Новосиб. Том. Кемер.; 'чернозём'. Том. Кемер.; 'земля, годная для обработки'. Курган. (СРНГ 18: 25); *сузём*, ср.: *сузём* 'верхний плодородный слой почвы; чернозём'. Новг. Ленингр. Новосиб. Том.; 'чернозем с примесью песка'. Олон.; 'наносная земля — смесь ила и песка'. Новосиб.; *сузём* 'навоз'. Ленингр. (СРНГ 42: 186); *сузёмок*, ср.: *сузёмок* 'чернозём с примесью песка'. Олон. Ср. Урал. (СРНГ 42: 188); *золотозём*, ср.: *золотозём* 'жирная плодородная земля'. Смол. (СРНГ 11: 332); *назём*, ср.: *назём* 'перегнивший навоз, перегной'. Олон. Иван. Влад. Горьк. Ульянов. Пенз. (СРНГ 19: 280), ср.: *назём*, обл. 'навоз' (МАС 2: 354); *назмённая земля*, ср.: *назмённый* 'навозный'. Том.; 'удобренный навозом'. Свердлов. (СРНГ 19: 293); *позём*, ср.: *позём*, вост. 'пахотная, годная на пашню земля; поля, нивы, пашни; обработанное, не дикое поле'; 'навоз, удобрение' (Даль 3: 231), ср.: *позём*, обл. 'навоз для удобрения' (МАС 3: 239); *земли́на*, ср.: *земли́на* 'жирная, плодородная земля'. Смол. (СРНГ 11: 256); и др.

Ряд номинант имеет в своем значении сопутствующую, ассоциативную характеризующую сему 'плодородная', в их числе: *выносная земля*, ср. *выносной год* 'урожайный год'. Арх. (СРНГ 5: 319); *живоробд*, ср. *живородящий* 'быстро растущий (о растениях)'. Урал. (СРНГ 9: 156); *кладовая земля*, ср.: *кладовый* 'относящийся к кладу (зарытым сокровищам)'. Костром. Вят.; 'содержащий клад'; *кладовая гора, релки (острова) и т. д.*; 'гора, остров и т. д., где зарыт клад'. Уфим. Волог. (СРНГ 13: 259); *налой*, ср.: *налой* 'ил,

нанос'. Брян. Пск.; 'илистое место у реки'. Пск.; *намой*, ср.: *намой* 'отмель из наносного песка, ила и т. п. в реке, озере, море'. Арх.; 'ил, песок, намываемые на берег во время разлива рек'. Пск.; 'низменное место, затопляемое водой'. Яросл.; 'летний разлив воды по лугам, полям'. Калуж. (СРНГ 20: 39); *теплик*, ср.: *теплик* 'теплое, низкое место, где нет ветра'. Пск.; 'парник, теплица'. Новг. (СРНГ 44: 51); *рохлая земля*, ср.: *рохлый* 'рассыпчатый; рыхлый', *рохлая земля*. Волог. Новг. Арх. Сев.-Двин. КАССР. Урал. Прибайкал. Том. Енис. Иркут. Сиб. (СРНГ 35: 207); тот же признак рыхлости, та же сема 'рыхлый' содержится в семеме слова *россыпка*, ср.: *россыпка* 'рассыпчатый картофель'. Коми АССР (СРНГ 35: 194), *россыпка*, *россыпки* 'наиболее вкусные, разварившиеся, сваренные в кожуре картофелины'. Ряз. (СРНГ 34: 241—242); см. также яркий пример ассоциативности: *гумённая земля*, прилагательное *гумённый* — производное от *гумно* 'сарай, в котором молотят хлеб'. Перм. Влад. Волог. Петерб. Ленингр. Арх. Куйбыш. Твер. Олон. Пск. Вят. Новосиб.; 'место сзади двора, для огорода, сада, риги, складывания снопов'. Тамб.; 'всё пространство за двором и садом'. Ворон.; 'огород позади дома'. Калуж. Ворон.; 'место за домом, огород, ток'. Ворон.; 'огород или сад на месте, где раньше была рига'. Ряз.; 'участок надела'. Саратов. (СРНГ 7: 230, 231) — в любом случае определение прямо или опосредованно связано с понятиями 'хлеб', 'снопы', 'урожай'; *угодь*, ср.: *угодь* 'участок земли, являющийся объектом хозяйственного использования или пригодный для этой цели', *устар.* 'что-либо полезное, нужное, выгодное' (МАС 4: 458—459, ср.: *угодь* 'хорошие условия жизни'. Морд. (СРНГ 46: 216); и др.

Некоторые лексемы включены в эту парадигму на основе свидетельств диалектоносителей, тогда как лексикографические данные прямых отсылок-сем к ней не содержат. Таковы, например: *гнильё* 'перегнивший навоз': *гнильё* — *эт у нас чё? Навоз вот перегнивает и называется гнильё* (п. 853), ср.: *гнильё*, *собр.*, *разг.* 'гнилые предметы, гниль' (МАС 1: 321); *гнильё* 'глина' (СРНГ 6: 247); *купа* [уд.?] 'черная земля,

подобие торфа': *Черная земля, потому что глина перерабатывается удобрения. Золу сыпешь, она становится черной, как купа, купа — вот как на болоте, которая горит, — торф* (п. 322), ср.: *купа* (копить, копа́?) 'груда, куча, ворох, кипа; группа, сбор, собрание вещей, предметов в одно место' (Даль 2: 219); ср., однако: *кулига* 'наносной в половодье ил как плодородный слой почвы' (как *налой, намой* — см. выше): *кулига? река разливается, вода сходит, ил остается* (п. 605); *Весной наносит намой с луки — золотая земля* (п. 377); *На овощнике на нашем один налой* (п. 667), ср.: *кулига* 'участок земли, отличающийся хорошим урожаем (зерновых, травы, ягод и т. п.)' (СРНГ 16: 62).

Относятся к рассматриваемой парадигме и недиалектные слова, функционирующие в говорах, в их числе: *перегно́й* 'составная часть почвы, образовавшаяся из перегнивших растительных и животных остатков', 'перегнивший навоз' (МАС 3: 55); *навóз* 'перегнившая смесь помёта домашнего скота и подстилки, служащая для удобрения почвы' (МАС 2: 333); *гýмус* (диалектный вариант *гýмос*), *спец.* 'перегно́й' (МАС 1: 357); *туж* (у нас в номинанте *почвенный туж*), *устар.* 'плодородная тучная почва; перегно́й' (МАС 4: 424); *торф* 'горючее полезное ископаемое, образованное скоплением остатков растений, подвергшихся неполному разложению в условиях болот (используется как топливо, удобрение и т. д.)' (МАС 4: 388); *чернозём* 'плодородная, богатая перегноем почва темного цвета, преобладающая в степных и лесостепных районах' (МАС 4: 666); с последней номинантой связаны функционирующие в говорах дериваты *чернозёмие, чернозёмина, чернозёмина, чернозёмь, чернозёмье, чернозёмы*. В этом приведенном ряду слов наблюдается совмещение, пересечение, расширение, перенос элементов семем 'почва', 'составная часть почвы' 'удобрение', поэтому включение их в рассматриваемую парадигму представляется логичным (не вызывает здесь сомнения слова *чернозём* и его дериваты).

Многочленный компонент во всей ЛСГ — описательные

конструкции, в том числе с адъективами, включающими в себя корни, перечисленные ранее.

В реальности существования единиц парадигмы убеждают диалектоносители. Приведем некоторые речевые иллюстрации: *Картóшку садыт всё больше на перегное* (п. 7). *Хорошо растёт на ней — земля хорошая* (п. 24). *Здесь на чёрнеди хорошо всё растёт, только сади* (п. 45). *Всё хорошо растёт на чернозёмине* (п. 47). *Чернозём — это как торф, плодородная земля* (п. 51). *Чернозёмина — это где хорошая земля* (п. 66). *Вот там чернозём, хорошая земля, значит* (п. 85). *На сузёмной земле всё хорошо родится* (п. 104). *Побольше бы золотозёмов* (п. 111). *Земли́на даёт в этом году хороший урожай* (п. 119). *На плодонóсной земле картошка родится* (п. 121). *Картошку в золотозём сажали* (п. 136). *А вот на золотозёме картошка нынче хорошая уродилась* (п. 137). *На чернозёме вырастишь богатый урожай* (п. 141). *Земли́на у нас во всей деревне* (п. 144). *Хорошая земля — золотозём* (п. 185). *На золотозёме все растёт* (п. 186). *Сузём — где черная, хорошая земля* (п. 210). *Земля-то у нас дюже огородна, много чё на ней растёт* (п. 215). *Там кладовая земля: посеешь, так точно урожай снимешь* (п. 217). *У нас в огороде всё больше тёплик* (п. 223). *На гýмосе хороший хлеб родился* (п. 259). *Перегно́й — это плодovitая земля* (п. 266). *Позём — хорошая черная земля, на ей растёт всё на свете* (п. 322). *На моём участке золотозёмистая почва была* (п. 342). *Хорошая земля, говорят, удобренная* (п. 435). *Такая плодородная земля у нас называется чернозёмом* (п. 479). *Плодускáя, когда на ей родится каждой год* (п. 485). *Хлеборóдная земля там, где хлеба много* (п. 580). *Плодородная земля навóзная* (п. 907). *На родíмой земле урожай хороший* (п. 958). *Земля у нас очень родíмая: и хлеб сеют, и кукурузу, и баштан* (п. 1007) и др.

Что касается лингвогеографического аспекта, то высокий показатель задействованности имеют лексемы-компози́ты *золотозём* и *чернозём*, особенно активен второй: он функционирует на всей территории Европейской части России, образуя сплошные, более или менее объемные ареалы в север-

норусских говорах (архангельских, ладого-тихвинских, ярославских, костромских, особенно в вологодских и пермских); в среднерусских (владимирско-поволжских, новгородских, особенно псковских), а также заметен в говорах Республик Башкортостан, Мордовия, Удмуртия; во всех южнорусских (особенно курско-орловских, воронежских, ростовских, волгоградских, краснодарских). Лексема *золотозём* на фоне точечных ареалов наиболее заметна в говорах Башкортостана и в южнорусских (курских) говорах, а также она образует островные ареалы в севернорусских (костромских, ярославских) и среднерусских (владимирско-поволжских) говорах. Остальные однословные номинанты характеризуются точечными ареалами на всей территории Европейской части России, лишь лексема *земли́на* образует линейные прерывистые ареалы в костромских и волгоградских говорах. На всей территории России функционируют описательные конструкции, наиболее представленные с адъективами *плодородная* и *хорошая*.

Семантическое пространство второй ЛСГ (*Неплодородная земля, почва*) заполнено следующими компонентами:

- признак как констатация самого факта неплодородия, непригодности земли, почвы для сельскохозяйственной обработки, для выращивания культурных растений, для получения урожая;
- причина неплодородия названной выше непригодности;
- неплодородие в силу истощения почвы, исчерпанность ее способности давать урожай.

Первый семантический компонент реализуется в номинантах-словосочетаниях с опорными (определяемыми) словами *земля, почва* и большим рядом адъективов: *бесплодная земля, благая земля*, ср.: *благóй* 'дурной, плохой'; *благáя земля*. Оренб. Петерб. Новг. Пск. Твер. *Пашня благая — тяжёлая*. Пск. Влад. Костром. Нижегород. Симб. (СРНГ 2: 307); *гóлая; дика́я; мёртвая; неблагоприятная; нева́жная; негóдная; негодя́щая; ненавóзная; некультурённая; непло́дная; неплодородистая; неплодородная; неро-*

дúвая; неродúмая; нерóдливая; нерóдная; неродúчая; неродя́щая; нерожáвая; неудобная; неуродúмая; неурожа́йная; нехорóшая; нечернозёмная; плоха́я; пога́ная; прёсная; пустáя; ску́дная; скупа́я; худáя; тяжёлая, ср.: *тяжёлая земля* 'земля, требующая большой затраты физических сил при обработке'. Моск. Арх.; 'бедная по урожайности'. Арх.; 'насыщенная влагой торфянистая земля'. Новг. (СРНГ 46: 79); *я́ловая*, ср.: *яловые земли* 'покинутые на́долго в залежь'; *яловеть* 'быть или становиться неплоднóю' (Даль 4: 677) и др.

Этот компонент представлен и однословными номинантами-субстантивами: *голéц; голощёчина; голы́га; голодн́як; голышо́к; дёба*, ср.: *дёба* 'плохая, неплодородная земля'. Смол. (СРНГ 7: 312); *захлэ́стье, захлэ́стье*, ср.: *захлэ́стье* 'неплодородная почва'. Моск. (СРНГ 11: 57); *за́росли*, ср.: *заросли* 'земля, непригодная для возделывания'. Новосиб. (СРНГ 11: 5); *ля́вда* (см. иллюстрации); *мёлда*, ср.: *мёлда* и *мелда́* 'светлая суглинистая почва', *мелда́*. Волог. Вят. Киров.; *мёлда*. Перм. Урал. (СРНГ 18: 95); *мéнда*, ср.: 'неплотный, непрочный слой древесины, находящийся непосредственно под корой'. Волог. Перм.; 'сосна с непрочной, недоброкачественной древесиной'. Свердлов.; 'дерево, растущее на краю леса, обычно сучковатое, кривое'. Перм.; 'редкослойное дерево'. Арх.; 'низкорослый, кривоствольный сосновый лес'. Арх. (СРНГ 18: 106—107); *негодь; неплодородица; неплодóбрь; не́род; неуго́дые; неуго́дья; неудобица; неудобь; неудобьбе; неудобья; нечернозём; нечернозёмье; подморина*, ср.: *подморина* 'неплодородная почва'. Перм. (СРНГ 28: 84); и др. Как видно из перечня лексем, в этом семантическом компоненте доминируют единицы с корнями *-род-, -плод-* и префиксом *не-*.

В семантический объем данной группы входит ряд причин неплодородия. В их числе: отсутствие или недостаточность веществ для выращивания сельскохозяйственных растений, что приводит к неурожайности, к плохим урожаям: *бедная земля*, ср.: *бедный* 'небогатый по содержанию, скудный'

(МАС 1: 68); *голодная земля*, ср.: *голодная земля* 'неплодородная земля'. Влад. (СРНГ 6: 315); *голодняк; по́стная земля*, ср.: *постная земля* 'неудобренная земля'. Новосиб. Амур. (СРНГ 30: 230); *ску́дная земля; ску́дня; скупáя земля; то́щая, неудбренная земля*.

Неплодородие связано и с характером почвы, ее составом, типом, видом: *ба́рда*, ср.: *ба́рда* 'плохая почва (барда?), бесплодная, болотная или каменистая' (Даль 1: 48); *барда́* 'бесплодная болотистая или каменистая почва'. Арх.; 'слишком влажная тундра, неудобная для возделывания'. Арх. (СРНГ 2: 112); *борови́на*, ср.: *борови́на* 'боровая, хвойная, нехлебная почва' (Даль 1: 118), 'песчаное бесплодное место в лесу'. Вят. Киров. (СРНГ 3: 104); *борови́ще; буза́* (см. иллюстрации; ср.: СРНГ 3: 253), *буха́ра* (см. иллюстрации, ср.: СРНГ 3: 319); *вы́золенная земля; глиневи́тая земля; гли́нистая; гни́листая земля; горбо́ховик* (см. иллюстративный материал); *еду́н, еду́нья*, ср.: *едун* 'песчаная почва'. Арх.; 'сухая неплодородная почва'. Север. (СРНГ 8: 324); *зо́льница; и́листая; камени́стая; ки́слая земля; кле́клая земля; кля́клая*, ср.: *кля́клый* 'затвердевший, покрывшийся твердой коркой'. Южн. Курск. Ворон. Дон. Саратов. Пенз. Тул. Калинин. Нижегород. Чкал. (СРНГ 13: 276); ср.: *кле́клая земля*, сухая и твердая, ровно камень (Даль 2: 117); *лу́да*, ср.: *лу́да* и *луда́* 'твёрдая, неплодородная (глинистая, суглинистая, каменистая) почва'. Перм. Вят. Киров. Арх. Сев.-Двин.; 'неплодородная беловатая почва'. Вят. (СРНГ 17: 177); *лудя́к*, ср.: *лудя́к* 'серая иловатая, глинистая почва, подверженная затвердению'. Оренб. Перм. Вят.; 'вязкая глинистая почва'. Перм.; 'подзолистая почва, суглинок'. Перм. (СРНГ 17: 180); *песча́ная, песо́чная земля; подзо́л, подзо́лковая земля; подзо́листая земля; подзо́листые земли; подзо́лица; подзо́лки, подзо́лок, подзо́лох; подзо́лы; подзо́ль; сверху́н* (см. иллюстрации); *сла́бая земля*, ср.: *слабая земля* 'песчаная, неплодородная земля'. Ульянов.; *слабый гай, почва* 'топкий, болотистый гай, почва'. Арх. (СРНГ 38: 211); *солёная земля; солонёц; солонцы́*, ср.: *солонцы́, ед. солонёц*

'засоленные почвы, образующиеся из солончаков при понижении уровня грунтовых вод (по мере вымывания избытка солей из верхнего слоя солончаков)' (МАС 4: 192); *сланцо́вая земля; солонча́к; солончаки́*, ср.: *солончаки́, ед. солонча́к* 'почвы, насыщенные солями, образующиеся при выветривании горных пород в условиях сухого климата (в степных, полупустынных и пустынных зонах)' (МАС 4: 192); *солончу́к; солоня́к; солотви́на; солунчаки́* (см. иллюстративный материал).

Сигналом характера, типа почвы и тем самым ее непригодности для выращивания сельскохозяйственных культур, неплодородия служит окраска, окрашенность, цвет земли: *белáшки, бе́лая земля, белева́я земля, бе́лик, белодёр, белто́к, белуни́ще, белу́ха, беля́к, болодёр* (по цвету известняка, белого песка; ср.: *белодёр* 'плохого качества земля, на которой не растёт лён'. Ярослав. (СРНГ 2: 219), *желти́ха; жёлти́к, жёлтя́к, красная земля; краснозём; краснотá; попелу́ха*, ср.: *попелу́ха* 'подзолистая почва'. Дон.; 'серая глина'. Ворон. (СРНГ 29: 301); *попы́льноху́* (тоже определяется подзолистой или известковой почвой); *се́рая земля*, ср.: *серая земля* 'суглинистая почва'. Ярослав. Иван. Костром.; 'супесчаная почва'. Нижегород. Костром.; 'песчаная земля, почва'. Ярослав.; 'ил'. Ярослав.; 'плохая земля, почва'. Ярослав. (СРНГ 37: 225).

Одна из причин непригодности земли для обработки и её неплодородия — характер расположения по отношению к тому или иному объекту рельефа: *болоти́на*, ср.: *болотина́, прот.* 'болотистое место' (МАС 1: 105); *пади́на*, ср.: *пади́на* 'степная ^...^ низина, низменность'. Дон. Рост. Ворон. (СРНГ 25: 130); *подма́рина*, ср.: *подмо́рина* 'пахотная земля в низине'. Арх.; 'низкое сырое место среди поля'. Арх. Киров. Перм. Приурал. (СРНГ 28: 84); или по расположению относительно освещенности и прогретости — плохо обогреваемая: *увей́*, ср.: *увей́* 'тень, тенистое место'. Вост. Куйбыш.; 'место под деревом, в тени'. Р. Урал (СРНГ 46: 166); *холоде́ц; холодни́к*, ср.: *холодная почва* 'серая, белесоватая, известковая' (Даль

4: 557).

К неплодородию, непригодности почвы для сельскохозяйственной обработки приводит недостаток влаги или ее избыток, отсюда: *сухья́я земля*, *суходбл*, ср.: *суходол* 'безводная сухая местность'. Арх.; 'местность с сухой почвой'. Костром. (СРНГ 43: 40); *суходблина*; *сухотйна*; *суша*, ср.: *суша́* 'сухое место'. Пск. (СРНГ 43: 37); *мычижйна*, ср.: *моча́жйна*, *мочешйна* 'низкое сырое место' (СРНГ 18: 314–315, слово имеет очень широкий ареал); *мычажйна* 'болотистое (иногда просыхающее) место'. Вост. Закамье; 'болотистая почва'. Арм. ССР (СРНГ 19: 67); *сланёц*, ср.: *сланёц* 'низкое сырое место в поле'. Ворон.; 'болото'. Ворон. (СРНГ 38: 230).

Неплодородность земли, почвы может возникнуть в силу истощенности ее способности давать урожай, истощения: *вы́золенная земля*; *исплодородная земля*; *исхудавшая земля*; *отоцáвшая земля*. В результате истощения земля переставала использоваться, выводилась из севооборота, забрасывалась, зарастала, превращалась в пастбище для того, чтобы восстановить ее плодородие. Это отражают номинанты: *бро́совая земля*; *забро́шенная земля*; *за́лежи*; *залезжо́*; *за́росли*; *за́росль*; *за́росье*; *захолу́стье*; *кочка́рник*; *облб́х*, ср.: *облб́г*, юж. *облб́га*, смл.; 'залог, залежь, целина, нэпашь, новина́' (Даль 2: 592); *отса́дина*, ср.: *отсад*, отсадок от отсадить 'отделить' (Даль 2: 754) (отделить от обработки, обрабатываемой земли); *толо́ка*, ср.: *толо́ка* 'пастбище, выгон'. *Толока* — это выбитая земля. На ней пасут скот, чтобы удобрить землю (СРНГ 44: 198); *шутём*, ср.: *шутем*, прм. вят. прмяцк. 'покинутая из-под пашни земля, залеж, залог, заросли, заброс; плохая, пустопорожняя пустошь, дикое поле; нива, обращенная под покос; она первые годы, поколе растет бурьян: *пүстошь*; затем поросшая более пыреем: *шутём*, как зовут и вообще непоемный, высокий покос, луг, и рощисть лесную, с коей сымают до пяти хлебов, и опять запускают. Земля *шутёмб́м* лежит, впусе, залогом или под покосом' (Даль 4: 649).

Из-за отсутствия иллюстративного материала некоторые

слова вызывают неоднозначные восприятие, прочтение и интерпретацию. Так, номинанта *суша* 159: то ли это 'твёрдая земля' в отличие от водоёма, то ли это 'сухая земля' в отличие от болотистого, низменного и потому влажного пространства — разные семантические акценты; *сахара* 615: то ли это 'сухая земля', ср.: *сахара* ниж. кстр. 'сухое или обгорелое дерево на корню' и *сахара* пск. 'тощий, сухой человек' (Даль 4: 366) и в слове произошла дистантная ассимиляция гласных звуков, то ли это 'песчаная земля' и слово — результат метафорического сближения с названием пустыни Сахара, то ли то и другое вместе взятое; *борода́* 104: возможно, как ландшафтное обозначение слово связано с диалектным в значении 'очень мало', то есть очень мало в почве полезных веществ, необходимых для хорошего урожая сельскохозяйственных культур, ср.: *борода* чего-либо. 'очень мало'. «Если у крестьянина выйдет весь хлеб или харч, то он обыкновенно говорит: "У меня сегодня борода хлебу или такому-то харчу", т. е. к завтрашнему дню ничего не останется». Арх. (СРНГ 3: 110).

Посмотрим на некоторые из перечисленных единиц в речевых свидетельствах (в предложениях) диалектоносителей: *Сверхунб́м зовём, особо ежели песку много* (п. 6). *Приготовили, начали сеять, а земля нерб́дна* (п. 7). *Самая плохая — это лявда* (п. 24). *Неплодородную землю мы голб́дной зовём* (п. 66). *Земля-то неплодородная, если в ней глины много или песка, так мы их так и называем, сугли́нок и сопесча́ная почва* (п. 51). *Голб́дные земли сухие, песок один. Сухие они неплодородные* (п. 51). *Пб́дморина на полосе-то, вот и растёт реденькой, плохой овёс* (п. 52). *Ну вот, жёлтики, они живут на бухара́х, тут возле леса. Бухара́, на ей ничо не родится, где песок, белой и желтой песок. Земля запүщена дак, б́дна, неудб́ренна, надо подкармливать* (п. 61). *Тут лучше не садить, здесь земля голб́дная, ничего не вырастит* (п. 61). *Где сосняк-от растёт, там буза́, плохо растёт на бузе-то, на песках худá земля* (п. 90). *Белүха то же, что беля́к, земля такая* (п. 90). *Лүда — плохая земля* (п. 92). *Лудя́к — это самая плохая земля, главное, что на ней плохо родится*

(п. 92). *Беднякам-то кулаки одни боро́ды оставляли* (п. 104). *А неплодородная так и зовется неплодородная* (п. 106). *Ой, да там голо́дная земля, там ничего не ро́дится* (п. 113). *В боро́вину и нечего садить* (п. 119). *Неплодородной так и зовут* (п. 120). *На голо́дной-та земле ничево и не растёт* (п. 137). *Здесь картофель не вырастет, потому что земля исхудавшая* (п. 141). *Что тут на этом едунé уродится?* (п. 144). *На голо́дной земле урожая не соберёшь* (п. 144). *Где не росло ничего, так говорят голо́дная земля* (п. 144). *Там лучше ничего не сажать: там одни за́росли* (п. 146). *В полях неровные места неудобницей называют* (п. 159). *Ничё не посадишь в такую по́стную землю — бесполезно* (п. 163). *Земли школе выделили самые скудные, придется долго удобрять* (п. 165). *А на голо́дной земле и травки не выйдет* (п. 166). *На боро́вине ничего не растёт* (п. 185). *А та земля, что не даёт всходы, зовётся болоти́на* (п. 222). *Если земля не родит, то мёртвая* (п. 242). *На плохой земле что ни сажай, всё пусто* (п. 268). *Земля плохая, то́щая — болоти́на* (п. 270). *Так и говорим: негодная земля, ничего она не родит* (п. 284). *А па-сека у Вали, можно сказать, на ску́дный, ску́дная земля — всё равно ничего не посадишь* (п. 285). *А когда плохая земля, подзо́л говорили* (п. 267). *Там, где залежб, ничего не ро́дится* (п. 289). *У нас в поле тяжёлая земля, дак картошка плохо растёт* (п. 303). *Зо́льница всегда сухая, как песок сыплется* (п. 381). *Водорéзина — худая земля, урожая мало растёт* (п. 436). *Захолу́стьем такую́ землю называют, котб́ра родит плохо* (п. 433). *Если не пло́дит, то это плохая земля* (п. 680). *Обло́х — плохая земля* (п. 907). *А неплодородную землю зовём солонцо́м* (п. 935). *А плохая-то земля спогля́нкой зовётся* (п. 832). *Если плохо растёт на этой земле, дак это нечернозём* (п. 7). *Неплодородную землю мы голо́дной зовём* (п. 66). *Голо́дная земля она пустая, ей обработать надо, чо там будет расти* (п. 55). *Выто́щенная земля у меня, с глиной, назьму не важивано почти тридцать годов* (п. 64). *У нас плохеи земли, неудобница одна, нас животноводство кормит, фирмы* (п. 440). *Неплодородна она и есь неплодородна, а*

еще неуго́бье, поэтому и урожа́й никакой (п. 481). *Неудобна она у нас земля: урожаяв-ти нет, вот скотина выручат* (п. 475). *Горбо́вик-то — плохая земля* (п. 207). *А там у нас холо́дник, так и не растёт ничего* (п. 223). *Солонцо́ — это плохая земля* (п. 723). *Салане́ц — плохая земля, на ней ничего не растёт* (п. 934). *На солончака́х одна лишь брешь растёт* (п. 936) и мн. др.

Эта ЛСГ имеет значительно более пеструю лингвогеографическую, ареальную картину. Большинство однословных номинант, прежде всего единичные с разными корнями, имеют точечные ареалы в говорах Европейской части России, например: в архангельских (*ля́вда, сверху́н*), вологодских (*борода́, суходо́лина*), коми (*суходо́л*), Кировских (*ме́нда, ме́лда*), Пермских (*буза́, буха́ра, лу́да, ушля́н, ушле́п, шутём*), Псковских (*шутём*), Московских (*водорéзина*), Ивановских (*пустозём*), Владимирских (*увей́*), в говорах Удмуртии (*бурда́, шутём*), Смоленских (*дэ́ба*), Брянских (*толо́ка*), Белгородских (*ушле́п*), Курских (*толо́ка, ушля́н*), Воронежских (*обло́х, спогля́нка*), Ростовских (*толо́ка*), Астраханских (*ушля́к*), Краснодарских (*поды́ка, голоще́чина*) и т. д.; а также лексемы *ба́рда, боро́вина, едун́, захлэ́стье, неудобь, неудобье, пусты́рь* и др. Ареалы другого характера образуют лексемы: *беля́к* — небольшие островные ареалы в Пермских говорах и говорах Республики Удмуртия; *белодо́р* — островные ареалы в севернорусских (Ярославских) и в среднерусских (Владимирских) говорах; *негодь* — компактный сплошной ареал в Нижегородских, Окско-Волжско-Сурских говорах, в них же несколько островных ареалов образует слово *неудоби́ца; подзо́л* — островные ареалы в севернорусских (Архангельских, Кировских) и среднерусских (Псковских) говорах; *за́росли* — островные ареалы в севернорусских (Костромских), среднерусских (Нижегородских), южнорусских (Астраханских) говорах; линейный прерывистый ареал в говорах Республики Башкортостан; компактные ареалы в среднерусских (Нижегородских), а также в южнорусских говорах: небольшой — в Курских,

более объемный — в краснодарских; лексемы с корнем *-сол-* характерны только для южнорусских говоров: *солонѐц, солонцы́* занимают островные ареалы в пензенских, воронежских, ростовских и волгоградских говорах, *солонча́к(и)* — островные ареалы в воронежских и волгоградских говорах, линейный в краснодарских говорах.

На всей территории Европейской части России активно функционируют описательные конструкции, образуя разные ареалы — компактные, сплошные, островные, линейные. Наиболее представлены описательные конструкции с адъективами *голодная, неплодородная, плохая* (земля).

Представим номенклатуру единиц обеих ЛСГ с учетом их системных (антонимических) отношений, картографического воплощения.

<i>Плодородная земля, почва</i>	<i>Неплодородная земля, почва</i>
<i>Однословные наименования</i>	
<i>Картографируемые</i>	
<i>земліна, зѐмлина</i>	<i>ба́рда</i>
<i>золотозѐм</i>	<i>белодѐр, болодѐр</i>
<i>назѐм, назѐмы</i>	<i>беля́к</i>
<i>на́земь</i>	<i>борові́на</i>
<i>перегной</i>	<i>еду́н</i>
<i>чернозѐм, чернозѐмы</i>	<i>за́росли, зароб́ли</i>
<i>чернозѐмие</i>	<i>за́росль, зароб́сть, зароб́стье</i>
<i>чернозѐмина</i>	<i>захлѐстье, захлѐстье, захлѐстье</i>
<i>чернозѐмина</i>	<i>не́годь</i>
<i>чернозѐмь</i>	<i>неугѐдые, неугѐдые</i>
<i>чернозѐмье</i>	<i>неудѐбица</i>
	<i>неудѐбь, неудѐбье, неудѐбья</i>
	<i>нечернозѐм, нечернозѐмье</i>
	<i>подзол, подзѐлы, подзѐль</i>

	<i>пусты́рь</i>
	<i>солонѐц, солонцы́</i>
	<i>солонча́к, солончаки́</i>
<i>Единичные с картографируемыми корнями</i>	
<i>гнильѐ</i>	<i>белашки́</i>
<i>землянина [уд. ?]</i>	<i>бѐлик, белі́к</i>
<i>зѐлотец</i>	<i>белто́к</i>
<i>чѐрнедь</i>	<i>белуні́ще</i>
<i>чернѐшка</i>	<i>белѐшка</i>
	<i>борові́ще</i>
	<i>еду́нья</i>
	<i>зѐльница</i>
	<i>подзѐлица</i>
	<i>подзѐлки</i>
	<i>подзѐлок</i>
	<i>подзолѐх</i>
	<i>пустозѐм</i>
	<i>пустота́</i>
	<i>пустѐтка</i>
	<i>пустоцѐвт</i>
	<i>пѐстошь</i>
	<i>пустѐшь</i>
	<i>пусты́рник</i>
	<i>пѐстыш</i>
	<i>пѐстыш</i>
	<i>пѐстышь</i>
	<i>пусты́шка</i>
	<i>солончу́к</i>
	<i>солоня́к</i>
	<i>солоня́ки</i>
	<i>солѐтвина</i>
	<i>солунчаки́</i>
<i>Единичные с некартографируемыми корнями</i>	
<i>гѐмус, гѐмос</i>	<i>болоті́на</i>
<i>живорѐд</i>	<i>борода́</i>

<i>куліга</i>	<i>буза́</i>
<i>купа [уд. ?]</i>	<i>бурда́</i>
<i>навбз</i>	<i>буха́ра, буха́ра</i>
<i>налóй</i>	<i>водорéзина</i>
<i>намóй</i>	<i>голéц</i>
<i>плодозём</i>	<i>голоднѣк</i>
<i>плодонóсица (редко)</i>	<i>голощéчина</i>
<i>плодорóдица</i>	<i>голы́га</i>
<i>плодорóдые</i>	<i>голышóк</i>
<i>позём</i>	<i>горóховик</i>
<i>рóженка</i>	<i>дѣба</i>
<i>рóссыпка</i>	<i>жѣлтѣк</i>
<i>саморóд</i>	<i>жѣлтѣха</i>
<i>сузём</i>	<i>желтѣк</i>
<i>сузёмок</i>	<i>залежи</i>
<i>тѣплик</i>	<i>залежó</i>
<i>торф</i>	<i>захолúстье</i>
<i>угóдья</i>	<i>кочка́рник</i>
<i>удóбье</i>	<i>краснозём</i>
	<i>краснотá</i>
	<i>лúда</i>
	<i>лудѣк</i>
	<i>лѣвда</i>
	<i>мѣлда</i>
	<i>мѣнда</i>
	<i>мычижѣна</i>
	<i>нѣземь</i>
	<i>неплодорóдица</i>
	<i>неплодóрь</i>
	<i>нѣрод</i>
	<i>облóх</i>
	<i>отса́дина</i>
	<i>падѣна</i>
	<i>пóдморина</i>
	<i>подѣка</i>
	<i>попелúха</i>

	<i>попыльнюхѣ</i>
	<i>ржавѣна</i>
	<i>сахáра</i>
	<i>сверхѣн</i>
	<i>скѣднѣ</i>
	<i>слáнец</i>
	<i>спогля́нка</i>
	<i>суходóл</i>
	<i>суходóлина</i>
	<i>сухотѣна</i>
	<i>сѣша</i>
	<i>толóка</i>
	<i>увѣй</i>
	<i>ушлѣп</i>
	<i>ушлѣк</i>
	<i>ушлѣп</i>
	<i>холодѣц</i>
	<i>холоднѣк</i>
	<i>шутѣм</i>

Описательные конструкции с определяемыми словами (земля, почва, землица, земли) и адъективами

<i>богáтая</i>	<i>благáя</i>
<i>дóбрая</i>	<i>бѣдная</i>
<i>дорóдная</i>	<i>бесплóдная</i>
<i>золотáя</i>	<i>гóлая</i>
	<i>голóдная</i>
<i>кладовáя</i>	<i>зрѣшная</i>
<i>выноснáя</i>	<i>мѣртвая</i>
<i>гумѣнная</i>	<i>плохáя</i>
<i>жѣрная</i>	<i>прѣсная</i>
<i>матерѣчная</i>	<i>погáная</i>
<i>пуши́стая</i>	<i>пустáя</i>
<i>тѣчная</i>	<i>скѣдная</i>
<i>огорóдная</i>	<i>скупáя</i>
<i>хорóшая</i>	<i>сла́бая</i>

<i>ядрёная</i>	<i>то́щая</i>
	<i>тяжё́лая</i>
	<i>я́ловая</i>
	<i>глиневи́тая</i>
	<i>гли́нистая</i>
	<i>гни́листая</i>
	<i>и́листая</i>
<i>золотозёмистая</i>	<i>каменíстая</i>
<i>сузёмная</i>	<i>кис́лая</i>
<i>рохлая</i>	<i>клёклая</i>
<i>чернозёмная</i>	<i>кля́клая</i>
<i>чернозёмистая</i>	<i>оподзо́бленная</i>
	<i>песоч́ная</i>
	<i>печáная</i>
	<i>подзо́листая</i>
	<i>подзо́лковая</i>
	<i>сланцо́вая</i>
	<i>солёная</i>
	<i>сопесча́ная</i>
	<i>сугле́нистая</i>
	<i>сугли́нистая</i>
<i>чёрная</i>	<i>бе́лая</i>
	<i>белева́я</i>
	<i>крас́ная</i>
	<i>се́рая</i>
	<i>суха́я</i>
	<i>вызо́ленная</i>
	<i>выто́щенная</i>
	<i>исплодо́родная</i>
	<i>исто́щëнная</i>
	<i>исхуда́вшая</i>
	<i>ото́щавшая</i>

	<i>бро́совая</i>
	<i>ди́кая</i>
	<i>гуля́щая</i>
	<i>забро́шенная</i>

Отдельно покажем антонимические ряды слов с корнями *-род-*, *-плод-* и некот. др., отличающиеся отсутствием / наличием префикса *не-*.

	<i>неблаго́родная</i>
	<i>нева́жная</i>
	<i>него́дная</i>
	<i>негодя́щая</i>
<i>перегно́йная</i>	<i>недогно́йная</i>
<i>наво́зная</i>	<i>ненаво́зная</i>
<i>унаво́женная</i>	
<i>назёмная</i>	
<i>назёмённая</i>	<i>неназёмённая</i>
	<i>неокульту́ренная</i>
<i>плоди́вая</i>	
<i>плоди́стая</i>	
<i>плодо́вая</i>	
<i>плодови́тая</i>	<i>неплодови́тая</i>
<i>плодоно́сная</i>	
<i>плодо́родная</i>	<i>неплодо́родная</i>
	<i>неплодо́родистая</i>
<i>плодуска́я</i>	<i>непло́дная</i>
<i>роди́мая</i>	<i>нероди́мая</i>
<i>ро́дная</i>	<i>неро́дная</i>
<i>родя́щая</i>	<i>неродя́щая</i>
<i>рожáвая</i>	<i>нерожáвая</i>
<i>родови́тая</i>	
<i>ро́жая</i>	
<i>хлеборо́дная</i>	
<i>хлеборобная</i>	
	<i>нероди́вая</i>

	<i>неродливая</i>
	<i>неродю́чая</i>
	<i>неуродíмая</i>
<i>огорóдная</i>	
<i>удóбная</i>	<i>неудóбная</i>
<i>удóбренная</i>	<i>неудóбренная</i>
<i>сдóбренная</i>	<i>неудобрённая</i>
<i>урожа́йная</i>	<i>неурожайная</i>
<i>хорóшая</i>	<i>нехорóшая</i>
<i>чернозёмная</i>	<i>нечернозёмная</i>
<i>пухо́вый чернозём</i>	
<i>пóчвенный тук</i>	
<i>ста́рый перегно́й</i>	

Описательные конструкции предложенческого типа

<i>земля, которая хорошо родит</i>	<i>земля, которая плохо родит</i>
------------------------------------	-----------------------------------

Таким образом, вторая ЛСГ более объёмная, в ней однословных номинант более чем в 2,5 раза, описательных конструкций больше почти в 1,5 раза по сравнению с первой ЛСГ. Именно в ней гораздо больше диалектных единиц (они приведены выше вместе с лексикографическими данными).

Доминирующим принципом организации этих двух ЛСГ является, как было уже отмечено выше, противоположность, противопоставленность, чему соответствует характер отношений языковых единиц — антонимия, выраженная уже в самих названиях групп: *плодородная* — *неплодородная*, во второй парадигме активен префикс *не-*, выражающий сему отрицания. Обращает на себя внимание и явление пересечения ЛСГ, так вторая — *неплодородная земля, почва* — пересекается с парадигмами со значением вида почвы: *глина, песок, ил* и другими.

Внутри каждой из антонимичных ЛСГ существуют от-

ношения семантической близости, выражающейся в параллелизме и синонимии, разница между которыми видится в зависимости от диапазона функционирования единиц (см. мнение, высказанное в свое время Т. С. Коготковой): в разных микросистемах, в макросистеме, в масштабе всей территории функционирования русских народных говоров, — параллелизм, в одной микросистеме (или смежных) — синонимия. См.: свидетельства синонимии в иллюстрациях, в речи диалектоносителей: *Хорошая земля эта, на этой земле и нешто вырастет, чернозёмная почва, у нас всё чернозём* (п. 18). *Хорошая, значит, жирная земля, сдобренная хорошо* (п. 70). *Огород-то старый, земля там хорошая, родовитая* (п. 117). *Хорошая почва, плодородная золотозёмом звалась* (п. 144). *Надо идти на сузёмок, там земля хорóшая, чернозём* (п. 210). *Весной наносит намóй с луки — золотая земля* (п. 377). *Хорошая земля говорят, удобренная* (п. 435). *Плодородная земля называется богатой, на богатой земле всё родится* (п. 436). *Чернозём у нас здесь, земля жирная, хорошая* (п. 399). *Земля-то жирная, чернозёмная* (п. 472). *Добрая землица, урожайная* (п. 576). *Земля у нас хорошая, родíмая* (п. 907). *Огород-то старый, земля там хорошая, родовíтая* (п. 917) и мн. др.

Если земля неудобрённая, считается пустая, то она голодная (п. 322). *У нас земли-ти одна негодь, негодяца земля-то вовсе, неродяца: сей не сей, сади не сади, сё ровно получишь кукиш* (п. 478). *Земля запущена, дак бедная, неудбренна, надо подкармливать* (п. 61). *Неплодородна, она и есь неплодородна, а еще неуго́дые, потому и урожа́й никакой* (п. 481). *Тот год земля какая плохая была: вовсе не взошло ничего — земля голодная была* (п. 527). *Земля плохая, тощая — болотíна* (п. 270). *Голощёчина или солончак — это там, где ничего не родится, хочь удобряй, хочь пуши иё кажнай день* (п. 1028). *Голодная земля она пустая, ей обработать надо, чо там будет расти* (п. 55). *Белу́ха-то же, что бельяк, земля такая* (п. 90). *Где сосняк-то растёт, там буза́, плохо растёт на бузе-то, на песках худая земля* (п. 90) и мн. др.

Вернувшись к объёму сравниваемых ЛСГ, мы еще раз констатируем тот факт, что более разработанным лексическим участком в русских диалектах является тот, в который входят номинанты неплодородной земли, почвы. Это закономерно, встраивается, вписывается в общую картину бытия человека и его языка: то, что соответствует норме, находится вне оценки, существует как само собой разумеющееся, а то, что выше или ниже нормы, оценивается по линии *хорошо — плохо* (аксиология), *много — мало* (экспрессивность), вызывает эмоции *положительные* или *отрицательные* (эмоциональность).

Мы уже неоднократно убеждались в этом на разном языковом материале: на апеллятивной лексике, в частности на характеризующей человека, его физические и внутренние данные, черты характера, коммуникативные особенности; на диалектонимии — неофициальной антропонимии и топонимии [см.: Климкова 2008; 2019; 2020; 2022].

Неплодородная земля, почва как раз то явление, которое ниже нормы, мешает полноценной жизни человека, вызывает его негативную реакцию, которая отражается в языке, закрепляется и транслируется последующим поколениям. Она не имеет необходимого содержания веществ для выращивания хорошего урожая, не может прокормить человека, неудобная для возделывания, сельскохозяйственной обработки, требует приложения значительных, иногда невероятных усилий, тяжелого труда, терпения, поэтому слова этой лексической парадигмы включают отрицательную рациональную сему, имеют отрицательную коннотативность.

Названные ЛСГ входят в лексическую систему как ее микрокомпоненты, микросистемы. Они свидетельствуют о богатстве диалектной лексики, о ее многообразии, о многообразии и своеобразии системных отношений, буквально пронизывающих лексику как уровень языка, о многоаспектных различиях единиц — лексических, лексико-словообразовательных, семантических, грамматических, мотивационных, номинативных. Тем самым материалы рассмотренных ЛСГ

(как объектов карт Л 435 и Л 436 раздела «Ландшафт» Программы ЛАРНГ) в полной мере подтверждает наблюдения, изложенные во Введении к 1-му тому ЛАРНГ [Вендина 2017: 8–9].

По большому счету лексика рассмотренных ЛСГ отражает этнические черты — русскость во всех ее проявлениях, в частности: *трудолюбие*, *терпение*, об этом свидетельствует уже сама разработанность данного участка лексики, ибо известно: такая разработанность отражает значимость соответствующего аспекта бытия (см., напр., работы А. Вежбицкой), *любовь к родной земле*: см., в частности, номинанты по отношению к плодородной земле, почве — *зёмлюшка* (*вот недавно привезли землюшку: уж второй год все растёт — така плодородна*, п. 478), *земелька*, *землица*, *кормилица* (*на агароде всё так гажó растёт, агарод — кармилец, а земля — кармилица*, п. 527), *божья земля* и, напротив, по отношению к неплодородной земле, почве — *чёртов след*: номинанта, связанная с поверьем (*по этой земле ходил черт, оставил свои следы*), как проявление языческого — одной из сторон двоемирия, двоеверия, т. е. *христианско-языческого синкретизма*, — деталь, но в этом смысле очень говорящая.

Всё отмеченное относительно лексики двух ЛСГ, которая будет зафиксирована в ЛАРНГ, имеющее выход в глобальную проблематику, свидетельствует о значимости ЛАРНГ; сбор материала для него, систематизация, картографирование имеет непреходящее значение в условиях трансформации диалектов, сохраняет их лексическое и словообразовательное богатство для истории языка и народа, для потомков.

Литература

Вендина Т. И. Введение // Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1. Растительный мир / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 7–11.

Климкова Л. А. «Лексический атлас русских народных гово-

ров» как источник информации об ассоциативно-деривационных связях слов // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 307–324.

Климкова Л. А. Региональное глагольное слово в аспекте национального риторического идеала // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур: сб. материалов Всероссийской с международным участием научной конференции, [23–25 апреля 2019 г., г. Волгоград] / [гл. ред.: Е. В. Брысина, В. И. Супрун; редкол.: Е. И. Алещенко и др.]. Волгоград: Фортесс, 2019. С. 264–270.

Климкова Л. А. Нижегородская микропонимия: разноаспектный анализ. М.-Арзамас: АГПИ, 2008. 261 с.

Климкова Л. А. Системные отношения в окско-волжско-сурской неофициальной антропонимии // Ономастика Поволжья: материалы XX международной научной конференции, Элиста, 5–7 октября 2022 г. / сост. и ред. Н. А. Кичикова, В. И. Супрун. Волгоград: ПринТerra-Дизайн, 2022. С. 80–84.

Systemic Relations in Russian Dialectal Vocabulary (a Study of Cartographic Material)

Lyudmila A. Kimkova

Independent researcher, Arzamas

Summary. The article deals with two lexico-semantic groups of words functioning in Russian dialects of European Russia which are used to name fertile and infertile land or soil and which are the object of mapping in the Lexical Atlas of Russian Dialects. The article presents the nomenclature of units in these paradigms, their semantic space, lexicographic and areal characteristics, examples of their functioning in Russian dialects and general linguo-geographical properties. Particular attention (while using comparative and componential methods of analysis) is paid to systemic relations between units: antonymy, parallelism, synonymy, overlapping of paradigms. A greater size of the group *Infertile Land/Soil* is the result of the extent of prior research into this area of vocabulary, which is to be expected, attributable to the naming of a phenomenon which is below the norm; this fact fits in the

general picture of people's life and language, reflecting ethnic features of Russian people, such as diligence, patience, love for their native land and world duality.

Keywords: dialectal vocabulary, lexico-semantic group, fertile soil, infertile soil, antonymy, synonymy, parallelism.

References

Klimkova L.A. Sistemnye otnosheniya v oksko-volzhsko-surskoj neoficial'noj antroponimii [Systemic relations in unofficial anthroponymy in the Volga, Oka and Sura interfluvial area] // Onomastika Povolzh'ya: materialy XX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Onomastics of Povolzh'ye: materials of XX international conference], Elista, 5–7 oktyabrya 2022 goda / sost. i red. N.A. Kichikova, V.I. Suprun; Kalmyckij gosudarstvennyj universitet im. B.B. Gorodovikova. Volgograd: PriTerra-Dizajn, 2022. Pp. 80–84.

Klimkova L.A. «Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov» kak istochnik informacii ob asociativno-derivacionnyh svyazyah slov [«Lexical atlas of Russian dialects» as a source of information about associative-derivational relations of words] // Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) 2020 [Lexical atlas of Russian dialects (Materials and research)] / Otv. red. S.A. Myznikov. SPb.: IIL RAN, 2020. Pp. 307–324.

Klimkova L.A. Regional'noe glagol'noe slovo v aspekte nacional'nogo rechevogo ideala [Dialectal verb in the aspect of national speech ideal] // Rossiya narodnaya: rossyp' yazykov, dialektov, kul'tur: sb. materialov Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoj konferencii [23–25 aprelya 2019 g., g. Volgograd] [People's Russia: abundance of languages, dialects and cultures: proceedings of All-Russia research conference with international participation] / [Gl. red. E.V. Brysina, V.I. Suprun; red. kol. E.I. Aleshchenko i dr.] Volgogr. gos. soc.-ped. un-t; Volgogr. otd-nie «Obshchestvo russkoj slovesnosti». Volgograd: Fortress. Pp. 264–270.

Klimkova L.A. Nizhegorodskaya mikrotoponimiya: raznoaspektnyj analiz: monografiya [Microtoponymy of Nizhegorodsky region: a multi-aspect analysis: A monograph]. М.— Арзамас: АГПИ, 2008. 261

pp.

Vendina T.I. Vvedenie [Introduction] // Leksicheskiy atlas russkih narodnyh govorov. T.1. Rastitel'nyj mir [Lexical atlas of Russian dialects. Vol. 1. Plant life] / Otv. red. toma T.I. Vendina. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. Pp. 7-11.

Семантика прилагательного «серый» в русских говорах

Елена Валентиновна Колесникова

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
el.kolesnikova@bk.ru

Объектом исследования является семантическая структура общерусского прилагательного *серый* в русских говорах, материалом для анализа послужила выборка из Русского диалектного гизауруса. Семантическая картина прилагательного *серый* в современных говорах значительно шире, чем в литературном языке, цветообозначение обладает и иным набором парадигматических оппозиций. Прилагательные *седой* и *серый* можно считать междиалектными синонимами, сформировавшимися в результате семантической деривации. В диалекте прилагательное *серый* также может вступать в синонимические отношения с общерусскими прилагательными *сивый, сизый, желтый, зеленый, синий*. Диалектный материал показывает, что в говоре обнаруживается иное восприятие серого цвета. В большинстве случаев анализируемое цветообозначение характеризует негативное состояние в оценочной системе народного сознания, а не нейтральное, как считают некоторые исследователи.

Ключевые слова: семантика, общерусское слово, цветообозначение, русские говоры.

Имена колоративы получили широкое освещение в научной лингвистической литературе. По свидетельству ученых, данная группа слов прошла значительную семантическую эволюцию, сравниться с ней могут лишь глаголы движения и термины родства [Бородина, Гак 1979; Тер-Минасова 2000; Кульпина 2019].

Исследование семантики прилагательных со значением цвета в говорах практически не проводилось за исключением отдельных работ [Вендина 2001; Пищальникова 1982].

Объектом нашего исследования является семантическая

структура общерусского прилагательного **серый** в русских говорах, материалом для анализа послужила выборка из Русского диалектного гизауруса, разработанного в ИЛИ РАН под руководством С. В. Лесникова. Гизаурус представляет собой оцифрованный корпус всех диалектных словарей, которыми располагает на сегодня русская диалектная лексикография, снабженный поисковой системой.

В этимологической литературе представлено единодушное мнение лингвистов по поводу происхождения лексемы **серый**: ее возводят к и.-е. корню **k'eī-* (**k'eiro:* **koiro*). Начальное *ch*, характерное для ранней стадии развития общеславянского языка, объясняют появлением его на экспрессивной почве из и.-е. **kh* (Черных 2: 158). Родственно герм. **haira*, др.-исл. *hárr*, д.-в.-н. *hêr* 'достойный, величественный', ирл. *ciar* 'тёмный' (Фасмер 3: 610–611).

Общеславянское **sērō*, давшее в современном русском языке цветообозначение **серый**, отмечено во всех славянских языках: укр. *сірий*, в сочетаниях, когда речь идёт о погоде, выступает в значении 'пасмурный', например: «*сірий холодний настає ранок*», белорус. *шеры*. Болг. *сяр*, в современном болгарском языке малоупотребительно, общепринятым для обозначения данного цвета является прилагательное *сив*. Серб.х. — *сijер* (бот.) 'ржавчина' (на растениях); слов. — *sēr* (*sera glava*); чеш. *šerý* 'тёмный, полутёмный', 'серый, сумеречный, пасмурный', 'неясный'. В современном чешском языке обычно употребляется *šeré jílto* 'серое утро', *zešerilo se* 'стало темно'. Словацк. *šerý* 'тёмно-серый, тёмный'; польск. *szary* 'серый', часто обозначает масть и цвет глаз, но применительно к большинству предметов; в.-лужиц. *šery* 'серый' (Черных 2: 158; Фасмер 3: 610).

В древнерусском языке прилагательное **спырый** служило названием 'цвета между черным и белым' (Срезневский 3: 899). Примеров употребления данного цветообозначения в памятниках XI–XIV вв. очень мало, лексема зафиксирована только в двух источниках: в «Слове о полку Игореве» и Уставе Студийском конца XII в.:

Сами скачуть, акы спырыи влѣци в поле. [...] растыкашеться спырымъ влѣкомъ по земли. [...] Гзак бѣжит спырымъ влѣкомъ.

О одънии мнишьстѣм [...]. Никто же убо от нихъ въ лъняну или въ каку либо да облѣчитья одежю [...] и то же чърно или то само чърмно или спыро наричаемое. Цит. по: [Бахилина 1975: 39].

П. Я. Черных отмечает: «Исключая «Слово о полку Игореве», *спыръ* и *спырый* раньше XV века не встречается» (Черных 2: 158). М. А. Суровцова указывает, что несмотря на незначительное количество примеров, цветообозначение **спырый** было достоянием живой народной речи. Именно поэтому оно и могло выступать в качестве постоянного эпитета в фольклорных текстах [Суровцова 1967: 92].

В период XIV–XVI вв. прилагательное **серый** активно и достаточно часто встречается в памятниках письменности и характеризуется более широкими связями с другими словами:

1. Обозначает масть различных животных, преимущественно лошадей.
2. Широко используется для обозначения окраски птиц.
3. В новгородских кабальных книгах конца XVI в. для обозначения различных оттенков серых глаз.
4. В памятниках XVI в. серый фиксируется в сочетании с другими словами, обозначая цвет различных предметов: камня, шубы, одежды, дерева и др. [Суровцова 1967: 214].

В современном русском литературном языке выделяются следующие значения прилагательного **серый**:

1. Цвета, получающегося из смешения черного с белым; цвета золы: *небо, цвет, бумага, чугуи* и др. || С шерстью цвета золы. О животных. || Бледный, с оттенком такого цвета. О лице, о человеке с таким лицом.
2. Пасмурный, облачный: *день, утро, сумерки*.
3. *Перен.* Ничем не примечательный, бесцветный, безликий: *захолустье, книга*.
4. *Перен. Разг.* Необразованный, малокультурный: *чело-*

век, мужик

5. В составе зоологических и ботанических названий. (БАС 13: 714–715).

Семантическая картина прилагательного *серый* в современных говорах иная, чем в литературном языке: его состав и сочетаемостные возможности значительно шире.

Цветобозначение активно функционирует в значении 'цвета пепла, цвета, получающегося при смешении черного с белым; цвета золы':

Сарафан был знашь, какой цвет? Счас такех нет: серый в зелёный ударят. урал. (Малеча 4: 307). *Там чёрный ли, белый ли какой, ли синий, ли серый ли* [материал], *шали бёлы с серыми кайма́ми, серы с чёрными, с белыми кайма́ми. А шерсть-то малёнько, тут чёрна, тут как вроде чуточку посере четыре пальца не хватило* [на перчатку], *а он: «Разна шерсть-то».* томск. (ПСДЯЛ 4: 49). // Употребляется для характеристики некоторых животных с шерстью такого цвета (например, волка, зайца, лошади и др.). *Серый долгоносый дятел шишки кедровые бросает.* перм. (Акчим. сл. 1: 247). *Они [поросята] каки́-то были... ну как че́? Как твой халат каки́-то сэры; Скотина есть така́ сера корова скажут — буса. Красный был [кот]. Нет, однако, серый.* томск. (ПСДЯЛ 4: 49).

Обратим внимание, что в говорах прилагательное может использоваться и для характеристики чешуи некоторых рыб: *Рыба на свет идёт, белая рыба: лец, плотва, но серая больше клюёт. Лучили раньше, теперь по-другому, на огонь она горазд не боится. Серая [рыба] — щука, ёри. Плотва — белая рыба; окунь, судак — серый. Серая рыба, рыба с серой чешуёй: окунь, щука, судак.* тверск. (Селигер 7: 62–63).

В литературном языке цветовое значение реализуется как в свободных, так и фразеологических сочетаниях, однако прилагательное *серый* играет незначительную роль в словосочетаниях последнего рода, в состав их входят устойчивые сочетания очень узкого круга употребления: «серая бумага» (бумага низкого качества), «серое вещество», «серый чугун», «серый хлеб», «серые щи» (щи, приготовленные из верхних,

зеленых листьев капусты), «серый медведь», «серый гусь», «серая вика» [Чирнер 1973: 74].

Цветобозначение *серый* как в литературном языке, так и в говорах употребляется как свободно, так и в составе устойчивых сочетаний, т. е., как было отмечено Т. И. Вендиной, «работает» в онтологическом регистре, т. е. выполняет денотативную, маркирующую функцию, выделяя предмет среди ему подобных [Вендина 2001: 14]. Прилагательное *серый* в говорах входит в состав терминологических сочетаний:

В названиях птиц. *Болотный серый кулик.* Птица *Fotanus stagnatitidis* Bechsh., сем. ржанок; поручейник. Оренб., 1895. *Большая серая сова.* Птица *Syrnium uralense* Pall., сем. филинов; неясить длиннохвостая. Поволжье, 1895. *Большой серый дрозд.* Птица *Furdus viscivorus* L., сем. дроздов; дрозд большой. Казан., 1895. *Серая баба (бабуся).* Птица *Pelecanus crispus* Bruch., сем. пеликановых; пеликан кудрявый. Мензбир [обл.]. *Серая карга.* Птица *Grus grus*, сем. журавлиных; серый журавль. Оренб., 1905. *Серая сова, сыч.* Птица *Syrnium aluco* L., сем. филинов; неясить серая. Казан., 1895. *Серая утка.* Птица *Anas acuta* L., сем. утиных; шилохвост. Петерб., Новг., 1895. *Серый дрозд.* Птица *Furdus musicus* L., сем. дроздов; дрозд певчий. Казан., 1895. *Серый журавль.* Птица журавль. Тюкал., Ишим. Тобол., 1903. *Серый пунух.* Птица *Alauda alpestris* L.; жаворонок рогатый, полярный, рюм. Арх., 1885. *Серый слепух.* Птица *Rocile palustris* auct., сем. синиц; гаичка. Оренб., 1895. (СРНГ 37: 218).

В названиях рыб. *Серая рыба.* а) Рыба налим. Осташк. Калинин., 1946. Печор. б) Рыба судак. Осташк. Калинин., 1946. в) Рыба окунь. Осташк. Калии., 1946. Печор. г) Рыба щука. Печор., 1968. (СРНГ 37: 225). *Серая шеклея.* Рыба *Alburnoides bipunctatus rossicus* Berg; русская быстрянка. вятск (ОСВГ 10: 80–82). *Серый карась.* Рыба *Carassius auretus gibelio*; серебряный карась. Уральск., 1972. *Серая палья.* См. Паляя. *Серый елец.* Рыба пескарь. Ветл. Горьк., 1970. (СРНГ 37: 225–226).

В названиях растений. **Серая полынь**. Растение *Artemisia L.*, сем. сложноцветных; полынь. *Осенью есть серая полынь; мороз ударит, она становится зеленой и стелется ковром.* урал. (Малеча 4: 64). **Серый горох**. Горох для корма скота. *На полях капуста, серый горох, он такой стручковатый.* новг. (НОС 2010: 841). **Серый полынец**. Сорная трава. Майкоп. Кубан., Водарский, 1911. **Серый тальник**. Растение *Salix rosmarinifolia L.*, сем. ивоцветных; ива розмаринолистная. Волог., 1883–1889. **Серый цвет**. Растение *Helichrysum aeneum DC.*, сем. сложноцветных; цмин песчаный. Орл., Даль.

В названиях грибов. **Серый гриб**. Подберезовик. *Набрал одних серых. Сходила-то я всего на полчаса, да и принесла одних серых. Серые — подберезовики.* новг. (НОС 2010: 1079). Белозер. Новг., 1897. Яросл., Моск. б) «Все грибы, кроме белых». Некрас. Яросл., Яросл. Слов., 1990. **Серый свинарь**. Гриб, идущий на засолку, свинуха [?]. Парфеньев. Костром., Яросл. Слов., 1990. (СРНГ 37: 218).

В названиях животных. **Серая ж.**, в знач. сущ. Змея гадюка. *Ходили за шипку, серую видели. Серая в рукав заползла.* Камен., Красноуфим. Свердлов., 1984. **Серые** мн., в знач. сущ. Мелкие оводы. *Скоро-то оводов не будет, одни серы останутся, они хоть меньше оводов, а кусаются больно.* Пинеж. Арх., 1974. (СРНГ 37: 218).

В названиях почв, пород. **Серая земля, почва** а) Суглинистая почва. «Почва в Моложском уезде темная, иловатая (иловатый суглинок), по местному названию серая земля. В сущности это тот же чернозем, но только промытый, выбеленный водой и потерявший большую часть своих ценных элементов». Молож. Яросл., Мусин-Пушкин, 1902. Яросл., Иван., Костром, б) Супесчаная земля. Арзам. Нижегород., 1880. Юрьеvec. Костром. в) Песчаная земля, почва. Рост. Яросл., 1990. г) Ил. Яросл., 1990. д) Плохая земля, почва. *В моем огороде земля серая, плохо родит.* Данил., Рост. Яросл., 1990. (СРНГ 37: 225)

В говорах в синонимическом значении употребляется

прилагательное **седой**, которое служит для характеристики цвета широкого круга предметов и совпадает с основным цветовым значением прилагательного **серый**:

Мыша седая. Азерб. ССР. (СРНГ 37: 117) *У палицейскава была седая адэжда.* одесск. (СРГО 2: 163). *Были седые нитки (для вышивания). Есть белая, седая земля, её и выбирали (для посевов). Линбурски шали хороши — пуховы, седые. Седая краска, за ней не завидывам, а она хорошо хвататцъ.* урал. (Малеча 4: 52). *Вон у Матрёмки улаза сядбы. У Райки кофта сядба, фся вытинулась. Есь сатин чёрнай, йесть сядбы. Грачи чёрнай ани, а йети [вороны] сядбы. И чёрныи, и жёлтыи, и так пирьпилёсыи, и сядбы [змеи], и йети мёдницы есть.* рязан. (Деулино: 509). *Это называют седой (темно-серый), иш как на седо находит. Нёту седой уш шэрсти.* арх. (БД АОС).

Колоратив **серый** используется для характеристики масти животного, чаще лошади, таким образом, в говорах сохраняется архаическое значение, отмеченное в памятниках письменности (СлРЯ XI–XVII 24: 93).

Масья (скотины) разные: карие, сивые, чёрные, серые. урал. (Малеча 2: 406) *Масти лошадей: гнеды, мухорты, игреки, пеги, серы, бурь.* урал. (Малеча 4: 64). *Кличка коня по масти. Серый у нас головником хорошо ходит, даже в буран не собьётся с дороги, накат чувствует.* урал. (Малеча 4: 64).

В литературном языке и в говорах данное значение с большей продуктивностью реализует прилагательное **сивый**. Нами было обнаружено широкое употребление в этом значении прилагательного **седой**, а также зафиксировано употребление прилагательных **сивый** и **седой** в одной позиции, где одна лексема поясняет другую:

О Ильини дњи сива коня пот кўстом (в августе) не видать: сивой конь — седой. арх. (БД АОС).

Седая кошка у нас хороша была, мышеловка. Седой телёнок — он вперед отелённый. Никакую корову не покупай, кроме черной. Прихожу — седая стоит. урал. (Малеча 4: 52) *Седый — ну как стальной цвет. Коровы бывают. Ну*

серый, значит. перм. (Акчим. сл. 5: 68). *Вчера Тихон седьго зэйца домой принёс.* вятск. (ОСВГ 10: 61). *Собака седая такая, серая.* карел. (СРГК 6: 47). *Седая масть (масть лошади).* *Большэ седая порода овёц у нас.* *Седуха кличут постарше самую. Она и безыт, водитель. Молодых-то нетелёй именá им довали (коровам).* *Чёрныйе, да чёрнопёстрыйе, расныйе (окраска коров), а тепёря седых нет-то коробф.* арх. (БД АОС).

Цветовой диапазон, который реализует анализируемая лексема в говорах, широкий: **серый** может использоваться для обозначения как очень светлых, так и очень темных, практически черных оттенков.

Так, в говорах нами были обнаружены примеры употребления прилагательного для обозначения неопределенного светлого цвета, не тёмного:

Арбузы белаи были, сераи, чёрнаи. Цвяты святкины — краснаи, белаи, сераи. волгогр. (ССГКН: 386). **Серая мука.** *Ржаная с небольшой примесью пшеничной муки. Для хлеба нужна не сортовая мука, а серая. Серая мука — это ржаная, а пшеничная — белая.* тверск. (Селигер 7: 62–63). **Серый квас.** *Квас из серой муки. Пиённую кашу варили, ели с серым квасам.* донск. (БТСДК: 482). **Серый хлеб.** *Рожь, греча и овес., 1858. (Доп. Опыт: 263).*

И здесь речь идет скорее о светообозначении, а не характеристике цвета **серый**, который в данном случае далек от обозначения эталона — цвета золы, характеризуя предмет с точки зрения промежуточного положения между темными и светлыми оттенками. Таким образом, прилагательное в диалектном языке, будучи цветообозначением, сохраняет свойства светообозначения. Данная семантическая особенности реализуется в том числе и в следующей модификации значения: ‘окрашенный в любой тёмный цвет, без цветовой дифференциации (об одежде)’:

Да немного у меня бёлого-о, всё сёрое (стирает бельё). арх. (БД АОС).

В то же время цветообозначение **серый** способно обо-

значать оттенки сопредельного по спектру ахроматического черного цвета: ‘черный, цвета угля’: *Я запёкли, как цыганка серая, целый день на улице. Перец серый у меня есть.* арх., карел. (СРГК 6: 74); ‘с черным отливом’: *Есть нырковые утки, серые, нырковые, ныряют до дна, серые просто по цвету. Заговорю я вас, змей, змею бурую, змею серую, водяную змею.* тверск. (Селигер 7: 62–63); ‘грязный’ волог. (Герасимов 1910: 84).

Факт появления в семантической структуре прилагательного **серый** подобных значений обусловлен семантическим потенциалом индоевропейских соответствий данного корня. Е. А. Кожемякова пишет: «Принимая точку зрения о происхождении **sērō* от того же корня, что и **sinjь*, **sivъ*, мы выделяем в значении его праформы **k’ei-ro* компонент ‘светящийся’. Кроме того, значения индоевропейских соответствий к о.-с. **sivъ* выделяется сема ‘темный’+‘насыщенный’». [Кожемякова 2001: 24].

Хочется также обратить ваше внимание и на тот факт, что ни в одном из славянских языков данное прилагательное не используется в качестве характеристики цвета волос. В русских говорах отмечены следующие примеры:

а) Русый (о цвете волос). *Русская девочка — белые виски, серые виски, рыжие виски.* волгогр. (ССГКН: 386). // Русый с серыми глазами (о человеке). *Вот она серая внучка пришла, кузлатая. — Ани у нас двайняты, ишо есь чёрнинькая, а эта серинькая, гласки у ней сериньки, а мы называем серинькая.* волгогр. (ССГКН: 386).

б) Седой (о цвете волос, о человеке с такими волосами). *Сказывали молодой парень, а он, гляди, сёрый уже.* Арх., 1885. Сравн. ст. *Его голова уже сивая, только серей моей.* Латв. ССР, 1964. (СРНГ 37: 218). *Он сёрой стал. Похудел, посерёл, сёрой стал, худбй. Там вот как бабушка, сёрые вóлосы.* арх. (БД АОС).

Прилагательное **серый** в нормированном языке обозначает бледный цвет лица и кожи человека, который по причине болезни или эмоционального состояния приобретает земли-

стый оттенок: *серое лицо, серая кожа, серый от ужаса* и т. п. В говорах нами не было обнаружено примеров подобного употребления, в отличие от прилагательных *желтый, зеленый, синий* [Колесникова 2021а; 2021б; 2022].

Как и в литературном языке, в говорах активно функционирует ЛСВ колоратива ‘пасмурный, облачный’, реализующийся в сочетании с существительными, обозначающими явления природы и погоды:

Кода серая погода, тода быть росе. урал. (Малеча 4: 64) *Либо дождь, либо ведро, либо серое погодье. Это серый день, моросит дождик.* новг. (НОС 2010: 841). *Серой туман закрыл нас в море.* (Дуров 2011: 374). *Сэро ведрие, не заливно́й доши, дак сэро ведрие сегóдня. Сэрый день, тёмный день — худаа погóда. Сейчас уже седáя погóда, вся óсень будет тёмная, худая. Рáно вьстала, а нёбушко сэрое. Если такая серая погода, что сóнца нет, да вéтер, дак их и нет. Вецерком-то приходите, когда сэрый день-то.* арх. (БД АОС).

Цвет неба и окружающих предметов в пасмурный день лишен яркости, а прилагательное характеризует освещенность среды. В диалектном языке функционирует устойчивое сочетание *серая ночь (серые ночи)*, которое обозначает период трансформации северных летних белых ночей, когда вечерние сумерки непосредственно переходят в утренние с постепенным нарастанием темноты.

Ночь-то сэра будет. С первого августа сэрые ночи пойдут. Ночи будут сэрые. Нóчи-то уж сэры стали. Бёлые нóчи — не тёмница, а вот теперь уж сэры начинаюцца, убывáт, убывáт. Когда стёмница? У вас тёмница-то когда? Нóчи-то сэры бóдут. Сэрого коня из огóрда не вíдно. арх. (БД АОС).

Переносное значение ‘ничем не примечательный, бесцветный, безликий’ используется как в литературном языке, так и в говорах для характеристики явлений и предметов действительности, ничем не привлекающих к себе внимания. Однако сочетаемость прилагательного в этом значении в говорах иная, чем в литературном языке:

Базар вот такой серый, как земля. Раньше виноград и всё [продавали]. А счас? Поля этот раз на базаре была: базар, как твоё платье, бусый, некрасивый, серый. томск. (ПСДЯЛ 4: 49). ‘Будничный, рабочий, повседневный (о платье, одежде)’ *серое платье, лопотье и т. п.* Шенк. Арх., 1850. (СРНГ 37: 227). ‘Промысловая рыба не ценных пород’: *Пройти на серую рыбу. ‘Заняться ловлей простой обычной рыбы’. Пройдут на заре на серую рыбу.* Осташк. Калинин., 1946. (СРНГ 37: 226). В сочет. **Из серых серый** ‘ничего из себя не представляющий, неинтересный, незначащий’. донск. (СДГВО, 2-е изд.: 541).

ЛСВ ‘безликий’ образуется путем семантического сдвига, т. к. колоратив служит характеристикой предмета, которому не свойственно понятие окраски, таким образом, в его образовании участвует сема ‘неяркий, бледный’ и коннотативная оценка слова. В результате данного процесса в говоре формируются следующие переносные значения ^

а) ‘Простой, грубый, примитивный, без отделки’:

Серая посуда. Глиняная посуда, не обливная, без глазури. Твер., 1926. **Серая работа.** Грубая, топорная работа. *Работа-то серая у их, зато крепкая.* Калуж., 1916. **Серый квас.** Постная, без мяса окрошка. *Ели серый квас, не забеленый ништо.* Аннин. Ворон., 1967. (СРНГ 37: 226). **Серая нитка.** Не беленый, суровый. Крепкая суровая конопляная нитка, из которой вязали сети. *Серая нитка, ею сеть вязали, это конопляная нитка.* урал. (Малеча 4: 64).

б) ‘Необразованный, малокультурный’:

Сэрый — о мужике. Псков. (Доп. Опыт: 263). *Мужик он и не дурной на лицо, но сэрой совсем: не видал, видно, городской культурной жизни.* (Дуров 2011: 374). **Сэрый чёрт.** Грубый, невоспитанный человек. *Воротит тебе на «О», да и что ты хочешь; экой серый черт — выворотень.* яросл. (ЯОС 9: 28–29).

в) ‘Не относящийся к литературной норме, не обработанный (о языке, наречии)’:

Серые слова. *Да, браня тебя, говорят, отстань. Зна-*

чит, надоел, то есть не понимаешь ничего, серые слова. Серые слова — это некультурные, серо они разговаривают. тверск. (Селигер 7: 62–63). Не хочу я у вас учиться! Вы нарочно меня заманиваете, чтобы от меня самые серые-то слова выпытывать. Ямб. Петерб., Иваницкая. **Серое наречие.** Наречия была серее, ломоватее. Клин. Моск., 1910. Смол. (СРНГ 37: 226). *Насмотрелась этта, как серые люди живут, неграмотные. У нас серый народ. Все дети серые, хоть один грамотный вышел.* (БД АОС).

Данное значение поддерживается многочисленными дериватами:

Сéро. В Ленинграде молодые думают, что мы сéро говорим. Как повторит ребёнок сéро «оны», так мне заметно. Сейчас всё сéро так говорят, потускнел народ. Сэро они разговаривают. Хуже нет, как у нас говоря, серее нету. тверск. (Селигер 7: 62–63). **Серовáтенький.** Я сама была серовáтенькая, говорила «чего», «ничего». тверск. (Селигер 7: 62–63). **Серя́к.** ‘отсталый, необразованный человек’. Деревенские серя́ки, и разговор у них серый. тверск. (Селигер 7: 62–63) и др.

г) В сочетании **серое место** ‘глухая провинция, место, удаленное от культурных центров, захолустье’:

Из забíжного местечка приехала, из глуши, из серого такого места. Сэро место у нас. Генка говорит — там сэро тако́ место. арх. (БД АОС).

д) ‘Бедный, скудный, тяжелый, сопряженный со страданиями’ реализуется в сочетании **серая неделя** ‘неделя перед масляницей’. Смол., 1914. (СРНГ 37: 227). Сема ‘бедности, тяжелой жизни с отсутствием достатка’ также реализуется в дериватах:

Сéрб. Плохо, бедно. Ране все сэро жили, богатеев-то мало было, в лаптях все ходили, в армяках. вятск. (ОСВГ 10: 80–82). Раньше жили сильно сэро, и валенки валяли в той избе, где и жили. тверск. (Селигер 7: 62–63). Раньше серб жили. У нас-то сильно-то серб не жили. Жили люди серб, работали, трудились, ничего перед собой не видели. арх.,

карел. (СРГК 6: 74). В сочет. **Ни сэро ни бело** ‘ни хорошо, ни плохо, средне’. *Вот она [дочь] так и прожила с ним ни сэро, ни бело. Так и живешь ни серб, ни бело — как придётся.* арх., карел. (СРГК 6: 74). **Сéрость.** У меня в деревне серость одна была, все бедно жили; всю жизнь в серости были. новг. (НОС 2010: 1079).

е) ‘Очень мрачный, без всякой радости, надежды на улучшение’:

Ой, гóре-горе, сэрое гóре. арх. (БД АОС).

ж) ‘Старый, давно бывший в употреблении, пользовании’:

Сэра такая одежда. Раньше всё в серой одежде ходили. Всё сэрое-сэрое, все старое, так и сэрое. (СРГК 6: 74).

Необходимо также упомянуть, что в семантическом составе лексемы присутствует сема ‘погребальный, траурный’, реализующаяся в деривате **серя́к**. При описании траурного костюма в Рязанской области отмечалось, что его составлял «белый чистый платок, серя́к чистый, белые онучи и лапти». Серя́ком называли одежду будничную, обыденную, светлых оттенков. Н. И. Лебедева также указывала, что одежда «по горю» была светлая, без особых украшений [Русские 2009: 177]. Синонимическим значением обладает прилагательное **седой**: *седой* [цвет] и *этот тоже по-печальному носится. А не по-печальному: красный, голубой, зеленый, розовый, желтый — это вот цвят уж носится по-красному.* рязан. 1960–1963. (СРНГ 29: 313).

Лексема **серый** способна реализовывать в говорах значение ‘не соответствующий по качеству существующим требованиям; плохого качества, не первого сорта’, которое, отметим, также является архаическим и отмечено в памятниках XVII в.:

*Климко... взял у того Костянтина Кармакина три половинки сукна ластовъ соли сърой. 1654 г. Явилъ Пётръ Ивановъ снъ Канецкои немчинъ.н. стоп бумага писчеи,.и. бочекъ соли сърой. 1663 г. От коросты и свербежу у малых детей на главе тем же мазать да обвязать серою бумагою. XVII в. Также в сочет.: **серая заячина, серая капуста,***

серое сужно, серый ладанъ. (СлРЯ XI–XVII 24: 93).

В говорах данное значение представлено в следующих ЛСВ:

Серая икра. Икра белорыбицы — белуги и севрюги. Серая икра белуги и севрюги менее вкусна и скорее портится, чем ... зернистая рассыпчатая черная икра от осетра и шипа. Р. Урал, 1975. **Серая крупка.** Мука низшего сорта [?]. «Из перекройки, из которой идет мелкая крупка, отделяется серая крупка (наверх заносится только белая крупка, а серая употребляется в серокуличную». Орл., 1851. **Серая мука.** Пшеничная мука, смолотая обыкновенным способом на ветряной мельнице. Белг. Курск., 1926. **Серый воск.** Воск второго сорта. Серый воск всегда темного цвета. Кубан., 1973. **Серое молоко.** Водянистый, слабоокрашенный (о цвете молока). Молоко стало серое, как вода. Верхнелен., 1965. (СРНГ 37: 226–227). **Сѣрые яблоки.** Недозрелые яблоки. Новгородцы серые яблоки привозили, кислые, невызревшие. тверск. (Селигер 7: 62–63) **Серая капуста.** а) Верхние зеленые листья капусты. Даль. Серую капусту изрубил всю. яросл. (ЯОС 9: 28–29). Листья капусты не вполне созревшие, слабо или вовсе не завитые в кочан. Капуста только серая, это сварила я серой капусты, сметаны ложку положу, так не наешься. Костром., 1975. (СРНГ 37: 227). Как клубок маленький, так там белой [капусты] мало, не дошла, серая еще. Кочан сам серый, ну, зелёный, а клубень сам завивается белый. (СРГК 6: 74). **Сѣрое сѣно.** Сѣно, которое в процессе заготовки попало под дождь, не первого сорта. Настáвят сѣрого сѣна, и всё. Как не намóцит, скóро всыхáёт, а намóцит — не зелёно, сѣро. арх. (БД АОС).

б) **Серая сечка.** Квашеная капуста из верхних зеленых листьев, употребляемая обычно на щи. Серой сечки на щи сделаю. Любим. Яросл., 1990. То же, что серая сечка. Вот зеленую нарубят, получается квашеная серая капуста. Яросл., Костром., Калуж., Ряз. **Серые листья.** Верхние зеленые листья капусты. Раньше нарубали кадку серых листьев на зиму, щи только из серых листьев варили. Новосиб., 1978.

Серые щи. То же, что серые листья. На базаре продают серые щи. Яросл. Яросл., 1990. (СРНГ 37: 227). Очень вкусно серые щи; осенью капусту тюкают, одни зелёны листья. Варили всё время щи, щи из серой капусты и сухая рыба, полубелье серые щи. Хряпа — лист зелёный капустный. В магазине чистая капуста, а хряпу на щи серые... они с мясом со свинины. тверск. (Селигер 7: 62–63). Серые щи с зелёного крошева делаются, с капусты не белой лист, а зелёное листовье. Серые щи варили с крошева, варишь мяса, картошку. Серы шти-то, капусту сажают, режут, теперь названье-то им силос. волог. новг. (СРГК 6: 74). **Сѣра капуста.** Прозвище. «Так зовут гимназистов». Влад. Влад., Второе Доп., 1905–1921 (СРНГ 37: 227)

Подчеркнем, что данное значение в говорах активно реализуют прилагательные *желтый, зеленый, синий* [Колесникова 2021а; 2021б; 2022].

Прилагательное **серый** способно реализовывать в диалекте сему ‘мутный, непрозрачный’ в устойчивом сочетании **серая вода** ‘неизлечимая слепота у лошадей’ (СРНГ 37: 227), и также входит в семный состав прилагательных *синий* и *зеленый* в диалектном языке [Колесникова 2021а: 135; Колесникова 2022: 201]. Отдельно отметим сочетание **серое вино** ‘водка’ яросл. (ЯОС 9: 28–29). Известно, что во Франции серый цвет часто используется для характеристики выпившего человека, «серым» называют того, кто много выпил и у кого произошло «затемнение рассудка» [Барышева 2010: 104]. В говорах сочетание «серое вино» полностью совпадает по значению с сочетаниями «синее вино», «белое вино», «зеленое вино» [Колесникова 2021а: 135; Колесникова 2022: 201].

Прилагательное **серый** в говорах обладает иным семантическим потенциалом, чем в литературном языке: большим составом сем, широкой сочетаемостью, другим набором парадигматических оппозиций. Прилагательные **седой** и **серый**, по терминологии Е. А. Нефедовой [Нефедова 2008], можно считать междиалектными синонимами, сформировавшимися в результате семантической деривации. В диалекте прилага-

тельное *серый* также может вступать и в синонимические отношения с общерусскими прилагательными *сивый, сизый, желтый, зеленый, синий*. Колоратив *серый* в большинстве случаев обозначает достаточно светлые, близкие к белому, оттенки цвета, однако диалектный материал показывает, что в говоре обнаруживается иное восприятие серого цвета. В большинстве случаев анализируемое цветообозначение характеризует скорее негативное состояние в оценочной системе народного сознания, а не нейтральное, как считают некоторые исследователи: эпитет *серый* имеет значение 'некий', 'какой-то', 'нейтральный', 'не имеющий отношения ни к «своим», ни к «чужим»' [см. Пименова 1985: 129].

Литература

Барышева Я. А. Когнитивный механизм серого цвета в культуре народов мира // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 10. С. 101–106.

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в современном русском языке. М.: Наука, 1975. 287 с.

Бородина М. А., Гак В. Г. К типологии и методике историко-семантических исследований (на материале лексики французского языка). Л.: Наука, 1979. 232 с.

Вендина Т. И. Символика цвета сквозь призму словообразования // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998 / отв. ред. И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 2001. С. 11–31.

Кожмякова Е. А. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2001. 209 с.

Колесникова Е. В. Некоторые особенности семантики прилагательного *зеленый* в русских говорах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 2. Диалектология / отв. ред. выпуска О. Е. Кармакова. М.: Нестор-История, 2021а. С. 132–142.

Колесникова Е. В. Семантика прилагательного *желтый* в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2021 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.:

ИЛИ РАН, 2021б. С. 207–224.

Колесникова Е. В. Семантика прилагательного «синий» в русских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2022 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 188–216.

Кульпина В. Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер. М.: Макс Пресс, 2019. 285 с.

Лесников С. В., Мызников С. А., Королькова М. Д. Русский диалектный гизаурис: основные источники // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 425–497.

Нефедова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М.: Макс Пресс, 2008. 464 с.

Пименова М. В. Цветовой фольклорный эпитет в контексте «Слова о полку Игореве» // Язык русского фольклора. Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1985. С. 125–131.

Пищальникова В. А. Некоторые особенности функционирования цветовых прилагательных в русских говорах // Исследования по семантике: Лексическая и фразеологическая семантика. Вып. 8. Уфа: БГУ, 1982. С. 126–131.

Русские Рязанского края / отв. ред. С. А. Иникова: в 2 т. М.: Индрик, 2009.

Суровцова М. А. К истории выражения цветовых значений в древнерусском языке XI–XVI вв.: дис. ... канд. филол. наук. М., 1967. 253 с.

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.

Чирнер Х. Семантический объем прилагательных, обозначающих цвет, в русском языке в сопоставлении с немецким: дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 214 с.

The Semantics of the Adjective *Seryj* (‘Grey’) in Russian Dialects

Elena V. Kolesnikova
V.V. Vinogradov Institute of Russian
Language,
Russian Academy of Sciences

el.kolesnikova@bk.ru

Summary. The object of the research is the semantic structure of the All-Russian adjective “seryj” (‘grey’) in the Russian dialects, sampling from the Russian dialectal hypertext thesaurus serving as the data source for analysis. The semantic scheme of the adjective “seryj” (‘grey’) in the modern dialects is significantly larger than in the Standard Russian language, the color naming has another range of paradigmatic oppositions. The adjectives “sedoj” (‘silver-haired’) and “seryj” (‘grey’) may be considered as the inter-dialectal synonyms which were formed as a result of semantic derivation. In dialects the adjective “seryj” (‘grey’) may also enter into synonymic relationship with the All-Russian adjectives “sivyj” (‘gray’), “sizyj” (‘dove-colored’), “želtyj” (‘yellow’), “zelenyj” (‘green’), “sinij” (‘blue’). The dialectal material shows that yet another perception of grey color is revealed in the Russian dialects. In most cases the analyzed color naming characterizes more likely the negative state in the evaluation system of the ethnic consciousness and not neutral as some researchers believe.

Key words: semantics, all-Russian word, color designation, Russian dialects.

References

Barysheva Y. A. Kognitivnyj mekhanizm serogo cveta v kul'ture narodov mira [The cognitive mechanism of gray color in the culture of the peoples of the world]. // cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyy-mekhanizm-serogo-tsveta-v-kulture-narodov-mira-1/viewer. [accessed: INSERT DATE!!!]

Bahilina N. B. Istoriya cvetooboznachenij v sovremennom russskom yazyke [History of color designations in Modern Russian]. L.: Nauka, 1979. 232 pp.

Borodina M.A.; Gak V. G. K tipologii i metodike istoriko-semanticheskikh issledovanij. [On the typology and methodology of historical and semantic research]. M.: Nauka, 1975. 287 pp.

Vendina T. I. Cvet v etnokul'turnoj sisteme ruskogo, staroslavjanskogo i drevnerusskogo yazykov [Color in the ethnocultural

system of Modern Russian, Old Church Slavonic and Old Russian languages] // Slavyanskij al'manah [Slavic Almanac]. M: Indrik, 1999. Pp. 277–304.

Kolesnikova E. V. Nekotorye osobennosti semantiki prilagatel'nogo zelenyj v russkikh govorah [Some semantic peculiarities of the adjective zelenyj ‘green’ in Russian dialects] // Trudy Instituta ruskogo yazyka RAN. Vyp. 12. Dialektologiya. [Proceedings of the Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. Issue 2/2021. Dialectology.] M.: «Nestor-Istoriya», 2021. Pp. 132–142.

Kolesnikova E. V. Semantika prilagatel'nogo zheltyj v russkikh govorah [The semantics of the adjective zheltyj ‘yellow’ in Russian dialects] // Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov: Materialy i issledovaniya [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research]. 2021. № 15. / In-t lingv. issledov. — SPb.: Nestor-Istoriya, 2021. Pp. 207–224.

Kolesnikova E. V. Semantika prilagatel'nogo sinij v russkikh govorah [The semantics of the adjective sinij (‘blue’) in Russian dialects] // Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian folk dialects: Materials and research] 2022 — SPb.: ILI RAN, 2022. Pp. 118–217.

Kozhemyakova E. A. Istoriya formirovaniya semantiki cvetooboznachenij v russskom yazyke: dis... kand. filol. nauk [The formation history of the color designation semantics in the Russian language. PhD thesis]. — Nizhnij Novgorod, 2001.— 209 pp.

Kul'pina V. G. Lingvisticheskaya cvetologiya: ot istorii k sovremennosti cvetovyh konceptosfer: monografiya [Linguistic colorology: from History to modernity of color conceptospheres: a monograph]. M.: Maks Press, 2019.— 288 pp.

Lesnikov S. V., Myznikov S. A., Korol'kova M. D. Russkij dialektnyj gizaurus: osnovnye istochniki [Russian dialect hypertext thesaurus and its primary sources] // Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) 2019 / otv. red. S.A. Myznikov [Myznikov S. A. (ed.) Lexical Atlas of Russian Folk Dialects]. SPb.: ILI RAN, 2019. Pp. 425–497.

Nefedova E. A. Mnogoznachnost' i sinonimiya v dialektnom prostranstve [Polysemy and synonyms in the dialect space]. M.: Maks Press, 2008.— 463 pp.

Pimenova M. V. Cvetovoj fol'klornyj epitets v kontekste «Slova o polku Igoreve» [Color folklore epithets in the context of “The Tale of Igor’s Campaign”] // *Yazyk russkogo fol'klora* [The language of Russian folklore]. — Petrozavodsk, 1985. Pp. 125–131.

Pishchal'nikova V. A. Nekotorye osobennosti funkcionirovaniya cvetovyh prilagatel'nyh v russkikh govorah [Some functional features of color adjectives in Russian dialects] // *Issledovaniya po semantike* [Semantic research]. Ufa, 1982. Issue 8. Pp. 126–131.

Russkie ryazanskogo kraja [Russians of the Ryazan region] / *otv. red. S.A. Inikova*: v 2-h t. M.: Indrik, 2009.

Surovcova M. A. K istorii vyrazheniya cvetovyh znachenij v drevnerusskom yazyke XIV–XVII vv.: dis... kand. filol. nauk [On the history of the expression of color values in the Old Russian language from the 14th to the 16th century. PhD thesis]. M., 1967. 253 pp.

Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Language and intercultural communication]. M.: Slovo, 2000, 624 pp.

Chirner H. Semanticheskij ob'em prilagatel'nyh, oboznachayushchih cvet, v russkom yazyke v sopostavlenii s nemeckim [Semantic volume of adjectives denoting color in Russian in comparison with German]: dis... kand. filol. nauk M., 1973. 232pp.

Устойчивые словосочетания и фразеологизмы со словом ШАР (ШАРЫ) в диалектной лексике

Елена Валентиновна Колосько

Институт лингвистических
исследований РАН
evkolosko@mail.ru

В данной публикации освещаются некоторые аспекты лексико-графического представления просторечно-диалектного слова в диалектном словаре. Проводится анализ устойчивых сочетаний и идиоматических выражений с целью выяснения правомерности их помещения в диалектном словаре вопреки правилам словарной работы, поиска обоснования порядка расположения слов в исходной форме устойчивого сочетания, порядка расположения производных форм и переносных значений некоторых продуктивных сочетаний. Нами приводится пример семантико-мотивационного анализа устойчивых выражений и фразеологизмов со словом *шары* — ‘глаза’ на базе значений, образующих мотивационные основы для переосмысления действий человека, выражения эмоций и оценки действий человека.

Ключевые слова: диалектная лексикография, устойчивые словосочетания, мотивационный анализ, просторечная лексика.

В методологии лингвистической науки XXI в. прочно закрепился системный подход к описанию и изучению лексических средств языка, который «подразумевает наличие сложной и многоцветной гаммы переходных, пересекающихся явлений. Системный анализ вследствие этого предполагает в первую очередь выявление элементов исследуемой системы, затем описание структуры, а на завершающем этапе выяснение функциональных свойств системы» [Бабенко 1995: 6]. В этом направлении движется и современная диалектология и диалектная лексикография: «отказ от прежнего атомистического (в том числе дифференциального) подхода к изучению

диалектной лексики, ориентация на системность делает реальной возможность по-новому взглянуть на ономаσιологическое и словообразовательное устройство отдельных участков лексической системы языка» [Мызников 2011: 20]. Согласно Проекту Словаря русских народных говоров, «единственным объектом дифференциального диалектологического словаря является слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка в любую его разновидность» (Проект СРНГ: 22). Но если раньше словарники-диалектологи старались провести четкие разграничения между литературной, просторечной и диалектной лексикой, то в настоящее время превалирует функционально-системный подход, при котором выделяется в «особое производство» диалектно-просторечная лексика. По определению О. И. Блиновой, под этим термином понимается лексика, используемая в системе диалекта и в просторечии [Блинова 1972: 102]. Особенно ярко синтагматическая целостность литературной, просторечной и диалектной лексики проявляется в устойчивых словосочетаниях с нейтральной оценочностью (наименования растений, игр, различных изделий и др.) и в эмотивной, в частности идиоматической лексике.

Устойчивые сочетания — наименования игр со словом *шар* — ‘мяч’

По результатам составления Словаря русских народных говоров (СРНГ) на базе картотеки и диалектных словарей слово *шар* имеет в говорах восемь омонимов. Это существительные, междометия и несколько фонетических вариантов заимствованной лексики. Первый омоним представляет собой большую группу слов, объединенных понятием, наиболее близким к литературному значению слова шар ‘всякий предмет, имеющий форму геометрического тела, образующего круг возле своего диаметра’. Так назывались в говорах различные предметы круглой формы: игральный мяч, ловушка на медведя, бочонок для винограда и другие. В БАС имеется указание на значение ‘предмет из дерева, слоновой кости и т. п. для игры в крокет, бильярд и т. п.’ (БАС 17: 1271). Игра

с мячом занимала немаловажное место в крестьянском обиходе, поэтому в составе диалектной лексики распространены названия различных игр. В материалах пермского краевого сборника читаем о популярной в конце XIX — начале XX в. игре: «Лет 30 назад можно было видеть женатых мужиков, играющих в бабки, в мяч или в шар и бабу». Охан. Перм., 1924. В диалектных материалах можно найти наименования популярных игр: *игра в шарá*, *игра в шарá и бабу*, *игра шаром в котлэ*, *игра шаром в угон*, *игра шаром по ланам*, *игра шар-мазлб* и др. В этих устойчивых словосочетаниях употребляется литературное слово *шар* в значении ‘деревянный игральный мяч’, но вместе с тем используется и диалектная лексика, например, *котёл*, *мазлб*, *лан* — ‘ямка, в которую закатывают шары’ (СРНГ 15: 102; 17: 298). Некоторые из этих слов и словосочетаний отсутствуют в СРНГ. Например, слово *лан* не приводится, но есть производное слово *ланка*; в статье на слово *баба* отсутствует наименование игры в шар. Мы можем предположить, что слово *баба* в сочетании *играть в шар и бабу* является наименованием водящего, на которого пал жребий. По данным СРНГ, слово *баба* «в играх обозначает последнего, на которого пал выбор прислуживать» Тихв. Петерб., 1850 (СРНГ 2: 14). Слова *угон* в сочетании *играть шаром в угон* мы не находим в словарной статье на слово *угон*. Единственная подсказка — сочетание *гнать в угон*, которое у Даля обозначает ‘налетая, настигая, сильно преследуя, догонять кого-л.’ (Даль 4: 943). При указании на наименования игр в диалектном словаре мы приводим пространные цитаты из архивных материалов, так как там имеются интересные этнографические данные о том, когда и в каких условиях, с какими правилами проводились эти игры. Кроме того, в текстах присутствует диалектная лексика, пропущенная ранее при составлении СРНГ. Причиной пропусков часто является недостаточная первичная обработка обширных картотечных материалов. В данном случае тексты с описанием игр в шар имеются в карточках только на слово *шар*. Приведем отрывки иллюстративного

материала из рукописи собирателя Городцова, предоставившего в начале XX в. сведения для Этнографического отдела императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. «Играющие вооружаются калдаями и кочережками, бросают в котёл деревянный шар» Ряз. Ряз., Городцов, 1902. *Кочерёжка*, вероятно, является словообразовательным вариантом слова *кочергá* в значении ‘палка с загнутым нижним концом для игры в шары’. Слово *кочергá* взято явно из того же источника — Ряз. Ряз., 1902 (СРНГ 15: 126). Но словоформа *кочерёжка* отсутствует в тексте словаря. Далее: «Играющие делятся на две партии. Один из начинающей партии (самый ловкий) берет шар и кладет его на черту. Прочие становятся улицею одна сторона против другой». Сочетание *станови́ться у́лицею* отсутствует в СРНГ. «Когда шар дойдет до какой-нибудь черты, то выигравшие партию кричат *шля*». Этот возглас — слово с затемненной мотивировкой — является, вероятно, усеченной фразой, данные о которой отсутствуют. Еще один пример из уральского словаря: «Провинившегося в игре казачонка берут на шары, на палы [ударение отсутствует], хватают за руки и за ноги и опускают на ряд разложенных на земле палок и как валёк по скалочке катают виновника по палочкам; при таком наказании важна не физическая боль, а нравственная». *За наукой дело не стало — тут же в кругу, при всём честном народе, разложили Терского на шары, на палы и откатали голубчика*. Урал., Железнов, 1899. Малеча, 1978. Устойчивое сочетание *братъ на шары́, на палы́* отсутствует в статье на слово *пáла (пáлы)*. Оно будет дано в статье на слово *шар*. Интересно, что слово *откати́ть* отмечено в СРНГ, но только со значением ‘наказать розгами’ (СРНГ 24: 198). Таким образом, помещая в диалектном словаре сочетания со словом *шар* с расширенными иллюстрациями, мы вводим в научный обиход дополнительную диалектную лексику, относящуюся к определенной тематической группе ИГРА В МЯЧ.

К значениям ‘игральный деревянный мяч’ и ‘футбольный мяч’ примыкают фразеологические выражения — ди-

алектные варианты известного выражения *хоть шаром покати́* — ‘ничего или никого нет, совершенно пусто’ (БАС 10: 845). *Шар шаром покати́. Да у его никого* [никакого имущества] *нету, шар шаром покати*. Омск, 1993. *Шаром кати́ и шаром покати́сь. Не могу я те возвернуть денъги, нет их у меня, шаром кати*. Приурал. Уральск., 1946. *Небель — шаром покати́сь*. Чапаев. Уральск., 1947. И, наконец, усеченное *шар шаром*. *Барина обокрала. Прибежали, посмотрели: шар шаром*. Тавд. Свердлов., 1926.

Фразеологизм *подкати́вать шары* — ‘подлизываться, втираться в доверие’ отмечен во владимирских говорах. *Ты мне шары не подкати́вай!* Шуйск. Влад., 1932. Несмотря на единичную фиксацию, эта идиома не является полностью окказиональной. В СРНГ представлено синонимичное выражение с глаголом *подкати́вать* — *подкати́вать колёса* — ‘подлизываться, подольщаться с корыстными целями’. Свердлов. (СРНГ 28: 28). Эти диалектные фразеологизмы, возможно, имеют еще незафиксированные варианты или они появятся в будущем. Это вполне вероятно, так как они являются результатом расширения метафоры *подкати́вать к кому-л.* — ‘угодливо обращаться к кому-либо, добиваясь, домогаясь чего-либо’, распространенной в современном просторечии (БАС 10: 385). В Акчимском словаре пермских говоров фразеологизм *понести́ шары́* отнесен к значению слова *шар* ‘глаз’ и толкуется как ‘пойти к кому-л., куда-л.’. Но существует, судя по содержанию иллюстрации, вероятная связь с фразеологизмом *подкати́вать шары́. Если разругаемся, так зачем я шары-те понесу?! Должна же совесть гражданская быть! А есть такие: выругает, выругает и к тебе же идет*. (Акчим. сл. 6: 218). Возможно, здесь говорится о недопустимости лицемерного поведения с корыстными целями.

Свободные и устойчивые сочетания со словом *шар* — ‘глаз’

К первой группе значений слова *шар* относится и наименование глаза человека, которое в Словаре современного

русского языка отмечено только в форме множественного числа **шары́** с пометой *грубо простореч.* Диалектные и фольклорные источники свидетельствуют о бытовании формы единственного числа **шар** — ‘глаз’ с нейтральной оценочностью, впервые зафиксированной в Пермской губернии в 1830 г., а затем и в пермском словаре современных говоров: *Глаза косые: один шар в потолок, другой на волок.* Красновишер. Перм., 2011. Очевидно, что появилось это слово значительно раньше, в разговорной речи, в фольклоре. Например, в былине: *Ты лети моя стрела да всё калёная. Разлетись Соловешку во правый шар, Раздроби его всю буйну голову.* Низ. Печор., Астахова, 1951.

В форме множественного числа слово **шары́** — ‘глаза’ употребляется во многих говорах и зачастую с нейтральной оценочностью, без повышенной экспрессии. Возможно, присутствует слегка ироничная самооценка. *Шары мои не видят, много тут напорешь. Сам спать хошь: шары уж закатываются.* Низ. Печора., 2005. Положительную оценку слово имеет в таких контекстах, как: *Галя красива, глазищи большие, шары.* Медвежьегор. Карел., 2005. Однако подавляющее большинство фиксаций связано с бранной лексикой, где слово **шары́** обозначает широко раскрытые, выпученные глаза. *Бу́льки, бу́ркалы, бу́ркалки, гляде́лки, глазенáпы, зéнки* и **шары́** — неполный список просторечных и диалектных слов, являющихся полными синонимами. В арсенале бранной лексики находится большое количество устойчивых сочетаний с глаголами и словом **глаза́** и грубо-просторечным словом **шары́**. Эта группа объединяет лексику, отражающую чаще негативное отношение к человеку с большими навывкате глазами (эстетическая оценка), к человеку, бесцеремонно разглядывающему кого-, что-л. (этическая оценка) или к человеку, подозреваемому в сглазе, навлекающему несчастье (прагматическая оценка). Первичная эстетическая оценка влечет за собой прагматическую оценку. По данным диалектных контекстов, вызывает порицание невнимательный, рассеянный человек, смотрящий по сторонам, праздный зевака.

Дальнейшее семантическое расширение у сочетаний с глаголами, обозначающими бесцельное рассматривание чего-л., происходит за счет резко негативного отношения к безделью, непослушанию. Эти наиболее распространенные представления тесно связаны между собой, что позволяет использовать целый комплекс значений, применяя один из словообразовательных вариантов слова или фразеологизма. Так, бранному разговорному слову **пучеглазы́й** — ‘имеющий большие, выпученные глаза’ и ‘в знач. *сущ.* о человеке, рассматривающем кого-, что-л.’ (БАС 11: 1768) соответствует диалектное **пучеша́ры́й** — 1) ‘имеющий большие, выпученные глаза’. Каин. Том., 1913. Краснояр., Тобол. *Кого он экой пучешары́й? Не тарашь свои зенки пучешарые!* Свердлов., Урал. *О, стерва пучешарая!* Урал., 1939. // **Пучеша́ры́й**, в знач. *сущ.* Бранно. ‘О человеке рассматривающем кого-, что-л.’ *Всё подглядывает пучешары́й.* Хакас. Краснояр., 1970; 2) ‘Беззастенчивый, бесцеремонный’. Тобол., 1917; 3) ‘Рассеянный, невнимательный человек, разиня’. *Стоит пучешары́й и не смотрит — вылил молоко-то.* Нижнетавд. Тюмен., 1984. (СРНГ 33: 168).

Устойчивые выражения и фразеологизмы со словом **шары́** — ‘глаза’

Приведем пример семантико-мотивационного анализа устойчивых выражений и фразеологизмов со словом **шары́** на базе значений, образующих мотивационные основы для переосмысления действий человека, выражения эмоций и оценки действий человека. Для анализа используются сочетания, обозначающие движения глаз: широко раскрыть глаза, поднять глаза вверх, вращать глазами и др. Некоторые из них имеют литературный аналог, отличаются только заменой компонента **глаза́** на просторечное слово **шары́**. Но есть и отличия в семантике диалектных сочетаний. Так, свободное сочетание **закры́ть шары́** в результате переноса на основании смежности значений получило новое значение ‘задремать, заснуть’ с нейтральной оценкой Приангар., 1926. Перм. Объединенные в семантические группы по мотивационным основам устойчивые сочетания образуют комплексы

взаимозаменяемых или объединенных деривационными отношениями сочетаний.

Первая выделенная группа сочетаний мотивирована эмоциональной напряженностью (удивлением, испугом), сопровождаемой широким раскрытием глаз. Синонимический ряд ведущих глаголов таких сочетаний включает множество разговорных и просторечных слов, выражающих экспрессию и оценку: *выкатить, вылупить, выпучить, выпятить, вытаращить, разуть* и др. Сочетаниям *вылупить шары, выпучить шары, пялить шары* соответствуют литературные аналоги со словом глаза, отмеченные в БАС как просторечные (БАС 2: 1098; БАС 11: 1817). Грубо-просторечному *разуть глаза* соответствует выражение *разуть шары*. К выражению *пялить глаза* есть диалектный вариант *пéлить шары*. *Чего ты шары-те пелишь? Что за невидаль?* Перм., 1856. Не имеют литературных аналогов сочетания *выпятить шары, выставить шары, ширить шары, высвистать шары*. *Поди-ко, шары высвистал Чё-ко понимает!* Красновишер. Перм., 2011. Отмечен развернутый фразеологизм *выпучить шары, хоть коли* — ‘смотреть не мигая на что-л.’ Пинеж. Арх., 1852. Развитие семантики подобных выражений в говорах приводит к появлению таких значений, как ‘принимать грозный или бравый вид, широко раскрыв глаза’: *Шары-ти ширит, ругается*. Перм., 2008. Очевидно, связано с суеверными представлениями крестьян о сглазе выражение *довылупать шары* в контексте: *Доходила, довылупала шары-то. А вот портят такие*. Красновишер. Перм., 2011.

К этой группе сочетаний тесно примыкает и даже накладывается на нее группа с идентичной лексикой и семантикой, но с расширенной синтаксической моделью — сочетание слова *шары* и глагола с дополнением *на кого-л.* в значении ‘смотреть (посмотреть) на кого-л. широко раскрытыми глазами’. В литературном языке это сочетания *установить глаза, тарачить глаза*. Этим сочетаниям полностью идентично выражение *выпучить шары на кого-, что-л.* Однако в ли-

тературном языке нет таких выражений со словом глаза, как: *выворотить шары на кого-л., выкругивать шары на кого-л., вылупить шары на кого-л.* *Я как увидела, так и шары вылупила на такую невидаль*. Усол. Перм., 2002.

Менее широко распространена (отмечена только в печорских и пермских говорах), но имеет разветвленную семантическую структуру группа устойчивых выражений с глаголами, обозначающими движение глаз в разные стороны. Выражения *шары на прёволоке у кого-л., шары на прёволоке бегают, шары вёртятся у кого-л.* и *вертеть шарáми* имеют общую исходную семантику, основанную на неодобрительной оценке того, у кого «бегают» глаза, но развивают свой собственный семантический потенциал. *Шары на прёволоке (бегают)* — говорят в пермских говорах о человеке с несчастливо выпученными глазами и о бойком человеке. *Шары вёртятся у кого-л.*: а) кто-л. быстро переводит взгляд с одной стороны на другую; б) кто-л. высматривает что-л., задумывая кражу или другое преступление; в) о ветреном, легкомысленном человеке. *Вертеть шарáми*: а) смотреть по сторонам, высматривая кого-, что-л.; б) смотреть по сторонам вместо того, чтобы смотреть в нужную сторону; в) отводить глаза, отворачиваться от кого-л.; г) изворачиваться, лгать. *А она не признается, вертит шарáми, будто и не брала* Словообразовательный и семантический варианты объединились в выражении *отвертеть шарáми* — не признать свою вину, изворачиваясь, лжесвидетельствуя. *Я и свидетеля привела, а она отвертела шарáми и осталась права. Она шарáми отвертела, отморгалась да и все*. Низ Печора, 2008.

Параллельное семантическое развитие шло под влиянием негативной оценки действия человека, который не смотрит в нужную сторону.

Замкнутая в определенном лексическом составе группа идиом *загибать (загнуть) глаза (шары)* основана на семе ‘движения глаз в сторону или вверх’. Движение глаз в сторону кого-л. мотивирует значение ‘засматриваться’. *Загибать глаза* — ‘засматриваться’. Охан. Перм., 1930 (СРНГ

9: 360). **Загибать шары** — ‘засматриваться, обращать внимание на кого-л.’. *Чё шары-то загибашь на вечёрках, на парней газеть.* Пышм. Свердл., 1996. **Загнуть шары** — ‘пристально поглядеть на кого-л.’. *Я то и гляжусь — идут какито все, шары загнули, знают, видно, меня.* Усол. Перм., 2002. Вариант этого фразеологизма **залупить шары** — ‘засмотревшись на что-л., проявить невнимательность’ занимает промежуточное положение, объединяющее две семантические модели. *Иду, шары-те залутила — тресь! На бабу-то налетела.* Красновишер. Перм., 2011. Ср. **Залунать** — ‘поднимать, задирать что-л.’ (СРНГ 10: 224). Движение глаз вверх мотивирует значение ‘высоко подняв голову, не замечать что-л. перед собой’. **Загнуть шары: Ниче не видит! Шары загнёт и бегат.** Красновишер. Перм., 2011. *Под ноги не глядит, шары-те загнул, дак то и расшибся.* Перм. 2002. В этом значении отмечен фразеологизм с лексическим расширением **Загнуть шары на баню.** *Загнул шары на баню, вот и не слышал.* Добрян. Перм., 2002.

Значение ‘перестать обращать внимание на кого-, что-л.’ является производным. *Шары загнул, загулял, загулял, к другой ушел.* Перм. 2002. Дальнейший семантический сдвиг произошел от значения ‘перестать обращать внимание на кого-, что-л.’ к значению ‘перестать слушаться кого-л.’. Одновременно варьируется и глагол **Заломить шары.** *О проклята! Заломила шары-те и полетела!* Красновишер. Перм., 2011. Возможно, второе значение фразеологизма **залупить шары** — ‘согласиться с чем-л. без раздумий’ включает сему ‘перестать обращать внимание на традиции’. *Нынче и хорошо делают, что замуж не идут. А то жених невесту не знает, невеста жениха. Залупит шары и идет (замуж).* Красновишер. Перм., 2011. Последующее переосмысление данной семантической модели — значение ‘бездельничать’. *Внук-от мой втору неделю шары загибает.* Пышм. Свердл., 1996. В одном из вариантов используется синонимичный и созвучный глаголу **загибать** глагол **задирать шары** — ‘бездельничать’. *Раньше-то шары не задирали,*

некогда было. Паря этот задират шары, когда все на покосе. Пышм. Свердл., 1996.

Довольно разнообразны сочетания с глаголами физического воздействия. Фразеологизмы **все шары вытрясти** — ‘о плохом самочувствии после тряской дороги’; **все шары потерять, все шары вырветь по кому-л.** — ‘испортить зрение от частых слез’ имеют одинаковый набор компонентов, смысл меняется благодаря глаголам. Здесь очевидна единая фразеомодель и ее разнообразное наполнение. Наиболее распространены сочетания со значением ‘ударить по лицу’, **дать по шарам** или **дать шара** — ‘ударить по лицу’ (*Шара дать — дать по морде.* Шуйск. Влад., 1920) и более широким значением ‘побить, наказать кого-л.’: **набить шары кому-л., напластать шары кому-л., насвистать по шарам кому-л., тыкать (натывать) в шары кому-л., отбуткать шары, отбучкать шары, насгибать шары кому-л.** *Ты опять, углан не слушаешься! Мать-та опять насгибает тебе шары-те. Раньше отбуткают шары-те чем попало, а все равно робишь, хоть реवेशь, плохо видишь, а робишь. Вот если я бегу по воду, взад-вперед, ни на кого не гляжусь, а то мне отбучкают шары-те.* Соликам. Перм., 1973.

Фразеологизмы **налить в шары кому-л.** — ‘сказать правду в глаза кому-л.’, **тыкать шары кому-л.** — ‘говорить правду кому-л.’, **чистить шары кому-л.** — ‘сильно ругать, бранить кого-л.’ имеют семантические различия и различные глагольные компоненты, но их объединяет сема ‘словесное воздействие лично на кого-л., в лицо, в глаза’. К этой небольшой группе фразеологизмов принадлежит и поговорка **хоть в шар тычь кому-л, а он всё своё!** — ‘о бесполезности внушения кому-л. чего-л.’ Урал, 1934.

Интересное развитие в печорских говорах получило сочетание **обморозить шары** от свободного сочетания в значении ‘переохладить, заморозить глаза’ (*Хорошенько одевайся, шары-ти не обморозь. Гли, как шары-ти обморозила, ресницы белы.* Низ. Печора, 2008) к устойчивому сочетанию

с переносными значениями ‘напиться спиртного, опьянеть’ и ‘сделать что-л. не глядя, неловко, неосторожно’. *Поди налей олифы в краску, а он налил нашатырный спирт, шары-ти обморозил что ли.* Параллельно развилось значение ‘потерять стыд, совесть’: *Ему уже ничего не стыдно, шары-ти обморозил.* Дальнейшая трансформация видимо популярного выражения *обморозить шары — шары обморозены у кого-л.* с переносными значениями ‘о неловких движениях кого-л.’ (*Ну, ведро пролил, шары-ти обморозены ли что*) и ‘о том, кто потерял стыд, совесть’. *Шары-ти у его обморозены, бесстыжий, глаза бесстыжие у его. А этому ничего не стоит, соврет, шары-ти отморожены* (Ставшина 2008: 54).

В словаре печорских фразеологизмов представлено также многозначное устойчивое сочетание, демонстрирующее различные стадии фразеологизации: от близкому к свободному сочетанию до классической идиомы. *Шары добыть* — а) выколоть глаза; б) побить, наказать кого-л.; в) доказать чью-л. вину, потребовать ответа у кого-л. *Вилкой-то не маши, шары-ти добудешь. Будешь ещё драться — шары добуду. Выломали окно, дак шары у них не добудешь, никто не видал. Чё толку с им говорить, шары-ти у его добудешь?* (Там же).

Следующая группа фразеологизмов связана семей ‘бесполезность действия’, которая является мотивирующей для значения ‘без толку проводить время’. Сочетание *провылупать шары* в словообразовательном отношении близка к группе устойчивых сочетаний *выкатить шары, вылупить шары, выпучить шары* и др., с одной стороны. А в семантическом отношении оно смыкается с рядом выражений *загибать шары, задирать шары* — ‘бездельничать’ *Как так! Я простою, шары провылупаю тут!* Красновишер. Перм., 2011. С этим же значением отмечен фразеологизм *шарáми трястí.* *Не ходи в школу, если охота шарами трясти — иди.* Тюм. Алт., 1998. Выражения *шары продавать* и *шарáми торговать* имеют значение ‘бесполезно проводить время’. *Нечего там ходить, шарами торговать, работать надо. — Молодка, моя бабка не у вас шары продавает? — Тут*

она, тут, шары продават, щёки мозолит. Низ. Печора, 2008. *Я вчера... в магазин-то ушла. Стою там, шары-то продаю.* Красновишер. Перм., 2011. И, наконец, самый развернутый фразеологизм *шары валять да к стене прислонять* обозначает ‘заниматься пустяками. бездельничать’. *Мочал нет и работы нет, счас шары валям да к стене прислоням.* Починк. Горьк., 1978.

Эти фразеологизмы являются вариантами использующегося в речи диалектоносителей с XIX в. выражения *продавать глаза (глазы, гляделы)* — ‘бесцельно, с праздным любопытством глядеть на кого-, что-л., глазеть, ротозейничать’ и ‘ничем не заниматься, бездельничать’. *Народ на их глаза продавает.* У Добровольского в смоленском словаре 1890 г.: *На рынке глаза продавала.* Ворон. *Я не любителька продавать глаза.* Пск. *Чё пришел глаза продавать.* Омск., Среднеобск., Кемер., Иркут. (СРНГ 32: 119). *Гляделы продавать* — ‘бездельничать’. Тобол., 1917 (СРНГ 6: 227). Возможно, первоначальным источником было пословичное выражение *Своих денег нету, поехал глаза продавать*, отмеченное в омских говорах (СРНГ 32: 119). А отсюда уже отделились укороченные фразеологизированные единицы с развитием значения ‘бездельничать’.

В разделе словарной статьи на слово *шары* в значении ‘глаза’ приводятся и малораспространенные фразеологизмы, которые тем не менее несут эмоциональный заряд благодаря ярким метафорическим значениям, отсылающим к известным фразеологизмам. *Шары драть кому-л.* — ‘завидовать’ (ср. *раздирать от зависти*). *Чео ему в получку дают? Копийки. Но людям-то эсто-то шары дерёт.* Великоуст. Волог., 2007. *Шары замарать* и *шары замараны у кого-л.* (ср. *замарать честь кого-л.*). *Вон выбился в новы русски, а шары-ти когда ещё замараны: и пил, и дрался, и с девками возился. Он ещё тогда шары-ти замарал.* Низ. Печора, 2008. *Шары на спичках* — ‘о непробудном сне’ (ср. *глаза хоть спички вставляй*). *У тебя где шары-то были, на спичке?* Кирен. Иркут., 1960. *Шары надуть кому-л.* — ‘обмануть, провести

кого-л.' (ср. *простореч. надуть* — 'обмануть кого-л.'). Она как хочет шары ему надует, гуляла с другими, а муж ни о чем не догадывался. Соликам. Перм., 1973.

Сочетания с наречным значением 'слишком много, чересчур много' мотивированы расположением глаз в верхней части тела человека. *больше шар* (Кирен. Иркут., 1970), *за шары* (Красновишер. Перм., 2011), *завалить все шары чем-л.* (Там же). Определение в Акчимском словаре выражения *в шары кому-л.* 'кому-л. в личную собственность' кажется неполным, если сопоставить два контекста: *Наберешь больше шар да надсажаешься, тащишь. Картошки аж за шары наварганила. Ему всё в шары-то надо горлохвату, всё хапает чужое* (Акчим. слов. 6:218). Здесь очевидно присутствует общая сема 'слишком много', которая предопределяет выбор лексических компонентов идиоматических выражений.

Таким образом, мы видим, что рассмотрение обширного фразеологического материала в составе лексико-семантических групп по мотивирующим признакам ведущего слова или исходного словосочетания дает возможность объединить в рамках одной семантической модели фразеологизмы с различными лексическими компонентами, связанными, как выясняется, тесными деривационными отношениями.

О порядке слов в устойчивых сочетаниях со словом *шары* — 'глаза'

Обращает на себя внимание тот факт, что в устойчивых выражениях слово *шары* стоит чаще всего перед глаголом. Это, возможно, обусловлено прагматической целью — повышение экспрессии бранного выражения, которому грубо просторечное слово *шары* придает значительное усиление. Но по правилам составления словаря исходная форма устойчивого сочетания строится по синтаксическому принципу — ведущим словом является глагол. Поэтому, даже если более частотными являются сочетания, начинающиеся словом *шары*, такие сочетания в тексте словаря подвергаются синтаксическому упорядочиванию, на первое место ставится глагол. Это дает возможность более четкого расположения регулярно воспро-

изводимых моделей словосочетаний и их вариантов.

В случае, если устойчивое сочетание имеет образное идиоматическое значение, сохраняется зафиксированный примером порядок слов. Например, выражение *шары выклевать* именно в таком виде является способом выражения крайнего возмущения, недовольства кем-, чем-л. *Кака-то гонится корова, шары выклевать!* Красновишер. Перм., 2011. Цельное высказывание *как кому-л. шарам-то не совестно* также сохраняет именно в этой форме способность выражать негодование по поводу бессовестного поведения кого-л. Поэтому в выражениях *шары драть* — 'завидовать', *шары надуть* кому-л. — 'обмануть, провести кого-л.' или в исходных формах целой группы фразеологизмов: *шары торговать, шары трясти, шары продавать* — 'бесполезно проводить время, бездельничать' лучше сохранить именно такой порядок слов. Кроме того, некоторые словосочетания отличаются степенью фразеологизации, имеют различные значения. Например, сочетания *обморозить шары* и *шары обморозить, шары обморозены* у кого-л.

Неизменный характер расположения лексических компонентов характерен для:

фразеологизмов, описывающих особенности строения глаз: *в шарях кто-л. стоит* 'о больших глазах кого-л.'; *шары в яме у кого-л.* — 'о глубоко посаженных глазах'; *шары напрочь* — 'о широко раскрытых глазах';

фразеологизмов, обозначающих состояние человека при помощи описания состояния его глаз: *шары отлётывают* — 'об очень сильной тряске'; *шары под лоб* — 'о сильной усталости от тяжелой работы'; *хоть шары сшей* — 'о бессоннице'.

бренных сочетаний, характеризующих человека: *ашные шары* — 'об очень жадном человеке', *бабьи шары, спичьи шары, стрясённые шары* — 'о бойком, непослушном ребенке'. *Углан, непоседа ты, стрясенные шары, посиди хоть маленько тихо.* Чердын. Перм., 2002.;

4) бранных выражений-ругательств: *кўкишки (кўки-*

шечки) в шары кому-л., пятнай тебя в шары, тьфу тебе в шары, чтоб у кого-л. шары лопнули. Бранное сочетание *чугунные шары* сопровождается пояснением о том, что это просто усиленное ругательство. *Шары — глаза в уничижительном смысле. Для усиления прибавляют еще чугунные.* Никол. Волог., 1883;

5) устойчивых выражений, используемых в заговорах-проклятиях: *спича в шары кому-л. Спича в шары черному, черемному, двоеженному, пережженому.* Чердын. Перм., 1927;

6) восклицательных предложений: *Где у кого-л шары были?! Как кому-л. шарам-то не совестно! Хотя шары выкопай! Шары выклевать!*

7) поговорок: *Живи, не тужи, хоть последний шар запужи* — пожелание оптимизма в жизни. *Шары как чайи, а не видят каши* — о том, кто не замечает того, что лежит на виду.

Как показало проведенное исследование, слово *шар* содержит в своей обширной семантической структуре значения, относящие это слово к литературному языку, к разговорной речи, просторечию, к диалектной речи. В отдельных контекстах это слово имеет различную оценочность и эмоциональную насыщенность. В некоторых случаях имеет место двуплановая функционально-стилистическая окраска. Например, в форме множественного числа в значении 'глаза' слово *шары* может употребляться как грубо просторечное бранное слово или диалектное слово с экспрессивной выразительностью, нейтральной, пренебрежительной или даже положительной оценкой. Большое значение данный материал имеет для решения вопросов лексикографического представления устойчивых сочетаний и фразеологизмов с опорным просторечно-диалектным словом в диалектном словаре. Анализ лексических компонентов устойчивых словосочетаний, в которых употребляется литературное слово *шар* в значении 'деревянный игровой мяч', показывает правомерность размещения в диалектном словаре обширного иллю-

стративного материала с этими сочетаниями, так как в них используется диалектная лексика, отсутствующая в СРНГ.

Самое большое количество ярких эмоционально экспрессивных устойчивых сочетаний и фразеологизмов, отмеченных СРНГ, относится к группе сочетаний, одним из основных компонентов которых является слово *шары*, обозначающее 'глаза'. Несмотря на наличие множества просторечных и диалектных синонимов (*буркалки, гляделки, глазенáпы, зéнки* и др.), словосочетания со словом *шары* занимают самый обширный сегмент фразео-семантического поля. На основе материала группы диалектных устойчивых выражений со словом *шар/шары* можно проводить исследования системных связей словообразовательного и семантического плана, функционально-стилистических особенностей диалектной и просторечной лексики. Так, в результате мотивационного анализа проявляются наиболее распространенные представления, тесно связанные между собой, что позволяет использовать целый комплекс значений, применяя один из словообразовательных вариантов слова или фразеологизма.

Для данной работы использованы материалы картотеки Словаря русских народных говоров и диалектных словарей, данные которых вносятся в СРНГ в процессе составления словарных статей.

Литература

Бабенко Л. Г. Функциональные свойства лексических систем (на материале эмотивной лексики) // Семантика слова, образа, текста. Архангельск: Изд-во Поморского межд. пед. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1995. С. 6–9.

Блинова О. И. Лексика диалекта (с точки зрения ее соотношения с формами национального языка) // Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии. Барнаул: Изд-во БГПИ, 1972. С. 102–109.

Мызников С. А. Диалектная академическая лексикография и лингвогеография // Филологическая регионалистика. 2011. № 2 (6). С. 15–22.

Set Expressions and Idioms Containing the Word ŠAR (ŠARY) in the Dialect Vocabulary

Elena V. Kolosko

Institute of Linguistic Studies, RAS

This publication highlights some aspects of the lexicographic representation of a vernacular dialect word in a dialect dictionary. The analysis of stable combinations and idiomatic expressions is carried out in order to clarify the legitimacy of their placement in the dialect dictionary contrary to the rules of dictionary work, in order to find a justification for the arrangement order of words in the original form of the set expression, as well as the arrangement of derivative forms and figurative meanings of some productive combinations. We give an example of a semantic and motivational analysis of set expressions and idioms containing the word *šary* — ‘eyes’ on the grounds of the meanings that form the motivational basis for rethinking human actions, expressing emotions and evaluating human actions.

Key words: dialect lexicography, set expressions, motivational analysis, vernacular vocabulary.

References

Babenko L.G. Funkcional’nye svojstva leksicheskikh sistem (na materiale jemotivnoj leksiki) [Functional properties of lexical systems (based on emotive vocabulary)] // *Semantika slova, obraza, teksta* [Semantics of the word, image, text]. Arkhangelsk, 1995. Pp. 6–9.

Blinova O.I. Leksika dialekta (s točki zrenija ee sootnoshenija s formami nacional’nogo jazyka) [Dialect vocabulary (from the point of view of its correlation with the forms of the national language)] // *Leksicheskie i grammaticheskie problemy sibirskoj dialektologii* [Lexical and grammatical problems of Siberian dialectology]. Barnaul, 1972. Pp. 102–109.

Myznikov S.A. Dialektnaja akademicheskaja leksikografija i lingvo-geografija [Dialect academic lexicography and linguogeography] // *Filologičeskaja regionalistika* [Philological regional studies]. 2011. No. 2 (6). Pp. 15–22.

К выходу второго тома ЛАРНГ «Животный мир» (содружество свершенного и познание нового в народной речи)

Лариса Яковлевна Костючук

Псковский государственный

университет

anh57@yandex.ru

Выход тома 2 «Животный мир» — большое событие в отечественной гуманитарной науке. Основатель идеи многотомного ЛАРНГ — И. А. Попов. Образованный диалектолог, прекрасный «полевик», он следил за положением в науке, публикациями, узнавал о научных событиях довоенных, военных лет. В 1974 г. издал проект ЛАРНГ. Несмотря на запоздалое разрешение работы над атласом, И. А. Попов умело создал коллектив желающих учиться и тех, кто мог обучать других. Опытнейший, тактичный, терпеливый редактор Т. И. Вендина после ухода И. А. Попова стала и научным руководителем каждого из нас. Удачным оказалось решение назначать нескольких ответственных для окончательного просмотра готовых карт перед сдачей тома в типографию. В томе 2 закрепилось пять разновидностей типов карт: пятый носит не буквенное сокращение, а просто словесное название: «мотивационная карта». Это очень удачное предложение Т. И. Вендиной, как и ранее «карта-дубль».

Ключевые слова: коллективная научная работа, лингвокартографирование, традиция и новое, исходные типы карт (Л, СЛ, ЛСЛ, СМ), новые типы карт (дубль, мотивационная).

На ежегодной традиционной зимней встрече рубежа января-февраля 2023 г. в ИЛИ РАН участники получили волнующее известие: вышел «Животный мир» — второй том первого раздела «Природа» (ЛАРНГ 2022). Каждый автор (новый и старый без учета / с учетом возраста) радуется коллективному успеху. Каждый составитель, безусловно,

благодарен главному редактору, творческому, неутомимому руководителю-наставнику за возможность в рамках картографического семинара начала февраля (в ИЛИ РАН), а затем — круглый год по необходимости получить ответ на неизбежный очередной вопрос. Татьяна Ивановна Вендина, зная теоретически и практически славянские языки, сумела своими вступительными докладами на пленарных заседаниях по проблемам ЛАРНГ убедительно показать, как важно подчас с помощью этимологии, сравнения понять смысл и место отдельных лексем. Автору карт (тем более, если он и историк языка) это учитывать чрезвычайно важно. Через неоднократные советы, проверки, беседы и обсуждения прошли материалы каждого создателя карт. Значимо, что уникальный лингвокартографический труд имеет умелого, неравнодушного и тактичного руководителя: «сочлена» в общей коллективной работе. Это напоминает поведение Б. А. Ларина в подобных творческих научных трудах, что высоко оценивал Д. С. Лихачев [Лихачев 1977: 9]. Удачно Татьяна Ивановна назначила на заключительной ступени готового тома атласа перед представлением в типографию нескольких помощников по проверке оформления материалов к каждой карте («Глаз хорошо — два лучше!»).

Старшему поколению ларнговцев наряду с естественной радостью (наконец «в густых зарослях кустарника» в томе 1 «найден большой медведь» в томе 2: в далекое время рубежа 80–90-х гг. были выбраны пункты из двух первых разделов «Программы») приходится встретиться и с тяжелой грустью по ранее ушедшим коллегам и по создателю идеи именно такого оригинального лексикокартографического труда — по Игорю Александровичу Попову, опытному диалектологу и лексикографу. Ведь им подробное обоснование идеи подготовлено и издано под редакцией Ф. П. Филина 49 лет назад [Попов 1974]. Но руководство не разрешало почти до самого конца 80-х гг. «открыть тему». Не только потеряно время для значимого научного труда, но и для здоровья уче-

ного. И. А. Попов, преданный замечательной научной идее, успел в малый промежуток времени заинтересовать разновозрастных диалектологов из многих учебных, академических учреждений разных городов. Сразу начал складываться коллектив: после серьезных обсуждений были разработаны документы-путеводители, позволяющие вносить некоторые дополнения с учетом неожиданно обнаруживаемого диалектного материала.

Вспомним некоторые моменты в судьбе отечественной филологической науки в конце первой половины и в середине XX в., без которых не могло бы быть и настоящего, того, что радует в науке сегодня.

В 1940 г. образованнейший, разносторонний ученый, академик Л. В. Щерба был назначен председателем Диалектологической комиссии в Академии наук. Необходим был именно такой руководитель: Лев Владимирович хорошо знал диалекты славянских языков, европейских, был заинтересован и в работе над атласами и словарями. Жестокая война приостановила коллективные научные труды.

В 1944 г., еще военном, но уже близком к победе, в Вологде состоялась легендарная диалектологическая конференция по обсуждению послевоенной диалектной работы. Руководил конференцией, выступал с докладом, провел и специальный ценный семинар Л. В. Щерба, хотя и был смертельно болен. Ему помогал в организационных хлопотах Б. А. Ларин, который, находясь еще в эвакуации в северном регионе, фактически наметил актуальные вопросы для обсуждения, тем более что ученый, несмотря на нездоровье и эвакуационные трудности, совершил несколько экспедиций по изучению северных русских говоров.

В ходе заседания в Вологде в аудиторию неожиданно в военной шинели вошел с трудом добравшийся прямо с фронта (разрешение было получено) Ф. П. Филин.

К послевоенной диалектной работе все готовились: проверяли начатое и задумывались о новом. Сошлюсь на рассказ

З. М. Петровой об экспедиции студентов с руководителем из ЛГУ в разрушенную Псковскую область через разрушенный Псков летом 1945 г. Продолжался сбор материала для «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ) [Костючук 2022: 235–236].

И невозможно не задать вопрос: почему же в мирное время на уникальную коллективную работу над ЛАРНГ не давалось разрешения так долго? Ведь в научной среде серьезно обсуждались гуманитарно-филологические проблемы. В 1962 г., 15 января, на объединенном ученом совете филфака ЛГУ выступил Б. А. Ларин с прекрасным докладом о свершенном и реально прогнозируемом по проблеме «О филологии близкого будущего» с последующей публикацией [Ларин 1963: 189–196]. Среди многих народноценностных направлений в науке автор подчеркнул: «Филологи нашего времени, как медики или инженеры, служат народу, удовлетворяя его повседневные нужды и вековые запросы. Многие из них даже свою работу над памятниками давно минувших эпох смогли обратить в актуальную, острую волнующую борьбу за воскресение будущего» [Там же: 194]. Необыкновенно точно и значимо звучит «воскресение будущего». Исследователь обязан помнить и умело соотносить синхронию и диахронию, даже при работе над некоторыми ларнговскими картами.

Сказанное уже подтверждалось коллективными трудами под руководством ученого в ЛГУ (в Межкафедральном словарном кабинете, созданном Б. А. Лариным и официально в 1960 г. признанном особой структурной единицей университета) с привлечением специалистов из вузов других городов (например, из Пскова), желающих участвовать в коллективном решении научной проблемы: «Симптоматично и заметно расширение в филологии круга больших проблемных работ. Все шире распространяется убеждение, что коллективные научные труды скоро станут основным видом творчества ученых» [Ларин 2003: 714]. Речь шла и об уже начатых трудах:

лексикокартографических атласах (ДАРЯ), лексикографических словарях (ПОС). Тем более трагична история с началом ЛАРНГ, но это история со счастливым продолжением.

Получив компьютерную версию тома 2 ЛАРНГ, я не один раз просмотрела, прочитывая выборочно, все страницы, включая и официальную «Аннотацию», и интересное, полезное, подробное «Введение». Отметила в этом томе результаты известные и новые для меня. Для понимания нового соотносила номер и количество карт под этим же номером и указание имени автора. Так становилось мне все понятным. (Вынуждена пояснить: некоторые обстоятельства не позволяют мне, к большому сожалению, присутствовать на картографических семинарах).

Работа над вторым томом (специфика материала при выработке навыков для всех ступеней его использования; стремление к ускорению создания карт) и неиссякаемая творческая мысль, умение и желание не только заметить проблему, но и, осмыслив, проверить выводы, привели прежде всего Т. И. Вендину к новшествам, очень заметным.

С самого начала известны были и остались четыре типа карт: 1) Л — лексические («от значения к названию-лексеме»); 2) СМ — семантические («от названия-лексемы к значению»); 3) ЛСЛ — лексико-словообразовательные («от значения к названию-лексеме с разными аффиксами»); 4) СЛ — словообразовательные («разные словообразовательные средства при тождестве корня и средств деривации»).

При сплошном знакомстве с картами обращали на себя внимание уже известные по тому 1 интересные и разнообразные карты-дубли к «своему» заданному номеру, но для части лексем еще и по какому-нибудь неожиданному, дополнительному свойству.

И вдруг бросились в глаза у какого-то автора под одним и тем же номером и основная, и «дубль» карты, а далее тут же карта с незнакомым мне подзаголовком. Вчиталась: «мотивационная», в исполнении Т. И. Вендиной. Значит, надо

найти объяснение в теоретически-итоговом «Введении»: «5) мотивационные карты: этих карт в томе сравнительно немного, так как их составление не предполагалось первоначально «Программой» Атласа, они появились в процессе работы над картами <...>. Цель их — выявить различия в мотивационных признаках картографируемых номинаций одного и того же референта» [Вендина 2022: 7]. Такое творческое решение, безусловно, делает представление о содержательной стороне народной речи полнее. Пока эта разновидность карт разных авторов выполнена только Т. И. Вендиной, кроме единичного случая.

В ЛАРНГ 2017, по-моему, только у одного автора встретилась следующая разновидность карт, описанная во «Введении» так: «6) номинативные карты имеют своей целью эксплицировать различия в способах номинации реалии: 1. однословные номинации (способы их словообразования, характер деривационной базы и словообразовательных средств); 2. описательные синтаксические конструкции (частеречная принадлежность и характер синтаксических связей входящих в их состав имен), см., например, карты Л 14 ‘здоровый, высокий, прямой строевой лес’, Л 15 ‘больной, низкий, кривой нестроевой лес’» [Вендина 2017: 8]. Автор, помимо исходной карты «ЛСЛ 15 Большой, низкий кривой нестроевой лес», предложил еще и вид «номинативная карта» с разновидностями значений: ‘дериват’; ‘композит’; ‘описательная конструкция’; ‘композит и дериват’; ‘композит и описательная конструкция’; ‘дериват и описательная конструкция’.

Судя по тому, что и в томе 1 у других авторов не встречалась такая разновидность карты, тем более в томе 2 нет упоминания о такой возможности, это довольно трудное для восприятия новшество осталось пока экспериментом. В отличие от мотивационной карты, ставшей привычной в обоих томах, хотя и не ставшей частотной.

Из документов к томам 1 и 2 стало известно и имя того специалиста, который разработал специальную компьютер-

ную картографическую версию томов ЛАРНГ — доцент А. Е. Алтынов: по просьбе Т. И. Вендиной специалист разработал алгоритм картографической программы. А Татьяна Ивановна создала систему знаков. Фактически наш ЛАРНГ благодаря системе excel встретился и с «искусственным интеллектом» не без помощи человеческого.

Работа над третьей частью «Ландшафт» в структуре объединяющей темы «Природа» тоже оказалась значимой в познании «своего» в говорах в сравнении с «чужим». Завершая статью, хочется напомнить, как всегда, справедливые слова Б. А. Ларина из указанной статьи 1963 г.: «Коллективные творческие труды скоро станут основным видом творчества ученых» [Ларин 2003: 714].

Литература

Костючук Л. Я. Содружество гуманитарных дисциплин в помощь каждой из них // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2022 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 233–239.

Ларин Б. А. О филологии близкого будущего // *Ларин Б. А.* Филологическое наследие: Сборник статей. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 706–716.

Вендина Т. И. Введение // Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1. Растительный мир / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 7–11.

Вендина Т. И. Введение // Лексический атлас русских народных говоров. Т. 2. Животный мир / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 6–11.

Лихачев Д. С. О Борисе Александровиче Ларине // Б. А. Ларин. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М.: Просвещение, 1977. С. 5–10.

Попов И. А. Лексический атлас русских народных говоров (Проспект) / под ред. Ф. П. Филина. Л.: Наука, 1974. 45 с.

On the Publication of the Second LARFD Volume (‘Animal Kingdom’): The Harmony of Deeds and the Struggle for New Knowledge in the Field of Dialect Studies

Larisa YA. Kostyuchuk
Pskov State University
anh57@yandex.ru

Summary. The publication of the book ‘Animal Kingdom’, the 2nd volume of the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (henceforth LARFD), is a noteworthy event in Russian humanities. The idea of the multivolume LARFD belongs to I. A. Popov, who was a skilled dialectologist and a brilliant field researcher, well aware of the cutting edge issues in his research domain from the very pre-war period. In 1974 Popov published the prospect of LARFD. Despite the fact that the permission for starting the Atlas project was granted after a considerable amount of time, Popov skillfully built up a brilliant team of students and teachers. After I.A. Popov’s untimely decease his place was allotted to T.I. Vendina. Being a practiced, well-bred and tolerant editor, she became our common beloved supervisor. We believe it was a good decision to entrust singular specialists with the task of final proofreading the maps before sending the materials to the printing office. The 2nd volume features five map types, the fifth one lacking letter abbreviation and being called “motivational map”. This idea proposed by T.I. Vendina is as felicitous as the idea of the so called “doubling map”.

Key words: collective research activities, linguistic mapping, traditions and innovations, initial map types, new map types

References

Kostyuchuk L. YA. Sodruzhestvo gumanitarnykh disciplin v pomoshch’ kazhdoj iz nih [Community of humanitarian subjects contribution to each of them] // Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya). 2022 / otv. red. S. A. Myznikov. SPb.: ILI RAN, 2022. Pp 233–239.

Larin B. A. O filologii blizkogo budushchego [On the philologi-

cal studies of the nearest future]// Larin B. A. Filologicheskie nauki: Nauchnye doklady vysshej shkoly. 1963. № 1. Pp. 189–196. Filologicheskoe nasledie: Sbornik statej. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003. Pp. 706–716.

Vendina T. I. Vvedenie [Introduction] // Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (LARNG). T. 1. Rastitel’nyj mir / otv. red. T. I. Vendina. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. 728 pp. Pp. 7–11.

Vendina T. I. Vvedenie [Introduction] // Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (LARNG). T. 2. Zhivotnyj mir / otv. red. T. I. Vendina. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2022. 768 pp. Pp. 6–11.

Lihachev D. S. O Borise Aleksandroviche Larine [Boris Aleksandrovich Larin] // B. A. Larin. Istoriya russkogo yazyka i obshche yazykoznanie (Izbrannye raboty) [History of Russian language and General Linguistics]. M.: Prosveshchenie, 1977. Pp. 5–10.

Popov I. A. Leksicheskij atlas russkikh narodnykh govorov (Prospekt) / pod red. F. P. Filina. L.: Nauka, 1974. 45 s.

Из библейского именослова в народной речи (*Адам* и *Илья*)^{1*}

Валерий Михайлович Мокиенко

Санкт-Петербургский

государственный университет

mokienko40@mail.ru

В статье предлагается анализ русской паремиологии с компонентами — библейскими именами *Адам* и *Илья*. Имея общий сакральный источник, эти имена развивают в живой народной речи совершенно различные коннотации, запечатленные в пословицах и поговорках и имеющие определенную региональную специфику. Исходная семантика имени *Адам* — «первичность», «приоритетность» — сохранилась в характеристике глубокой старины, древности происходящих событий, а также — в представлениях об *Адаме* как «прачеловеке» огромного роста и здоровом или ком-л., живущем беззаботно и счастливо. Второе же библейское имя — *Илья*, в отличие от имени *Адам*, коннотативно развивалось в ином направлении. Его исходный сакральный смысл, заложенный в представлении о ветхозаветном Илье-пророке, претерпел трансформации в связи с русским народным двоеверием. Это имя стало, с одной стороны, важным ориентиром народного календаря, его переломного, «жатвенного» периода, с другой — характеристикой авторитетного или властного, рассерженного человека. Региональная паремиология, отразившая описанные коннотации, может, как кажется, стать объектом характеристики в «Лексическом атласе русских народных говоров».

Ключевые слова: библеизмы, паремиология, пословицы и поговорки, паремия, имена Адам и Илья в составе паремий.

* Исследование выполняется за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00252, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете) в рамках проекта «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов)».

Всероссийские диалектологические совещания «Лексический атлас русских народных говоров», проходящие уже 37 лет, давно стали смотром достижений отечественной диалектологии и диалектографии. Достижений по исследованию самой разной тематики, запечатленной русской региональной лексикой. Масштабность этой лексики весьма широка, а тематический ее набор достаточно многообразен. Он включает не только «классические» диалектизмы, но и лексемы из литературных источников, обретшие в живой народной речи особый семантический и коннотативный колорит. Подобные изменения, например, приобрела церковная и обрядовая лексика в говоре казаков-некрасовцев [Желябова 2013].

К такого рода лексике относятся и слова и выражения, источником которых является Библия. При всей сакральности этого источника мифологемы, нашедшие словесное обозначение в переводах Книги книг, в живой речи по-своему актуализируются и регионализируются, тем самым становясь объектом описания в «Лексическом атласе русских народных говоров».

Покажем это на примере фразеологической и паремиологической судьбы двух знаковых библейских имен — *Адама* и *Ильи*. Окунувшись в «плавильный котел» широкого диалектного пространства, они в целом сохранили свой глубинный сакральный смысл, но при этом развили и особые ассоциативные переосмысления, воплощенные в пословицы и поговорки.

Имя *Адам* в современном русском именослове характеризуется низкой частотностью в отличие от его известности в германских и романских языках. Это косвенно подтверждается и старой шуточной пословицей, зафиксированной В. И. Далем: *Немец Иван Иванович, Адам Адамыч*. ДП 1: 271.¹² Не случайно это имя отсутствует в известном словаре русских личных имен Н. А. Петровского (Петровский 1966),

2 В целях экономии места точные данные об источниках (в сокращении) читатель найдёт в нашем «Большом словаре русских пословиц» (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010).

хотя не исключено, что на это повлияла атеистическая идеология советского времени. Редкость, а тем самым в какой-то мере исключительность имени **Адам** в современном ономастике русского и других славянских языков, парадоксально противоречат его семантической, словообразовательной и фразеобразовательной активности. Нет языка, где это имя не обросло бы разнообразными вариантами и коннотациями, истоки которых — в Библии, а устье — в необозримом океане живой народной речи.

Причиной этого многообразия является и многократное употребление этого имени в самой Книге книг, и его собственно теологические толкования, и многочисленные метафорические переосмысления в литературных произведениях и фольклоре. Уже само первичное, этимологическое значение имени **Адам** дает возможность достаточно широкой теологической и образной его интерпретации. Др.-евр. *'adam* по одним толкованиям — ‘человек’, по другим — ‘созданный из земли («персти земной»), землянин’ (ср. арабск. *Adám* в тех же значениях). Авторитетность и общеизвестность этих толкований закреплена Ветхим Заветом, где **Адам** — первый человек на земле, обитатель рая и отец всего рода человеческого — «генетически» связывается с др.-евр. *adamah* ‘земля, прах’ (ср. лат. *homo* ‘человек’ и *humus* ‘земля’): «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал» (Быт. 2:7–8). Такое представление об **Адаме** сохраняется тремя мировыми религиями — иудаизмом, христианством и мусульманством, поэтому это имя известно всем соответствующим народам. При этом, естественно, в каждой из этих религий есть и некоторые его модификации. Так, по мусульманским верованиям, **Адам** — не только первый человек, но и первый Божий глашатай, а сотворение **Адама** в Коране описывается более детально. Аллах здесь поступает как опытный ваятель-гончар: «Он взял всякой краски, которые были в глине, по горсти, смешал их в разных водах

и вылепил человеческое подобие». После этого изваяние было сорок дней выставлено на солнце, чтобы приобрести подлинно человеческую кондицию.

Как видим, древнейшим семантическим акцентом имени **Адам** является его «первичность», «приоритетность». Эту сему оно пронесло через века и закрепило в различных коннотативных употреблениях во многих литературных языках христианского мира. Таковы фразеологизмы рус. *от Адама*, бел. *ад Адама* ‘с глубокой древности, с очень давних пор, издревле’, *начинать с Адама* ‘вести изложение с самого начала, с основополагающих положений или фактов (обычно — о подробном рассказе, объяснении неясного события, сложной истории, начинающихся с излишне затянутого предисловия)’; укр. *починати від Адама*; польск. *od [czasŹw] Adama i Ewy; od Adama i Ewy zaczynać*; чеш. *začínat od Adama*; словацк. *začínat’ of Adama*; в.-луж. *wot Hadama*; словен. *od Adama naprej*; х.-с. *od Adama i Eve*; нем. *bei Adam und Eva anfangen*; фр. *remonter à Adam et Eve* и др. Немало можно найти в этих языках и вариантов, некоторые из которых уже маркированы национальной спецификой — как собственно языковой, так и экстралингвистической. Ср. болг. *от [времето на] Адам [и Ева], по времето на Адам и Ева, в адамово време* ‘в очень давние времена, в глубокой древности, очень давно’, *от [времето на] Адам [и Ева], от дядо Адама, от [дядо] адамово време* ‘с незапамятных времен, с древности’. Таким литературным фразеологизмам была посвящена специальная статья [Мокиенко 1998].

Подобные выражения, запечатленные литературной традицией, убедительно свидетельствуют как об их древности, так и о стойкой освоенности в разных языках. Русский же диалектный материал здесь особо показателен. Таковы, напр., колымск. *при Адамцине, при Адамовых веках* ‘очень давно, в незапамятные времена’ (Богораз 1901: 20) — ср. диал. *Адамцина* — ‘глубокая старина’. СРНГ 1, 206. Некоторые из таких вариантов с особой экспрессивной остротой подчер-

квивают исходную семантическую доминанту фразеологии с ономастическим компонентом *Адам*.

Видимо, с древностью, к которой восходит генеалогия *Адама*, связан и оборот *Адамова голова*, известный в значении ‘изображение черепа с двумя накрест лежащими под ним костями (символическое обозначение смерти, яда и т. п.)’, имеющий и терминологические значения ‘крупная ночная бабочка сем. бражников; мёртвая голова’, ‘тропическое растение сем. пасленовых, мясистые корни которого несколько напоминают фигуру человека’ (БАС-2 1: 88). Не случайно это словосочетание в народной речи прямо связывается с *Адамом*: костром. *Адамова голова* ‘о человеке с большой головой’. Ср. и употребление прил. *Адамов* в названиях различных растений (*Адамова борода*, *Адамова голова*, *Адамова головка*, *Адамова кость*. СРНГ 1, 205–206 или других народных наименованиях типа астрах. *Адамова овца* ‘верблюду’; астрахан. *Адамова пола* ‘парус’; диал. *Адамова вилка* ‘пальцы’; диал. *Адамова ложка* ‘горсть’ СРНГ 1, 206 и др.

Представление об *Адаме* как «прачеловеке», а следовательно, — огромного роста и здоровом, отражены в таких русских народных выражениях, как самар. *Адам-Адамом* ‘о человеке огромного роста’ (моск. «Здоровая барыня — просто — *Адам-Адамом*; у неё лапища, кажется, она убьёт человека сразу» 1901, Чернышев — СРНГ 1, 205; СГП 1969, 32; Отин 2004, 32; симб., тамб. *Администра* ‘об огромного роста человеке’ (1858, 1908); владимир. ‘о большой прожорливой лошади’ (1912 — СРНГ 1: 205); сарат., тамб. *Администра* ‘о человеке огромного роста’. СРНГ 1: 205. Несколько алогичным на этом фоне и, видимо, индивидуальным следствием забвения библейского текста является ленинград. *Адамом сидеть (лежать* и т. п.) ‘быть больным’ (Обнорский, 1928 — СРНГ 1: 205).

Диалектная и просторечная фразеология с компонентом *Адам*, как видим, может строиться на весьма оригинальных, не схожих с литературными коннотациями этого имени

представлениях. Ср. также помор. шутил. *детей у кого как у Адама* ‘о множестве детей у кого-л.’ [Меркурьев 1997: 69] или брян. устар. *Адамовы слёзы* ‘водка’ [Тиханов 1904: 3], ассоциативно перекликающемся с англ. *Adams ale (wine)* ‘вода’.

Но немало и таких диалектных фразеологизмов, которые являются лишь формальными вариантами литературных оборотов интернационального происхождения. Таково, например, псковское выражение *с-под Адама* (ПОС 1: 51), представляющее собой вариант устаревшего иронического фразеологизма *от (с) Адама* ‘с древности, издавна’ (БТСРЯ: 29; ФСРЯ: 29; СРФ: 19). Ср. книжн. устар. *с Адама и Евы* ‘то же’ (БТСРЯ: 29; ФСРЛЯ 1: 13).

Ещё труднее охватить всё многообразие фольклорных и народно-речевых осмыслений имени *Адам*, которые несут отпечаток как традиционно библейских, так и «апокрифических» его истолкований. Таковы, например, его осмысления в составе русских пословиц (Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 45–46):

Аврам гулял по горам а Адам крылся по норам. Сим. 73; *Ад сотворен, и Адам водружен*. Барс. 1770, 3; Снег. 1848, 2; *Адам грех сотворил — рай затворил*. ДП 1, 162; *Адам да Аврам женами славны един смехом а другой грехом*. Сим. 1899, 73; *Адам да Авраам женами славны: едина смехом, а другая грехом*. Снег. 1848, 2; *Адам Еву послушал, да яблочко скушал*. Снег. 1848, 2; *Адам Евы послушал, да яблоко скушал*. Барс. 1770, 3; *Адам женою, а жена змиею, а оба вон из рая*. Левичкин 2020, 0007; *Адам заключи древом, а Ева выстонала чревом*. ДП 1, 275; *Адам зло сотворил и рай затворил*. Сим., 73; *Адам зло сотворил, рай затворил*. Снег. 1848, 2; *Адам плотию наделил, Ева грехом*. Д 3, 129; ДП 1, 162; *Адам прельстился что з горы скотился*. Сим., 77; *Адам прельщен женою, а жена Змеею*. ДП 1, 135; *Адам прельщен женою, а жена змеею, а оба вон из рая*. Снег. 1848, 2; *Адам прельщен женою, жена змеею,*

и оба из рая изгналися. Барс. 1770, 3; *Адам привычен к бедам.* Снег. 1848, 2; *Адам привычон к бедам.* Сим., 75; *Адам согрешил, а мы воздыхаем.* ДП 1, 162; *Адам сотворен и рай отворен.* НРП, 4291; Сим., 73; *Ай Ай Адам грех сотворил.* РС Петр., 77; *Женою Адам из рая изгнан.* Сим., 104; *Женою и Адам из рая изгнан.* Снег. 1848, 119; *И ты адам, и я адам; все мы адамы.* Д 1, 5; *Не родился, а умер? (Адам или Ева).* Д 3, 9; *Умре Адам, быть там и нам.* Снег. 1848, 417; Сим., 146, 431; *Хозяин в дому, что Адам (Авраам) в раю.* Снег. 1848, 431; *Бог создал Адама, а черт — молдавана.* ДП 1, 272; *Ева Адама прельстила, весь род потопила (или: погубила).* ДП 1, 162; *У Адама (Адаму) не было выбора в жене.* Сок., 129, 344; *Адаме, Адаме, ты согрешил наши сердца сокрушил.* РС Петр., 77; *Адаму капают яму а мы не хотим а туды же глядим.* Сим., 75; *Адаму копают яму, а мы не хотим, да туда же глядим.* Снег. 1848, 2; *Ева Адаму идти кажет в яму.* Снег. 1848, 111; *Адамов грех излил на всех.* Снег. 1848, 2; *Адамовы лета и начала света.* РС Петр., 77; Барс. 1770, 3; ДП 1, 279; Снег. 1848, 2; *Все Адамовы детки.* Д 1, 438; ДП 1, 162; *Все Адамовы детки, все на грех падки.* ДП 1, 135.

За этими пословицами — и длительная книжная культура, и мудрое самостоятельное осмысление библейского текста, и творческая, иногда — и «апокрифическая», шутливо-ироническая переработка мифа об Адаме и Еве. При этом, сколь бы загадочным ни казался тот или иной паремиологический вариант на «Адамову тему», разгадать его помогает структурно-семантическая модель, выстроенная диалектной речью. Так, шутливая компаративная пословица из песни колядовщиков, записанная в Якутии [*Наш*] *хозяин в дому — [как] Адам во яру* и характеризующая спокойную, благополучную и обеспеченную жизнь настоящего хозяина у себя дома (СРСГЯ 1: 15), становится понятной на фоне ее варианта *Хозяин в дому — [как] Адам в раю*,

известного в пермских и печорских говорах. СРГНП 1, 519; СРНГ 5, 121. Ср. также устойчивое сравнение *жить как библейский Адам в раю* 'о беззаботной, обеспеченной, счастливой жизни холостяка, одинокого мужчины'. Зимин, Спириин 1996, 303, прямо апеллирующее к известному сюжету из Книги книг.

Второе интересующее нас библейское имя — *Илья*, в отличие от Адама, давно попало в официальный список русских личных имен. О его частотности и полной адаптации в нашей языковой среде свидетельствуют производные: *Ильюха, Ильюша, Иля, Иляха, Илюха, Илюша, Илюся, Люся, Илюна, Люня, Люля...* (Петровский 1966: 121). Все они восходят к др.-евр. имени 'Elijah [Элийя, Элийяху] — «Яхве — мой Бог»). В Ветхом Завете это, прежде всего, имя пророка Фесвитянина, т. е. родом из Фесвы в Галааде (3 Цар. 17:1). Илия и Моисей, пророк и законодатель, явились Иисусу при его преображении (Мк. 9:4 и сл.). Этим именем в Библии также назывались вениамитянин, сын Иерихама, живший в Иерусалиме (1 Пар. 8:27), священник из рода Харима, взявший себе иноплеменную жену (Ездр. 10:21) и израильтянин из рода Едама, расставшийся с иноплеменной женой (Ездр. 10:26) (БЭБ: 304–395).

Именно имя пророка Фесвитянина с сакральным этимологическим смыслом «Яхве — мой Бог» обрело в русском языковом сознании особую значимость, обрастая в народной речи многоплановыми коннотациями и порождая многообразные обряды и верования (СД 2: 405–407). Причина этого — в народном «двоеверии». «В русской православной традиции отчетливо прослеживается отождествление христианских святых с некоторыми языческими божеествами, — констатирует В. И. Коваль. — Например, святой Илья воспринимался простым народом как христианское “продолжение” языческого бога Перуна; роль и функции святого Георгия (Георгия-Победоносца) соотносились с культом языческого бога Ярилы; почитание святого Николая или святого Власия — с культом “народного” бога Велеса, святой Параскевы

(Параскевы-Пятницы) — с культом богини Мокоши» [Коваль 2021: 17]. Благодаря таким языческим реминисценциям имя **Илья** активно обогащало русский фольклор, нередко далеко отходя от исходного сакрального канонического смысла.

Об активности народного осмысления этого имени ярко свидетельствует недавно (в 2022 г.) вышедший 23 том «Архангельского областного словаря», в котором имя **Илья** и его производные (АОС 23: 350–360) получили скрупулезную лексикографическую разработку (составители А. Б. Коконова, О. Г. Гецова). В словарной статье **Илья** (Там же: 357–358) обильно и с яркими контекстными иллюстрациями представлены многие паремии — например, в приметах об окончании белых ночей: *Пётр и Павел час убавил, а Илья пророк два уволок; Пётр и Павел час убавил, а Илья пророк два часа светлого уволок; Илья пророк фсе деньки уволок* и др. Некоторые из таких «приметных» пословиц образуют мощные структурно-семантические модели: *В Ильинов день белого коня в поле не видно.* АОС 23, 351. < Ильинов день. День памяти пророка Илии, отмечаемый 2 августа (20 июля); *В Ильинов день серого коня за огородой не видно.* АОС 23, 351; *Об Илина да сива коня из-за огорода не видать.* АОС 23, 350; *В Ильинску ночь сива коня не за кажным кустом соньце опеке.* АОС 23, 353. < Ильинска ночь — ночь после праздника Пророка Илии; *Ильинь пошел — сива коня под кустом не видно.* АОС 23, 355; *Ильинь-день бывает — сивого коня не видать.* АОС 23, 355; *После Ильи-дни сивого коня не видать за огородой.* АОС 23, 358; Ср.: *В Ильин день серого коня из-за огорода не видать.* Помор. Мерк. 1997, 14; *В Ильин день сивого коня из-за куста не видать.* Помор. Мерк. 1997, 14; *В Ильинов день белого коня в поле не видно; В Ильинов день серого коня за огородой не видно; В Ильинов день белого коня в поле не видно.* АОС 23, 351; *Об Илина да сива коня из-за огорода не видать.* АОС 23, 350; *Ильинь пошел — сива коня под кустом не видно;*

Ильинь-день бывает — сивого коня не видать. АОС 23, 355; *После Ильи-дни сивого коня не видать за огородой.* АОС 23, 358. Ср. также *В Ильинску ночь сива коня не за кажным кустом соньце опеке.* АОС 23, 353, где *Ильинска ночь* — ночь после праздника Пророка Илии.

Особенно популярно в народной речи представление об Илье как громовержце, разъезжающем в небесной колеснице и управляющего дождевыми хранилищами:

До Ильи дождь в закром; после Ильи из закрома. Д 2, 41; *До Ильи поп дождя не умолит; после Ильи баба фартуком нагонит.* Д 2, 41; *Вознесенье с дождем, Илья с грозой.* Д 2, 41; *Илья великий.* Нижнегор., Пенз. Гром. СРНГ 12, 187; *Илья подвезжает.* Кар. О надвигающейся грозе. СРГК 5, 14; *Илья-пророк на печи промок.* Урал. (Яицк.) Мал. 2002, 3, 182.

Будучи, по народной традиции, повелителем грома и дождя, от которого зависит плодородие и урожай, св. Илья логично вписался и в соответствующий период народного календаря. Естественно, что День памяти Ильи-пророка приходится на самый разгар лета — 20 июля, т. е., по ст. стилю, на 2 августа. Кор. 2000, 1, 92. Отсюда — масса пословиц и поговорок на «календарную» тему. Типична, например, уже приводимая архангельская пословичная констатация, записанная и в диалектной речи псковичей и уральцев, что с 12 июля (т. е. когда отмечают дни св. Петра и Павла) по 2 августа (т. е. когда отмечают день св. Ильи) дни идут на убыль, а после св. Ильи приближается осень:

Павел час убавил, а Илья-пророк и два уволок. Кар. СРГК 4, 573; 5, 200; *Пётр и Павел час убавил, [а] Илья-пророк [на] два уволок.* Пск. (Пытал.), Урал. Кор. 2000, 1, 92; Бир. 1960, 24; *Илья-пророк два часа уволок к ночи, а Пётр и Павел денёк убавил.* Орл. СОГ 10, 26; *Пётр и Павел час ночи прибавил, а Илья-пророк два часа уволок; Пётр и Павел час ночи прибавил, а Илья-пророк два часа дня уволок.* Р. Урал (1976), Твер. СРНГ 46, 183; ТПП 1993, 13; *Первый Спас час припас,*

Петр и Павел два прибавил, а Илья-пророк три приволок. Д 2, 41; *Пётр и Павел полдня прибавил, а Илья-пророк и совсем уволок.* Пск. ПОС 26, 88; *Пётр да Павел день убавил, а Илья-пророк два уволок.* Кубан. ППЗК 2000, 69; *Пётр да Павел день уплавил, а Илья-пророк дак и совсем уволок.* Ленингр. (2005). СРНГ 47, 258. < *День уплавить* — о сокращении продолжительности дня; *Пётра-Павел день убавил, а Илья-пророк час уволок.* Пск. ПОС 26, 88; *Пётр-Павел дня убавил, а Илья-пророк и упряжку уволок.* Селигер. Селигер 2017, 7, 364; *Илья-пророк дыру прожжёт, а Петр и Павел ещё поприбавил.* Помор. Мерк. 1997, 16. < Сказано шутливо о прожжённой дыре на одежде. Мерк. 1997, 133; *Петру и Павлу день уноси, а Илья пророк ночь приносит.* Пск. ПОС 26, 88.

Некоторые пословицы прямо характеризуют день св. Ильи как рубеж, разделяющий лето и осень: *На Илью до обеда лето, после обеда осень.* Д 2, 41. Ср. также: *Илья бараний рог.* Народн. О дне Св. Ильи (2 августа). ДП, 889.

Отсюда — календарные предупреждения о первых холодах, граде и даже появлении льда:

Пётр с колоском, Илья с холодком. Сергеева 2016, 177; *Илья опускает в речку камешек холодный.* Пск. (Пытал.) Кор. 2000, 1, 92. < Примета; *Илья даёт гнилья.* Пск. (Пытал.) Кор. 2000, 1, 92; *Илья принесёт гнилья.* Селигер. Селигер 2004, 2, 180. < О непогоде после Ильина дня; *Придёт Илья, принесёт гнилья.* Д 2, 41; *Твер. ТПП 1993, 17; Илья-пророк выбивает градом хлеб у тех, кто обмеряет.* ДП 2, 31; *В Илью Господь ильдинку бросает — холодно.* Пск. (Латгал.). Примета. Королёва 2017, 229; *После Ильи Бог в воду кидает пуд льда.* Пск. (Кун.) СПП 2001, 131. < *Илья* — день св. Ильи (Ильин день) — 2 августа. СПП 2001, 131; *На Илью Бог в воду лядунку пуцает.* Ряз. (Мещ.) Сл. Мещ. 1, 205. < *Лядунка* — льдинка; *Илья-пророк лединку (ледышинку) пускает (пускат).* Урал. (Яицк.) Мал. 2002, 2, 352. < На

Ильин день (02.08) начинается похолодание и нельзя купаться.

Если до Ильинок можно было ходить, не думая о холодах, ходить легко одетым (ср.: *До Ильи хоть хлыстом захлеши.* Д 2, 41; *До Ильи хоть одним зубом подери.* Д 2, 41), то после них, при таких погодных изменениях, необходимо одеваться потеплее:

До Ильи — хоть разденься, после Ильи — в шабур оденься. Д 4, 29. День св. Ильи также являлся ориентиром полевых работ, особенно — окончания жатвы:

Илья-пророк копны считает. Д 2, 41; *Пророк Илья лето кончает, жито зажинает.* Сергеева 2016, 177; *Не скоро Илья — дожну и я.* Брян. СБГ 5, 26. < *Дождать* — окончить жатву, дожать до конца; *Не сегодня Илья — справлюсь и я.* Пск. (Кр.) СПП 2001, 131; *Дней-то не решето, и не сегодня Илья, справлюсь и я.* Пск. СПП 2001, 129; *Как Илья, так и я.* Сок., 186; *Троица с листом, а Илья с просвирой (на сенокос просвирки).* Сев. Примета. СГРС 7, 298; *Придёт Илья — пройдёт моя гулья, пройдёт Спас — не увидишь моих глаз.* Помор. Мерк. 1997, 127; *Пройдёт Илья — пройдёт моя гулья, пройдёт Спас — не увидишь моих глаз.* Помор. Мерк. 1997, 26.

Пора завершения жатвы именно в это время отражена в метафорических терминах, особенно — в сочетании *завивать/завить (завязывать/завязать) Илье бороду*, известном в разных вариантах:

Завивать/завить бороду. 1. *Арх.* (1858), *Сиб.*, *Яросл.* Старинный обычай окончания жатвы, когда оставляют несжатый небольшой участок, завязывая колосья узлом, делая последний сноп урожая. СРНГ 3, 109; АОС 15, 347–348, 369; СФС, 74; ЯОС 4, 58. 2. *Арх.* Праздновать окончание сбора урожая или одного из этапов сельскохозяйственных работ. АОС 15, 348, 369. 3. *Арх.*, *Сиб.* Заканчивать полевые работы. СРНГ 3, 109; СФС, 74; *Вить бороду.* *Арх.* То же. АОС 15, 347; *Завевать бороду.* *Арх.* То же. АОС 15, 347; *Завивать/завить бороду Иисусу (Илье, Христу).* *Курск.*,

Яросл. То же, что **завивать бороду 1**. БотСан., 97; ЯОС, 58; **Завязать бороду Илье**. *Ворон., Курск.* То же, что **завивать бороду 1**. ДП, 888; БотСан., 83; **Заплетать/заплести бороду Илье**. 1. *Арх.* (1896), *Волог., Костром., Новг., Сев.-Двин.* (1928), *Твер.* 1. То же, что **завивать бороду 1**. СРНГ 3, 109–110. 2. То же, что **завивать бороду 2**. СРГБ 1, 145; **Завивать/завить [Ильину] бородку**. *Вят.* (1882), *Ср. Урал.* То же, что **завивать бороду 1**. СРНГ 3, 111; СРГСУ 1, 166; ОСВГ 1, 102; 1–2, 93; **Оставить на бородку (на бороду) Илье (Иисусу, Христу, Николе)**. *Башк., Вят., Казан., Кар., (Ленингр.), Костром., Пск., Яросл.* То же, что **завивать бороду 1**. СРНГ 3, 111; СРГБ 1, 164; СРГК 4, 253; ЯОС 7, 58; ОСВГ 4, 232.

При многообразии вариантов (СД 1: 232) **завивание бороды Илье** означало единый магический прием: последний не сжатый кружок колосьев загибался к земле, завивался по кругу и иногда присыпался землей, чтобы вернуть земле потраченную силу. Этот ритуал совершался с целью способствовать (положить начало) урожаю будущего года (СД 2: 232). Сам же обряд осмыслялся как жертва Богу, святому — покровителю урожая, Христу и под. Отсюда — разные его наименования в славянских языках, в том числе русском: **Божья борода (бородка), Илье-пророку борода, Илье борода, Илье на бороду, Ильюшкина борода, Николе на бородку, Христу на бородку, борода Флорам-Лаврам, Волосу борода, Спасова борода, Спасу на бороду** и т. п. (СД 2: 233).

С представлением об Илье как боже-громовержце, видимо, связано его сравнение с сердитым, рассерженным человеком:

Сердит что Илье-пророк, а дерзок что Пётр-апостол. Ан. 1988, 283; **Сердит, что Илье, а дерзок, что Пётр**. *Пск.* Об очень сердитом человеке. ПС, 325; СППП 2001, 97.

В то же время в народных пословицах и поговорках Илье предстает как авторитетный человек, ведущий себя с достоинством и уважением к окружающим. Но при этом таково его

поведение лишь на людях, в гостях. В домашнем же кругу он ведет себя распушенно, как грозный и неукротимый самодур:

В гостях — Илье, а дома — свинья. ДП 2, 84; Мих. 1, 151; Рыбн. 1961, 79; **В гостях — Илье, а дома — свинья**. *Народн. Неодобр.* О человеке, ведущем себя достойно при людях, но недостойно в собственной семье. Рыбн. 1961, 79; **У людей Илье, а дома свинья**. *Смол.* (1914). *Неодобр.* О лицемерном человеке, притворщике. СРНГ 1, 253; **У людей Илье, а дома свинья**. *Смол.* (1914) СРНГ I, 253; ССГ 1, 75; Ср. **В людях Илье, [а] дома — свинья**. *Тат.* нач. XVIII в., 48; *Петр. галер.* нач. XVIII в., 25; ДП 2, 239; СР 1, 216; *Соб.* 1956, 55; *Раз.* 1957, 71; Ан. 1988, 36; ППЗК 2000, 18; *Сок.*, 403.

Правда, в силу народной диалектики, поведение Илье может оказаться и диаметрально противоположным, и тогда он выступает как домашний праведник, а общественный самодур:

Дома — Илье, а в людях — свинья. Д 2, 284; *Твер.* ТПП 1993, 40.

В любом случае в народном сознании такое поведение порицается как лицемерное.

Как видим, имена **Адам** и **Илье**, имея общий сакральный источник, развивают в живой народной речи совершенно различные коннотации, запечатленные в пословицах и поговорках и имеющие определенную региональную специфику. Исходная семантика имени **Адам** — «первичность», «приоритетность» — сохранилась в характеристике глубокой старины, древности происходящих событий, а также — в представлениях об **Адаме** как «прачеловеке» огромного роста и здоровом или ком-л., живущем беззаботно и счастливо. Второе же библейское имя — **Илье**, в отличие от имени **Адам**, коннотативно развивалось в ином направлении. Его исходный сакральный смысл, заложенный в представлении о ветхозаветном Илье-пророке, претерпел трансформации в связи с русским народным двоеверием. Это имя стало, с одной стороны, важным ориентиром народного календаря,

его переломного, «жатвенного» периода, с другой — характеристикой авторитетного или властного, рассерженного человека. Региональная паремиялогия, отразившая описанные коннотации, может, как кажется, стать объектом характеристики в «Лексическом атласе русских народных говоров».

Литература

Желябова И. В. Лингвокультурологические особенности церковной и обрядовой лексики в говоре казаков-некрасовцев // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 193–202.

Коваль В. И. Язычество в языке и тексте. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2021. 285 с.

Меркурьев И. С. Пословицы и поговорки Поморья. СПб.: ЛГОУ, 1997. 154 с.

Мокиенко В. М. Адам в славянских языках // Число — язык — текст. Сб. статей к 70-летию Адама Евгеньевича Супруна / ред. А. А. Киклевич. Минск: Белгосуниверситет, 1998. С. 14–28.

Тиханов П. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук. Т. 76. № 4. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1904. IV, 263 с.

Some Fragments of the Biblical Nomenclature in Folk Speech (*Adam* and *Elijah*)

Valery M. Mokienko
Saint Petersburg University
mokienko40@mail.ru

The article proposes an analysis of Russian proverbs and sayings with the biblical names *Adam* and *Ilya* (*Elijah*) as their components. Having a common sacred source, these names develop completely different connotations in live folk speech, embodied in proverbs and sayings and having a certain regional specificity. The original semantics of the name *Adam* — «primarity», «priority» — has been preserved in the characterization of ancient times, the antiquity of the events taking place, and also in the ideas about *Adam* as a «great man» of enormous growth

and healthy or someone living carefree and happy. The second biblical name — *Ilya*, in contrast to the name *Adam*, connotatively developed in a different direction. Its original sacred meaning, embedded in the idea of the Old Testament prophet *Elijah*, has undergone transformations in connection with the Russian folk dual faith. This name has become, on the one hand, an important landmark of the folk calendar, its turning point, «harvest» period, on the other hand, a characteristic of an authoritative or imperious, angry person. Regional paremiology, reflecting the described connotations, can, as it seems, become an object of characterization in the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects.

Key words: biblical idioms, paremiology, proverbs and sayings, proverbs, names Adam and Elijah as part of proverbs.

References

Koval' V. I. YAzychestvo v yazyke i tekste [Paganism in language and text]. Gomel': GGU im. F. Skoriny, 2021. 285 p.

Merkur'yev I. S. Poslovitsy i pogovorki Pomor'ya [Proverbs and sayings of Pomorie]. SPb.: LGOU, 1997. 154 p.

Mokiyenko V. M. Adam v slavyanskikh yazykakh [Adam in Slavic languages] // Chislo — yazyk — tekst. Sb. statey k 70-letiyu Adama Yevgen'yevichaSupruna / red. A. A. Kiklevich. Minsk: Belgosuniversitet, 1998. Pp. 14–28.

Tikhanov P. Bryanskiy govor. Zаметki iz oblasti russkoy etnologii [Bryansk dialect. Notes from the field of Russian ethnology] // Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imp. Akad. nauk. T. 76. № 4. SPb.: tip. Imp. Akad. nauk, 1904. IV, 263 p.

Zhelyabova I. V. Lingvokul'turologicheskiye osobennosti tserkovnoy i obryadovoy leksiki v govore kazakov-nekrasovtsev [Linguistic and cultural features of church and ritual vocabulary in the dialect of the Nekrasov Cossacks] // Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2013 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2013. Pp. 193–202.

Названия мелкой рыбы в русских говорах

Часть 1

Сергей Алексеевич Мызников

Институт лингвистических
исследований РАН
myznikovs@rambler.ru

Мария Денисовна Королькова

Институт лингвистических
исследований РАН
skifane@gmail.com

В русских говорах присутствует значительное число (более 400 единиц) названий для обозначения мелкой рыбы. В настоящей статье рассматриваются наименования мелкой рыбы на основе мотивационного, морфемно-словообразовательного и этимологического анализа. Наиболее важные мотивации в зафиксированных лексических манифестациях основаны на репрезентации небольшого размера рыбы. Выделяются как единичные фиксации, так и весьма обширные данные, например, лексемы с корнем *мал-*, *мел-*, *мелк-*, *мол-*, *мул-*, а также заимствованные корни *майм-* и *меев-*. В ряде случаев в качестве мотивационной основы фигурирует цвет, также отмечены номинации, указывающие на время появления рыбы на свет (сего лета или сего года) и на тип ловушки, которой ловят рыбу мелких размеров. Выделены ареалы с фиксациями неисконной лексики тюркского происхождения. Проанализированные материалы представляют весьма сложную картину наименований мелкой рыбы и единиц, которые контекстуально могут быть с ними связаны.

Ключевые слова: диалектология, ЛАРНГ, мотивация, ихтиологическая лексика, названия рыб.

Ихтиологическая лексика русского языка представляет собой богатейший материал для анализа с лингвогеографической и с диахронической точек зрения.

Подробно особенности этой лексики на примере всей тематической и лексико-семантической группы, а также отдель-

ных единиц, их семантики и лингвогеографии рассмотрены у [Березовская 2006; Герд 1970а, 1970б, 1988; Горюнов 1976; Крапивина 2012; Кривицкий 1968; Куйдина 2012; Мызников 2018; Орестова 1972; Сабанеев 1982–1984; Соболев 2016; Халюков 2008; Шевченко 2019].

Составлено не единственное лексикографическое описание названий рыб на русском и славянском материале (Дуров 1929; Клыков 1968; Копылова 1984; Кузнецов 1915; Линдберг, Герд; Мызников 2003, 2021; Петроченко 1994; Пономарев 1996; РСП; СНРРА 2, ч. 1; Усачева 1973, 1975, 1976, 2003).

В рамках работы с материалами тома «Лексического атласа русских народных говоров. Животный мир» были проанализированы названия для ряда широко распространенных на территории России рыб. Такого рода вопросов было заявлено незначительное число, поскольку лексическая манифестация обычно связана с типами водоемов и довольно плохо дифференцируется по ареалам. Вопросы, посвященные наименованию рыб, включают названия для видов рыб — карпа (Л 380), налима (Л 381), окуня (Л 382), пескаря (Л 383), плотвы (Л 384), щуки (Л 385) и её детёныша (ЛСЛ 386), а также названия для рыбы, используемой в качестве приманки (Л 387) и для мелкой рыбы (Л 379).

Карта № 23 Л 379. Мелкая рыба уже была составлена в Пробном выпуске ЛАРНГ (ЛАРНГ 2004: 124–126) с показом ареалов на основе выделения корней исконного происхождения и ареалов с заимствованными основами. Во 2-м томе ЛАРНГ эта карта также представлена, однако разнообразный материал был только частично проанализирован в комментариях (ЛАРНГ 2022: 749–754).

Основным источником материала послужила КЛАРНГ и данные лексикографических источников (СРНГ и региональных диалектных словарей) и ПЛГО. В процессе работы над материалами по вопросу Л 379. Мелкая рыба (общее наименование) было выявлено более 400 таких названий. Большею частью они представляют собой разнородный материал.

В профессиональной рыбацкой среде наименования мел-

кой рыбы и мальков (рыбы, которая появилась из икры в течение или в начале года) традиционно могут относиться к определенному виду рыбы, например: — *Палью называли палья, палия, а у нас называлось пальгу поймал. Молоть корюшки называли сеголетка, то есь сево гóда — сеголетка. Мелкий окунь — шытик, шытики клюют. Некоторые ф Сяргозере, вот одйн рыба́к говорыл — ой, му́гачи надоели. От слова, пять километрoф на лы́жах проше́л, намучалса, одна́ мелочь берёт — му́гач.* Кондоп. (Горка) Карел. (ПЛГО). Причем выделяемая мотивационная основа может носить общий характер — наименование мелкой рыбы вообще, хотя контекстуально связывается с определенным видом рыбы: *сеголетка* (о мелкой корюшке); в контактных зонах нередки случаи репрезентации результатов заимствования: *му́гач* ‘мелкий окунь’, при возможности семантического сдвига — о мелкой рыбе вообще.

В настоящей статье рассматриваются наименования мелкой рыбы на основе мотивационного, морфемно-словообразовательного и этимологического анализа.

Наиболее важные мотивации основаны на репрезентации небольшого размера рыбы в зафиксированных лексических манифестациях. Выделяются как единичные фиксации: *меньшинá* в Печорском р-не Псковской обл. (п. 120¹), так и весьма обширные данные например, лексемы с корнем *мелк-*:

мёлка в Темкинском р-не Смоленской обл. (п. 428), *мелка́ш* в Буздякском р-не Р. Башкортостан, (п. 504), *мёлкая* в Шенкурском р-не Архангельской обл. (п. 22), *мелкопла́вка* в Приволжском р-не Ивановской обл. (п. 244), *мелкотá* в Даровском р-не Кировской обл., в Нытвенском р-не Пермской обл., в Даниловском, Большесельском р-нах Ярославской обл., в Макарьевском р-не Костромской обл., в Пыталов-

ском р-не Псковской обл., в Вичугском р-не Ивановской обл., в Александровском р-не Владимирской обл., в Наровчатском р-не Пензенской обл., в Клетнянском, Комаричском р-нах Брянской обл., в Ливенском р-не Орловской обл., в Мучкапском р-не Тамбовской обл., в Борисоглебском р-не Воронежской обл., в Еланском, Фроловском р-нах Волгоградской обл., в Шолоховском р-не Ростовской обл. (пп. 112, 160, 184, 190, 217, 237, 246, 337, 619, 631, 765, 770, 836, 872, 897, 943, 948), *мелкотня́* в Ковровском р-не Владимирской обл. (п. 344), *мелку́ша* в Подосиновском р-не Кировской обл., в Кирилловском р-не Вологодской обл. (пп. 48, 61), *мелку́шка* в Фировском р-не Тверской обл. (п. 227).

С корнем *мел-*:

мелёнок в Гдовском р-не Псковской обл. (п. 70), *мелза́* в Верхнетоемском р-не Архангельской обл. (п. 30), *мель* в Якшур-Бодьинском р-не Удмуртии (п. 260), *мельга́* в Воробьевском р-не Воронежской обл. (п. 919), *мельё* в Кольском, Терском р-нах Мурманской обл. (пп. 1, 2), *мельча́* в Фроловском р-не Волгоградской обл. (п. 943), *мельчи́на* в Бураевском р-не Р. Башкортостан (п. 368), *мельчи́ха* в Бураевском р-не Р. Башкортостан (п. 368), *мелно́к* в Осташковском р-не Тверской обл. (п. 226), *меля́дь* в Рыбинском р-не Ярославской обл. (п. 182).

Общепринятая номинация *мелочь*, фиксируемая повсеместно, репрезентирует значительное число словообразовательных вариантов: *мелочá* в Некрасовском р-не Ярославской обл., в Кинешемском, Заволжском, Тейковском, Родниковском р-нах Ивановской обл., в Ковровском р-не Владимирской обл., в Городецком р-не Нижегородской обл., в Медведевском р-не Р. Марий Эл, в Узловском р-не Тульской обл., в Горшеченском р-не Курской обл. (пп. 241, 247–248, 285, 290, 344, 351, 358, 604, 848), *мелочáга* в Дедовичском р-не Псковской обл. (п. 170), *мелочó* в Красноярском р-не Астраханской обл. (п. 995), *мелочóвка* в Междуреченском р-не с. Шуйское Вологодской обл., в Красногорском, Люберецком, Подольском р-нах Московской обл., в Кумылженском р-не

¹ Здесь и далее для материалов, вошедших в индекс карты по мелкой рыбе (Л 379), в скобках приводится нумерация районов по областям и другим крупным административным делениям в соответствии с сеткой обследования ЛАРНГ.

Волгоградской обл., в Боковском р-не Ростовской обл., в Ахтубинском р-не Астраханской обл. (пп. 82, 383, 385, 431, 942, 952, 979), *мелочѹга* в Сланцевском р-не Ленинградской обл. (п. 53), *мелочѹха* в Приволжском р-не Астраханской обл. (п. 997).

Фиксируются наименования с корнем *мол-*:

молёк в Великоустюгском р-не Вологодской обл., в Сланцевском р-не Ленинградской обл., в Первомайском, Некрасовском р-нах Ярославской обл., в Краснохолмском р-не Тверской обл., в Кесовогорском р-не Тверской обл., в Юрье-вцем, Пучежском р-нах Ивановской обл., в Лежневском р-не Ивановской обл., в Камешковском р-не Владимирской обл., в Южском р-не Ивановской обл., в Семеновском, Богородском, Воротынском, Воскресенском, Ардатовском р-нах Нижегородской обл., в Юринском р-не Р. Марий Эл, в Чеховском р-не Московской обл., в Руднянском р-не Смоленской обл., в Бакалинском, Архангельском р-нах Р. Башкортостан, в Инсарском р-не Р. Мордовии, в Ржаксинском р-не Тамбовской обл., в Дмитриевском, Кореневском р-нах Курской обл., в Среднеахтубинском р-не Волгоградской обл., в Наримановском р-не Астраханской обл. (пп. 38, 53, 135, 178, 232, 241, 249, 287, 293, 342, 345, 352, 354, 356, 393, 402, 432, 460, 476, 501, 509, 620, 800, 810, 867, 964, 994), *мблень* в Даровском, Слободском, Кирово-Чепецком, Фаленском р-нах Кировской обл. (пп. 112–113, 151, 153), *моль* в Каргопольском р-не Архангельской обл., в Харовском, Кич.-Городецком, Усть-Кубинском, Шекснинском, Вологодском, с. Биряково, Междуреченском р-нах Вологодской обл., в Солигаличском, Галичском, Чухломском, Костромском, Островском р-нах Костромской обл., в Даровском, Слободском, Кирово-Чепецком, Фаленском, Санчурском р-нах Кировской обл., в Вавожском р-не Р. Удмуртии, в Сычевском, Холм-Жирковском р-нах Смоленской обл., в Красногорском р-не Брянской обл., в Илекском р-не Оренбургской обл. (пп. 28, 62, 66–67, 79–80, 83, 105, 112–113, 138–139, 151, 153, 185, 188, 299, 308, 379, 424, 660, 861), *мблъка* в Усть-Цилемском р-не Р. Коми, в Мало-

вишерском р-не Новгородской обл., в Череповецком р-не Вологодской обл., в Даровском, Слободском, Кирово-Чепецком, Фаленском р-нах Кировской обл., в Ярском р-не Удмуртии, в Шахунском р-не Нижегородской обл., в Балтачевском, Бижбулякском р-нах Р. Башкортостан, в Волжском р-не Р. Марий Эл, в Рыбно-Слободском р-не Р. Татарстан, в Красносулинском р-не Ростовской обл. (пп. 7, 73, 78, 112–113, 151, 153–154, 192, 369, 411, 451, 657, 966), *молѹшка* в Даровском, Слободском, Кирово-Чепецком, Фаленском р-нах Кировской обл. (пп. 112–113, 151, 153), *молѹва* в Даровском, Слободском, Кирово-Чепецком, Фаленском р-нах Кировской обл. (пп. 112–113, 151, 153), *молѹвинка* в Великоустюгском р-не Вологодской обл., в Сланцевском р-не Ленинградской обл. (пп. 38, 53), *молѹвчá* в Рыбно-Слободском р-не Р. Татарстан (п. 451), *молѹпса* в Верхнетоемском р-не Архангельской обл. (п. 40), *молѹток* в Верхнетоемском р-не Архангельской обл. (п. 40), *молѹушки* в Пошехонском р-не Ярославской обл. (п. 134); *молёвина* в Кич.-Городецком р-не Вологодской обл. (п. 66), *молёвица* в Даровском, Слободском, Кирово-Чепецком, Фаленском р-нах Кировской обл. (пп. 112–113, 151, 153), *мблъва* в Вологодском р-не Вологодской обл., в Обоянском р-не Курской обл. (пп. 80, 879), *молѹвá* в Горшеченском, Обоянском р-нах Курской обл., в Мартыновском р-не Ростовской обл. (пп. 848, 879, 984), *молѹгвá* в Хиславичском р-не Смоленской обл., в Клетнянском р-не Брянской обл. (пп. 536, 631) *молѹга* ‘рыба голянь’ (СРНГ 18: 250).

С корнем *мал-*:

малёвка в Чердынском р-не Пермской обл., в Подосиновском, Опаринском, Верхошижемском, Свечинском р-нах Кировской обл., в Кирилловском р-не Вологодской обл., в Суксунском р-не Пермской обл., в Великолукском р-не Псковской обл., в Оршанском р-не Р. Марий Эл, в Караидельском, Дуванском, Дюртюлинском р-нах Р. Башкортостан, в Шиловском р-не Рязанской обл., в Шенталинском р-не Самарской обл., в Новозыбковском р-не Брянской обл., в Щигровском, Курчатовском, Льговском, Большесолдатском, Глушковском

р-нах Курской обл., в Городищенском, Чернышковском, Жирновском р-нах Волгоградской обл. (шп. 41, 48, 61, 68, 147, 196, 214, 270, 300, 370, 371, 416, 551, 565, 729, 828, 845, 845б, 866, 878, 898, 958, 962а), *малёзга* в Ленском р-не Архангельской обл. (п. 24), *малёк* повсеместно (СРНГ 17: 321 ‘разные виды мелких рыб’), *маленёк* в Осташковском, Андреапольском, Пеновском р-нах Тверской обл. (шп. 226, 273, 274), *малёнок* в Кингисеппском, Волосовском р-нах Ленинградской обл. (шп. 54, 55), *малёха* в Медвежьегорском р-не Р. Карелии, (п. 18), *малец* в Гдовском, Печорском р-нах Псковской обл., в Сосноборском р-не Пензенской обл. (шп. 70, 120, 683), *маліна* (п. 34), *малўшка* в Суксунском р-не Пермской обл. (п. 214), *маль* в Усольском р-не Пермской обл., в Мурашинском р-не Кировской обл. (шп. 69, 85), *малъва* в Рославльском р-не Смоленской обл. (п. 570) ‘мелкая рыба, рыбешки’ (СРНГ 17: 342), *малъва́* в Унечском р-не Брянской обл., в Кромском р-не Орловской обл., в Коньшовском, Обоянском, Беловском р-нах Курской обл., в Тихорецком р-не Краснодарского края (шп. 697, 734, 845а, 879, 891, 1012), *малъга́* в Бековском р-не Пензенской обл. (п. 745) ‘мелкая рыба, рыбешки’ (СРНГ 17: 342), *малъё* в Лодейнопольском, Подпорожском р-нах Ленинградской обл., в Кич.-Городецком р-не Вологодской обл. (шп. 32, 33, 66), *малъка́* в Невельском р-не Псковской обл., в Суздальском р-не Владимирской обл., в Аургазинском р-не Р. Башкортостан, в Суровикинском, Среднеахтубинском р-нах Волгоградской обл. (шп. 322, 341, 594, 962, 964), *малътя́вка* в Подосиновском, Опаринском, Свечинском, Верхошижемском р-нах Кировской обл., (шп. 48, 68, 147, 196), *малюшо́к* в Подосиновском, Опаринском, Верхошижемском р-нах Кировской обл., в Нелидовском р-не Тверской обл., в Первомайском р-не Нижегородской обл., в Сапожковском р-не Рязанской обл. (шп. 48, 68, 147, 196, 324, 529, 614), *маля́ва* в Великоустюгском, Тотемском, Бабушкинском, Кич.-Городецком, Усть-Кубинском, Бабаевском, Междуреченском р-не, с. Биряково, Никольском р-нах Вологодской обл., в Подосиновском, Опаринском, Свечинском, Верхошижемском

р-нах Кировской обл., в Тосненском р-не Ленинградской обл., в Гдовском р-не Псковской обл., в Ильинском, Чусовском, Лысьвенском р-нах Пермской обл., в Вохомском р-не Костромской обл. (шп. 38, 48, 56, 64, 65–68, 70, 76, 83–84, 90, 92, 110, 118, 147, 196), *маля́вина* в Харовском р-не Вологодской обл., в Павинском р-не Костромской обл. (шп. 62, 109), *маля́вка* в Троицко-Печерском р-не Р. Коми, в Няндомском р-не Архангельской обл., в Красновишерском, Кишертском, Чайковском р-нах Пермской обл., в Подосиновском, Мурашинском, Свечинском, Верхошижемском, Немском, Санчурском р-нах Кировской обл., в Тосненском р-не Ленинградской обл., в Харовском, Усть-Кубинском, с. Биряково, Междуреченском р-нах Вологодской обл., в Опаринском, Вохомском, Парфеньевском р-нах Костромской обл., в Пошехонском, Первомайском, Некрасовском, Переславском р-нах Ярославской обл., в Островском р-не Псковской обл., в Ачитском р-не Свердловской обл., в Фировском р-не Тверской обл., в Талдомском р-не Московской обл., в Гаврилово-Посадском, Тейковском, Ивановском р-нах Ивановской обл., в Ковровском, Вязьниковском р-нах Владимирской обл., в Дуванском р-не Р. Башкортостан, в Чебоксарском р-не Р. Чувашии, в Гусь-Хрустальном р-не Владимирской обл., в Рыбно-Слободском р-не Р. Татарстан, в Катав-Ивановском р-не Челябинской обл., в Сафоновском р-не Смоленской обл., в Кулебакском, Арзамасском, Вознесенском, Павловском р-нах Нижегородской обл., в Архангельском, Ермакеевском р-нах Р. Башкортостан, в Рязанском, Сосновском р-нах Рязанской обл., в Рославльском р-не Смоленской обл., в Покровском р-не Орловской обл., в Советском, Тимском, Медвенском р-нах Курской обл., в Кагальницком р-не Ростовской обл., в Мостовском, Ленинградском р-не Краснодарского края (шп. 20, 29, 42, 48, 56, 62, 67–68, 83, 85, 104, 110, 134–135, 139, 141, 147, 165, 168, 188, 196, 201, 215, 227, 241, 281, 282, 285, 286, 288, 299, 314, 344, 371, 392, 394, 405, 437, 451, 459, 463, 475, 478, 509, 527, 549, 552, 570, 590, 736, 830, 847, 868, 989, 1005, 1052), *маля́вочка* в Вохомском р-не Костромской обл. (п. 110), *ма-*

ляшка в Катав-Ивановском р-не Челябинской обл. (п. 459).

Отмечаются единицы с корнем **молод-**:

мблодь в Усть-Цилемском р-не Р. Коми, в Мезенском, Приморском и Пинежском р-нах Архангельской обл., в Маловишерском р-не Новгородской обл., в Афанасьевском, Оричевском р-нах Кировской обл., в Любимском р-не Ярославской обл., в Кезском р-не Удмуртии, в Черском р-не Тульской обл., в Сренеахтубинском р-не Волгоградской обл., в Веселовском р-не Ростовской обл. (пп. 4, 6–7, 12, 73, 89, 136, 150, 157, 670, 964, 982).

Отмечается некоторое число наименований с корнем **мул-**:

мул в Суксунском р-не Пермской обл. (п. 214), *мулёва* в Волосовском р-не Ленинградской обл. (п. 55), *мулёвка* в Добрянском р-не Пермской обл. (п. 91), *мулёк* в Сивинском р-не Пермской обл., в Шалинском, Нижнесергинском, Красноуфимском р-нах Свердловской обл. (пп. 116, 166, 216, 265), *мулёц* в Суксунском р-не Пермской обл. (п. 214), *мульва́* в зерноградском р-не Ростовской обл. (п. 990), *му́льга* в Чудовском р-не Новгородской обл. (п. 72), *мульё* в Соликамском р-не Пермской обл. (п. 52), *муля́* в Нижнесергинском р-не Свердловской обл., в Октябрьском р-не Пермской обл. (пп. 216, 264), *муля́ва* в Великоустюгском, Нюксенском, Кич.-Городецком, Череповецком р-нах Вологодской обл., в Тосненском р-не Ленинградской обл., в Добрянском, Кунгурском, Кишертском, Уинском р-нах Пермской обл., в Ачитском р-не Свердловской обл., в Андреапольском р-не Тверской обл. (пп. 38, 47, 56, 66, 78, 91, 163, 165, 212, 215, 273) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 18: 344), *муля́вка* в Тосненском р-не Ленинградской обл., в Кунгурском, Кишертском, Уинском р-нах Пермской обл., в Нижнесергинском, Артинском р-нах Свердловской обл., в Гусь-Хрустальном р-не Владимирской обл., в Егорлыкском р-не Ростовской обл. (пп. 56, 163, 165, 212, 216, 266, 437, 991), *муля́вник* в Суксунском р-не Пермской обл. (п. 214), *муля́вщина* в Нижнесергинском р-не Свердловской обл. (п. 216), *муля́ш* в Киришском р-не Ленинградской обл.,

в Суксунском р-не Пермской обл. (пп. 57, 214), *муля́шик* в Суксунском р-не Пермской обл. (п. 214), *муля́шка* в Кунгурском, Кишертском, Уинском, Суксунском р-нах Пермской обл., в Белебеевском р-не Р. Башкортостан (пп. 163, 165, 212, 214, 591).

Ожидаемо имеет повсеместно обширные фиксации вариант к общенародному слову *мелузга́* в Кольском р-не Мурманской обл., в Онежском, Ленском, Шенкурском р-нах Архангельской обл., в Медвежьегорском, Пудожском р-нах Р. Карелии, в Лодейнопольском, Кингисеппском р-нах Ленинградской обл., в Лузском, Белохолуницком, Свечинском р-нах Кировской обл., в Усольском, Ординском, Пермском р-нах Пермской обл., в Гдовском, Себежском р-нах Псковской обл., в Череповецком р-не Вологодской обл., в Вохском, Чухломском, Поназыревском, Макарьевском, Судиславском, Красносельском р-нах Костромской обл., в Пошехонском, Тутаевском, Даниловском, Мышкинском, Некрасовском р-нах Ярославской обл., в Шалинском р-не Свердловской обл., в Бологовском, Осташковском, Спиrowsком, Кашинском, Калязинском р-нах Тверской обл., в Сусанинском р-не Костромской обл., в Красногорском, Сюмсинском р-не Удмуртии, в Приволжском, в Гаврилово-Посадском, Тейковском, Родниковском р-нах Ивановской обл., в Уренском, Павловском, Вадском, Арзамасском, Шарангском р-нах Нижегородской обл., в Красноуфимском, Артинском р-нах Свердловской обл., в Ковровском, Гусь-Хрустальном, Судогодском, Петушинском, Собинском р-нах Владимирской обл., в Медведевском р-не Р. Марий Эл, в Белокатайском, Кушнаренковском, Шаранском, Кармаскалинском, Таймазинском, Аургазинском р-нах Р. Башкортостан, в Шатурском р-не Московской обл., в Гусь-Хрустальном, Ковровском, Петушинском, Собинском, Судогодском р-нах Владимирской обл., в Руднянском, Ярцевском р-нах Смоленской обл., в Серпуховском р-не Московской обл., в Бутурлинском р-не Нижегородской обл., в Баратинском р-не Калужской обл., в Кедомском, Кораблинском, Старожиловском р-нах Рязанской обл., в Темников-

ском, Ковылкинском, Рузаевском, Кочкуровском р-не Р. Мордовия, в Октябрьском р-не Р. Татарстан, в Шенталинском, Волжском р-нах Самарской обл., в Погарском, Климовском, Севском р-не Брянской обл., в Кизильском р-не Челябинской обл., в Дмитриевском, Советском, Курчатовском, Глушковском, Медвенском, Обоянском, Беловском, Пристенском р-нах Курской обл., в Верхнехавском, Эртильском р-нах Воронежской обл., в Жирновском, Руднянском, Камышинском, Ольховском, Суровикинском, Калачевском, Среднеахтубинском р-нах Волгоградской обл., в Яковлевском, Ровеньском р-нах Белгородской обл., в Каменском р-не Ростовской обл., в Аксайском, Котельниковском р-нах Ростовской обл., в Лиманском р-не Астраханской обл., в Ейском, Крыловском, Брюховецком, Калининском, Тимашевском, Кореновском, Отраденском р-нах Краснодарского края, в Курском р-не Ставропольского края (пп. 1, 16, 18, 22, 24, 26, 32, 49, 54, 69–70, 78, 110, 114, 134, 139, 145, 147, 162, 166, 174, 181, 183–184, 186–187, 190, 206, 213, 226, 230, 233, 235, 241, 244–245, 251, 258, 265–267, 285–286, 290, 297, 344, 358, 373, 388–390, 394, 436–437, 440, 455, 460, 462, 466, 478, 483, 502–503, 507, 539, 553–554, 564–565, 577, 594, 609, 617, 622–623, 724, 731, 763–764, 809–810, 830, 833–834, 845б, 866, 868, 879–880, 891, 898, 902, 910, 937, 940, 944, 959, 962–964, 977, 980, 1000–1001, 1006, 1011, 1016–1018, 1059, 1064), *мезгуля* в Чусовском р-не Пермской обл. (п. 92), *мелезга* в Урюпинском р-не Волгоградской обл. (п. 908), *мелюзга* в Красновишерском р-не Пермской обл., в Кологривском р-не Костромской обл. (пп. 42, 106).

Отмечаются и другие лексемы, репрезентирующие незначительный размер: *недомёрка* в Красногорском, Завьяловском р-нах Удмуртии, в Кирсановском р-не Тамбовской обл. (пп. 206, 311, 742) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 21: 25); *недомёрок* в Ивановском, Родниковском р-нах Ивановской обл. (пп. 288, 290) ‘молодая сельдь’ (СРНГ 21: 25).

В ряде случаев в качестве мотивационной основы фигурирует опосредованно цвет:

Белый: *белышка* в Котласском р-не Архангельской

обл. (п. 39) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 2: 207), *белевой* в Усть-Кубинском р-не Вологодской обл. (п. 67) ‘род рыбы’ (СРНГ 2: 208), *белевой сѹцик* в Усть-Кубинском р-не Вологодской обл. (п. 67), *белесь* в Новоаннинском р-не Волгоградской обл. (п. 920) ‘род рыбы’ (СРНГ 2: 211), *белызма* в Красноармейском р-не Краснодарского края (п. 1026), *бель* в Соликамском р-не Пермской обл., в Даровском, Оричевском, Зуевском, Фаленском, Верхошижемском, Унинском р-нах Кировской обл., в Псковском р-не Псковской обл., в Галичском р-не Костромской обл., в Большесельском, Ярославском р-нах Ярославской обл., в Якшур-Бодьинском, Унинском, Вавожском р-нах Удмуртии, в Воротынском р-не Нижегородской обл., в Оренбургском р-не Оренбургской обл., в Калачевском, Светлоярском р-не Волгоградской обл. (пп. 52, 112, 121, 138, 150, 152, 153, 196, 203, 237, 240, 260, 308, 402, 842, 963, 971) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 2: 235), *бельё* в Псковском р-не Псковской обл. (п. 121), *белька* в Увинском, Воткинском р-не Удмуртии, в Октябрьском р-не Пермской обл. (пп. 259, 262, 264), *бельца* в Чухломском р-не Костромской обл. (п. 139), *белюга* в Буйском р-не Костромской обл., в Ярославском р-не Ярославской обл. (пп. 137, 240) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 2: 238), *белява* в Буйском р-не Костромской обл., в Ярославском р-не Ярославской обл. (пп. 137, 240) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 2: 238), *белясина* в Тарасовском р-не Ростовской обл. (п. 950), *беляшка* в Воротынском р-не Нижегородской обл. (п. 402).

Серый: *сѣрая моль* в Харовском р-не Вологодской обл. (п. 62) и *серѹшка* в Светлоярском р-не Волгоградской обл. (п. 971) ‘мелкая рыбка’ (СРНГ 37: 224).

Синий: *синѣц* в Осташковском р-не Тверской обл. (п. 226) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 37: 328), *синильва* в Кошкинском р-не Самарской обл. (п. 630), *сѹзик* в Верховском р-не Орловской обл. (п. 706), *сизѹха* в Демьянском р-не Новгородской обл. (п. 172).

Отмечены также случаи ассоциативного переноса: *гвоздик* в Тихвинском р-не Ленинградской обл. (п. 59) ‘гвоздики — мальки, мелкая рыба’ (СРНГ 6: 159), *гвоздь* в Ильин-

ском р-не Пермской обл. (п. 90), *звоздьё* в Ильинском р-не Пермской обл. (п. 90).

Имеются номинации, указывающие на время появления рыбы на свет — *сега лета* или *сега года* — и фонетические варианты: *сивалёт* в Весьегонском р-не Тверской обл. (п. 132), *сигалёток* в Кадыйском р-не Костромской обл., в Нолинском р-не Кировской обл. (пп. 189, 200), *сиголёнок* в Южском р-не Ивановской обл. (п. 345), *сегодávка* в Харовском р-не Вологодской обл. (п. 62), *сёггдоок* в Подосиновском р-не Кировской обл. (п. 48), *сегблик* в Харовском, Усть-Кубинском р-нах Вологодской обл. (пп. 62, 67). Сюда же относится лексема *селгáчи*, отмеченная в Вытегорском р-не Вологодской обл., в Сычевском р-не Смоленской обл. (пп. 34, 379).

Варианты с корнем *селяв-*, вероятно, связаны с *сево-лёток*: *селява* ‘малек рыбы’ Борович. *Селявина* ‘то же’ Борович. *Селявка* ‘то же’ Борович. (НОС: 1074). *Сёлява* ‘небольшая рыбка, похожая на ряпушку’ Пск., Даль. Новг., Волог., Ворон., Дон. Азов., Черномор. ‘разновидность рыбы уклейки’ Пск. (Даль, 2-е изд. 4: 176). Новг., Волж. (СРНГ 37: 141).

Название, которое созвучно с наименованием месяца — сентября, вполне возможно, является преобразованием: *сентябрьоха* в Кич.-Городецком р-не Вологодской обл. (п. 66).

Довольно много зафиксированных в вопросе Л 379 данных (около 140 наименований) представляют собой слова со значением видового наименования рыбы, так как эти слова используются и для наименования разных видов мелкой рыбы на основе общности толкования.

Больше всего названий зафиксировано для рыбы с наиболее известным названием *уклейка*: *баклэшка* в Иглинском и Караидельском р-нах Р. Башкортостан ‘мелкая рыбёшка’ (СРНГ 2: 62), *баклётха* в Гаврилов-Ямском и Ярославском р-нах Ярославской обл. ‘уклейка’ (СРНГ 2: 63), *бакля* в Бирском, Гафурийском, Калтасинском, Караидельском, Уфимском р-нах Р. Башкортостан ‘уклейка’ (СРНГ 2: 59), *басклёйка* — в Кольчугинском р-не Владимирской обл. и Ногинском

р-не Московской обл. ‘уклейка’ (СРНГ 2: 131), *баску́ха* в Грязовецком р-не Вологодской обл., *баиклея* в Темкинском р-не Смоленской обл., *баиклэйка* ‘уклейка’ (СРНГ 2: 164), *баикля* в Лухском р-не Ивановской обл., *клёйка* в Андреапольском р-не Тверской обл., *подклётник* в Волховском р-не Ленинградской обл., *подщеклётник* в Медвежьегорском р-не Р. Карелии, *селёвка* — в Орловском р-не Орловской обл., *сельдьявка* в Аксайском, Боковском, Волгодонском, Константиновском, Усть-Донецком, Шолоховском р-нах Ростовской обл. ‘мелкая рыба’ (СРНГ 37: 138), *селява* в Андреапольском, Пенновском, Фировском р-нах Тверской обл., в Гаврилово-Посадском р-не Ивановской обл., в Рассказовском р-не Тамбовской обл., в Кореновском р-не Краснодарского края ‘мелкая рыба’ (СРНГ 37: 141), *селявка* в Пенновском, Торопецком р-нах Тверской обл., в Одоевском, Плавском р-не Тульской обл., в Залегощенском, Новодеревеньковском, Новосильском р-нах Орловской обл., в Горшеченском, Касторенском р-нах Курской обл., в Аннинском, Верхнехавском, Лискинском, Острогожском, Нижнедевицком р-нах Воронежской обл., в Кореновском и Усть-Лабинском р-нах Краснодарского края (пп. 272, 274, 602, 636, 704–705, 707, 831, 833, 848, 849а, 870, 895, 906, 1018, 1028) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 37: 141), *сентяпка* в Сергиевском р-не Самарская обл. (п. 653), *сентявка*, *сентяпа* ‘уклейка’ (СРНГ 37: 176), *сентярка* в Вознесенском р-не Нижегородской обл. (п. 527), *сентячка* в Архангельском р-не Р. Башкортостан (п. 509), *синпея* в Перевозском р-не Нижегородской обл. (п. 481), *уклэйка* в Демьянском р-не Новгородской обл., в Уинском р-не Пермской обл., в Заволжском р-не Ивановской обл., в Андреапольском р-не Тверской обл., в Шемьшейском р-не Пензенской обл., в Белёвском р-не Тульской обл. (пп. 172, 212, 248, 273, 601, 717) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 47: 67), *уклэя* в Лузском р-не Кировской обл., в Заволжском р-не Ивановской обл. (пп. 49, 248) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 47: 68), *шаклея* в Балезинском, Юкаменском р-нах Удмуртии, в Ачитском р-не Свердловской обл. (пп. 156, 205, 215), *шаклэя* в Воткинском р-не Удмуртии

и в Октябрьском р-не Пермской обл. (шп. 262, 264), *шеклей* в Нытвенском, Очерском р-не Пермской обл., в Киясовском р-не Удмуртии (шп. 159, 160, 310), *шуклей* в Кинешемском р-не Ивановской обл. (п. 247), *шулява* в Таганрогском р-не Вологодской обл. (п. 46), *щеклейка* в Шалинском р-не Свердловской обл. (п. 166), *щеклей* в Соликамском р-не Пермской обл. и в Можгинском р-не Удмуртии (шп. 52, 309).

Среди названий разных рыб выделяется категория тех, что плавают у поверхности воды: *верховка* ‘овсянка’ в Кирилловском р-не Вологодской обл., в Солигаличском, Чухломском р-нах Костромской обл., в Карагайском р-не Пермской обл., в Любимском, Ростовском р-нах Ярославской обл., в Приволжском р-не Ивановской обл., в Оршанском р-не Р. Марий Эл, в Выксунском р-не Нижегородской обл., в Кирсанском р-не Тамбовской обл., в Железногорском р-не Курской обл., в Поворинском, Россошанском р-нах Воронежской обл., в Среднеахтубинском р-не Волгоградской обл. (шп. 61, 105, 117, 136, 139, 244, 283, 300, 474, 742, 794, 886, 933, 964) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 4: 164), *верховодка* в Лешуконском, Устьянском р-нах Архангельской обл., в Молоковском р-не Тверской обл. (шп. 13, 37, 177) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 4: 165), *верховушка* в Борисоглебском, Некрасовском, Ростовском р-нах Ярославской обл., (шп. 238, 241, 283), *верхоплавка* ‘уклейка’ в Чердынском, Частином р-нах Пермской обл., в Тихвинском р-не Ленинградской обл., в Череповецком р-не Вологодской обл., в Любытинском р-не Новгородской обл., в Солигаличском, Кологривском, Галичском, Чухломском, Кадыйском р-нах Костромской обл., в Тейковском р-не Ивановской обл., в Медведевском р-не Р. Марий Эл, в Дивеевском, Перевозском, Тонкинском р-нах Нижегородской обл., в Кошкинском р-не Самарской обл., в Богородицком р-не Тульской обл., в Мостовском р-не Краснодарского края (шп. 41, 59, 78, 99, 105–106, 138–139, 189, 210, 252, 285, 358, 477, 481, 630, 637, 1052) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 4: 169).

Займствование по наименованию ловушки, которой ловят мелкую рыбу.

Выделяется мотивационная основа по ловушке, которой ловят рыбу мелких размеров, например: *саковик* в Медвежьегорском р-не Р. Карелии, *сакóвник* в Пудожском р-не Р. Карелии (ПЛГО), ср. материалы СРГК, в которых мотивация представлена в толковании: *саковик* ‘мелкая рыба, которую ловят сачком’: *А саковик — это мелка рыбка, и чиститъ не надо, изымают ее саком. Окушок маленький называется саковик.* Медвежьегор. (СРГК 5: 623).

Еще один сходный пример: *Вандыш* ‘всякая мелкая рыбка, малек’ Урал, Усть-Цилем. Арх., Добрян. Перм., 1927 (СРНГ 4: 37). *Вандыш* ‘мелкая рыба’ Некрасов., Первомайск. (ЯОС 2: 47). *Вандыш* ‘маленькая, еще не выросшая рыба’ Печор. (СРГНП 1: 54). *Вандыш* ‘мелкая речная рыба’: — *В озере есть вандыш, махонькая синенькая рыбка, мы его едим сырую.* Чердын. (Покча), Красновиш. (СРГСПК 1: 187). Хотя в ряде регионов это наименование функционирует в качестве названия вида рыбы, например: На Галичском озере вандышем назывался ёрш, приготовленный по особой технологии. Вандыш сушился в специальных печах — пешнях. На вандыш отбирают только ершей. Такая рыба могла храниться годами в сухом помещении при любой температуре (Мызников 2019: 113). При наличии рыболовной снасти *вáнда* ‘верша’ Никол. (Большой Двор) (ПЛГО). «Ванду бросают в глубоких ярах жерлами вниз реки, под прижимку, на самолов» Макар. Нижегород., 1848 (КСРНГ). *Вáнда* «верша, из талевого прутья сплетенная; употребляется на Волге в половеде для лову стерлядей и другой рыбы» (Бурнашев 1: 77). «Рыболовная снасть, связанная из ниток или ивовых виц. и имеющая конусообразную форму» Кадн., Волог., Никол., Великоуст. (Диакторский: 46)². Ср. также: *Вáнда* «верша с наплетёнными по бокам крыльями»: — *У ванды крылья наплетают. Весной в речку ванду сбрасывают. В мутной воде вандой хорошо рыбу ловить.* Сарак. Оренб. (Моисеев 2010: 27). *Вáнда* ‘род большой верши, сплетенной из прутьев’

² Подробно об этимологии лексем *вáнда*, *вандыш* см. (Мызников 2019: 112–113).

Башк. (СРГБ: 52).

Вероятно, на такой же основе образована лексема *мердя́ник* 'мелкая рыба' Вытегор. Волог. (ПЛГО), ср. *ме́рда* 'рыболовная ловушка из прутьев, дранки, тонкого корья с одним горлом': — *Делаются мерды из ивовых прутьев, переплетенных между собою и укрепленных на поперечных еловых обручах. Лов производится весной и зимою, причем снаряд ставится близ берега реки или озера.* Пудож. (Куликовский 1898: 55). Онеж., Вытегор., Каргоп., Кондоп., Лодейноп., Медвежьегор., Подпорож., Прионеж., Сланц., Тихв. (СРГК 3: 233), Север (СРНГ 18: 113).

Лексема *брéдник*, зафиксированная в Чердынском р-не Пермской обл. (п. 41), явно связана со словом *брéдень* (БАС 1: 620).

Рю́жа, отмеченное в Терском р-не Мурманской обл. также можно рассматривать как образование по наименованию рыболовной снасти, ср.: *рю́жа, рю́за* 'сетка для ловли мелкой рыбы, мережа из сеток на обручах' Арх. (Опыт: 195). *Рю́жи, рю́зя* 'рыболовная снасть мережа' Арх. (Даль, 2-е изд. 4: 125).

Бердя́ник 'мелкий окунь' Вытегор. (Паньшино) (СГРС 1: 100). Ср. *берда́* 'рыболовная снасть' (Бурнашев 1: 40; СРНГ 2: 243).

По распространению в славянском континууме выделяются единицы, которые фиксируются в ряде языков: *ба́ба* в Солигаличском р-не Костромской обл. (п. 105) 'рыба-подкаменщик' (СРНГ 2: 14), *бабу́ра* в Солигаличском р-не Костромской обл. (п. 105) 'рыба-подкаменщик, малая рыба' (СРНГ 2: 28), *бабу́рка* в Ярославском р-не Ярославской обл. (п. 240) 'особый род мелкой рыбы' (СРНГ 2: 28). Данный материал сопоставим с белорусск. *ба́ба-рыба* 'подкаменщик', укр. *ба́ба, бабець*, польск. *baba*, что дает возможность их трактовки как исконных единиц на славянской почве (ЭСБМ 1: 247).

Иногда сопоставимый материал представлен на балтийской почве. *Сикля́* в Ржевском, Старицком р-нах Тверской обл., в Еланском р-не Волгоградской обл. (пп. 326, 328, 897)

'мелкая рыба' (СРНГ 37: 300); *си́лька* в Россошанском р-не Воронежской обл.; *сакля́* в Сакмарском р-не Оренбургской обл. (п. 808); *секиля́вка* в Дивеевском р-не Нижегородской обл., *се́кля* в Рязском р-не Рязанской обл. и в Грибановском р-не Воронежской обл. Трудно интерпретировать оренбургские данные, однако Г. П. Клепикова отмечает, что невозможность надежной этимологизации таких названий на славянской почве приводит исследователей к выводу, что в данном случае речь идет о заимствовании из балтийского. Так, Ю. А. Лаучюте полагает, что подобные названия, бесспорно, связаны с ихтионимами, ср. русск. диал. *сакля* 'уклейка', *сикля* 'то же' (Лаучюте: 131). Следует отметить, что *сикля́* 'какая-то маленькая рыбка' (на Дону) не имеет этимологической версии у М. Фасмера (Фасмер 3: 620). Общим признаком для использования близких названий рыб и муравьев, по мнению Ю. А. Лаучюте, является их малые размеры, а в качестве их первоисточника указываются латыш. *siks* 'маленький, мелкий', *sikt* 'мельчать, становиться слабым и под.' (Лаучюте: 131).

Выделяются ареалы с фиксациями неисконной лексики тюркского происхождения.

Сибиль 'молодая, недавно вышедшая из икринки рыбка, малек' Брян., Орл., 1904. Обоян. Курск. (п. 879) (СРНГ 37: 264), 'мелкая рыбешка' Орл. (Даль, 2-е изд. 4: 184). *сибиля́вки* в Сампурском р-не Тамбовской обл. (п. 774), *сыбылька* в Петропавловском р-не Воронежской обл., *себёль* в Ростовском р-не Ростовской обл. (п. 988) 'уклейка, сельдь' (СРНГ 37: 94). *Сибиль* 'рыба уклейка' Азов, 1886. Смол., Брян., Курск., Дон. (СРНГ 37: 264). *Сибиль* 'то же' Южн. (Даль, 2-е изд. 4: 184). *Сибиль* 'черноморско-азовская проходная сельдь' Доп., 1929. 'Рыба голавль' Стародуб. Брян., 1972. 'Рыба салака' Трубч. Брян., 1957. Ср. татар. *жилембалык* 'уклейка' (РТС: 459), тюрк. **çivi* 'гвоздь' [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика 1997: 398–399].

Лексика прибалтийско-финского происхождения фиксируется преимущественно в контактных зонах:

ма́йма в Пудожском р-не Р. Карелии (п. 26), **ма́ймуха** в Онежском р-не Архангельской обл., в Подпорожском р-не Ленинградской обл. (пп. 16, 19, 33) ((СРНГ 17: 304) ‘мелкая рыба сиговой породы. Онеж.’), **ма́ймушка** в Онежском р-не Архангельской обл. (пп. 16, 19) ‘мелкая рыба; малек’ Арх. (СРНГ 17: 304). Часть из них представлена в лексикографических источниках: **ма́йма** ‘мелкая рыба’ Пудож. (Римское). **Ма́ймуха** ‘мелкая рыба’ Подпорож. (Яндеба), Онеж. (СРГК 3: 187). **Ма́ймуха** ‘водящаяся в Онежском заливе мелкая сиговой породы рыба’ Онеж. (Подвысоцкий 1885: 87; СРНГ 17: 304). **Ма́ймушка** ‘мелкая рыба’ Онеж. (СРГК 3: 187), Арх. (СРНГ 17: 304). **Ма́ймушка** ‘наживка на крупную рыбу’ Онеж. (СРНГ 17: 394). **Ма́ймух** ‘мелкая рыба’ Онеж. (КСРГК). Эти данные сопоставляются с кар. *maima* ‘наживка’, вепс. *maim*, мн. *maimad* ‘небольшая высушенная рыба’, при фин. *maima* ‘небольшая рыба, используемая как наживка’ (Kalima: 160). См. также: (ССЗФЯ: 41; Фасмер 2: 559). Ср. также ливв. *maimi* ‘небольшая рыба, наживка’, люд. *maim* ‘небольшая рыба (как живая, так и сушеная)’, эст. *maim* ‘малек’ (SKES 3: 327), вепс. *maim* ‘сушеная мелкая рыба’, ‘мелкая рыбешка’, ‘рыбина’ (СВЯ: 318), ливв. *maimi* ‘сушеная мелкая рыба, сущик’, ‘мелкая рыбешка’ (СКЯМ: 201). Бытующее в речи вепсских носителей слово *meimuškad* ‘мелкая рыба’ является обратным заимствованием из русского языка. Следует отметить, что татар. *maima* ‘мелкая рыба’ уже заимствовано из русского языка (Радлов 4: 1991; Фасмер 2: 559), ср. также татар. *маймыч* ‘малек’ (РТС: 251).

Ср. также данные, которые этимологически сходны с приведенными выше:

меева в Усть-Цилемском р-не Р. Коми, в Пинежском р-не Архангельской обл., в Верхневажском, Сямженском, Тотемском р-нах Вологодской обл., в Лузском р-не Кировской обл., в Усольском р-не Пермской обл. (пп. 7, 17, 45, 49, 63, 64, 69) ‘мелкая рыба’ (СРНГ 18: 77), **меевка** в Пинежском р-не Архангельской обл., в Тарногском, Нюксенском, Сямженском р-нах Вологодской обл. (пп. 17, 46, 47, 63) ‘мелкая

рыба’ (СРНГ 18: 77), **меевка** в Вельском р-не Архангельской обл., в Вологодском р-не Вологодской обл. (пп. 36, 80), **меево** в Пинежском р-не Архангельской обл., в Верхневажском, Тарногском, Сямженском р-нах Вологодской обл. (пп. 12, 17, 45, 46, 63).

Имеется много данных в лексикографических источниках: **меева** ‘мелкая рыба сем. сетков’ Волог. (СРНГ 18: 77). **Меева** ‘всякая мелкая рыба’ Арх., Волог., Печор., Сев.-Двин., Усть-Цилем. Коми АССР (СРНГ 18: 77). **Меева** ‘мелкая рыба’ — *Если ветер подует меевы нету*. Пинеж.: Богатка, Веркола. (Сими́на). **Меева** ‘мелкая рыба’: — *Как сбегает на повчасу на реку, так и меев на уху принесет*. Верховаж. *Из меевы уху тоже варят, если уж нет боле никакой настоящей рыбы*. Сямж., Тарног. (СВГ 4: 78). **Меево** ‘мелкая рыба, мелюзга, крупнее мальги, малявки’ Арх. (Даль, 2-е изд. 2: 319). **Меево** ‘мальки рыб’ Сямж. (СВГ 4: 78). **Меева** ‘рыба голец’ Сольвычегодский у. Вологодской губ. 1912 (Тр. МДК 11 1930). **Меева** ‘мелка рыбка, живец’ Верхнетоем. Арх., 1963 (СРНГ 18: 63). **Меева** ‘мелкая речная рыба’ Верхнетоем. Арх., Урал. (СРНГ 18: 94), Пинеж.: Засурье (Сими́на). ‘Мальки всех пород’ Вельск. Арх. (СРНГ 18: 94). **Меева** ‘мелкая рыба, малек’ Пинеж.: Нюхча, Сульца, Шиднема (Сими́на). **Меевка** ‘мелкая рыба’ Верхнетоем. Арх. (СРНГ 18: 77). **Меева, меевки** ‘мелкая рыба’ Вожегод. (Углы) (ПЛГО). **Меевки** ‘мальки’ Печор. Арх., 1927 (СРНГ 18: 153). **Меевочка** ‘мелкая рыба’ Пинеж.: Нюхча (Сими́на). Не объясняемый из существующих прибалтийско-финских языков вокализм дает возможность предположить сопоставление также с прибалтийско-финскими данными, ср. фин. *maiva* ‘ряпушка’, ‘небольшая рыба, малек’, ‘наживка’ (SSAP 2: 138). Переход [a] > [e] существует в ряде диалектов этих языков. Например, в шимозерском диалекте вепсского языка дифтонг *ai* перешел в *ei*, ср. вепс. *meimuškad* ‘любая мелкая рыба’ (Мызников 2019: 493).

Синьга́ в Пушкиногорском, Новоскольниковском р-нах Псковской обл., в Андреапольском р-не Тверской обл., в Пе-

новском р-не Тверской обл., в Башмаковском р-не Пензенской обл., в Каменском р-не Пензенской обл., в Пушкиногорском, Новосokolьническом р-нах Псковской обл., в Андреапольском р-не Тверской обл., в Пеновском р-не Тверской обл., в Башмаковском, Каменском р-нах Пензенской обл. (п. 220, 269, 273, 274, 678, 680). **Синьга́** ‘рыба синец’ Южн., 1864. *Синьга — белая, как лещ, шарлуха мелкая, слизись на ней, плавает стаями.* Дон. Орл., Пск., Ока, Кама. Слов. Акад. 1962 (обл.). ‘Рыба плотва’ Ряз., Саратов., 1911. Пенз., Азов.; ‘мелкая плотва’ Селигер, 1971; ‘рыба уклейка’ Нижегород., 1891. Горьк., Пенз. ‘Рыба белоглазка’ Нижнедон., 1967. Калинин., Волга, Ока, Кама, Волхов, Ильмень. ‘Белая длинная рыбка, малек’ Соль-Илецк. Чкал., 1955. ‘Рыба [какая?]’ *Ловят синьгу в озере.* Новорж. Пск., Максимова, 1957 (СРНГ 37: 337). **Синьга́** ‘мелкая рыба, плавающая сверху’ Навашин. (Румасово) Нижегород. [Сывороткин 2004: 333]. М. Фасмер для слова **синьга́** ‘плотва, *Surginus*’ с фиксацией в Нижнем Поволжье (Сарат.) предлагает мордовскую этимологию, ср. морд. мокш. *šeni* ‘то же’, при фин. *säynäs* ‘язь, *Surginus idus*’, эст. *säinakas* ‘то же’, саам. кольск. *sivn* ‘то же’ (Фасмер 3: 626). Ср. также морд. мокш. *сеня* ‘язь’ (МКРСС: 619), морд. эрз. *сэния* ‘рыба плотва’ (ЭРС: 631).

Синтя́ ‘рыба уклейка’ Пенз., 1960; ‘рыба гольян’ Пенз., 1971; ‘любая мелкая рыба’ Куйбыш., 1948. Пенз. (СРНГ 37: 336). **Синтя́вка** ‘рыба плотва’ Лямбир. (Александровка) (СРГРМ 2: 1147). **Синтева́** ‘мелкая рыба, малек’ Ардатов. (Суподеевка) (СРГРМ 2: 1147). **Синтя́вка** ‘уклейка’ Оренб., 1864. Ярослав.; ‘гольян’ Тат. АССР, 1971 (СРНГ 37: 336). **Синтя́па** ‘уклейка’ Казан., 1886 (СРНГ 37: 336). **Синтя́вка** ‘рыба плотва’ Лямбир. (Александровка) (СРГРМ 2: 1147). **Синть, синтя́** ‘уклейка’ Чердакл. Ульянов. (Мызников 2019: 737).

Некоторые единицы отмечаются как вид небольшой рыбы, которая водится в мелких реках, ср. **áргыш** Коми-Перм. [Матвеев 1964: 286]. Имеются значительные сходные данные: **Áргыш** в Соликамском р-не Пермской обл., в Балезинском

р-не Удмуртии (пп. 52, 156) (СРНГ 1: 271 ‘рыба гольян’). **Ар** ‘рыба гольян’ Камск. [Герд, Корнев, Рускова 1963: 30], (СРНГ 1: 265). **Ар** ‘мелкая рыба семейства карповых, гольян’: — *Ары — на лобу пятнышки беленьки, маненьки.* Юрл. (Липово) (СРГСПК 1: 35). **Аргáш** ‘род форели или лосося’ Перм. (СРНГ 1: 271). **Аргíш** ‘рыба гольян’ (СРНГ 1: 271). **Áрка** ‘рыба гольян’ Таборин. Свердлов. [Матвеев 1962: 130]; (СРНГ 1: 275). **Аргáш** ‘род форели или лосося, пеструшка’ Перм. (СРНГ 1: 271). **Áргыш** ‘рыба *Phoxinus laevis* Ag., гольян’ Перм. [Сабанеев 1911: 742]. **Áрка** ‘вид рыбы гольян речной’ Таборин. Свердлов. (СРНГ 1: 275). **Ар, аргíш, áргыш, áрбыш** ‘рыба сем. карповых, гольян’ Соликам. (СЧГ). Материал возводится к коми данным, ср. коми *ар, арга, арпи* ‘маленькая рыбка; малек; мальки’ (ССКЗД: 12). Вряд ли форму *арка* следует сопоставлять с коми вым, удор. *дарга* ‘пескарь’ [Матвеев 1964: 286]. Данные коми *ар, арга* ‘мальки’ сопоставляются с саам. *vuorro*, фин. *va-rolainen* ‘речной лосось’ (КЭСКОЯ: 33).

Неясно, является ли лексема **орíшка** (Воткин. Удмурт., Октябрьск. Перм.) результатом поиска внутренней формы с дальнейшим преобразованием в варианты: **урíнка** в Сарапульском р-не Удмуртии, в Чернушинском р-не Пермской обл. (пп. 312, 318), **урíнник** в Игринском р-не Удмуртии (п. 207).

Среди других названий с заимствованными основами:

Пíлега ‘мелкая рыба’ Подпорож. (СРГК 4: 510). **Пíль-тúха, пильтушíнка** ‘мелкая плотва’ Лодейноп. Олон. (СРНГ 27: 32). **Пильчара** ‘вид сельди?’: — *У английских берегов сельдь уже является в виде пильчары.* Беломор. (СРНГ 27: 32). Трудно судить о происхождении данного материала, хотя его ареал дает возможность предположить прибалтийско-финское влияние, ср. фин. *pilu* ‘щепка’, *páre* ‘лучина, дранка’ (SKES 5: 566, 684).

Пíруза ‘мелкая рыба, малек’ Бокситогор. (Мозолево) (ПЛГО). Бокситогор. (СРГК 4: 517; СРНГ 27: 43). **Пирúсен-кий** ‘небольшой по размерам, маленький (о рыбе)’ Бокситогор. (СРГК 4: 518). Трудно сказать, соотносятся ли эти данные с прибалтийско-финским материалом, ср. кар. твер.

pizara ‘капля, небольшое количество чего-л.’ (СКЯП: 210), вепс. *vizid* ‘мальки, мелкая рыба’ (СВЯ: 636).

Вáшкaл в Подпорожском р-не Ленинградской обл., **вáшкoл** в Вашкинском р-не Вологодской обл. (СРНГ 4: 79 ‘уклейка’), **вáшкoльница** в Вашкинском р-не Вологодской обл. **Вáшкaл** ‘мелкая рыба’ Кирил., Вашк. (Сидорова) (КСРГК). Вашк., Подпорож. (СРГК 1: 166). **Вашкaлoк** ‘рыба’ Вашк. (СРГК 1: 166). **Вáшкaл** ‘рыба-уклейка’ Белозер. (Возозеро, Зорино, Перховда), Вашк. (Липин Бор, Скоково). **Вашкáл** ‘рыба-уклейка’ Белозер. (Карпово) (СГРС 2: 35). **Вáшкoл** ‘рыба-уклейка’ Вашк. (Коптево). **Вашкoлoк** ‘рыба-уклейка’ Вашк. (Еськино, Остров). **Вашкaлoк** ‘рыба-уклейка’ Вашк. (Васюково, Верхнее Хотино, Тимошино). **Вашкaльe** ‘рыбная мелочь’ Белозер. (Куноость, Панкратовка). **Вáшкoльница** ‘рыба-уклейка’ Вашк. (Гаврилово) (СГРС 2: 36). **Вáшкoл** ‘уклейка’ Белозер. Новг., 1898 (СРНГ 4: 79), Вашк. (Коптево). **Вáшкaл** ‘уклейка’ Белозер. (Возозеро, Зорино, Перховда), Вашк. (Липин Бор, Скоково). **Вашкáл** ‘уклейка’ Белозер. (Карпово). **Вашкaлoк** ‘уклейка’ Вашк. (Васюково, Тимошино, Верхнее Хотино). **Вáшкaльe** ‘рыбная мелочь’ Белозер. (Куноость, Панкратовка). (Гаврилово) (СГРС 2: 36). В отношении лексемы **вашкáл** можно предположить, что ее, вероятно, следует связывать с саам. *vuosk*, *vuosko* ‘окунь’ (Itkonen 1958 2: 796; Мызников 2003: 153). Первоначально А. К. Матвеев возводит лексему **вашкaльe** ‘мелкая рыба’ к саам. *vuaska* ‘окунь’ [Матвеев 1970: 192], позднее он уже делает предположение о мерянской природе данного слова, сопоставляя с мар. *ош*, мокш. *акша* ‘белый’ — первый компонент и **kol* ‘рыба’ (МСФУСЗ: 73). Лексемы **вешкáрь** (Бабаевск. Волог.), **васюшoк** (Пинежс. Арх.), вероятно, можно рассматривать в связи с предыдущими данными.

В ряде случаев возможны реализация семы ‘мелкий’, которая и ранее исторически присутствовала в мотивационной основе на широком славянском фоне: **дрoбля** в Новгородском р-не Новгородской обл., **дрoбyша** в Псковском р-не Псковской обл. (п. 121) ‘мелкая рыба, используемая для наживки’

(СРНГ 8: 189). Ср. русск. **дрoбль**, укр. *дpиб*, ‘домашняя птица; мелкий домашний скот — козы, овцы’, болг. *дpоб* ‘печень, легкие’, сербохорв. *дpоб* ‘внутренности’, словен. *drób* ‘мелочь, отбросы, внутренности’, чеш. *drob* ‘кусочек, крошка’, польск. *drób*, н.-луж. *drobjenca* ‘мелочь, крошка’ (Фасмер 1: 539). Ср. также др.-русск. **дрoбля**, ж. Мелкая рыба. Тихв. 1592 г. (СлРЯ XI–XVII 4: 356).

Лексема **мурáн** ‘мелкий язь’ имеет обширные фиксации в окрестностях Кубенского озера (в Усть-Кубинском р-не Вологодской обл.): *Вначале муран, потом становится подвязем, потом язь* (Большая). *Подвязок, а по-деревенски — муран, он грамм до четырёхсот* (Борисково). *Муран — так это язёнок маленький* (Вельцево). *Язёнок и муран — одно и то же* (Гоманиха). *Муран часто попадается* (Устье). **Мурáнчик** 1. Уменьш.-ласкат. к **мурáн**. *Подвязок, небольшой язёночек, муранчиком называют* (Устье). *Изловил я муранчика* (Вельцево) (СГРС 7: 352).

Причем семантически, на наш взгляд, можно увидеть взаимосвязи с прибалтийско-финскими источниками, ср. кар. *murda* ‘ломать, обламывать (дерево)’, ливв. *murda* ‘ломать’, при фин. *murtaa* ‘сломать, разбить, разламывать’, водск. *murren*, *murtēn*, эст. *murdma* ‘ломать’, не исключая, однако, возможности германского влияния, ср. нем. *morden* ‘убивать’, польск. *mordować* ‘измучить’ и русск. *мордовать* ‘мучить, утомлять’ из польск. (Kalima: 168), при вепс. *mureta* ‘разбивать, ломать, рвать, изнашивать, размельчать (крошить)’ (СВЯ: 338). Таким образом, в лексемах **дрoбля** и **мурáн** ‘малек язя’ в Усть-Кубинском р-не Вологодской обл. реализуется одна семантическая модель, ср. др.-русск. *дрoбити*. 1. *Резать на мелкие куски*. (СлРЯ XI–XVII 4: 356); русск. диал. *мýрондaть* ‘разбить, расколоть’ Вытегор. Волог. (ПЛГО).

Проанализированные материалы представляют весьма сложную картину наименований мелкой рыбы и единиц, которые контекстуально нередко могут быть с ними связаны. Такого рода разнообразные материалы вряд ли возможно полностью учесть при картографировании, однако их пол-

ный анализ представляет первичные мотивации, позднейшие семантические сдвиги и т.п. В отношении заимствованных материалов также следует проводить не только поиск этимологов, но и по возможности анализ их мотивационных основ.

Литература

Березовская Е. А. Ихтиологическая лексика в говорах Русского Севера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. 20 с.

Герд А. С., Корнев А. И., Рускова М. П. Русские названия рыб // Из истории слов и словарей: очерки по лексикологии и лексикографии / под ред. Б. А. Ларина. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1963. С. 29–36.

Герд А. С. Из истории печорских названий рыб // Севернорусские говоры. 1970а. Вып. 1. С. 108–117.

Герд А. С. Прибалтийско-финские названия рыб в свете вопросов этнолингвистики // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики / отв. ред. Г. М. Керт, Н. Г. Запцева. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1988. С. 4–22.

Герд А. С. Севернорусские названия рыб и некоторые вопросы этнической истории Русского Севера и Северо-Запада // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности: материалы к межвузовской научной конференции: краткое содержание докладов / ред. Н. А. Мещерский [и др.]. Череповец: [б. и.], 1970б. С. 132–135.

Горюнов А. А. К описанию рыболовецкой лексики (Шиловский район Рязанской обл.) // Диалектологический сборник / [редкол.: Т. С. Жбанкова (отв. ред.), О. С. Орлова, И. М. Шаропова]. Рязань: [б. и.], 1976. С. 87–90.

Кративина М. С. Лексико-семантическое поле «Рыболовство» в донских казачьих говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 24 с.

Кривицкий А. А. Из словаря полесских рыболовов // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика) / отв. ред: В. В. Мартынов, Н. И. Толстой. М.: Наука, 1968. С. 162–174.

Куйдина Е. П. Ихтиологическая лексика воронежских говоров: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 24 с.

Матвеев А. К. Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири // Вопросы финно-угорского языкознания [сборник статей]: к 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Д. В. Бубриха / [редкол.: Б. А. Серебренников (отв. ред.) и др.]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 127–142.

Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta linguistica. 1964. Т. 14. Ф. 3–4. С. 285–315.

Матвеев А. К. Некоторые проблемы изучения уральских элементов в лексике севернорусских говоров // Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Материалы к межвузовской научной конференции. Краткое содержание докладов / ред. Н. А. Мещерский и др. Череповец: [б. и.], 1970. С. 190–193.

Мызников С. А. Наименования окуня в этимологическом аспекте // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 321–334.

Орестова Е. И. К истории формирования рыболовецкой терминологии Западной Сибири // Говоры Урала и Западной Сибири / [редкол.: Л. Н. Дедюхина, А. А. Поротникова, А. Д. Прозорова]. Нижний Тагил: [б. и.], 1972. С. 86–97. (Ученые записки Свердловского гос. пед. ин-та, Нижнетагильского гос. пед. ин-та; сб. 152).

Сабанеев Л. П. Рыбы России. Жизнь и ловля (ужение) наших пресноводных рыб: Изд. 3-е. М.: Издание А.А. Карцева, 1911. 1062 с.

Соболев А. И. Ихтиологическая лексика в свете славяно-финских этноязыковых связей // Севернорусские говоры. 2016. № 15. С. 89–115.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1997. 800 с.

Сывороткин М. М. Система адаптации заимствованной лексики тюркского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона. Саранск: [б. и.], 2004. 460 с.

Халюков Ю. В. Лексика орловских рыбаков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 26 с.

Шевченко Н. В. Семантика слова *краснопёрка* в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 905–912.

Words Denoting Pan fish in Russian Dialects Part 1

Sergei A. Myznikov

Institute for Linguistic Studies, RAS
myznikovs@rambler.ru

Mariia D. Korolkova

Institute for Linguistic Studies, RAS
skifane@gmail.com

Russian dialects feature more than 400 words for pan fish, which is a considerable amount. In our article these lexical units are analyzed from the motivational, derivational and etymological viewpoints. The motivational component is centered around the representation of the tiny size of the fish in the recorded lexical data, which contain both single entries and huge groups of items, e.g. those with the stem *melk-*, *mal-*, *mel-*, *melk-*, *mol-*, *mul-* and with the borrowed stems *maim-* and *meev-*. In some cases the words are motivated by the color of fish or the hatching time (*sego leta / goda* ‘of this year’) as well as by a special pan fish trap. There are also areas featuring Turkic borrowings. The data in question form a multi-faceted scheme of words for pan fish or lexical items which can be regularly related to pan fish in some contexts.

Key words: dialect studies, LARFD, motivation, ichthyonymic vocabulary, fish nomenclature.

References

Berezovskaya E. A. Ihtologicheskaya leksika v govorah Russkogo Severa: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [Ichthyonymic vocabulary in the dialects of the Russian North. PhD thesis abstract]. Ekaterinburg, 2006. 20 p.

Gerd A. S., Kornev A. I., Ruskova M. P. Russkie nazvaniya ryb [Russian fish nomenclature] // *Iz istorii slov i slovariej: ocherki po*

leksikologii i leksikografii / pod red. B. A. Larina [Story of words and dictionaries. Essays on lexicography and lexicology. B. A. Larin (ed.)]. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1963. Pp. 29–36.

Gerd A. S. Iz istorii pechorskih nazvanij ryb [Notes on the history of the Pechora fish nomenclature] // *Severnorusskie govory* [North Russian Dialects]. 1970a. Issue 1. Pp. 108–117.

Gerd A. S. Pribaltijsko-finskie nazvaniya ryb v svete voprosov etnolingvistiki [Balto-Fennic fish nomenclature from the viewpoint of ethnolinguistics] // *Pribaltijsko-finskoe yazykoznanie. Voprosy leksikologii i grammatiki / otv. red. G. M. Kert, N. G. Zajceva* [Balto-Fennic linguistics. Issues in lexicology and grammar. G. M. Kert, N. G. Zajceva (eds.)]. Petrozavodsk: Karel'skij filial AN SSSR, 1988. Pp. 4–22.

Gerd A. S. Severnorusskie nazvaniya ryb i nekotorye voprosy etnicheskoi istorii Russkogo Severa i Severo-Zapada [North Russian fish nomenclature and several questions of the ethnic history of the Russian North and North-West] // *Voprosy izucheniya severnorusskikh govorov i pamyatnikov pis'mennosti: materialy k mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii: kratkoe sodержanie dokladov / red. N. A. Meshcherskij [i dr.]* [Issues in North Russian dialects and manuscripts. Materials for an Inter-University Research Conference. Paper extracts. N. A. Meshcherskij et al. (eds.)]. Cherepovets: [b. i.], 1970b. Pp. 132–135.

Goryunov A. A. K opisaniyu ryboloveckoj leksiki (SHilovskij rajon Ryazanskoj obl.) [Notes on the description of fishing vocabulary (Shilovsky district, Ryazan region)] // *Dialektologicheskij sbornik / [redkol.: T. S. ZHbankova (otv. red.), O. S. Orlova, I. M. SHarapova]* [Almanac of dialect studies. T. S. ZHbankova, O. S. Orlova, M. Sharapova (eds.)]. Ryazan': [b. i.], 1976. Pp. 87–90.

Krapivina M. S. Leksiko-semanticheskoe pole «Rybolovstvo» v donskih kazach'ih govorah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The lexico-semantic field of fishing in the dialects of the Don Cossacks. PhD thesis abstract.]. Volgograd, 2012. 24 p.

Krivickij A. A. Iz slovarya poleskikh rybolovov [A fragment of the Polesye fishing vocabulary] // *Poles'e (Lingvistika. Arheo-logiya. Toponimika) / otv. red: V. V. Martynov, N. I. Tolstoj* [Polesye: linguistics, archaeology, toponymy. V. V. Martynov, N. I. Tolstoj (eds.)]. M.: Nauka, 1968. Pp. 162–174.

Kujdina E. P. Ihtiologicheskaya leksika voronezhskih govorov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Ichthyonymic vocabulary of the Voronezh dialects. PhD thesis abstract]. Voronezh, 2012. 24 p.

Matveev A. K. Novye dannye o finno-ugorskih zaimstvovaniyah v russkikh govorah Urala i Zapadnoj Sibiri [New data on Finno-Ugric loanwords in the Russian dialects of Urals and West Siberia] // *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznanija* [sbornik statej]: k 70-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-korr. AN SSSR D. V. Bubriha / [redkol.: B. A. Serebrennikov (otv. red.) i dr.] [Issues in Finno-Ugric linguistics. On the 70th anniversary of the USSR Academy of Sciences corresponding member D. V. Bubrikh. B. A. Serebrennikov et al. (eds.)]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1962. Pp. 127–142.

Matveev A. K. Zaimstvovaniya iz permskih yazykov v russkikh govorah Severnogo i Srednego Urala [Permian loanwords in the Russian dialect of North and Middle Urals] // *Acta linguistica*. 1964. Vol. 14. F. 3–4. Pp. 285–315.

Matveev A. K. Nekotorye problemy izucheniya ural'skih elementov v leksike se-vernorrusskikh govorov [Several issues in the study of Uralic elements in North Russian dialectal vocabulary] // *Voprosy izucheniya severnorusskikh govorov i pamyatnikov pis'-mennosti. Materialy k mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii. Kratkoe sodержanie dokladov* / red. N. A. Meshcherskij i dr [Issues in North Russian dialects and manuscripts. Materials for an Inter-University Research Conference. Paper abstracts. N. A. Meshcherskij et al. (eds.)]. Cherepovec: [b. i.], 1970. Pp. 190–193.

Myznikov S. A. Naimenovaniya okunya v etimologicheskom aspekte [Words denoting bass from the viewpoint of etymology] // *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) 2018* / otv. red. S. A. Myznikov [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and Research 2018. S. A. Myznikov (ed.)]. SPb.: ILI RAN, 2018. Pp. 321–334.

Orestova E. I. K istorii formirovaniya ryboloveckoj terminologii Zapadnoj Sibiri [Some notes on the forming history of the West Siberian fishing vocabulary] // *Govory Urala i Zapadnoj Sibiri* / [redkol.: L. N. Dedyuhina, A. A. Porotnikova, A. D. Prozorova] [Dialects of Urals and West Siberia. L. N. Dedyuhina, A. A. Porotnikova, A. D. Prozorova (eds.)]. Nizhnij Tagil: [b. i.], 1972. Pp. 86–97. (Uchenye za-piski

Sverdlovskogo gos. ped. in-ta, Nizhnetagil'skogo gos. ped. in-ta; sb. 152 [Bulletin of Sverdlovsk and Nizhny Tagil State Pedagogical Universities, vol. 152]).

Sabaneev L. P. Ryby Rossii. ZHizn' i lovlya (uzhenie) nashih presnovodnyh ryb: Izd. 3-e [Life of our fresh water fish and the fishing technique. 3rd ed.]. M.: Izdanie A.A. Karceva, 1911. 1062 p.

Sobolev A. I. Ihtiologicheskaya leksika v svete slavyano-finskikh etnoyazykovykh svyazej [Ichthyonymic vocabulary from the viewpoint of the Fenno-Slavic ethnolinguistic relations] // *Severnorusskie govory* [North Russian dialects]. 2016. № 15. Pp. 89–115.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika / otv. red. E. R. Tenishev [Comparative grammar of Turkic languages. Vocabulary. E. R. Tenishev (ed.)]. M.: Nauka, 1997. 800 p.

Syvorotkin M. M. Sistema adaptacii zaimstvovannoj leksiki tyurkskogo i fin-no-ugorskogo proiskhozhdeniya v sovremennyh russkikh govorah Oksko-Volzhsko-Surskogo regiona [The adaptation of the Turkic and Finno-Ugric loanwords in the modern dialects of the territory between the Oka, Volga and Sura rivers]. Saransk: [b. i.], 2004. 460 p.

Halyukov YU. V. Leksika orlovskih rybakov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Oryol fishing vocabulary. PhD thesis]. Orel, 2008. 26 p.

Shevchenko N. V. Semantika slova krasnopyorka v russkikh narodnyh govorah [The meaning of the word *krasnopyorka* in the Russian dialects] // *Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) 2019* / otv. red. S. A. Myznikov [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects. Materials and research 2019. S. A. Myznikov (ed.)]. SPb.: ILI RAN, 2019. Pp. 905–912.

Речевой портрет жительницы села Четвериково Воронежской области

Любовь Виняминовна Недоступова

Воронежский государственный
технический университет
nedostupowa2009@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности одного юго-восточного говора Воронежской области. Посредством репрезентации фонетических и грамматических характеристик составлен языковой портрет старожилы села Четвериково Калачеевского района. Он содержит южнорусские и украинские черты. В их числе: аканье, оканье, яканье, [и] на месте [ѣ], отсутствие перехода [е] в [о] после мягких согласных, сохранение мягкости согласных перед [и] на месте [о], йотация, [ʝ] фрикативного образования, замена [л] на [в], употребление [хв] на месте [ф], упрощение согласных и (или) отдельных гласных, перенос ударения в словах; *-ою* на месте *-ой* у существительных в творительном падеже, отсутствие *-т* на конце глаголов 3-го лица единственного числа, *-ть* на месте *-т*, *-ся* на месте *-сь*, *-си* на месте *-ся* и др. Полученные данные позволяют отнести говор респондента к числу русско-украинских переходных.

Ключевые слова: фонетические характеристики, грамматические особенности, речевой портрет, русско-украинский диалект.

Совершенно очевидно, что, «являясь частью национальной языковой системы, русские народные говоры репрезентируют её типологические свойства, но, вместе с тем, обладают собственной спецификой» [Языковая картина мира вологодского крестьянина 2019: 26]. Поэтому «изучать слово и устойчивые сочетания слов в живой народной речи <...> — одно из важнейших направлений науки о языке: в результате исследований мы узнаём о человеке, носителе языка, воссоздаём картину мира, отражённую в прошлом <...> или в современной диалектной речи» [Костючук 2011: 5].

В своё время В. фон Гумбольдт писал: «Язык есть как бы

внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык <...>. Язык следует рассматривать не как мёртвый продукт, но как созидающий процесс, надо <...> с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней, духовной деятельностью и к взаимному влиянию этих двух явлений» [Гумбольдт 1984: 161].

Приступая к показу проведённых в 2022 г. наблюдений, в настоящей работе мы иллюстрируем состояние живого народного говора, не подвергнутого анализу ранее. Всё вышперечисленное становится актуальным.

В качестве лингвистического материала выступили записи речи Мельниковой Антонины Максимовны, 1947 года рождения, — коренной жительницы села Четвериково. Они получены в ходе бесед в полевых условиях.

Объектом работы стал речевой портрет носителя народного языка.

Предметом данной статьи являются характерные черты говора респондента.

Цель изыскания состоит в отображении речевого портрета диалектоносителя посредством анализа его фонетических и грамматических особенностей.

Прежде всего, необходимо уточнить, что «Четвериково — село в Калачеевском районе Воронежской области. Входит в состав Хрещатовского сельского поселения»¹; «основано в середине XIX века крестьянами-малороссами слободы Старая Меловая. В селе есть храм во имя Троицы Живоначальной, 1903 года постройки <>. На 01.01.2010 г.— 133 дома с населением 284 человека»²; «на 1 ноября 2022 по оценке Федеральной службы государственной статистики численность населения (постоянных жителей) села Четвериково Калачеевского района Воронежской области составляет 205 человек»³. «Расстояние

¹ Четвериково — Воронежская область. URL: <https://gradinf.ru/russia/voronezhskaya-oblast/kalacheevskij-rajon/chetverikovo-2>.

² Четвериково. URL: <https://vif-vrn.ru/viewtopic.php?t=2132>.

³ Население села Четвериково Калачеевского района. URL: <https://bdex.ru/naselenie/voronejskaya-oblast/n/kalacheevskiy/chetverikovo/>.

до районного центра Калач 15 км, до областного центра Воронеж 185 км, до столицы: Москва — 641 км»⁴.

Поскольку в настоящее время здесь проживают преимущественно пенсионеры, особый интерес вызывает выявление речевых особенностей представителя старшей возрастной группы — старожила.

Репрезентируем на страницах настоящей работы наиболее значимые черты языковой личности.

В первую очередь, следует назвать *оканье*: *ба́тько*⁵, *боу́ато*, *болны́ца*, *борозда́*, *вола́х*, *война́*, *ублод*, *уоня́лэ*, *дэрево*, *замота́ло*, *заросло́*, *коуб*, *кожухы́*, *колю́чи*, *комично́*, *конэ́шно*, *корбамы́*, *коры́то*, *лома́ють*, *мэлом*, *мо́кло*, *молоды́й*, *молоты́лка*, *мочы́лы*, *мясо*, *ноу́амэ*, *носы́лы*, *обдира́лэ*, *обряд*, *обязате́льно*, *одея́л-то*, *одна́*, *оды́н*, *овэ́ц*, *основно́й*, *опуска́л*, *отбыва́лэ*, *очища́л*, *подава́л*, *пои́лжы*, *половы́на*, *половы́к*, *полотно́*, *помну́ть*, *помыдо́р*, *попряду́ть*, *потом*, *просну́лси*, *робы́лы*, *роды́тель*, *самоубо́н*, *свои́м*, *снача́ло*, *стоя́ла*, *на столу́*, *ушоца́в*, *ходы́л*, *холод*, *этоуо* и др. В речи респондента оно проявляется достаточно отчётливо.

Далее, *аканье*: *уармо́шка*, *малю́сенька*, *называ́еца*, *раздава́лэ*, *рады́лыся*, однако примеры немногочисленны.

Яканье также малочисленно: *взяла́*, *наряжа́лыся*, *обязате́льно*, *попряду́ть*, *тяжело́* и др.

Зафиксировано употребление [и] на месте [ѣ]: *два*, *ри́чка*, *жилу́зно*, *на столу́*, *оби́д*, *отри́зало*, *успи́л*, *хоты́лы* (две, речка, железная, на столе, обед, отрезало, успел, хотели) и др.

Замечено отсутствие перехода [е] в [о] после мягких согласных: *еще́*, *мнет*, *оста́еца*, *сповзэ́* (ещё, мнёт, остаётся, сползёт) и др. Это языковое явление характерно для украинского языка и его диалектной системы. Кроме того, «произношение [е] в окончаниях глаголов I спряжения распространено в говорах южнорусского наречия» [Русская диалектология 1989: 195].

⁴ Село Четвериково Калачеевского района Воронежской области. URL: <https://www.komandirovka.ru/cities/chetverikovoxbw/>.

⁵ Используется русская упрощённая транскрипция. Звук [ɣ] в говоре фрикативный [ɣ].

Выявлено сохранение мягкости согласных перед [и] на месте [о]: *второ́йй*, *друу́йй*, *му́жикыв*, *таки́й*, свойственное украинскому языку.

Для речи респондента характерна йотация: *найы́лыся*, *йийы́*, *йим*, *йы́лы*, *йы́стэ*, *йы́хала* и др. — качество некоторых южнорусских говоров.

Зарегистрирован звук [ɣ] фрикативного образования: *авууст*, *беу́ая*, *боу́ато*, *вытя́увалы*, *уармо́шка*, *уод*, *ублод*, *уолубе́ньким*, *уоня́л*, *уосьть*, *уотóвил*, *уны́лү*, *урубэ́*, *ууля́ють*, *друу́йй*, *ёуо*, *коуб*, *ноу́амэ*, *оуорóд*, *плүу*, *рэдбу́а*, *реуу́лрвал*, *самоубо́н*, *ушоца́в*, *хвотоура́фы* и др. Кроме того, отмечено употребление [–оуо] на месте [–ово]: *еуб*, *ёуо*, *коуб*, *не́чеуо*, *тоуб* и др.

Наблюдается замена [л] на [в]: *пои́в*, *сповзэ́*, *ушоца́в*, *товстэ́* (поил, сползёт, угощал, толстое). Как представляется, «эта украинская черта обусловлена фонетической причиной: характером произношения альвеолярного [л] в конце слова» [Недоступова 2017: 324–325].

Зафиксирована утрата начальной буквы в слове: *к ей* (к ней).

На месте мягких согласных перед [е], [и] используются твёрдые: *бэру́ть*, *болны́ца*, *бы́лы*, *везлы́*, *всэ*, *выпа́ивалы*, *выбыва́лэ*, *выпы́вка*, *выпы́свалы*, *вы́шня*, *вэлы́кы*, *дэнь*, *дыты́на*, *жэны́лыся*, *жэны́х*, *забира́лы*, *задавы́л*, *квасы́л*, *купы́лы*, *лы́тра*, *мочы́лы*, *му́жикы́*, *мя́лы*, *нарэзалы́*, *но́жкы*, *носы́лы*, *ны́ткы*, *овэ́ц*, *оды́н*, *оны́*, *опуска́лэ*, *отбыва́лэ*, *па́рэнь*, *пля́скы*, *прыходю́ть*, *пэ́рвый*, *половы́на*, *половы́кы*, *помыдо́ры*, *пря́лэ*, *роды́тель*, *сажа́лэ*, *скру́чвалэ*, *среза́лы*, *спа́лэ*, *ста́лы*, *сэбэ́*, *тушы́лы*, *тка́лэ*, *тры*, *тка́цкый*, *тэ́рэмóк*, *цвэ́тамы* и др. Эту же особенность мы отметили в селе Щучьем, селе Кутки, хуторе Тюниково Воронежской области [Недоступова, Гущина 2018: 28; Недоступова, Леонов 2017: 17; Недоступова 2015: 56], хуторе Редкодуб Белгородской области [Недоступова 2020: 139].

Единично в речи информанта представлено противоположное явление: на месте твёрдых произносятся мягкие согласные: *ублодни*, *наря́женние* (голодный, наряженные).

Заострим внимание на том, что звонкие согласные на конце слов и перед глухими согласными не оглушаются: *наз, дид, вѣтывка, всэ, колхбз, корбв, уж* и др.

Диссимиляция согласного — на месте [к] употребляется [х]: *ныхтб, хто*. Данная черта характерна для многих южнорусских говоров.

Установлены случаи употребления [хв] на месте [ф]: *хво-тоурафвы, шохвѣр* и др. Это же явление нами зафиксировано в речи жителей других сельских местностей Воронежской [Недоступова, Гущина 2018: 28] и Белгородской областей [Недоступова 2020: 139].

Наблюдается упрощение согласных и (или) отдельных гласных: *выкручвать, выписвалы, кой-чб, не, нычѣ, раскázать, связвалы, сембм, тбко, шийсѣт, шо* (выкручивать, выписывали, кое-что, нет, ничего, рассказывать, связывали, седьмом, только, шестьдесят, что) и, наоборот, увеличение основы слова: *посáдимо, замотáло, сидимб, ѳѳстэ, тáма* (посадим, замотал, сидим, есть, там) и др.

Зафиксирован перенос ударения в словах: *голубѣнький* — голубенький, *голодни* — голодные, *идуть* — идѣт, *придѣм* — придѣм, *було* — было и др.

Кроме представленных фонетических черт, составляющими портрета А. М. Мельниковой являются грамматические особенности:

У прилагательных и местоимений имеют место краткие формы слов (отсутствует конечный согласный и/или гласный): *вэлыкѣ, голбдни, гнылу, урубз, дэревѣнны, жилизно, интѣресна, колбчи, малбсеньки, млáдши, резинова, старша, такá, такѣ, товстэ, тонэньки, чѣрна, эт* (великие, голодные, гнилую, деревянные, железное, интересная, колючие, малюсенькие, младшие, резиновая, старшая, такая, такие, толстое, тоненькое, чёрная, это) и др. Эта черта также отмечена в селе Старая Меловая [Недоступова 2017: 324–325], селе Щучье [Недоступова 2019: 158] и селе Прогорелом Воронежской области [Недоступова, Верзилин 2019: 29].

Выявлено окончание *-ою* на месте *-ой* у существитель-

ных в творительном падеже: *за нэвѣстою, з детворбю, под редбюою, с тоббю* и др. Здесь прослеживается тенденция сохранения древнерусского окончания. По мнению А. Д. Черенковой, она наблюдается в русских говорах Воронежской области [Черенкова 2016: 141].

Показательной чертой, характерной для украинских и южнорусских говоров, выступает отсутствие *-т* на конце глаголов 3-го лица единственного числа: *бѣуая, бувáя, раскázэ, дѣржэ, интѣрѣсѣя, слѣшáя, сповзэ* и др. Замечено и *-ть* на месте *-т*: *ууляють, прихбдють, ломáють, сидáють, уберѣуть* и др.

В возвратных глаголах вместо *-сь* функционирует *-ся*: *наряжáлыся, началáся, длѣлося, остáлося, радблыся, вставлѣлося, жэнылыся, снимáлося* и др. Укажем, что «наличие форм с постфиксом *-ся* после гласных связано с сохранением его в первоизданном виде в украинском языке» [Недоступова 2017: 325]. Кроме того, на месте *-ся* зарегистрирован постфикс *-си*: *дембализовáлси, проснѣлси* и др., однако эти примеры в речи респондента единичны.

Подчеркнѣм, что предлог *у* используется вместо *в*: *прѣмо у бороздѣ. У шкблѣ ходблы. Бáба у колхбзи. У шийсѣт сембм мы жэнылыся. Выписвалы у колхбзи мѣсо*; предлог *до* — вместо *к*: *Прихбдють до нэвѣсты. Несѣуть до дбму* и др.

Отчѣтливо проявляется разрушение категории рода: *Пáлка вставлѣлося. Такѣй был комѣчнай. Лѣн такѣй голубѣньким цвѣт. Еѣ укывáлося онѣ. Нѣткы ужб оставáлося. Налывáли у друѣя ведрб* и др.

Итак, речевой портрет жительницы села Четвериково включает в себя соединение южнорусских и украинских черт. В их числе: оканье, аканье, яканье, [и] на месте [ѣ], отсутствие перехода [е] в [о] после мягких согласных, сохранение мягкости согласных перед [и] на месте [о], йотация, [ʝ] фрикативного образования, употребление [–оуо] на месте [–ово], замена [л] на [в], утрата начальной буквы в слове, на месте мягких согласных перед [е], [и] используются твёрдые, на месте твёрдых — мягкие согласные, звонкие согласные на конце слов и перед глухими согласными не оглушаются, диссимиляция

согласного — на месте [к] употребляется [х], употребление на месте [ф] — [хв], упрощение согласных и (или) отдельных гласных, перенос ударения в словах; краткие формы прилагательных и местоимений, *-ою* на месте *-ой* у существительных в творительном падеже, отсутствие *-т* на конце глаголов 3-го лица единственного числа, *-ть* на месте *-т*, *-ся* на месте *-сь*, *-си* на месте *-ся*, предлог *у* вместо *в*, разрушение категории рода и мн. др.

Вышеперечисленные характеристики речи А. М. Мельниковой дают право рассматривать её говор как русско-украинский переходный, представляющий собой интереснейшее в лингвистическом плане явление.

Безусловно, в современной языковой ситуации справедливо мнение М. А. Авдеевой о том, что «украинские говоры на территории России, в том числе и в Воронежской области, отличаются не только от говоров русского языка (что естественно), но и от говоров украинского. При этом не только в той степени, в какой различаются между собой два любых говора одной языковой системы, но и тем, что они многое заимствовали из русского языка, в основном — из его литературного варианта» (Авдеева 2008 1: 4).

В заключение отметим, что настоящее изыскание пополняет имеющиеся научные материалы по изучению живых народных говоров Воронежской области ценными свежими данными.

Литература

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

Костючук Л. Я. Псковское слово в прошлом и настоящем: (Избранное). Псков: ПсковГУ, 2011. 214 с.

Население села Четвериково Калачеевского района [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bdex.ru/naselenie/voronejskaya-oblast/n/kalacheevskiy/chetverikovo/> (дата обращения: 10.11.2022).

Недоступова Л. В. Морфологические особенности речи жительницы села Щучье Лискинского района Воронежской области // Со-

временная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2019: сб. статей / отв. ред. О. Н. Крылова. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 156–164.

Недоступова Л. В. Русско-украинский говор исчезающего хутора Редкодуб // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 4. С. 136–145.

Недоступова Л. В. Самобытный говор хутора Тюниково Бутурлиновского района Воронежской области // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2015. Вып. № 4 (18). С. 54–58.

Недоступова Л. В. Современное состояние одного воронежского говора (морфологический аспект) // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского: сб. статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. / отв. ред. Е. П. Осипова. Рязань: [б.и.], 2017. С. 322–327.

Недоступова Л. В., Верзилин А. П. Морфологические черты одного петропавловского говора // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 1 (32). С. 27–33.

Недоступова Л. В., Гущина А. А. Фонетические черты одного Лискинского говора // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 2 (29). С. 26–30.

Недоступова Л. В., Леонов Е. А. Морфологические и фонетические особенности говора села Кутки // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2017. Вып. № 1 (24). С. 13–18.

Русская диалектология / [С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, К. Ф. Захарова и др.]; под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1989. 223, [1] с.

Село Четвериково Калачеевского района Воронежской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.komandirovka.ru/cities/chetverikovo/bw/> (дата обращения: 10.11.2022).

Черенкова А. Д. К вопросу о склонении имён существительных в говорах Воронежской области // Известия Волгоградского

государственного педагогического университета. 2016. № 9–10 (113). С. 138–143.

Четвериково — Воронежская область [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gradinf.ru/russia/voronezhskaya-oblast/kalacheevskij-rajon/chetverikovo-2> (дата обращения: 10.11.2022).

Четвериково [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vif.vrn.ru/viewtopic.php?t=2132> (дата обращения: 10.11.2022).

Языковая картина мира вологодского крестьянина. Ч. 1. Домашние и дикие животные / Е. Н. Ильина, Л. В. Сабурова, С. А. Ганичева. Вологда: ВоГУ, 2019. 177 с.: ил.

Phonetic and grammatical features of the speech portrait of a resident (Chetverikovo village, Voronezh region)

Lyubov V. Nedostupova

Voronezh State Technical University
nedostupova2009@yandex.ru

Summary. The article discusses the features of a southeastern dialect of the Voronezh region. Through the representation of phonetic and grammatical peculiarities, we sketch a linguistic portrait of an old-timer from the village of Chetverikovo, Kalacheevsky district. It comprises both southern Russian and Ukrainian features, including the so called *akanye*, *okanye*, *yakanye*, pronouncing /i/ in place of historical /ě/, the absence of transition of /e/ to /o/ after palatalized consonants, the preservation of palatal character of consonants before /i/ in place of /o/, iotation, fricative /ɣ/, replacement of /l/ by /v/, the use of /xv/ in place of /f/, the simplification of consonant clusters and (or) individual vowels, the transfer of stress in words; /-oyu/ in place of /-oy/ for the *a-declension nouns in the instrumental case, the absence of /-t/ at the end of the present 3rd person singular verb forms, /-t'/ in place of /-t/, /-s'a/ or /-s'i/ in place of /-s'/etc. Obtained data make it possible to attribute the respondent's idiom to the number of Russian-Ukrainian transitional dialects.

Key words: phonetic features, grammatical features, speech portrait, Russian-Ukrainian dialect.

References

Avdeeva M. T. Slovar' ukrainiskikh govorov Voronezhskoy oblasti: v 2 t. [Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region: in 2 volumes]. VGU. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [VSU. Voronezh: Publishing and Printing Center of Voronezh State University]. 2008. Vol. 1. 227 pp. Vol. 2. 306 pp.

Humboldt W. von. Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu: sb. statey [Selected works on linguistics: Collected articles]. Moskva: Progress, 1984. 400 pp.

Kostyuchuk L. YA. Pskovskoye slovo v proshlom i nastoyashchem: Monografiya (Izbrannoye) [Pskov word in the past and present: Monograph (Selected)]. Pskov: PskovGU, 2011. 214 pp.

Naseleniye sela Chetverikovo Kalacheyevskogo rayona. [The population of the village of Chetverikovo, Kalacheevsky district] URL: <https://bdex.ru/naselenie/voronejskaya-oblast/n/kalacheevskiy/chetverikovo/> (accessed: 10.11.2022)

Nedostupova L. V. Samobytnyy govor khutora Tyunikovo Buturlinovskogo rayona Voronezhskoy oblasti [The original dialect of the farm of Tyunikovo, Buturlinovsky district, Voronezh region] // Nauchnyy vestnik VGASU. Seriya «Lingvistika i mezhhul'turnaya kommunikatsiya» [Scientific Bulletin of Voronezh State Technical University. Series "Linguistics and intercultural communication"]. Iss. № 4 (18). Voronezh, 2015. Pp. 54–58.

Nedostupova L. V. Sovremennoye sostoyaniye odnogo voronezhskogo govora (morfologicheskiy aspekt) [The current state of one Voronezh dialect (morphological aspect)] // I.I. Sreznevskiy i russkoye istoricheskoye yazykoznaniiye: opyt i perspektivy. 205-letiyu so dnya rozhdeniya I.I. Sreznevskogo [I.I. Sreznevsky and Russian historical linguistics: experience and perspectives. 205th anniversary of the birth of I.I. Sreznevsky]. Ryaz. gos. un-t imeni S.A. Yesenina. Ryazan', Ryazan, 2017. Pp. 322–327.

Nedostupova L. V., Leonov Ye. A. Morfologicheskiye i foneticheskiye osobennosti govora sela Kutki [Morphological and phonetic features of the dialect of the village of Kutki] // Nauchnyy vestnik Voronezhskogo GASU. Seriya «Lingvistika i mezhhul'turnaya kommunikatsiya» [Sci-

entific Bulletin of the Voronezh State Technical University. Series “Linguistics and intercultural communication”. № 2(24). 2017. Pp. 13–18.

Nedostupova L. V., Gushchina A. A. Foneticheskiye cherty odnogo liskinskogo govora. [Phonetic features of one dialect of Liski] // Aktual’nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki [Topical issues of modern philology and journalism]. № 2(28). 2018. Pp. 26–30.

Nedostupova L. V., Verzilin A. P. Morfologicheskiye cherty odnogo petropavlovskogo govora [Morphological features of one Petropavlovk district dialect] // Aktual’nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki [Topical issues of modern philology and journalism]. Voronezh. 2019. № 1 (32). Pp. 27–33.

Nedostupova L. V. Morfologicheskiye osobennosti rechi zhitel’nitsy sela Shchuch’ye Liskinskogo rayona Voronezhskoy oblasti [Morphological features of the speech of a female resident of the village of Shchuchye, Liskinsky district, Voronezh region] // Sovremennaya russkaya leksikologiya, leksikografiya i lingvogeografiya 2019 [Modern Russian lexicology, lexicography and linguogeography 2019] // In-t lingv. issled. RAN. SPb.: ILI RAN, 2019. Pp. 197–205.

Nedostupova L. V. Russko-ukrainskiy govor ischezayushchego khutora Redkodub [Russian-Ukrainian dialect of the disappearing farm of Redkodub] // Aktual’nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. Vladikavkaz. Issue. 4. 2020. Pp. 136–145.

Russkaya dialektologiya [Russian dialectology] / S. V. Bromley, L. N. Bulatov, K. F. Zakharova and others; ed. L. L. Kasatkin. Moscow: Education, 1989. 221 pp.

Selo Chetverikovo Kalacheyevskogo rayona Voronezhskoy oblasti [The village of Chetverikovo, Kalacheevsky district, Voronezh region]. URL: <https://www.komandirovka.ru/cities/chetverikovobw/> (accessed: 10.11.2022).

Cherenkova A. D. K voprosu o sklonenii imyon sushchestvitel’nykh v govorakh Voronezhskoy oblasti [On the issue of declension of nouns in the dialects of the Voronezh region] // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Volgograd State Pedagogical University]. № 9–10 (113), 2016. Pp. 138–142.

Chetverikovo — Voronezhskaya oblast’ [Chetverikovo, Vorone-

zh region]. URL: <https://gradinf.ru/russia/voronezhskaya-oblast/kalacheevskij-rajon/chetverikovo-2> (accessed: 10.11.2022).

Chetverikovo [Chetverikovo]. URL: <https://vif-vrn.ru/viewtopic.php?t=2132> (accessed: 10.11.2022).

Yazykovaya kartina mira vologodskogo krest’yanina: monografiya [Language picture of the world of a Vologda peasant: a monograph] / Ye. N. Il’ina, L. V. Saburova, S. A. Ganicheva. Vologda: VoGU, 2019. Chast’ I. Domashniye i dikiye zhivotnyye. [Part I. Domestic and wild animals]. 178 pp.

Микротопонимия исторического поселения Крапивна Щёкинского района Тульской области

Ольга Сергеевна Венёвцева

Федеральное государственное
бюджетное учреждение культуры
«Государственный мемориальный
и природный заповедник»
Музей-усадьба Л. Н. Толстого
«Ясная Поляна»
krapivna_grad@mail.ru

Игорь Валентинович Пантелеев

Независимый исследователь
igvpant@mail.ru

В статье анализируются микротопонимы исторического поселения Крапивна и его окрестностей Щёкинского района Тульской области. С позиций синхронии и диахронии изучается мотивация микротопонимов, история их возникновения, функционирование в речи местных жителей и территориальная распространенность в других регионах Российской Федерации. Анализ экстралингвистических факторов, которые оказывают влияние на возникновение и функционирование микротопонимов в речи местного населения, позволяет установить причины их появления, активного употребления, замены новыми собственными наименованиями и перехода из активного словарного запаса в пассивный словарный запас. Воссоздание достаточно полной микротопонимической картины исторического поселения Крапивна и его окрестностей не только представляет лингвистический интерес, но и позволит частным лицам получить полное представление о месте будущего проживания, а сотрудникам музея — разработать тематические и авторские экскурсии по историческому поселению.

Ключевые слова: с. Крапивна, историческое поселение, ономастика, микротопонимы, говоры.

Как известно, «названия — это народное поэтическое оформление страны. Они говорят о характере народа, его истории, его склонностях и особенностях быта», поэтому «названия нужно уважать» [Паустовский 1968: 566].

Микротопонимы, представленные в настоящее время на территории исторического поселения Крапивна и его окрестностей, по своему происхождению тесно связаны с историей становления и развития бывшего города-крепости, что отразилось в названии слобод, примыкающих к Крапивне: Крапивенская, Казачья, Пушкарская, Московская, Жилая, которые заселялись служилым людом из разных регионов Московского государства. Ср.: *Пушкарская земля* — ‘место за селом (пушкарям она принадлежала)’ [Климкова 2007: 102].

После утраты военного назначения Крапивна превращается в уездный город Тульской губернии, имеющий торгово-экономические и хозяйственные отношения с различными регионами Российской империи. Все эти особенности в становлении и развитии исторического поселения Крапивна оказали непосредственное влияние на формирование микротопонимов, одни из которых не сохранились, а другие дошли до наших дней и с различной степенью активности используются в речи местных жителей, что обусловлено тяготением микротопонимов к местному говору [Суперанская, Сталтмане, Подольская, Султанов 2009: 45].

Цель статьи — провести разноаспектный анализ микротопонимов исторического поселения Крапивна и населенных пунктов, непосредственно к нему примыкающих, выяснить мотивы номинации и установить факторы, которые оказали решающее влияние на формирование номенклатуры микротопонимов.

В отечественной лингвистике утвердилось мнение, что при выборе имени для того или иного географического объекта за основу номинации берется как признак самого объекта, так и ситуативный признак, который не существует для самого объекта, но в силу личных причин или каких-то внеязыковых факторов значим для носителей языка [Климкова

2007: 87]. Профессор А. Н. Карпов по этому поводу писал: «Во всех русских диалектах именование объектов, процессов, признаков проходило и проходит с ориентацией на выделение существенного. Номинаторы свободны в выборе признаков предмета; важно, чтобы название заключало в себе ‘начало распознавания’» [Карпов 2003: 5–6]. Но даже и в том случае, когда признак, лежащий в основе мотивации названия, установить не удастся, мы не можем говорить о том, что название немотивировано. Просто по прошествии времени нам пока не удалось определить все этапы номинационной цепочки [Климкова 2007: 85].

Отсюда следует, что те названия, которые в настоящей статье будут характеризоваться как имеющие неясную мотивацию, по-прежнему интересуют нас с точки зрения происхождения и остаются в сфере наших научных интересов: это задел на будущее.

Все микротопонимы, образующие тематическое поле (далее ТП) «Микротопонимия с. Крапивна и его окрестностей», можно разделить на несколько лексико-семантических групп (далее ЛСГ): 1) ойконимы; 2) хоронимы; 3) оронимы; 4) гидронимы и 5) дримонимы.

Начнем рассмотрение с первой группы.

Слободы Крапивны в настоящее время носят названия 1) *Пушкарская*, 2) *Стрелецкая*, 3) *Казачья*, 4) *Крапивенская*, 5) *Московская*, 6) *Жилая*. По свидетельству В. А. Левшина, в начале XIX столетия эти слободы назывались иначе: 1) *слобода Пушкарская*, 2) *Стрелецкая жилая*, 3) *Стрелецкая Московская*, 4) *Казачья*, население которых составляли потомки «людей старинных служб» [Левшин 2006: 143]. С утратой Крапивной военно-стратегического значения и превращения поселения в уездный город состав населения изменился. Так, например, В. А. Левшин пишет, что в начале XIX столетия население слобод составляли государственные крестьяне, которые были приписаны к уезду, а «купцы и мещане здешние составились из однодворцов, церковников, пахотных солдат и приказных людей» [Левшин

2006: 143–144]. Как видим, со временем административное деление в слободах Крапивны стало дробным: в качестве самостоятельных добавились слободы *Московская*, *Жилая*, *Крапивенская*. Из территории каких слобод выделилась *Крапивенская слобода*, выяснить не удалось.

Вторую группу образуют хоронимы, возникшие на территории исторического поселения Крапивна и её слобод.

Названия *Мазурихин поворот* — ‘поворот по трассе в п. Крапивна неподалеку от дома Мазуровых’ и *Дюков сад* — ‘сад на окраине Крапивны, принадлежавший гражданину Дюкову’ образованы от антропонимов Мазуровы (позвище Мазуриха) и Дюков (Дюк). До настоящего времени дом Мазуровых не сохранился, а название и сейчас активно используется в речи местных жителей. Что касается хоронима Дюков сад, то он перешел в разряд историзмов, поскольку в 1941 г. сад вымерз и был выпилен.

Хороним *Хитровка* — ‘небольшой открытый рынок (прилавки) в центре Крапивны’ мог возникнуть по аналогии с Хитровским рынком (Хитровка) в Москве, название которого образовано от антропонима Хитрово, фамилии майора Н. З. Хитрово, который создал и подарил в 1824 г. Москве эту площадь. Известно, что на любом рынке продавцы и покупатели хитрят по отношению друг к другу: одним хочется выгодно продать свой товар, другим — купить подешевле. Применительно к с. Крапивна мы можем говорить уже о вторичной мотивации: название рынка очень метко отражало суть на нем происходящего: и продавцы, и покупатели, торгуясь, хитрили. В настоящее время крапивенский хороним *Хитровка* перешел в разряд историзмов, поскольку известен преимущественно представителям старшего поколения и употребляется ими в речи во время рассказов о прошлом.

Хороним *Кавказ* — ‘часть (несколько смежных кварталов) Крапивны’ возник в языке местных жителей в XX столетии. В основе мотивации названия, возможно, лежит географический признак: рельеф местности, ориентация по сторонам света.

Названия *Троицкий мост* и *Плотина* обозначают пешеходный мостик через р. Плаву под Троицкой горой, на которой некогда располагалась Троицкая церковь. Таким образом, хороним *Троицкий мост* образован от экклезионима Троицкая церковь, а хороним *Плотина* содержит в себе информацию о том, что до 1-й пол. XX столетия на этом месте была запруда и располагалась мельница. Исходя из того, что Троицкая церковь возникла раньше мельницы и что сам мост связывал слободы с Крапивной, служа переходом через р. Плаву, можно говорить о том, что хороним *Троицкий мост* древнее хоронима *Плотина*.

Теперь перейдем к рассмотрению хоронимов, отмеченных в слободах Крапивны.

Название *Буяновка* — ‘окраина верхней Пушкарской слободы’ до сих пор активно используется в речи местных жителей. В «Словаре народных географических терминов» Э. М. Мурзаева содержится слово *буян* — ‘открытое возвышенное место на ветру, площадка, базарная площадь, рынок, место на берегу для погрузки или выгрузки товаров, сильный ветер’ (Мурзаев 1984: 106). Учитывая местоположение Пушкарской слободы — открытая возвышенность, продуваемая ветрами, — мы вправе предположить, что *Буяновка* образована от существительного *буян* — ‘открытое возвышенное место на ветру’. Наше предположение косвенно подкрепляется ещё и тем, что в Пушкарской слободе за *Буяновкой* на вершине оврага находится *Свисталовка*. По свидетельству местных жителей, в *Свисталовке* ветер дует с особой силой, «со свистом», откуда и пошло название хоронима.

Верх *Московской слободы* в народном языке получил название *Собачьи дворики*, мотивация которого не установлена, а место за Московской слободой, куда местные жители сгоняли коров на полуденную дойку, называли *Полдня*.

Происхождение названий частей *Казачьей слободы*: *Красинская* — ‘верх слободы по левую сторону от Крапивны’, *Должанская* — ‘низ Казачьей слободы, вверх по течению реки Плава’, *Косинская* — ‘центральная часть Казачьей

слободы вдоль реки Плава’ — точно установить не удалось. Несмотря на неясность мотивации, эти хоронимы активно используются в речи местных жителей.

Неподалеку от исторического поселения Крапивна расположена деревня Орлово, часть которой рядом с маленькой речкой Плавка получила одноименное название *Плавка*, которое активно используется в речи местных жителей и в наши дни.

Третья группа микротопонимов представлена оронимами, имеющими различную мотивацию: а) по фамилии людей, живших неподалеку. *Алехинская горка* — ‘подъем рельефа, горка в населенной черте, в одном из исторических кварталов (перекресток ул. Г. Успенского и ул. Полякова в с. Крапивна), где находился дом семьи Алехиных’; *Петухова гора (Петуховка)* — ‘горка в населенной черте, в одном из исторических кварталов (перекресток ул. Октябрьской и ул. Красной), где, предположительно, жили Петуховы, или владелец дома имел прозвище Петух’; *Кошкин овраг* — ‘овраг неподалеку от с. Крапивна, известный с XX столетия и каким-то образом связанный с жизнедеятельностью гражданина Кошкина, или имевшего прозвище Кошка’; *Брагин верх* — ‘овраг по дороге в Крапивну из Тулы за п. Пришня, упоминаемый в документах XVII в., согласно народной легенде, получил название по фамилии разбойников братьев Брагиных’; б) по названию растения: *Хренов(а) бугор (гора)* — ‘крутой спуск к левому берегу реки Плава, на котором огородники выращивали хрен’; *Дягилев верх* — ‘овраг, пересекающий с. Крапивну и известный под таким названием с 30–50-х гг. XVIII в.’. Как известно, заросли дягиля лекарственного *Angelica archangelica* L в европейской части России встречались в сырых оврагах с богатой почвой; в) мотивация названия связана с природохозяйственной деятельностью человека: *Карьер* — ‘место старого заброшенного карьера неподалеку от правого берега реки Упы, деревни Орлово и Засек’; г) названия с неясной мотивацией: *Золотой овраг* — ‘овраг рядом с Крапивной’. Название могло быть дано как по цвету произрастающих в овраге растений (одуванчики, золотарник), так и по его хозяйственному назначению: золо-

тари сливали нечистоты. Подобный овраг существовал близ г. Ельца, о чем свидетельствует И. А. Бунин в «Жизни Арсеньева» [Бунин 1988: 313]; *Дорогомиллова гора* — ‘высота на берегу реки Плавы, где расположено с. Крапивна’; *Гумнищев Лог* — ‘овраг близ с. Крапивна’; *Фетисова гора* — ‘урочище на правом берегу р. Плавы неподалеку от с. Малынь’; *Пятница* — ‘часть оврага, идущего за песчаным карьером в сторону села Умчино’; *Узлово* — ‘овраг, идущий в сторону бывшего с/х комплекса выше Московской и Жилой слобод’; д) мотивация по месторасположению: *Задняя Пятница* — ‘овраг, идущий за Пятницей’; *Малынский курган* — ‘то же, что Фетисова гора’; е) мотивация по храму: *Троицкий (ая) бугор/гора* — ‘крутой спуск к берегу реки Плава от Троицкой церкви». Названия объектов, образованные от экклезионимов, на географической карте России достаточно частотны: *Вознесенское поле*, *Троицкий колодезь* и др. [Климкова 2007: 328].

Четвертую ЛСГ образуют названия колодцев, прудов и места на р. Плаве.

Микрогидронимы *Юдинский колодец* — ‘колодец, выкопанный по наказу одного из крапивенских купцов Юдиных напротив их дома’ и *Максимовский пруд* — ‘пруд в Засаках, где лесник Петр Максимов’ образованы от антропонимов Юдин и Максимов. А вот происхождение микрогидронима *Казаков колодец* — ‘колодец в Засаках на правом берегу реки Упы напротив турбазы поселка Лесной’ точно установить не удалось. Он мог быть образован как от антропонима Казаков, так и от основы существительного *казак* при помощи форманта *-ов*. В таком случае, в названии колодца содержится информация не о конкретном человеке, которому он принадлежал, а о служилых людях, охранявших Крапивенские Засаки. Ср.: *Казачья слобода* — *Казаков колодец*.

Названия *Камушек/Камушки* — ‘место на р. Плаве на левом берегу в городской черте, где галечное дно и где лежат несколько больших камней’ имеют прозрачную мотивацию и активно используются в речи местных жителей (*Пайдём купаца на камушки*).

Пятая ЛСГ представлена названиями лесов, ранее входивших в состав Крапивенских засек Малиновой и Заупской. Большинство дримонимов имеют прозрачную мотивацию, обусловленную природно-хозяйственной деятельностью человека, его обрядами и верованиями или же отличительными признаками самого объекта.

Так дримонимы *Первый*, *Второй* и *Третий лес* — ‘леса за Крапивной в сторону Одоева’ получили название с учетом их удаленности от исторического поселения Крапивна. Иначе говоря, здесь налицо «отношения очередности, следования (пространственного и/или временного)» [Климкова 2007: 316], которые возникают при движении человека по направлению в сторону объекта по автодороге «Крапивна — Одоев».

Название *Дубки* — ‘лес неподалеку от Засек и д. Орлово по правому берегу р. Упы’ свидетельствует о том, что в этом лесу преобладали молодые дубовые деревья, а дримоним *Дегтявой лес* — ‘лес, неподалеку от с. Жердево’ содержит в себе информацию двух видов: а) о характере использования леса в хозяйственной деятельности: в нем гнали деготь и б) о составе леса: преимущественно березняк, поскольку деготь на Руси обычно гнали из березовой коры. Название *Дубки* частотно в целом ряде регионов России (Мурзаев 1984: 92), что можно объяснить целенаправленным высаживанием молодых дубков для создания защитных лесопосадок вдоль полей и оврагов (ЭЛХ 1: 220).

Наряду с неофициальными названиями лесов в речи местных жителей существуют и названия официальные, при этом первые характерны для устной речи, а вторые — для речи письменной, преимущественно документов. Как правило, неофициальное название образовано от антропонима: фамилии или имени лесника, в ведении которого этот лес находится, а название официальное дано лесу по названию близлежащего населенного пункта. Таковыми являются дримонимы: *Ботвинская казарма* / *У Ботвина* — ‘дом лесника И. М. Ботвина и место вокруг него в Засаках’ (*Пайдём за грибами*

к *Батвину*; *Хадилли за грибами пѣд Батвина*. Щѣк. Крап.); *Яшкина казарма* — ‘дом лесника Якова Васина и место вокруг него в Засаках’. Ботвинская казарма расположена неподалеку от деревни Орлово, поэтому официальное название — *Орловская казарма*, а неподалеку от села Лонское находится Яшкина казарма, которая в документах называется *Лонская казарма*. Сюда же примыкает и название *Шлыкковская казарма* — ‘дом лесника и место вокруг него в Засаках неподалеку от деревни Шлыково’.

Дримоним *Гарни* — ‘небольшой лес между селом Алимкино и д. Жердево’ мог получить свое название за то, что там когда-то был пожар.

В названии *Пятница / Под Пятницей* — ‘лесополоса, небольшой лесок между деревней Умчино и Умчинским лесом’ актуализировался пространственный признак объекта, находящегося в непосредственной близости от части оврага (лога), расположенного за песчаным карьером в сторону села Умчино и именуемого в народе *Пятница*.

Название *Муром лес* — ‘лес за Крапивной в сторону Одоева’ в народном сознании, несомненно, является мотивированным, однако признак, лежащий в основе мотивации названия, на сегодняшний день установить не удалось.

Интересно по своему происхождению название *Семь березок* — ‘березовая роща над оврагом, слева от песчаного карьера в сторону села Умчино’. Известно, что «число *семь* стало сакральной мерой позднее архетипического числа *три*, и оно согласовалось с числом дней лунного цикла, с семизвездностью Большой Медведицы, наиболее почитаемого созвездия северного полушария, с суммой четырех сторон света и трех главных вертикальных сфер Вселенной (Нижней, Средней, Верхней)» [Климкова 2007: 316]. Однако в Православии число семь, равно как и другие числа, не считается числом сакральным, а носит исключительно символический смысл, т. е. указывает на тот или иной священный объект. Семь — это символ полноты, совершенства: Господь сотворил

этот мир за семь дней; полнота Божественной благодати изображается с помощью семи даров Святого Духа.

У язычников береза символизировала женское начало, заботу, здоровье и жизнь, поэтому к ней нередко обращались за помощью. Христиане тоже относились к березе почтительно: в народе бытовало предание, согласно которому под березой Богомладенец Иисус и Богородица прятались от непогоды; на Троицу храм украшали молодыми березками, дома ставили освященные в церкви березовые ветви, из веток березы девушки плели венки, в березовых рощах проходили народные гулянья.

После кончины человека на его могиле у изголовья нередко сажали березу, обычно плакучую, о чем пишет И. А. Бунин в «Жизни Арсеньева» [Бунин 1988: 365]. Таким образом, мы можем предположить, что название *Семь березок* достаточно старое и обозначает место, которое как-то связано с народными религиозными верованиями и обычаями.

В заключение отметим:

1. микротопонимы исторического поселения Крапивна создавались местными жителями с учетом географических, природно-климатических, природно-хозяйственных, социальных и культурных особенностей этой местности: *Буяновка, Свисталовка, Карьер, Троицкий бугор* и др.;

2. частотны вторичные микротопонимы, получившие название по названию ранее существовавшего объекта: *овраг Пятница — лес Пятница*;

3. микротопонимы, восходящие к антропонимам, тесно связаны с историей местности и людей, на ней проживавших: *Мазурихин поворот, Дюков сад, Юдинский колодец* и др.;

4. в современной микротопонимии исторического поселения Крапивна на сегодняшний день в ряде случаев фиксируются два наименования: народное и официальное, которые, не конкурируя между собой, имеют различную сферу употребления: разговорную и официально-деловую: *Ботвинская казарма — Орловская казарма, Яшкина казарма — Лонская казарма*.

Литература

Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1988. 544 с.

Климкова Л. А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира. М.: МПГУ; Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.

Левшин В. А. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. Тула: Пересвет, 2006. 391 с., [8] л. цв. ил.

Карпов А. Н. Отонимная лексика в словаре русских пчеловодов // Русистика: проблемы, достижения, перспективы: сб. науч. ст. / отв. ред. Г. В. Токарев; ред.: В. Т. Бондаренко, Г. Н. Большакова, Д. А. Романов. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2003. С. 5–8.

Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 5. Повесть о жизни. Время больших ожиданий. Бросок на юг. Книга скитаний. М.: Художественная литература, 1968. 576 с.

Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 254, [2] с.

Microtoponymy of the Historical Settlement of Krapivna, Shchekinsky District of the Tula Region

Olga S. Venevtseva

FSB GMPZ “Museum-estate of L.

N.Tolstoy “Yasnaya Polyana”

krapivna_grad@mail.ru

Igor V. Panteleev

Independent researcher

igvpant@mail.ru

The article analyzes microtoponyms of the historical settlement of Krapivna and its environs in the Shchekinsky district of the Tula region from the viewpoint of synchrony and diachrony in terms of their motivation, history of origin, functioning in the speech of local residents and territorial prevalence in other regions of the Russian Federation. The analysis of extralinguistic factors that influence the emergence and functioning of microtoponyms in the speech of the local population allows us to establish the reasons for their appearance,

active use, replacement with new proper names and transition from active vocabulary to passive vocabulary. Recreating a fairly complete microtoponymic picture of the historical settlement of Krapivna and its surroundings will allow individuals to get a complete picture of the place of their future residence. Also, the results of the study can be used when the museum staff develops thematic and author's excursions to the historical settlement of Krapivna.

Key words: Krapivna settlement, historical settlement, onomastics, microtoponyms, dialects.

References

Bunin I. A. Sobr. soch.: v 4 t. T. 3 [Collected works in 4 vols. Vol. 3]. M.: Pravda, 1988. 542 pp.

Dub // *Enciklopediya lesnogo hozyajstva: v 2 t. T. 1.* / gl. red. S. A. Rodin [S.A. Rodin (ed.) *Oak // Encyclopedia of forestry*]. M.: VNIILM, 2006. P. 220

Klimkova L. A. Nizhegorodskaya mikrotoponimiya v yazykovoj kartine mira [Nizhny Novgorod toponymy in the language world-view]. Arzamas: AGPI, 2007. 394 pp.

Levshin V. A. Topograficheskoe opisanie Tul'skoj gubernii 1803 god [A topographic description of the Tula governorate, 1803]. Tula: Peresvet, 2006. 391 pp.

Murzaev E. M. Slovar' narodnyh geograficheskikh terminov [Dictionary of Folk Geography Terms]. M.: Mysl', 1984. 653 pp.

Karpov A. N. Otonimnaya leksika v slovare russkikh pchelovodov [Denominal lexical items in the vocabulary of Russian bee-keepers] // *Rusistika: problemy, dostizheniya, perspektivy 2003* / отв. ред. Г. В. Токарев. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2003. Pp. 5–8.

Paustovskij K. G. Sobr. soch.: v 8. T. 5 [Collected works in 8 vols. Vol. 5]. M.: Hudozh. literatura, 1968. 548 pp.

Superanskaya A. V., Staltmane V. E., Podol'skaya N. V., Sultanov A. H. Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovanij [Theory and methods of onomastic research]. M.: LIBROKOM, 2009. 254 pp.

Наименования родника, ключа в русских народных говорах (по данным ЛАРНГ)

Андрей Владимирович Приображенский

Петрозаводский государственный
университет
primlp47@list.ru

Статья посвящена описанию наименований родника, ключа в русских народных говорах. Материалом исследования послужили лексемы из картотеки Лексического атласа русских народных говоров (карта ЛСЛ 481). Отмечается локализация анализируемых слов, проводится их анализ в мотивационном аспекте. Выявляются модели образования названий, мотивационные признаки, которые актуализируются в наименованиях родника и ключа, рассматривается степень их продуктивности. В качестве лексических мотиваторов обозначений родника, ключа в русских народных говорах выступают наименования действий, предметов определенной формы, мест, посуды, частей тела человека, температуры воды, веществ и жидкостей, цвета воды и строительная лексика. У большинства названий родника, ключа актуализируется мотивационный признак 'характер истечения воды'.

Ключевые слова: народные говоры, лингвогеография, диалектная лексика, названия ключа, родника, мотивы номинации.

Родником или ключом называют естественный выход подземных вод на поверхность земли. Эти объекты питают другие поверхностные водоемы и являются уникальными естественными водоемами, ср.: *Ключ выбивает из земли, ручьём уходит в речку* (Ленингр.: Волос. — п. 55); *Наши пруды источника питаются* (Пенз.: Башмак. — п. 678); *Из-за источников вода в Волге холоднее* (Волгогр.: Светл. — п. 971). Воду многих источников местное население считает целебной и святой, называет ее живой, чистой, вкусной: *В ключе вода-то совсем другая, вкусная, пить приятно* (Ленингр.: Тихвин. — п. 59); *Майданка начало своё берёт*

из ключа (Перм.: Чусов. — п. 92); *Из источника напьёмся живой водицы* (Костром.: Костром. — п. 185); *Знаю ключ один — вода целебная — всегда пью* (Моск.: Ступ. — п. 467); *На источнике брали воду святую* (Нижегор.: Ардат. — п. 476); *На роднике вода самая чистая, хороша на чай* (Сарат.: Екатеринбург. — п. 801).

В настоящей статье мы рассмотрим наименования родника и ключа в русских народных говорах по данным ЛАРНГ¹, сосредоточим внимание на их распространении, мотивационных моделях и признаках номинации. При анализе используется терминология, разработанная О. И. Блиновой [Блинова 1972]; (МДС).

В русском языке и его говорах имеются немотивированные слова, которые утратили свою мотивированность или вовсе не могут иметь внутренней формы. К последним относят лексемы иноязычного происхождения, мотивационные связи которых для носителей русского языка являются затемненными и не определяются. Правда, у иноязычных слов благодаря народной этимологии могут появиться новые словопроизводные связи, и на их базе произойдет процесс создания лексической мотивированности. Следует учитывать и то, что многие иноязычные слова обрели в русских говорах многочисленные производные значения, которые создаются на базе прямых и мотивируются ими.

Материалы ЛАРНГ свидетельствуют о существовании в русских народных говорах следующих наименований родника, ключа: *аст, бочаг, взнор, водорой, водотёк, гремьяк, гремьяч, громобой, ёрдан, жерло, жигун, жила, жилина, заключище, исток, источина, источник, источница, истрюга, камёжник, квасиц, ключ, ключак, ключаник, ключевина, ключевина, ключёвина, ключень, ключина, ключовик, колодезь, колодец, колодчик, колочик, криница, крыница, пендус, поджили-*

¹ Иллюстрации из диалектных словарей в статье приводятся в орфографической записи, в соответствии с правилами подачи материала в ЛАРНГ, факты регулярной диалектной фонетики не отражаются.

*на, подо́збро́ица, подся́к, промы́вина, протё́к, протó-
чина, протóчник, пучи́на, родни́к, родови́на, рудни́к,
све́жун, сопу́н, стóдница, текáлка, теку́н, теку́ч,
точни́к, холоди́к, це́жонка, ша́па, яр, ярик.*

Наименования родника, ключа входят в состав географической терминологии, обозначающей определенные географические реалии. Географическая терминология, по словам Н. И. Толстого, «связана в лексемном, а в широком плане и в смысловом отношении с другими терминологическими сферами, в первую очередь с названиями частей тела человека, посуды, ткачества, построек и их частей и в меньшей степени с другими сферами» [Толстой 1969: 246]. Большая часть этих сфер отражается и в названиях родника.

Некоторые слова со значением ‘родник, ключ’ по-разному трактуются исследователями. Так, слова *ключ* и *источник*, представленные на всей картографируемой территории ЛАРНГ, допускают различные этимологические и мотивационные связи. Лексему *ключ*, имеющую соответствие в других славянских языках (болг. *ключ* ‘о шуме воды’, сербохорв. *кључ* ‘клокотание, бурление воды’, *кључати* ‘кипеть, бурлить, клохтать’), сближают со звукоподражательным глаголом *кљóкати* ‘шуметь’ (Фасмер 2: 258) или возводят к праслав. звукоподражательному **kl’uk* ‘звук от удара’ (Шапошников 2010 1: 403). О. Н. Трубочев и П. Я. Черных считают *ключ* родственным *клюка* (праслав. **kl’uka* или **kljuka*), а первоначальной семантикой **kl’uč* или **ključь* — ‘изогнутая палка, крюк’ (ЭССЯ 10: 52; Черных 1: 404). В первом случае семантической моделью образования слова будет ‘действие’ > ‘родник’, а мотивировочным признаком — ‘свойство, воспринимаемое на слух’. Во втором случае реализуется модель ‘предмет определенной формы (палка, крюк)’ > ‘родник’, которая актуализирует признак — ‘форма’. Эти семантические модели и мотивы номинации представлены также в следующих дериватах слова *ключ*:

— *ключёвина, ключёвина, ключевина*, которые зафиксированы в севернорусских (архангельских, ладого-

тихвинских, белозерско-бежецких, вологодских, пермских), среднерусских (псковских, новгородских), точно в южно-русских (верхне-днепровских, рязанских);

— *кљóчак* и *кљóчóвик* в русских говорах Карелии: Медв. — п. 18, ср. *Кљóчак — да родник это; Надо сходить на кљóчóвик да холодной водушки взять* (СРГК 2: 376);

— *кљóчаник* в пермских говорах: Оч. — п. 159 (КЛАР-НГ);

— *кљóчэ́вник* в вологодских говорах: Сок. — п. 81, ср.: *Сначала там ключевники, потом курган, оттуда река и течет* (СГРС 5: 184);

— *кљóчень* в тверских говорах: Пен. — п. 274, ср.: *Там рядом ещё кљóчнй бьют* (Селигер 3: 51);

— *кљóчи́на* в архангельских и вологодских говорах: Плес. — п. 27; Вашк. — п. 43, ср.: *Берега-то есть родничные, там кљóчи́ны есть; Место такое, откуда вода бьет, кљóчи́на называется* (СРГК 2: 376);

— *закљóчище* в новгородских говорах: Люб. — п. 99 (НОС 2010: 289).

Лексема *источник* восходит к праслав. **jъztočьnikъ*, имеющему соответствие в южнославянских, древнерусском и русском языках. Последнее может быть производным с суффиксом *-ikъ* от прилагательного **jъztočьnъ* (рус. *источный* ‘относящийся к истоку’) или производным с суффиксом *-nikъ* от глагола **jъztočiti* (рус. *источить*) (ЭССЯ 9: 79; Шапошников 2010 1: 365). Семантической моделью образования слова *источник* в первом случае будет ‘отношение к месту выхода воды’ > ‘родник’, а мотивировочным признаком — ‘местонахождение’. Во втором случае слово образуется по модели ‘действие’ > ‘родник’, которая реализует мотивировочный признак — ‘характер истечения воды в роднике’. Эти семантические модели и мотивы номинации представлены и в производном *истóчница*, зафиксированном в вологодских говорах (Череп. — п. 78) и русских говорах Марий Эл (Волж. — п. 411).

Рассмотрим подробнее семантические модели образова-

ния наименований ключей и родников, расположив их в порядке убывания частотности.

‘Действие’ > ‘родник’

Лексема **исток** в значении ‘источник, родник’ распространена в севернорусских (архангельских, белозерско-бежецких, вятских, пермских), среднерусских (владимирско-поволжских, русских говорах Башкирии), южнорусских (курско-орловских, донских, астраханских). Она восходит к праслав. **jъztoкъ*, которое известно большинству славянских языков и является старым производным от гл. **jъztekъi* (рус. *истечь*) (ЭССЯ 9: 80).

Несколько лексем в значении ‘родник’ связаны с глг. *течь*, восходящим к праслав. **tekti*, **tekъ* > и.-е. **tekⁿ*: **tokⁿ* ‘бежать, течь’ (Черных 2: 243; Шапошников 2010 2: 416):

— в новгородских говорах **теку́н**: Бат. — п. 96, Шим. — п. 97, Новг. — п. 98, Вол. — п. 124, Валд. — п. 173, ср.: *В теку́не студёная вода; Теку́н или родник, вода бьёт* (НОС 2010: 1180), **протёк**: Хв. — п. 100, Мош. — п. 101, ср.: *У нас далеко вода-то, один колодец, а там в Осипове есть протёки — родники* (НОС 2010: 972);

— **теку́ч** в донских говорах: Верхнедон. — п. 947 (БТСДК: 526);

— **тека́лка** во владимирско-поволжских говорах: Заволж. — п. 248 (КЛАРНГ).

Чередованием гласных с *течь* (праслав. **tekti*, **tekъ*) также связаны следующие производные: **точни́к** в русских говорах Башкирии: Бир. — п. 417, ср.: *Эта вода выпадает из горы — точни́к* (СРГБ 4: 63); **прото́чник** в пермских говорах: Окт. — п. 264, ср.: *Колодцев у нас не было. Проточники только* (СРГЮП 2: 479); **прото́чина** в русских говорах Карелии: Прион. — п. 25 (КЛАРНГ).

Лексема **водотёк** в значении ‘родник’ известна в русских говорах Мордовии: Ельн. — п. 555, ср.: *Раньше сосны да водотёки одни здесь были* (СРГРМ 1: 94). Она образована сложением сущ. *вода* и глг. *течь* (праслав. **tekti*, **tekъ*).

Лексема **подся́к** ‘ключ, вытекающий из земли, источник,

родник’ употребляется в вологодских говорах: Ник. — п. 84, ср.: *У меня под домом подсяк бьёт* (СВГ 7: 114). Слово **подся́к** производно от глагола *ся́кнуть* ‘литься, сочиться, капать (о жидкости)’, известного в тверских, самарских и пензенских говорах (СРНГ 43: 194). Указанный глагол восходит к праслав. **seknoti* и связан чередованием гласных с **sočiti* (Фасмер 3: 826).

Лексема **громобой** в значении ‘родник, ключ’ зафиксирована в тульских говорах: Вен. — п. 547, ср.: *Громобой бьет здорово, тут у нас их много* (СТГ 1: 180). Она образована сложением звукоподражательного *гром* ‘сильный шум, грохот’ и отглагольного имени *бой*, соотносимого с глаголом *бить* ‘вытекать стремительной струей’.

В словах **водотёк**, **громобой**, **исток**, **теку́н**, **теку́ч**, **тека́лка**, **точни́к**, **подся́к**, **протёк**, **прото́чник**, **прото́чина** в качестве мотивировочного признака актуализируется ‘характер истечения воды’. Лексемы **ключ**, **ключёвина**, **ключёвина**, **ключевина**, **ключак**, **ключаник**, **ключень**, **ключина**, **ключовик**, **заключище** также могут иметь данную мотивацию.

Лексема **гремя́к** в значении ‘родник’ зафиксирована в отдельных псковских и орловских говорах: Н-Рж. — п. 221 (ПОС 8: 16), Сосн. — п. 701, Уриц. — п. 702 (КЛАРНГ). В пермских говорах употребляется слово **гремя́ч** ‘ключ, родник’: Част. — п. 210, ср.: *За лесом ключ-гремяч выпадывает* (СПГ 1: 186). Оба слова восходят к глаголу *греметь* ‘издавать громкие, резкие, раскатистые звуки, грохотать’ (МАС 1: 345), имеющему соответствие во всех славянских языках и восходящему к звукоподражательной основе (ЭССЯ 7: 164, Шапошников 2010 1: 195). По народным представлениям, отдельные *гремячи* ключи могут образовываться и от удара молнии (СРНГ 7: 133). Однако в большинстве случаев подобные родники и ручьи в качестве мотива номинации подают шум воды, что проявляется и в топонимии [Березович 2000: 324].

Лексема **сопу́н** в значении ‘родник’ известна в новгородских говорах: Мар. — п. 225 (НОС 2010: 1121). Она явно

производна от глагола *сопѣть*, зафиксированного в значении ‘с шумом литься, выходить через щели (о воде, паре, дыме и т. п.)’ в вологодских, пермских, псковских и тверских говорах (СРНГ 39: 331). Данный глагол является по своему происхождению звукоподражательным (КЭСРЯ: 421).

Лексемы *гремяк*, *гремяч*, *сопун* актуализируют мотивировочный признак ‘свойство, воспринимаемое на слух’.

Лексема *жигун* ‘родник’ известна в оренбургских говорах: Сарак. — п. 825. Мотивация слова и его связь с глаголами *жечь*, *прожигать* ‘огнем, жаром, чем-л. едким, образовывать дыру, отверстие в чем-либо’ (МАС 3: 485) подчеркивается в иллюстрации: *Вода в речке холодная: в берегах много жигунов. Жигун зимой прожигает лёд. А когда в сильные морозы замёрзнет, то лёд здесь такой чистый, прозрачный* (Моисеев 2010: 45).

Лексема *промывина* в значении ‘родник, ключ’ представлена в новгородских говорах: Чуд. — п. 72, Мал. — п. 73, Полав. — п. 126, ср.: *Промывины у нас с соленоватой водой* (НОС 2010: 968). В костромских, рязанских, воронежских, говорах Южного Урала слово *промывина* употребляется в более общем значении ‘промоина, впадина, овраг, яма и т. п., прорытые водой’ (СРНГ 32: 191). Слово восходит к глаг. *промывать*, *мыть*, ср. праслав. **myti* ‘очищать с помощью воды (и других средств)’ (ЭССЯ 21: 78). В литературном языке фиксируется оттенок значения *промыть* ‘образовать что-либо течением, падением (о воде)’ (МАС 3: 504), который позволяет реконструировать первоначальную семантику лексемы *промывина* — ‘водный объект, образованный течением, падением воды’.

Лексема *пучина* в значении ‘источник, ключ’ отмечается в ладого-тихвинских говорах: Тихв. — п. 59, ср.: *Ключ выбивает из земли — это пучина* (СРГК 5: 363). В словарях зафиксировано словосочетание *пучистое место* ‘место с подземными ключами, которое пучится, вздымается’ (Даль 3: 492; СРНГ 33: 169). Оба образования восходят к глаг. *пучить* ‘раздувать, вздывать’ (БАС 11: 1770). Данный глагол, име-

ющий соответствие в других славянских языках, производят от праслав. звукоподражательного глагола **pŕkati*, **pŕkŕŕti* с тем же корнем, что и **pŕčiti* ‘пучить, бурлить’ (Фасмер 3: 404; Черных 2: 86). Первоначальная семантика лексемы *пучина* — ‘вздымающийся, пучащийся, бурлящий водный объект’.

Лексема *водорой* в значении ‘ключ, родник’ не образует ареала, фиксируется единично, в отдельных русских говорах: Кологр. — п. 106, Спир. — п. 230, Судог. — п. 390, Г.-Хруст. — п. 437, Аур. — п. 594, Калинин. — п. 1016 (КЛАРНГ); ср. также за пределами территории ЛАРНГ: *Водорой — это из земли вода бежит чистая* Табор. Свердл. (СРНГ 4: 346). Образовано сложением сущ. *вода* и глаг. *рыть*, что подтверждается и однокоренным *водороина* ‘рытвина, прорытая дождевой водой’ в воронежских, пермских и среднеуральских говорах (СРНГ 4: 346). *Водорой* буквально ‘родник, разрывающий землю водой’.

Лексемы *жигун*, *промывина*, *пучина*, *водорой* в качестве мотивировочного признака актуализируют ‘свойство, воспринимаемое зрением’.

Лексема *родник* в значении ‘ключ’ представлена на всей картографируемой территории. Она является относительно поздней, отсутствует в других славянских языках, а в древнерусском языке ей соответствовала лексема *родище* (Черных 2: 119). По свидетельству В. А. Никонова, в топонимике слово впервые встречается в 1545 г. — д. Родники близ Мологи [Никонов 1961: 195]. Наричательное *родник* в памятниках письменности известно с XV в., а в словарях отмечается с 1731 г. (СлРЯ XI–XVII 22: 188, БАС 12: 1382). *Родник* — собственно-русское образование посредством суффикса *-ник* от глагола *родить(ся)* (Шапошников 2010 2: 283), с первоначальным значением ‘рождающий воду’. В качестве мотивировочного признака актуализируется ‘назначение, роль, функция называемого объекта’. Вероятно, эта мотивация сохраняется и в однокоренной лексеме *родовина* ‘родник, ключ’, известной в архангельских говорах: Онеж. — п. 16, 19,

ср.: *Така вроде родовіна, на мхах-то, морошка где растет, холодильник, вода холодная* (СРГК 5: 548).

2) 'Предмет определенной формы' > 'родник'

Наименования *ключ, ключёвина, ключёвина, ключевіна, ключак, ключанник, ключень, ключіна, ключовик, заключище* могут реализовывать семантическую модель 'предмет определенной формы (изогнутая палка, крюк)' > 'родник', а в качестве мотивировочного признака в них актуализируется 'форма'.

3) 'Место' > 'родник'

В псковских говорах зафиксированы лексемы *знорина* 'источник, бьющий из-под земли, родник': Локн. — п. 222, ср.: *Знорины, зноринки — это ключи, никогда не высыхают* (ПОС 13: 181), *изнорина* 'родник, ключ': Беж. — п. 223, ср.: *Изнорина, ключки... в изнорины вода холодная; Чёрное болото идёт ключевое, изнорины, и ручей холодный бежит* (ПОС 13: 247). В смоленских говорах употребляются слова *взор* 'ключ, родник': Рудн. — п. 460, Смол. — п. 513, ср.: *Взор — это как крыница, бьёт из-под земли* (ССГ 2: 51), *подознорица* 'родник': Рудн. — п. 460, ср.: *В рове бьёт подознорица* (ССГ 8: 123). Данные лексемы представляют собой аффиксально-префиксальные образования, производные от праслав. **нога*, с приставками *вз-*, *из-*, *подо-*+*вз-*, ср. *нора* 'полость, ход в земле, по которому наружу выходят подпочвенные воды' в ленинградских говорах: Слан. — п. 53, ср.: *С норы ключ бьёт* (ПОС 21: 415). При этом у слов *знорина* и *подознорица* могло произойти упрощение групп согласных: *ttt* > *tt* (ср. (Михайлова 2013: 147)). В качестве мотивировочного признака у этих слов актуализируется 'место выхода воды'.

Лексема *истру́га* в значении 'ключ, родник' известна в новгородских говорах: Мош. — п. 101, Мар. — п. 225, ср.: *В этом месте должна быть иструга* (НОС 2010: 354). Она образовалась сложением префикса *из-* и лексемы *стру́га*, которая в русских говорах обозначает различные водные географические объекты (13 значений в СРНГ 42: 39). Слово *струга* имеет соответствие во всех славянских языках и вос-

ходит к и.-е. **sreḡ-* 'течь' в соединении с формантом *-g-* (Фасмер 3: 783). Лишь в отдельных говорах и славянских языках *струга* сохраняет первичное отглагольное значение: др.-русс. *струга* 'течение', польск. *struga* 'струя, течение' (Фасмер 3: 783), смол. *струга* 'небольшое течение на болоте', сербохорв. *струга* 'русло ручейка, потока, реки, по которому течет вода, струя воды' [Толстой 1969: 194]. Иногда реки, ручьи и иные водные объекты служат источниками естественных родников, что отражается в данном наименовании, ср.: *У нас на речке-то родник есть* (Киров.: Луз. — п. 49).

Лексема *камёжнник* в значении 'родник' зафиксирована единично в пермских говорах: Черд. — п. 41, ср.: *Вспомни, тута под берегом камёжнник какой был. Чистенький; вода холодная, вкусная!* (СПГ 1: 374). Слова *камёжнник, камешник, камешник* бытуют в значении 'каменистое место' в севернорусском наречии: Волог., Киров., Колым. Якут., Ср. Урал, а также в русских говорах Башкирии: Уфим. (СРНГ 13: 24).

Лексема *боча́г* в значении 'родник' отмечается в ярославских говорах: Углич. — п. 236, Борисогл. — п. 238, Пересл. — п. 282 (ЯОС 2: 19). Это слово считают темным, о чем свидетельствует отсутствие общепринятой этимологии и большое количество предположений о его происхождении (подробнее см.: (Аникин 4: 128)). Традиционно слово *боча́г* связывают с *моча́г*, предполагая первоначальное значение 'мокрое место' (Фасмер 1: 202). О. Н. Трубачев возводит его к праслав. **bačegъ?/*bočegъ?*, производному с суф. *-egъ* от основы **bak-*. Данная основа является общей с лексемами **bakul'a/*bakl'a*, предполагается их связь с и.-е. основой **bhā-k-* со значением 'блеск, свет' (ЭССЯ 1: 120). В любом случае, в ярославских говорах значение 'родник' является производным от значения 'глубокое место в реке, ручье или болоте; омут' (ЯОС 2: 19). Ключи, родники могут служить истоками иных водных объектов, что подчеркивается в данном наименовании.

Лексема *поджѝлина* 'ключ, родник' употребляется в усть-цилемских говорах Республики Коми — п. 7, ср.: *Поджѝлина, из-под земли вода идёт, лучше вода по вкусу*

(СРГНП 2: 68). Слово явно связано с *жѣла* в производном значении ‘подземное русло с протекающей по нему водой’ (МАС 1: 485).

Лексема *ѣрдан* в значении ‘ключ, родник’ известна в вологодских говорах: Нюкс. — п. 47, ср.: *Ѣрдан — это из земли ключ бѣт, соляная вода в Бобровском была* (СГРС 3: 323). Прямое значение слова *ердань* (варианты — *ѣрдан, ердан*), являющегося по происхождению заимствованием из греческого в древнерусский язык (Фасмер 2: 23) — ‘прорубь, в которой освящают воду во время крещения’, широко представлено в русских говорах (СРНГ 8: 368). Данная лексема в вологодских говорах утратила семантику «святого места» и является производной от значений ‘глубокое место, яма в реке, ручье’, ‘яма с водой на поле или в лесу, окно воды на болоте, зарастающем водоеме’ или ‘болотная трясина, зыбун’, которые представлены и в нюксенских говорах (СГРС 3: 323).

В качестве мотивировочного признака в словах *вздор, ѣрдан, знѣрина, изнѣрина, истрѣга, камѣжник, боцѣг, поджѣлина, подознѣрица* в значении ‘родник’ актуализируется ‘местонахождение’.

4) ‘Посуда’ > ‘родник’

Лексема *криница* (вар. *крыница*) в значении ‘родник’, по данным ЛАРНГ, употребляется в южнорусских говорах (западные, верхне-днепровские, брянские, курско-орловские, донские и краснодарские). Она имеет соответствие в украинском, белорусском, польском, словенском, чешском и полабском языках. По мнению М. Фасмера, слово *криница* является родственным лексеме *кринка* (Фасмер 2: 377). Отрывая данное слово от **krina/*krinъ* ‘сосуд’, О. Н. Трубачев считает его производным от древнего страдательного причастия прошедшего времени **krъnъ* ‘выкопанный, вырытый’ от незасвидетельствованного глагола со значением ‘копать, рыть’ (ЭССЯ 12: 158–159). Данное этимологическое значение не может выступать в русских говорах в качестве мотива номинации, так как само причастие давно утрачено. Наибольшей доказательностью, на наш взгляд, отличается

точка зрения Г. Шустера-Шевца, который возводит слово *криница* к праслав. **(s)krin* со значением ‘поворачивать, плести’ > ‘плетеный из лыка, древесной коры или витой сосуд’ > ‘родник’. *Криница* первоначально была источником, огороженным плетнем или деревянным обрамлением, сходным с колодцем [Шустер-Шевц 2007: 325].

Лексема *цежѣонка* в значении ‘водный источник, текущий из глубины земли; родник’ зафиксирована в вологодских говорах: Сок. — п. 81, ср.: *На Еришове-то, детка, цежѣонка бежит намного хуже, чем у нас* (СВГ 12: 7). В бабаевских говорах *цежѣонка* употребляется в значении ‘приспособление наподобие большой воронки для процеживания чего-либо, сплетенное из корней молодой ели’ (СВГ 12: 6).

Лексема *колѣдезь* в значении ‘родник, ключ’ употребляется в отдельных говорах южнорусского наречия — курско-орловских и донских. Она использовалась для обозначения естественного водного источника в памятниках письменности до XVI в. и была более употребительной по сравнению со словом *колодец* в русском языке и на южнорусской территории до XVIII в. [Барандеев 1980: 147]. Слово было заимствовано из германских языков в праславянскую или древнерусскую эпоху, ср. готск. *kalds* ‘холодный’, сканд. **kaldingas* ‘холодный источник’ (Фасмер 2: 293; Шапошников 2010 1: 412; ЭССЯ 10: 124). Однако это этимологическое значение не может выступать в русских говорах в качестве мотива номинации.

Еще В. И. Даль рассматривал слова *колѣдезь* и *колода* в одной словарной статье, что связано с ранним народно-этимологическим сближением лексемы со словосочетанием *водопойная колода*, которое обозначает ‘бревно с выдолбленной серединой или деревянное корыто’ (Даль 2: 139–140); ср. также (Шапошников 2010 1: 412). В народном сознании реализовалась семантическая модель ‘предмет посуды’ > ‘родник’, а мотивировочным признаком выступает ‘форма’.

Лексема *колѣдец* в значении ‘родник, ключ’ зафиксирована в севернорусских (архангельских, вологодских), среднерусских (гдовских, псковских, владимирско-поволжских),

южнорусских (тульских, донских) говорах. Слово считается следствием переделки и переосмысления др.-рус. *колодязь* по причине сближения с *колода* и *водопойная колода* ‘бревно с выдолбленной серединой или деревянное корыто’ (Даль 2: 139–140); ср. также (Шапошников 2010 1: 412; Черных 1: 413). В данном случае в качестве мотивировочного признака выступает ‘форма’. Аналогичную семантическую модель и мотивировочный признак реализует лексема *колбдчик*, которая встречается в северно-русских (ладого-тихвинских, вологодских, костромских), реже — в среднерусских (владимирско-поволжских, московских) говорах.

Лексемы *криница*, *цежонка*, *колбдезь*, *колбдец*, *колбдчик* в значении ‘родник’ реализуют семантическую модель ‘предмет посуды’ > ‘родник’, а в качестве мотивировочного признака в них актуализируется ‘форма’.

5) ‘Температура воды’ > ‘родник’

Лексемы *студенец*, *студенец*, по данным ЛАРНГ, употребительны в севернорусских (архангельских, белозерско-бежецких, вологодских, костромских, пермских, вятских), среднерусских (псковских, владимирско-поволжских), южнорусских (западных, курско-орловских, рязанских, донских, астраханских) говорах. Слово *студенец* имеет соответствие в других славянских языках и связано со словами *студа* ‘холод’, *студить* ‘делать холодным’ (Фасмер 3: 787; Черных 2: 213). Первоначальное значение слова *студенец* — ‘студёный, холодный источник’. Аналогичную первоначальную семантику демонстрируют и лексемы *холодник* и *студница*. Слово *холодник* ‘ключ, родник’ зафиксировано в отдельных русских говорах: Лод. — п. 32, Волот. — п. 124, Холм. — п. 224, Морд. — п. 815. *Студница* употребляется в русских говорах Башкирии: Бураев. — п. 368 (КЛАРНГ).

Лексема *свежун* ‘ключ, источник’ отмечается в смоленских говорах: Вяз. — п. 425, ср.: *А там свежун в реке* (ССГ 9: 168). В значении ‘ключ на дне реки’ слово *свежун* фиксируется за пределами территории ЛАРНГ, ср.: Верхнетавд. Свердлов. (СРНГ 36: 228). В ряде словарей находим

однокоренные слова с близкими значениями: *свежнак* ‘источник холодной воды’ (без указ. места) (Мурзаев 1984: 499), *свежник* ‘холодный родник’ (Даль 4: 501). Лексема *свежун* производна от прилаг. *свежий* ‘довольно холодный, прохладный’ (МАС 4: 40).

Лексемы *студенец*, *студница*, *холодник* и *свежун* актуализируют мотивировочный признак ‘свойство, воспринимаемое осязанием’.

6) ‘Часть тела человека’ > ‘родник’

Лексема *жила* в значении ‘родник, ключ’ представлена в севернорусских (русских говорах Карелии, ладого-тихвинских, костромских), среднерусских (псковских, новгородских, селигеро-торжковских, московских), южнорусских (донских) говорах. Однокоренное *жиллина* не образует ареала и встречается единично: Пуд. — п. 26, Шарьин. — п. 144, Остр. — п. 168, Конак. — п. 279, Кусин. — п. 374 (КЛАРНГ). Слова *жила* и *жиллина* имеют соответствие в других славянских языках и восходят к праслав. **žila* (Черных 1: 302). Первоначальное значение этих слов — ‘кровеносный сосуд (вена, артерия)’. Кровеносные сосуды служат для перемещения крови по организму, а родники — водные источники, которые перемещают воду. При этом актуализируется мотивационный признак ‘функция, назначение’.

Лексема *жерло* в значении ‘ключ, родник’ не образует ареала и зафиксирована в отдельных говорах: Белоз. — п. 60, Гд. — п. 70, Талд. — п. 281, Красн. — п. 995 (КЛАРНГ). В. И. Даль отмечает *жерло*, *жерело* ‘родник, ключ’ в южных и западных говорах (Даль 1: 1331). Слово *жерло* в данном значении имеет соответствие во многих славянских языках и восходит к праслав. **žerdlo* (> рус. жерело): **žrdlo* (> рус. жерло) с первоначальными значениями ‘глотка’, ‘входное отверстие’ > ‘устье’ (Черных 1: 300). В данном случае актуализируется мотивационный признак ‘форма’.

7) ‘Вещество, жидкость’ > ‘родник’

Лексема *квасцы* в значении ‘родник’ употребляется в архангельских говорах: Плес. — п. 27, ср.: *Рубышка висела у ква-*

сцов всегда, кому надо, тот напьётся (СГРС 5: 114). Слово **квасцы** восходит к праслав. **kvasъsъ* ‘закваска’, уменьш. производному с суф. **-ъsъ* от **kvasъ* (ЭССЯ 13: 155; Шапошников 2010 1: 389). В литературном языке и русских говорах оно обозначает различные вещества или жидкости, ср. например: 1) ‘название различных двойных сероокислых солей (марганца, алюминия и др.), употребляемых в технике как дубящее вещество, а также в медицине — как дезинфицирующее вещество’ (МАС 2: 44); 2) ‘в кожевенном производстве — раствор муки с солью, используемый при выделке овчины’ в ярославских, вятских и московских говорах; 3) ‘смесь кислот для беления пряжи’ в нижегородских говорах (СРНГ 13: 161). Э. М. Мурзаев отмечает употребление лексемы **квас** и сочетания **квасна вода** в значениях ‘минеральная вода, источник минеральной воды’ в карпатских говорах (Мурзаев 1984: 267). Вероятно, высокая кислотность ключевой воды, наличие в ней минеральных солей привела к появлению наименования **квасцы** со значением ‘родник’. В качестве мотивировочного признака актуализируется ‘свойство, воспринимаемое на вкус’.

8) ‘Цвет воды’ > ‘родник’

Лексема **рудник** в значении ‘родник’ известна в русских говорах Коми и пермских говорах: У.-Вым. — п. 51 (КЛАРНГ), Част. — п. 210, ср. *Сходил бы на рудник-то, да принёс бы свеженькой водицы* (СПГ 2: 303). Слово **рудник** может быть производно от широко распространенного в русских говорах слова **руда** в значении ‘кровь’ (СРНГ 35: 232), литературного **руда** ‘природное минеральное сырьё, содержащее металлы или их соединения’ или от областного **рудой, рудый** ‘красный’ (МАС 3: 736). Данные слова имеют соответствия в других славянских языках (ср. словен. *rudica* ‘источник минеральной воды’) и восходят к праслав. **ruda* < и.-е. **reudh-* ‘красный, рыжий’ (Черных 2: 126). Вероятно, первоначальное значение лексемы **рудник** ‘ключ, ручей с ржавой или красной водой, содержащей окислы железа’, а сама она могла быть синонимичной более распространенным терминам **ржавец, аржавец**. В качестве мотивировочного признака актуализируется

‘свойство, воспринимаемое зрением’.

9) ‘Строительство’ > ‘родник’

Лексема **окнище** в значении ‘родник’ известна в Новгородских говорах: Валд. — п. 173, ср.: *Окнища — большие ключи, родники, где зимой долго не замерзает вода* (НОС 2010: 709). Она имеет соответствие в других славянских языках (праслав. **oknišče*) и является старым производным от слова **окно** (праслав. **okno*) — одним из древнейших терминов домостроительства (ЭССЯ 32: 45). По мнению О. Н. Трубочева, праслав. **okno* ‘источник’ вряд ли древнее и может быть образованием метафорической природы (ЭССЯ 32: 47). В древнерусском языке раньше стало известно **окныще** со значениями ‘дыра’, ‘отверстие’, ‘окошко’ (Черных 1: 594). В качестве мотивировочного признака выступает ‘форма’.

У некоторых заимствованных и неясных лексем лексические мотиваторы и мотивационные признаки не определяются. Данные слова относятся к единичным наименованиям:

— **аст** ‘ключ, родник’ в тверских говорах: Ост. — п. 226, ср.: *Асты, ключи кипучие на Азорах* (Селигер 1: 18);

— **пéндус** ‘ключ, родник’ в вологодских говорах: Вож. — п. 44, ср.: *Пéндусы бьют с возвышенностей, а в низинах сыро* (СВГ 7: 24);

— **шáпа** ‘родник’ в русских говорах Мордовии: Ельн. — п. 555, ср.: *В лугах, когда сено сушим, за водой на шапу ходим. Вода в ней чистая да холодная. Эх и вкусная!* (СРГРМ 1: 1500);

— **яр** ‘водный источник, бьющий из земли; родник’ в русских говорах Мордовии: Ардат. — п. 531, ср.: *В нашем овраге баня стояла, а рядом протекал ручей, посередь которого выбивал большой яр с белым песком* (КЛАРНГ);

— **ярик** ‘родник’ в тамбовских говорах: Сосн. — п. 676 (КЛАРНГ).

Таким образом, в качестве лексических мотиваторов обозначений родника, ключа в русских народных говорах выступают наименования действий, предметов определенной формы, мест, посуды, частей тела человека, температуры

воды, веществ и жидкостей, цвета воды и строительная лексика.

Наиболее распространенными мотивационными моделями наименований ключа, родника в русских народных говорах являются ‘действие’ > ‘родник’ (32 ед.), ‘предмет определенной формы’ > ‘родник’ (11 ед.) и ‘место’ > ‘родник’ (11 ед.). В средних по продуктивности моделях лексическими мотиваторами обозначений ключа стали названия посуды (5 ед.), частей тела человека (3 ед.) и температура воды (3 ед.). Малопродуктивными мотиваторами названий родника и ключа стали наименования веществ и жидкостей, цвета воды и строительные термины (по 1 ед.).

Среди мотивационных признаков, которые актуализируются в наименовании ключа, родника в русских народных говорах, преобладают следующие: ‘характер истечения воды’ (23 ед.), ‘форма объекта’ (17 ед.) и ‘местонахождение’ (9 ед.). В качестве мотивационных признаков ключа и родника в меньшей степени представлены ‘свойства, воспринимаемые зрением’ (5 ед.), ‘осязанием’ (4 ед.), ‘на слух’ (3 ед.), ‘вкус’ (1 ед.), а также ‘назначение, функция называемого объекта’ (3 ед.).

Литература

Барандеев А. В. Почему вода в колодце колодезная? // Русская речь. 1980. № 2. С. 146–149.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 532 с.

Блинова О. И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика 1971. Л.: Наука, 1972. С. 92–104.

Никонов В. А. Ручей — Ключ — Колодезь — Криница — Родник // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 180–198.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. 262 с.

Шустер-Шевц Г. Правомерно ли разделение праслав. *krinica/*krynica ‘колодец, источник’ и *krin(ica), *kryn(ьka) ‘сосуд’? // Этимология. 2003–2005 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 2007. С. 323–327.

Names of Springs and Water Sources in Russian Dialects (as Represented in the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects)

Andrey V. Priobrazhensky
Petrozavodsk State University
primlp47@list.ru

The article is devoted to the description of the names of springs and water sources in Russian dialects. As the research data we used lexical entries from the card index of the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (map LSL 481). We localize the analyzed words and carry out their motivational analysis. We also identify the derivational models of the names as well as motivational features that become highlighted in the names of springs and water sources, and consider the degree of their productivity. The names of actions, objects of a certain shape, places, dishes, human body parts, water temperature, substances and liquids, water color, and construction vocabulary act as lexical motivators for the designations of springs and water sources in Russian folk dialects. Most of the names of springs, water sources actualize the motivational feature ‘character, properties, peculiarities of water flow’.

Key words: Russian folk dialects, linguistic geography, dialect vocabulary, names of springs and water sources, the motives of the nomination

References

Barandeev A. V. Pochemu voda v kolodce kolodeznaya? [Why is the water in the well called *kolodeznaya*?] // Russkaya rech' [Russian speech] 1980. № 2. Pp. 146–149.

Berezovich E. L. Russkaya toponimiya v etnolingvистическом аспекте [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 532 pp.

Blinova O. I. Leksicheskaya motivirovannost' i nekotorye problemy regional'noj leksikologii [Lexical motivation and some problems of regional lexicology] // *Voprosy izucheniya leksiki russkikh narodnykh govorov: Dialektnaya leksika 1971* [Issues in studying the vocabulary of Russian folk dialects: Dialect lexis 1971]. L.: Nauka, 1972. Pp. 92–104.

Nikonov V. A. Ruchej — Klyuch — Kolodez' — Krinica — Rodnik [Dialect words denoting brooks, springs, wells, and water sources] // *Materialy i issledovaniya po russkoj dialektologii. Novaya seriya* [Materials and research on Russian dialectology. A new series.]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. Issue. 2. Pp. 180–198.

SHuster-SHevc G. Pravomerno li razdelenie praslav. *KRINICA/*KRYNICA 'kolodec, istochnik' i *KRIN(ICA), *KRYN(ЪКА) 'sosud'? [Is it legitimate to divide the Proto-Slavic *KRINICA/*KRYNITSA 'well, spring' and *KRIN(ICA), *KRYN(ЪКА) 'vessel'?] // *Etimologiya. 2003–2005: Pamyati akademika Olega Nikolaevicha Trubacheva k semidesyatipyatiletyu so dnya rozhdeniya (25.10.1930–09.03.2002)* [Etymology. 2003–2005: In memory of Academician Oleg Nikolaevich Trubachev on the seventy-fifth anniversary of his birth (25.10.1930–09.03.2002)] / *Otv. red. ZH. ZH. Varbot. M.*: Nauka, 2007. Pp. 323–327.

Tolstoj N. I. Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya: Semasiologicheskie etyudy. [The system of Slavic geographical terms: Semasiological studies]. M.: Nauka, 1969. 262 pp.

Наименование начала и конца реки в русских народных говорах

Владимир Алексеевич Пыхов

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
pyhov2007@yandex.ru

В статье анализируется диалектный материал названий начала и конца реки, представленный в Картотеке «Лексического атласа русских народных говоров». Отмечается локализация лексем. Обращается внимание на явление энантиосемии, которое демонстрируют некоторые наименования. Рассматривается словообразовательная структура обозначений начала и конца реки. Среди наименований с общеславянскими корнями вычлениваются немногочисленные заимствования из финских и тюркских языков, определяется их локализация. Рассматриваются лексико-словообразовательные цепочки, представленные в отдельных говорах, и указываются причины вариативности.

Ключевые слова: русские говоры, диалектология, лингвогеография, этимология, названия начала и конца реки.

Не считаю напрасным напрасное,
если в устье остался исток...
Изяслав Котляров. Объясняется ясным неясное...

В русском литературном языке существует лишь две лексемы для обозначения начала и конца реки: *исток* и *устье*. «**ИСТОК.** Место, где начинается водный источник, начало ручья, реки. *С того места, где мы ночевали у истока реки, мы шли всё лесами, пока речка не привела нас к долине.* М. Пришвин, *Царь природы*» (МАС 1: 689). «**УСТЬЕ.** Место впадения реки (в море, озеро и т. п.), конечный участок нижнего течения реки. *Едва исследованное и ещё не "положенное на карту" устье Амура усеяно множеством мелей.* И. Гончаров, *Фрегат "Паллада"*» (МАС 4: 528).

В русских же народных говорах для наименования начала и конца реки имеется значительное количество лексем.

Корпус обозначений начала реки включает следующие лексемы (примеры приводятся по картотеке «Лексического атласа русских народных говоров» (КЛАРНГ)): *верх, верхá, верхí, верхíна, верхóвина, верховíна, верховíца, верхóвнице, верховíще, верхóвня, верховóдь, верхóвье, верхорéчь, верхотá, верхóтина, верхотíна, верхóшка, вёршень, вершíна, вершíнка, вершкí, вершнегá, вёршь, вёршек, вёршки, выпад, выпадок, выток, главá, головá, головíто, головíще, головка, ёрик, ерíк, зáводь, зачíн, зáчинок, зачíнок, зашеёк, изго́ловье, истёк, исто́к, исто́чник, исто́чина, исхóд, ключ, ко́рень, нача́ло, начíн, пáвна, пото́к, роднíк.*

Лексема *исто́к* является наиболее многочисленной и распространенной на всей европейской части России (*Река истоком-то и начинается*, п. 51. *Начало реки там, где исток, где река истекает*, п. 647). Для остальных дериватов с корнем *-ток-/-точ-* (*выток, истёк, исто́чина, исто́чник, пото́к*) характерны микроареалы, представленные в основном в севернорусских говорах (архангельских, вологодских, костромских, ирбитских, пермских, русском говоре на территории Карелии).

Лексемы с корнем *верх-/верш-* (в первую очередь, *верх, верхí, верхóвье* и *вершíна*) также имеют широкое распространение. Большинство из них локализуется, как правило, в севернорусских говорах (архангельских, вологодских, ярославских, костромских, северноуральских и русских говорах Башкирии). Некоторые лексемы отмечаются только в севернорусских говорах (*верховíца* — архангельские и северноуральские; *верхотá* и *вершíнка* — архангельские). Единичные наименования с корнем *верх-/верш-* фиксируются как в говорах северного наречия (*верхорéчь* — архангельские; *верховóдь* — ярославский; *вёршеньга* и *вёршь* — северноуральские; *верхóвня* — русский говор на территории Башкирии), так и в говорах южного наречия

(*вершкí* и *вёршек* — орловские; *вершíна* — воронежский; *верхóшка* — говор на территории Краснодарского края) (*Верх, что исток — одно и то же. Вершина речки, говорят, это начало её*, п. 7. *Мы ведь на самой верхотине живём, от нас река-то начинается*, п. 84. *В верховище реки, где она берёт своё начало, всегда богатые урожаи снимают*, п. 342. *Верховьем у нас зовут начало реки*, п. 245).

Лексема *нача́ло* довольно широко распространена в говорах северного (вологодские, костромские, ярославские, пермские, русские говоры Удмуртии и Башкирии) и южного (калужские, рязанские, тульские, орловские, пензенские, курские, воронежские, говоры Ростовской, Волгоградской, Астраханской областей и Краснодарского края) наречий, а также в среднерусских говорах (псковские, новгородские, владимирско-поволжские), где она часто употребляется параллельно с лексемой *исто́к* (*Началом зовём, истоком*, п. 249. *Начало просто зовём у реки-то*, п. 483).

Такая картина контрастирует с заключением Н. Д. Арутюновой, относящимся к литературному языку: «В зрительно воспринимаемом мире Природы объекты целостны и обычно не мыслятся в терминах начал и концов... Даже о реках, несмотря на вытянутость их русла, говорят в терминах *истока* и *устья*, а не начала и конца... Однако к движущимся природным объектам, даже горизонтальным, избегают применять понятия начала и конца. О движении рек и по рекам говорят в терминах *верха* и *низа*, сочетающих горизонтальное и вертикальное измерения: ср.: *плыть вверх (вниз) по течению*. Указание на вертикаль объясняет источник движущей силы и направление течения рек. Фактор природы оказывается в этом случае более сильным, чем фактор движения, обычно выбирающий язык начала и конца» [Арутюнова 2002: 6–8].

Лексемы с корнем *-голов-* (*главá, головá, головíто, головíца, головíще, головка, изго́ловье*), а также с корнем *-чин-* (*зачíн, зачíнок, зáчинок, начíн*) характерны для среднерусских (преимущественно владимирско-поволжских) и южнорусских говоров (особенно

курско-орловских, воронежских и говоров на территории Волгоградской области) (*Река с головы начинается*, п. 296. *В верхах бежит очень чистая вода. Надо идти доловица*, п. 143. *Изголовье там, где начинается речка, родники бьют там*, п. 619. *Зачинок для ручья в горе на самой вершине*, п. 384).

Лексемы с корнем *ерик-* (*эрик*, *ерик*) локализуются в основном в южнорусских говорах (воронежских и говорах Волгоградской области и Краснодарского края) (*У ерика всегда дети рыбу ловили*, п. 853).

Преимущественно в воронежских говорах и в говорах Волгоградской области распространена и лексема *родник* (*Родник тот пересох и речки не стало*, п. 259).

Единичные наименования, образующие микроареалы, отмечаются в севернорусских говорах: *зашеёк*, *пáвна* (архангельские), *зáводь*, *кляч* (ярославские), *кóрень* (русский говор на территории Башкирии) (*Ключ реки был на севере России*, п. 239).

Корпус обозначений конца реки содержит следующие лексемы: *впад*, *впадéние*, *впа́дина*, *вúстье*, *вúсье*, *вúход*, *дохóд*, *захóд*, *истóк*, *исхóд*, *конéц*, *матерúк*, *низ*, *низá*, *низóвье*, *низы́*, *слива́ние*, *слия́ние*, *стéк*, *стрéлка*, *сúстье*, *тамáк*, *ус*, *устъ*, *úстье*, *устьё*, *устье* (удар.?), *úстьё*, *усь*, *úсьё*, *úсья*.

Основной среди наименований конца реки является лексема *úстье*, охватывающая территорию всех русских диалектов и в некоторых из них употребляющаяся параллельно с другими наименованиями (чаще иных с лексемами *истóк* и *захóд*) (*Где впадает речка в другую — то и есть устье*, п. 7. *Широкая была в устье река*, п. 277. *В усе плавать*, п. 846).

Широким распространением отличается также и лексема *истóк*, демонстрирующая явление энантиосемии и выступающая во многих говорах синонимом лексемы *úстье* (см. карту) (*Исток — это и есть устье*, п. 49. *Исток — это куда впадает река*, п. 222. *Исток — это конец ручья*, п. 985).

Следует заметить, что у лексемы *úстье*, по данным картотеки «Лексического атласа русских народных говоров», не фиксируется значение 'исток' в современных диалектах (есть только один пример из архангельского говора — *ус*). Однако в исторических словарях (**БСТБ** — истокъ рѣки: на Ъсть — при истокѣ: — Поставиша горо^д на оустъ Невы, на Орѣховомъ островѣ. *Новг. I л. 6831 г* (Срезневский 3: 1292); **Устье**. *Начало, исток (реки); начало источника вод вообще*. Да тутю же под востокомъ солнца есть мѣсто, гдѣ исходят<ь> четыре великия рѣки райския, а искони создания мира устиемъ шли из<ь>э самаг<о> эдемскаго рая. Козм., 17. 1670 г. (КСЛРЯ XI–XVII, ИРЯ РАН)) и в «Словаре русских народных говоров» (**Усть**. Исток реки. Новг., 1847–1862 (СРНГ 48: 124). **Устьмóрие**. *Начало, исток реки, вытекающей из большого озера*. Сиб., Архив АН (СРНГ 48: 125). ~ **С устья до устья**. *От истока до устья. Пять суток с устья до устья по Капше*. Тихв. Ленингр., 2005 (СРНГ 48: 125) такое значение представлено.

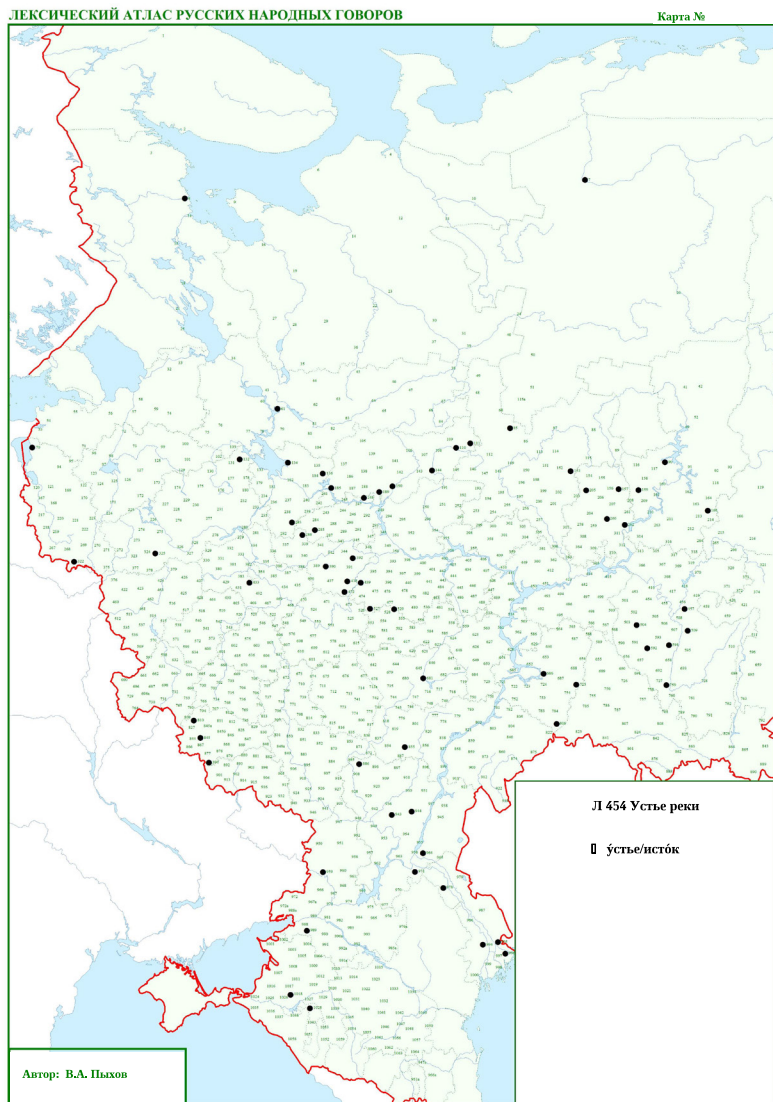
Единичная лексема *исхóд* также демонстрирует явление энантиосемии: *Наша деревня у исхода реки*, п. 48. *Исход у Каспийского моря*, п. 239.

Лексема *захóд*, обозначающая конец реки, образует дисперсные ареалы в севернорусских (костромских, русских говорах Башкирии), среднерусских (владимирско-поволжских) и южнорусских (волгоградских и краснодарских) говорах (*Заходит, то есть куда-то впадает, потому и заход*, п. 138. *Устье заходом называют у реки*, п. 144. *Заход — там, где река в озеро или реку впадает*, п. 169).

Другие лексемы с корнем *-ход-* (*вúход*, *дохóд*) отмечаются исключительно в севернорусских говорах (архангельских, ярославском и в говорах на территории Мурманской области и Пермского края).

Остальные лексемы представлены точечными ареалами.

Лексемы с корнем *низ-* (*низ*, *низы́*, *низá*, *низóвье*) известны в севернорусских (архангельском, вологодском, в говорах на территории Пермского края и в Карелии), в южно-

русских (рязанском, воронежском и в говорах на территории Астраханской и Волгоградской областей), а также в среднерусских владимирско-поволжских говорах (*Он по Волге чуть не до низов плавал*, п. 400. *В низу ручья мать-и-мачеха растет*, п. 576. *Где река впадает куда-то — то и низовье*, п. 467).

Лексема **конёц** локализуется в севернорусских говорах на территории Удмуртии, в южнорусских курских говорах и говорах Краснодарского края и в среднерусских владимирско-поволжских говорах (*Откуда знать-то нашим старикам об устье Волги? Конец и есть конец, всё, что они знают*, п. 248. *Инда и конец реки за болотом*, п. 386).

Лексема **тамáк** бытует в севернорусских говорах на территории Пермского края и Башкирии, в южнорусских говорах на территории Астраханской области и в среднерусском восточном акающем говоре (*Тамáком мы называем место, где ручей в реку впадает*, п. 523).

Единичные наименования (**матері́к, стёк, слива́ние**) преобладают в севернорусских говорах на территории Пермского края, Свердловской области и Удмуртии (*А где речка впадает в пруд, то место называется материк*, п. 158. *Здесь стёк ручья*, п. 215. *У нас говорят, что сливание рек в том месте*, п. 259).

Помимо лексем **истóк** и **у́стье**, среди наименований начала и конца реки можно отметить и другие антонимические пары: **верх** (*верхá, верхі́*) ~ **низ** (*низá, низы́*); **верхóвье** ~ **низóвье**; **вы́пад** ~ **впад**; **начáло** ~ **конёц**.

Значительная часть лексем, обозначающих исток и устье, имеет общеславянские корни: **-верх-/-верш-** (*верх, вершина*), **-вод-** (*зáводь*), **конец-** (*конёц*), **-ли-** (*слива́ние*), **-голов-** (*головá*), **начал-** (*начáло*), **низ-** (*низ*), **-пад-** (*вы́пад*), **род-** (*родні́к*), **-ток-/-точ-** (*истóк, истóчник*), **уст-** (*у́стье*), **-ход-** (*исхóд*), **-чин-** (*начі́н*), **-ше-** (*защеёк*) и др.

Среди наименований истока встречается лишь два заимствования из неславянских языков: **пáвна** (из фин. *rauna* 'лу́жа' (Фасмер 3: 182)) — архангельские говоры и **э́рик**

(из тюрк., ср. чагат. *jaŋu* ‘трещина, щель’ (Фасмер 2: 24)) — южнорусские говоры; в наименованиях устья отмечается единственное заимствование *тамáк* (из тюрк., ср. чагат., тат., кыпч., алт., казах. *тамак* ‘пасть, глотка’ (Фасмер 4: 17)), ареалы которого являются точечными на территории северного и южного наречий и среднерусских говоров.

При номинации истока и устья используются различные словообразовательные средства.

Префиксы: *в-* (*впад*), *вы-* (*вы́ток*), *до-* (*доход*), *за-* (*зачи́н*), *из-/ис-* (*изго́льве*, *исход*), *на-* (*начи́н*), *по-* (*по́ток*), *с-* (*слива́ние*).

Суффиксы: *-ек-* (*вы́вершек*), *-ёк-* (*зашеёк*), *-ен-* (*ве́ршень*), *-ин-* (*верхи́на*), *-ин-* + *-к-* (*верши́нка*), *-ит-* (*голови́то*), *-иц-* (*голови́ца*), *-ищ-* (*голови́ще*), *-к-* (*верши́к*), *-ник-* (*истóчник*), *-н-* + *ег-* (*верши́не-га*), *-ов-* (*верхо́лье*), *-ов-* + *-ин-* (*верхови́на*), *-ов-* + *-иц-* (*верхови́ца*), *-ов-* + *-ищ-* (*верхо́вище*), *-ов-* + *-н-* (*верхо́вня*), *-от-* (*верхотá*), *-от-* + *-ин-* (*верхоти́на*), *-ушк-* (*верхи́шка*). Как видно из приведенных примеров, наибольшим количеством словообразовательных вариантов отличаются лексемы с корнем *верх-/верш-*, обозначающие исток.

Если в некоторых говорах разнообразны наименования истока выстраиваются в синонимические ряды лексико-словообразовательных цепочек, включающие от трех до восьми единиц (*верх*, *верхи́на*, *истóк* — Мурманск. обл.; *верх*, *верхо́лье*, *верхи́на*, *истóк* — Коми респ.; *верх*, *верхо́лье*, *верхорéчье*, *верхи́на*, *верши́нка* — арх.; *верх*, *верхи́на*, *верши́нка*, *зашеёк*, *истóк*, *пáвна* — арх.; *верхá* (*верхи́*), *верхо́лье*, *верхоти́на*, *ве́ршень*, *верхи́на*, *голови́то*, *истóк*, *эрик* — Пермск. обл.), а также имеют акцентологические варианты (*верхи́* ~ *ве́рхи*, *верхови́на* ~ *верхо́вина*, *верхови́ще* ~ *верхо́вище*, *верхоти́на* ~ *верхотина*, *ве́ршень* ~ *верши́ень*, *эрик* ~ *ери́к*, *зачи́нок* ~ *зáчинок*), то обозначения устья такой вариативностью не отличаются: *захóд*, *истóк*, *у́стье* — Карелия; *захóд*, *истóк*, *тамáк*,

усть — Пермск. обл.; *у́стье* ~ *устьё*.

Итак, в отличие от литературного языка, в котором используется только по одной лексеме для номинации начала и конца реки (*истóк* и *у́стье*), русские диалекты имеют целый корпус лексических, словообразовательных и акцентологических вариантов.

Лексемы *истóк*, *у́стье*, *исход* демонстрируют явление энантиосемии.

Значительная часть наименований истока и устья имеет общеславянские корни, при наличии небольшого количества заимствований из финских и тюркских языков.

Вариативность в использовании различных средств при номинации истока и устья отражает постоянно идущий процесс языкового освоения окружающей действительности диалектоносителями.

Литература

Арутюнова Н. Д. ВСТУПЛЕНИЕ. В целом о целом. Время и пространство в концептуализации действительности // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 3–18.

The Names for River Source and Mouth in Russian dialects

Vladimir A. Pykhov

Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences
pykhov2007@yandex.ru

Summary. The article deals with the names for river source and mouth, which are presented in the “Lexical Atlas of Russian Folk Dialects”. We notice the localization of some lexemes and draw our attention to the phenomenon of enantiosemy, which is characteristic of several names in this group. We also consider the word-formation structure of the designations of ‘source’ and ‘mouth’ of a river. Among the names with common Slavic roots, there are a few isolated borrowings from the Finnic and Turkic languages, whose localization we determine.

We also review lexical and word-formation chains presented in individual dialects and indicate the reasons for their variability.

Key words: Russian dialects, dialectology, linguistic geography, etymology, source and mouth of river

References

Arutyunova N. D. VSTUPLENIE. V celom o celom. Vremya i prostranstvo v konceptualizacii dejstvitel'nosti [INTRODUCTION. In general about the whole. Time and space in the conceptualization of reality] // Logicheskij analiz yazyka. Semantika nachala i konca [Logical analysis of the language. Semantics of the beginning and the end] / otv. red. N. D. Arutyunova. M.: Indrik, 2002. 646 pp.

О языке лингвистической карты современном состоянии лингвогеографических исследований

Николай Леонидович Сухачев

Институт лингвистических исследований РАН
nsuh@inbox.ru

Мария Денисовна Королькова

Институт лингвистических исследований РАН
skifane@gmail.com

Лингвистическая карта, действительно, трудна для восприятия, причем не только для неподготовленного читателя, но и для специалиста, так как это довольно специфический текст, несущий слишком большой объем разноплановых языковых сведений, зачастую не только не известных ранее из других источников информации, но и противоречащих устоявшимся в языкознании стереотипам и постулатам.

Т. И. Вендина¹

При создании лингвистических карт используются картографические методы, но предметом исследования являются именно языковые явления. Это отличает лингвистическую карту от собственно географических карт. Рассматривается специфика лингвистических карт, приводятся некоторые сведения из истории становления лингвогеографических исследований и дана самая общая оценка их состояния к настоящему времени.

Ключевые слова: тематическая картография, лингвистическая карта, нагрузка карты, становление лингвогеографии (диалектографии, геолингвистики), терминология ареальных исследований, «язык» карты.

¹ [Вендина 2010: 457].

Лингвистическая география, объектом внимания которой являются территориальные варианты языка (реже и социальные), рассматриваемые на уровне отдельных языковых систем (и их подсистем: наречий диалектов, говоров) или же многоязычных регионов (родственных языков и контактных зон), будучи одним из лингвистических направлений, во многом опирается на особого рода «картографические методы исследования»².

1. Общие сведения. Географические карты и атласы, отличаются между собой в основном масштабом, т. е. полнотой и дифференцированностью картографированного материала и территориальным охватом (карты и атласы отдельных регионов, стран, материков, морей, океанов, мира). Масштаб определяет точность соответствия нагрузки карты (отображаемых объектов) определенным координатам (самым строгим критериям точности отвечают навигационные карты). Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что применительно к тематическим картам, особой разновидностью которых является карта лингвистическая (диалектологическая и т. п.), в национальных исследовательских школах сложились не только специфические практики сбора и представления картографируемого языкового материала, но и особые методы его представления как на отдельных картах, так и в составе соответствующих тематических атласов.

В зависимости от целей и задач, которые решают разработчики подобных проектов, лингвистические атласы различаются не только по своему издательскому типу и в зависимости от содержания, но также в силу использования того или иного «языка карт», обусловленного в том числе состоянием разных географических школ.

Немаловажно, что *тематические* карты и атласы

² Термин был предложен в 1939 г. отечественным географом Константином Алексеевичем Салищевым (1905–1988) [Салищев 1952–1962]. В американской школе пространственного анализа (Geospatial Analysis) используется этот последний термин, введенный ее основателем У. Банге Мл., см. также Вильям Бунге (William Wheeler Bunge Jr., 1928–2013) [Бунге 1967].

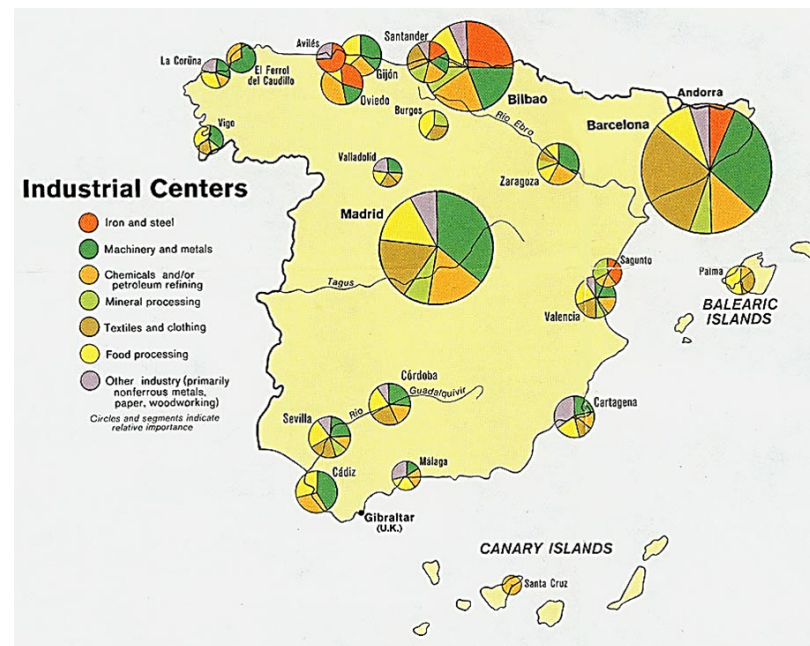

Рисунок 1. Индустриальные центры Испании (на картосхеме условно локализованы диаграммы, показывающие соотношение различных производств)

(климатологические, исторические, социально-экономические, медицинские, этнолингвистические и пр.), сохраняя зависимость нагрузки от масштаба (вернее, от размеров бумажного листа или формата издания), в меньшей мере, чем сугубо географические карты, ориентированы на соблюдение точных географических координат. Тематические карты подчинены прежде всего логике своей специальной нагрузки. Нередко их географическая основа схематизирована и определяется в таких случаях как *картосхема* (рис. 1). Помимо отказа от сетки координат, для картосхемы характерна существенная схематизация географических или административно-политических границ, соотносящихся с логикой специальной нагрузки карты.

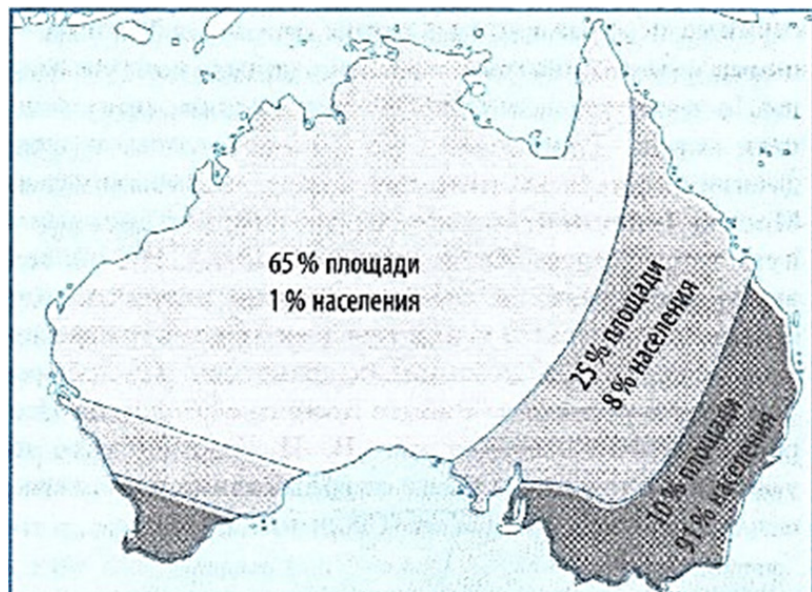

Рисунок 3. Распределение населения Австралии.

и своему картографическому типу (в том числе в пределах одного атласа) и дающих представление о моделируемых языковых состояниях (и процессах), которые прослеживаются на достаточно репрезентативном множестве языковых примеров. Их количество и рассматриваемые аспекты языка (наречия, диалекта, говоров)⁵ зависят как от программы атласа, так и от используемых приемов и методов обследования

в традиционном их понимании, то есть в качестве карт, на которых представлены границы распространения языков и их территориальных вариантов, коль скоро имплицитно (а нередко эксплицитно) такого рода карты опираются на анализ языковых данных.

⁵ Критерии выделения территориальных вариантов разного уровня применительно к различным идиомам не всегда между собой соотносятся однозначно.

языковой территории.

Необходимо иметь в виду, что применительно к языку территориальное варьирование представляет собой лишь некий хронологический срез, за которым просматриваются разнонаправленные процессы *экстралингвистической* и *экстериолингвистической* значимости [Толстой 1974: 18]. Подразумевается внешняя история языка и предопределяющие ее влияния неязыковых факторов (межэтнические контакты, языковая политика, изоляция определенных языковых групп). Что касается показательности или «читаемости» атласа, в целом это во многом зависит от продуманности нагрузки карты и легенды к ней, не только эксплицирующей, но и структурирующей принятые условные обозначения. На понимание «языка карты» (на ее «читаемость») оказывает влияние также характер комментариев (их продуманность и историческая «глубина», не говоря о географическом охвате явлений).

Образно говоря, лингвистический атлас есть некий свод языковых примеров, расположенных в отличие от традиционных словарных (и диалектологических) картотек не по алфавиту, но на плоскости карты, условно соответствующей какой-то языковой территории. В определенном смысле лингвистические атласы ближе к словарям идеологического типа, где лексика сгруппирована, допустим, по тематическим группам слов или по иным содержательным критериям. Карты привычно следуют в порядке номеров вопросника, составленного с учетом программы атласа, обычно нацеленной на решение определенных лингвистических задач (а не географических).

2.1. Лингвистические карты отличаются от общегеографических в том смысле, что территориальная привязка явлений соотносима не столько с географическими координатами, сколько с носителями соответствующих форм языка, обитающими на той или иной территории [Сухачев 1974; Лесников, Сухачев 2020]. Поэтому показательны именно выявляемые ареальные структуры (конфигурации), которые

отображают соотношение данного пункта (шире — ареала) с сопредельными пунктами (ареалами). Речь идет прежде всего о различии, с одной стороны, *инклюзивных* изоглосс (изолиний на карте), охватывающих сходные или однотипные языковые явления, с другой, *эксклюзивных* — отграничивающих несходные или разнотипные явления. При этом подразумевается, что программа и вопросник (анкета) атласа составлена таким образом, что прослеживаются не просто сходные и различающиеся явления на плоскости карты, но языковые навыки или «психолингвистические» представления самих информантов, в речи которых те или иные явления отмечены диалектологом (фонологом, лексикологом, грамматистом). Составители карт (и атласов) должны обладать относительно обширной лингвистической компетенцией, что относится и ко всем «читателям» атласов, будь они лингвогеографами, диалектологами, историками языка, типологами и т. д.

Специфическим для лингвистической географии является понимание *аналитической* карты, в том смысле, что результаты анкетирования предварительно проанализированы и представлены при помощи специальных значков (символов), качественного фона (штриховки, цвета) и изолиний, а тем самым как бы противопоставлены «синтетическим» *исходным*⁶ картам. Это противопоставление восходит к условному моменту зарождения лингвистической географии в конце 70-х — начале 80-х г. XIX в. Представители немецкой диалектографии (нем. *Dialektgeographie*⁷) стремились

⁶ На исходной карте записан ответ в фонетической записи, привязанной к соответствующему населенному пункту (его номеру на карте). Такого рода карты одно время не вполне оправдано именовали синтетическими.

⁷ Термин закрепился после появления в Марбурге серии изданий «*Deutsche Dialektgeographie*» (с 1908 г.), ср. [Немецкая диалектография 1955]. Единственная фонетическая карта, факсимиле которой приложено Г. Венкером к брошюре о рейнском нижненемецком (*Das Rheinische Platt*, 1877), использует разнонаправленную штриховку и дополнительные к ней изолинии. В ранних публикациях Г. Венкер употребляет композит *Sprachatlas* (1881). Первый атлас Ж. Жильерона (*Petit atlas phonétique du Valais roman*, 1881), включал карты исходного типа, однотипные явления были подчеркнуты

к максимально широкому охвату фонетических диалектных различий и опирались на приемы косвенного анкетирования (в основном при помощи школьных учителей), результат которого обобщался на так называемых *значковых* картах. Французские диалектологи (фр. *géographie linguistique*) изначально предпочли полевое анкетирование и публикацию исходных карт, то есть картографирование лексических форм в фонетической записи непосредственно у каждого пункта. Понятно, что подобная нагрузка карт значительно сужает опорную сетку атласа. Основное же преимущество исходных карт перед аналитическими — заметное ускорение сроков создания карт, а значит и выхода атласа в свет. В этом отношении показательны «Немецкий лингвистический атлас» Г. Венкера (*Deutscher Sprachatlas*, 1926–1956. Вып. 1–23, по 6 карт с кальками и текстом к ним, всего 128 карт)⁸ и «Лингвистический атлас Франции» Ж. Жильерона и Э. Эдмона (*Atlas linguistique de la France*, 1902–1910. Вып. 1–35, всего 1920 карт)⁹.

3. От «Митридата» К. Гесснера к лингвистическим картам. Появление первых лингвистических атласов во Франции и в Германии не случайно соотносится с проникновением в методологию европейских наук философского позитивизма, повлиявшего, в частности, на младограмматиков.

С одной стороны, «Рейнский нижненемецкий диалект (*Das Rheinische Platt*, 1877)» Г. Венкера и «Малый фонетический атлас (*Petit atlas phonétique*, 1881)» Ж. Жильерона

линиями разного цвета.

⁸ Подготовлен под реакцией Ф. Вреде (с 1886 по 1933 гг.), Б. Мартина (с 1933 г.) и В. Мицке (с 1934 г.) по материалам, собранным Г. Венкером, начиная с 1876 г., путем косвенного анкетирования по всей территории немецкой речи (всего 52926 н. п.). Архив DSA содержит 1650 карт. Отражена фонетика, частично морфология и эпизодически лексико-семантические особенности говоров. Карты аналитические (М 1: 2 000 000).

⁹ Полевое анкетирование было осуществлено Э. Эдмоном в 1897–1901 гг. в 639 н. п. Франции, франкоязычной Бельгии, Швейцарии и Италии (опрошено 735 информантов) по вопроснику, содержащему 1920 слов, предназначенных для перевода на диалект. Карты исходные (М 1: 1 750 000).

Рисунок 4. Карта «Многоязычная Азия...» («Asia poliglotta...») из «Синописа...» (1741) Г. Хензеля). Тип письма и шрифтовые различия служат качественным фоном, наряду с выделением цветом.

подхватывают многовековую традицию лингвистического анкетирования, которая сопутствовала словарям типа «Митридат» («Mithridates», 1555) К. Геснера¹⁰. Уже в XVIII в. Г. Хензель, настоятель в Хиршберге¹¹, приложил к своему

¹⁰ Геснер в алфавитном порядке описывает все известные в его время древние и новые языки, частично опираясь на переводы молитвы «Отче наш» (см: Сергеев 2018).

¹¹ Букв. «Оленья гора», ныне Еленя-Гура в Нижнесилезском воеводстве,

труду «Всемирный филологический синопис...» [Hensel 1741] четыре «географо-полиязычные карты» (mappis geographico-polyglottis), на которых представлены известные в его время языки мира и их системы письма (на примере фрагмента молитвы «Отче наш...») (рис. 4). В полном соответствии с библейским мифом о Вавилонском столпотворении автор все языки мира выводил из иврита.

Уникальность названного приложения Г. Хензеля в том, что речь идет о картах языков мира (то есть этнолингвистического типа, в устаревшем понимании этого термина в качестве карты распространения языков или их диалектов). На картах Хензеля нанесены не лингвистические границы (не языковые территории), но некий языковой материал, привычный для универсальных лексиконов типа «Митридата». Благодаря различиям письменностей (и шрифтов) карты достаточно контрастны. Правда, разноязычные тексты проще было бы и представить, и воспринимать в табличной форме, обычно практиковавшейся в многоязычных словарях.

Толчок к тому, чтобы многовековая традиция лингвистических анкет во второй половине XIX в. объединилась с картографическими методами, могла дать так называемая география человека, полнее всего воплощенная в многотомных трудах Э. Реклю¹². Генетически лингвистическая география адаптировала также приемы и методы картографирования народов и языков мира¹³, представленные, например, этнолингвистическим «Атласом языков Европы» Б. Бьонделли [Biondelli 1841]¹⁴, рассматривавшего язык исключительно как

Польша.

¹² «Новая Всеобщая география: Земля и люди» («Nouvelle Géographie universelle: La Terre et les Hommes», 1876–1894, тт. 1–19) и «Человек и Земля» («L'Homme et la Terre», 1876–1894, тт. 1–6).

¹³ Ср. условную дефиницию лингвистической географии или диалектальной, данную Й. Йорданом: «...мы можем определить лингвистическую географию как картографическое исследование народных говоров» [Йордан 1971: 217].

¹⁴ На карте мира цветом показано распределение языков, на отдельной карте выделены языки Европы (в том числе баскский, угрофинские и тюркские

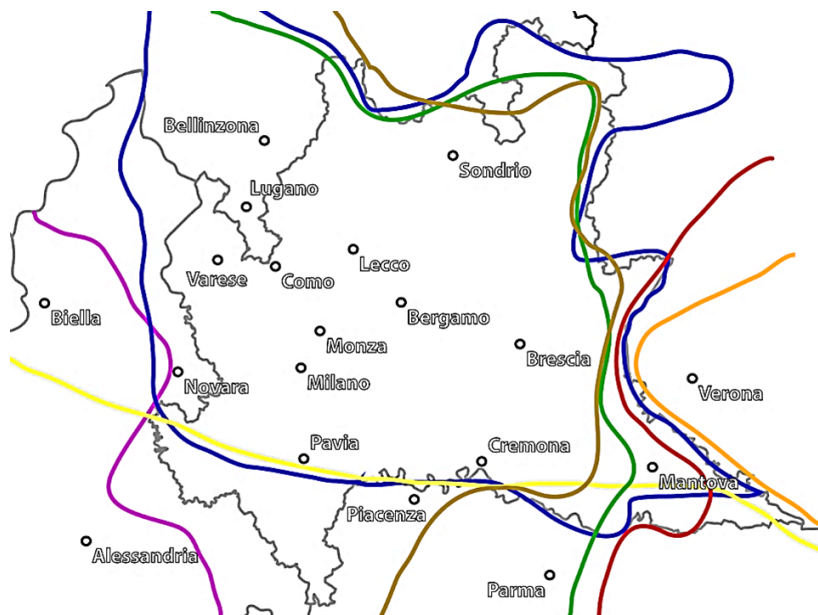

Рисунок 5. Основные инклюзивные изоглоссы в ломбардском ареале. Наличие гласных /y/ и /ø/; Отпадение конечных реализаций -a; Отпадение конечного -г в инфинитиве у глаголов; Сохранение безударных гласных,

определитель этноса, о чем можно судить и по картосхемам, созданным на основе одной из его карт (рис. 5–6). Бьонделли принадлежит практически первая попытка локализации индоевропейской языковой семьи на карте. Им намечены географические границы отдельных языков и их групп, хотя эти границы проведены очень условно (порой они проходят по горным хребтам).

Д. И. Эдельман считает первым научным опытом картографирования языкового материала карту распространения индоевропейских и дравидийских (туранских или тамилоидных) языков Индии, составленную Т. Э. Перри и опубликованную им в 1858 г. в статье «О географическом размещении языки).

Рисунок 6. Основные варианты по Бионделли (1853); грамматические ареалы по Роньони (Rognoni 2005); другие варианты по Бионделли и Роньони; эмильянский диалект по Бионделли

основных языков Индии» [Эдельман 1968: 9]¹⁵. Все же, как и атлас Бьонделли, карта Перри относится к типу *этнолингвистических*¹⁶. В последнем случае речь идет о карте, составленной в результате рассмотрения предварительно отобранных лингвистических данных. Все же ее нагрузка представляет лишь косвенный (и условный) итог их анализа, нацеленного прежде всего на установление границ между

¹⁵ Предмет ареальных исследований в приведенном издании эксплицитно увязан со сравнительно-исторической проблематикой индоевропейистики.

¹⁶ Среди первых этнолингвистических карт – Карта славянских земель К. И. Шафарика (1842), карта народов России П. Кепшена (1851), этнографические карты Австро-Венгрии К. Ф. Цорнига (1855–1856) и Г. Кипшперта (1867).

Лингвистические атласы (= 495)

Распределение по языкам

Межъязыковые регионы (разные языковые семьи)		16	
Индоевропейские языки			
Межъязыковые регионы		4	
Славянские языки (= 62)			
Межъязыковые регионы		30	
Русский язык	17	Словацкий язык	1
Украинский язык	21	Сорбские языки (лужицкие, ведские)	2
Белорусский язык	8	Болгарский язык	5
Польский язык	13	Македонский язык	1
Чешский язык	1	Словенский язык	3
Германские языки (= 82)			
Английский язык	25	Нидерландский (голландск., фламандск.)	23
Немецкий язык	47	Шведский язык	3
Язык идиш	4		
Романские языки (= 140)			
Межъязыковые регионы		11	
Итальянский язык	20	Креольские (на французской лексике)	4
Сардинский язык	2	Каталанский язык	8
Фриульский язык	1	Испанский язык	27
Тирольский ретороманский (ладинский)	1	Португальский язык	24
Корсиканский	2	Галисийский язык	1
Французский язык	26	Румынский язык	23
Новогреческий язык			1
Кельтские языки (= 6)			
Ирландский язык	1	Валлийский язык	2
Шотландский язык	1	Бретонский язык	2
Балтийские языки (3)			
Межъязыковые атласы		1	
Литовский язык	1	Латышский язык	1
Албанский язык			2
Иранские языки (межъязыковой)	1	Индоарийская группа (межъязыковой)	1
Баскский язык			4
Арабский язык	2	Берберские языки	1
Семья банту	3		
Уральская семья (= 23)			
Финский язык	1	Венгерский язык	16
Карельский язык	1	Удмуртский язык	1
Эстонский язык	2	Мордовский язык	2
Вепский язык			
Алтайская семья (= 10)			
Тюркские языки (межъязыковой)	1	Башкирский язык	1
Азербайджанский язык	1	Монгольская группа	1
Японский язык	6		
Китайско-тибетская семья. Китайский язык		11	
Тайская семья. Язык буи		1	
Австронезийская семья. Язык сасак			

носителями различных идиомов¹⁷, то есть между разными этносами. К этому же типу примыкают *карты диалектов*, представляющие сугубо географические границы между разными территориальными вариантами языка. Такова, например, карта К. де Монбре, уточнявшая границы говоров и диалектов, на которых говорили во Франции. Автор представил ее Королевскому обществу французских древностей в 1821 г. [Por 1950 1: 18].

Замысел собственно лингвистической карты относится к 1823 г. Он принадлежит Д. Монье, полагавшему, что «можно было бы довольно точно отметить на карте границы, в которых преобладает “a”, и те, внутри которых большинство слов окрашены на “o”, область, где “an” переходит в “in”, и наконец, область, где тот же слог произносится как “on» (цит.: ibid.). Более полувека спустя идея Д. Монье была реализована в первых лингвистических атласах Ж. Жильерона [Gilliéron 1881] и Г. Венкера [Wenkler 1877; 1881¹⁸].

В России в 1851 г. И. И. Срезневский отмечал необходимость составления лингвистической карты в качестве «первой и насущной потребности диалектологии» [Срезневский 1851], а в 1877 г. опубликована карта южнорусских наречий и говоров (сост. в 1871 г.) [К. П. Михальчука¹⁹. Обособившись в самостоятельную науку и перешагнув через описательность, лингвистическая география не потеряла былой связи с этнографией, в недрах которой во многих странах зарождалась диалектология. Более формализованы сюжеты и методы изучения территориального и социального варьирования

¹⁷ Термин идиом является нейтральным по отношению к понятиям язык и диалект, границы между которыми не всегда очевидны и нередко определяются по конъюнктурным соображениям.

¹⁸ Изд. прервалось на 1-м вып.

¹⁹ Михальчук К. П. Наречия, поднаречия и говоры Южной России в связи с наречиями Галичины // Труды этногр.-стат. экспедиции в Западно-рус. край., снаряженной Русским географическим обществом: Юго-зап. отдел: Материалы и исслед./ Собр. д. чл. П. П. Чубинским.. СПб., 1878. Т. 7. Вып. 1.

языка в Северной Америке²⁰.

Ареальная лингвистика (диалектография, лингвистическая география²¹ и стяженные формы лингвогеография, геоллингвистика)²² распространила свои приемы и методы сбора материала и его картографического представления на собственно этнографические реалии. Так, *этнолингвистический атлас²³* Андалузии (ALEA) представляет собой сокровищницу народной культуры этой испанской провинции, ее языка, быта, традиций. Этнографические реалии занимают значительное место в целом ряде лингвистических атласов, что делает их незаменимым источником не только для лингвогеографии, но и для этнографии, а также для фольклористики.

4. Общие описания и библиография лингвистических атласов, смыкающиеся с историей диалектологии и лингвогеографических исследований как специфического направления языкознания, восходят к публикации Й. Схрейнена «Опыт библиографии общей лингвистической географии» [Schrijnen 1933]. Для атласов романских языков можно сослаться на обширную главу III. «Лингвистическая география» в кн. «Романское языкознание» (1962) [Йордан 1971: 217–409]²⁴,

²⁰ Основоположителем лингвистической географии применительно к английскому языку в США и Канаде является Г. Курат [Kurath 1931; 1939].

²¹ Франц. Géographie linguistique, нем. Sprachgeographie, англ. Linguistic geography, итал. Geografia linguistica.

²² Последние формы различаются только в силу следования определяющего перед или после определяемого в русском и в английском и французском языках. Термин геоллингвистика подкреплён и названием журналов “Geolinguistics” (Американское геоллингвистическое общество), а позже и “Géolinguistique” (Университет Гренобля).

²³ Первым атласом такого типа был «Атлас слов и вещей в Италии и на юге Швейцарии К. Яберга и Я. Юда (K. Jaberg, J. Jud. Sprach- und Sachatlas Italiens und der Südschweiz. Zofingen: Ringen, 1928–1940. Bd. 1–8), см.: [Сухачев 1975].

²⁴ При этом Й. Йордан подчеркивает: «Я считаю, что лингвистическая география – это лингвистический метод или направление, а не наука, на что претендуют некоторые ее фанатические приверженцы, поскольку мы имеем дело лишь с новым способом изучения человеческой речи» [Йордан 1971: 217, примеч. 1].

а для немецкого языка — на сборник, подготовленный В. М. Жирмунским [Немецкая диалектография 1955; ср.: Миронов 1976]. Серьезный вклад в изучение истории диалектологии, начиная с ранних ее этапов, и лингвистической географии как ее особого метода внес румынский лингвогеограф С. Поп, составивший в бельгийской эмиграции двухтомный труд «Диалектология»; к нему примыкает «Библиография лингвистических анкет» (с 1394 по 1926 гг.) [Pop 1950; 1955]. В отечественном языкознании можно назвать библиографию, составленную по инициативе М. А. Бородиной (описано 234 атласа) [Лингвистические атласы]²⁵, выступившей также как инициатор лингвогеографического обследования тюркских языков в СССР.

К настоящему времени количество опубликованных атласов приближается к 500 (табл. 1), включая издания, охватывающие отдельные территориальные и даже социальные диалекты, как и различные исторические периоды того или иного языка. Целый ряд атласов отражает территориальное распределение явлений, характерных для группы языков, а также для регионов, включающих идиомы, которые относятся к разным языковым семьям. Весьма разнообразны и картографируемые сюжеты, как и приемы представления соответствующих языковых явлений, определяемых в качестве *изоглосс* и нередко сопровождаемых соответствующими *изопрагмами* (этнографическими реалиями) и *изодоксами* (реалиями духовной культуры)²⁶.

Лингвистические атласы могут дать комплексный материал для исследований языка на любом уровне в области ареаль-

²⁵ Этому изданию предшествовало описание лингвистических и этнографических карт и атласов из собрания отдела картографии БАН [Мельникова, Сухачев 1971]. Также ср.: [Сухачев 1975; Михайлов, Сухачев 1984].

²⁶ Термины были введены Н. И. Толстым [Толстой 1974: 22, примеч. 1 – изопрагма]; ср.: «Выявляемые изоглоссы (изолексы) следует подкреплять изопрагмами и изодоксами, что позволит во многих случаях точнее определять и хронологию, и культурно-этническую характеристику фактов, и весомость (valeur) отдельных “поясов”, “направлений” и “островов”» [Толстой 1977: 56; ср.: Михайлов, Сухачев 1983: 69].

ной лингвистики, диалектологии, сравнительно-исторической грамматики, фонетики, лексикологии, структурного анализа, лингвосоциологии, этнолингвистики, языковой типологии. Уникальный материал для исследования исторических диалектов предоставляют лингвистические атласы исторического типа, составленные по архивным данным, локализованным по скрипториям, то есть по месту создания (см.: [Dees 1980]).

Отметим все же, что любого рода источниковедческие базы — своды текстов, картотеки (национальные, диалектологические, тематические) и в том числе атласы — «работают» лишь в меру эрудиции и научного такта исследователя, который к ним обращается. В конечном счете нет принципиальной разницы между языковыми данными, представленными в виде каталожной картотеки (следующей алфавитному или тематическому порядку) или же в виде лингвистического атласа, где «карточки» (ответы на вопросы), стоящие за определенным разделителем, соотносятся с темой каждой карты и расположены в ее плоскости. Сводь карт (атласы) разве что более доступны для исследователей, чем традиционные картотеки. Впрочем, оцифровка последних нивелирует и это преимущество. Остается все же неоспоримым преимуществом наглядность лингвистических карт, на которых суммировано множество языковых примеров, по сравнению с любого рода каталогами и изданиями в форме словарей или диалектологических монографий.

Разумеется, было бы целесообразным, чтобы составители лингвистических карт не просто «привязывали» те или иные выявленные ими языковые особенности к географическим координатам, а стремились бы максимально отобразить структурные характеристики картографируемого языкового материала, опираясь на специфические возможности «языка» карты.

Литература

Бунге В. Теоретическая география / пер. с англ. В. Я. Барласа [и др.]; предисл. Ю. Г. Саушкина. М.: Прогресс, 1967. 279 с., 1 л.

карт.: ил., карт.

Вендина Т. И. Лингвогеография и проблема декодирования языка карты // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 457–460.

Йордан Й. Романское языкознание. Историческое развитие, течения, методы / пер. с рум. С. Г. Бережан и И. Ф. Мокряк; под ред и с примеч. Н. Г. Корлэтяну; предисл. Р. А. Будагова. М.: Прогресс, 1971. 618, [1] с.

Лесников С. В., Сухачев Н. Л. Терминологические словоупотребления и аббревиатуры лингвогеографии // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 722–747.

Мельникова Т. Н., Сухачев Н. Л. Лингвистические и этнографические атласы и карты. Аннотированный каталог / под ред. М. А. Бородиной. Л.: Изд-во БАН СССР, 1971. 73 с.

Мионов С. А. Немецкая диалектография за сто лет // Вопросы языкознания. 1976. № 4. С. 118–130.

Михайлов В. А., Сухачев Н. Л., Этнолингвистический аспект ареальных исследований // Лингвоэтногеография: сб. научных трудов / отв. ред. М. А. Бородин. Л.: Географическое общество СССР, 1983. С. 66–73.

Михайлов В. А., Сухачев Н. Л. Историко-лингвистические атласы // Совещание по вопросам диалектологии и истории языка «Лингвогеография на современном этапе и проблемы межуровневого взаимодействия в истории языка» (Ужгород, 18–20 сентября 1984 г.): Тезисы докладов и сообщений. М.: Наука, 1984. С. 73–74.

Немецкая диалектография: Сборник статей / пер. с нем.: Н. А. Сигал; ред., предисл. и примеч. В. М. Жирмунского. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1955. 246 с.

Салищев К. А. Основы картоведения. 3-е изд., перераб. М.: Изд-во геодезической лит-ры, 1959–1962. Т. 1–2.

Сергеев М. Л. Сопоставление языков в XVI в. (на примере «Митридата» (1555) Конрада Гесснера. Автореф. канд. филол. наук. СПб., 2018 (ИЛИ РАН).

Срезневский И. И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестник Императорского Русского географического

общества. Ч. 1. Кн. 1. Отд. V. СПб., 1851. С. 1–24.

Сухачев Н. Л. Лингвистические атласы и карты // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии / отв. ред. С. И. Брук. Л.: Наука, 1974. С. 33–43.

Сухачев Н. Л. Лингво-этнографические атласы романских языков // Советская этнография. 1975. № 3. С. 45–53.

Лингвистические атласы: Аннотированный библиографический указатель / сост. Н. Л. Сухачев; ред Г. Н. Утин, М. А. Бородин. Л.: БАН, 1984. 158 с.

Толстой Н. И. Некоторые вопросы соотношения лингво- и этногеографических исследований // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии / отв. ред. С. И. Брук. Л.: Наука, 1974. С. 18–33.

Толстой Н. И. О соотношении центрального и маргинального ареалов в современной Славии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии / отв. ред. М. А. Бородин. Л.: Наука, 1977. С. 37–56.

Эдельман Дж. И. Основные вопросы лингвистической географии (на материале индоиранских языков). М.: Наука, 1968. 112 с., 14 карт вкл.

Biondelli B. Atlante linguistico d'Europa. Milano: Pirola, 1841.

Dees A. Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13e siècle. Avec le concours de P. van Reenen et de J. A. de Vries. Tübingen: Niemeyer, 1980. XIII, 371 p.

Gilliéron J. Petit atlas phonétique du Valais Roman (Sud du Rhône). Paris: H. Champion, 1881. 36 p., 30 maps.

Hensel G. Synopsis Universae philologiae: in qua: miranda unitas et harmonia linguarum totius orbis terrarum occulta, e literarum, syllabarum, vocumque natura & recessibus eruitur. Nuremberg: Homann heirs, 1741. 492 p.

Kurath H. The Geography of Speech: Plans for a Linguistic Atlas of the United States and Canada // Geographical Review. 1931. Vol. 21 (3). Pp. 483–486.

Kurath H. et al. Handbook of the linguistic geography of New England. Providence: Brown University, 1939. 240 p.

Pop S. La Dialectologie. Aperçu historique et méthodes d'enquêtes

linguistiques. Louvain: Gembloux, Duculot, 1950. Т. 1–2 (пагинация сквозная).

Pop S. Bibliographie des questionnaires linguistiques. Louvain: Commission d'enquête *linguistique*, 1955. 168 p.

Schrijnen J. Essai de bibliographie de géographie linguistique générale. Nimègue: Dekker et Van de Vegt et Van Leeuwen, 1933. 96 p. (Comité International Permanent de Linguistes. Publications de la Commission d'Enquête Linguistique. II).

Wenker G. Das Rheinische Platt. Den Lehrern des Rheinlandes gewidmet. Düsseldorf: Selbstverlag, 1877. 16 p.

Wenker G. Sprach-Atlas von Nord- und Mitteldeutschland, auf Grund von systematisch mit Hülfe der Volksschullehrer gesammeltem Material aus circa 30 000 Orten. Strassburg: K. J. Trübner; London: Trübner and Comp., 1881. Abt. 1. Lief. 1. 6 Karten und Textheft.

Linguistic Map Metalanguage and the Modern State of Linguogeographic Research

Nikolai L. Sukhachev

Institute for Linguistic Studies, RAS

nsuh@inbox.ru

Mariia D. Korolkova

Institute for Linguistic Studies, RAS

skifane@gmail.com

Linguistic map is truly difficult to percept, and this difficulty affects both unexperienced readers and professionals, for maps feature a bunch of peculiarities and represent an immense number of various language phenomena, previously unheeded and even contradicting the basic tenets and ideas of linguistics.

T.I. Vendina²⁷

Creation of linguistic maps implies the use of cartographic methods, but the maps themselves are concentrated upon the language phenomena. This is the crucial difference between linguistic and geographic maps. In

²⁷ [Vendina 2010: 457].

this article we try to pin down the central features of linguistic maps, as well as to give a brief outline of the history of linguogeographic studies and give a general estimation of their modern state.

Key words: topic-based cartography, linguistic map, map key, development of linguistic geography (dialectography, geolinguistics), areal research nomenclature, map metalanguage.

References

Bunge V. Teoreticheskaja geografija [Theory of Geography] / translated from English by V. Ja. Barlas [i dr.]; predisl. Ju. G. Saushkina. M.: Progress, 1967. 279 pp., 1 l. map.: illustr., map.

Vendina T. I. Lingvogeografija i problema dekodirovanija jazyka karty [Linguogeography and the Issue of Deciphering the Map Metalanguage] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo [Nizhny Novgorod State University Herald]. 2010. № 4 (2). Pp. 457–460.

Jordan J. Romanskoe jazykoznanie. Istoricheskoe razvitie, techenija, metody [Romance Linguistics. Its Historical Development, Frameworks and Methods] / translated from Romanian by S. G. Berezhan i I. F. Mokrjak; N. G. Korljjetjanu (ed.); foreword by R. A. Budagov. M.: Progress, 1971. 618, [1] pp.

Lesnikov S. V., Suhachev N. L. Terminologicheskie slovoupotreblenija i abbreviatury lingvogeografii [Terminological Usage of Words and Linguogeographic Abbreviations] // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovanija) 2020 / otv. red. S. A. Myznikov [S. A. Myznikov (ed.) Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2020]. SPb.: ILI RAN, 2020. Pp. 722–747.

Mel'nikova T. N., Suhachev N. L. Lingvisticheskie i etnograficheskie atlasy i karty. Annotirovannyj katalog [Linguistic and Ethnographic Atlases and Maps. An Annotated Catalog] / M. A. Borodina (ed.). L.: Izd-vo BAN SSSR, 1971. 73 pp.

Mironov S. A. Nemeckaja dialektografija za sto let [German Dialectography in the Last 100 years] // Voprosy jazykoznanija [Issues in Linguistics]. 1976. № 4. Pp. 118–130.

Mihajlov V. A., Suhachev N. L., Etnolingvisticheskij aspekt are-

al'nyh issledovanij [Etholinguistic Aspect of Areal Studies] // Lingvojetnogeografija: sb. nauchnyh trudov [Linguistic Geography. Collection of Papers] / M. A. Borodina (ed.). L.: Geograficheskoe obshhestvo SSSR, 1983. Pp. 66–73.

Mihajlov V. A., Suhachev N. L. Istoriko-lingvisticheskie atlasy [Historical and Linguistic Atlases] // Soveshhanie po voprosam dialektologii i istorii jazyka «Lingvogeografija na sovremennom etape i problemy mezhurovnevnogo vzaimodejstvija v istorii jazyka» (Uzhgorod, 18–20 sentjabrja 1984 g.): Tezisy dokladov i soobshhenij [Conference on the Issues in Dialect Studies and Language History “The Modern Stage of Linguistic Geography and the Issues of Interlevel Convergence in the Language History”. Abstracts and summaries]. M.: Nauka, 1984. Pp. 73–74.

Nemeckaja dialektografija: Sbornik statej [German Dialectography] / translated from German by N. A. Sigal; V. M. Zhirmunsky (ed.). M.: Izd-vo inostranoj lit-ry, 1955. 246 pp.

Salishhev K. A. Osnovy kartovedenija [A Primer in Cartography]. 3-e izd., pererab. M.: Izd-vo geodezicheskoi lit-ry, 1959–1962. Vols. 1–2.

Sergeev M. L. Sopostavlenie jazykov v XVI v. (na primere «Mithridata» (1555) Konrada Gessnera [Language Comparison in the 16th Century as Represented in Conrad Gessner's “Mithridates” (1555)]. Avtoref. kand. filol. Nauk [PhD Thesis Abstract]. SPb., 2018 (ILI RAN).

Sreznevskij I. I. Zamechanija o materialah dlja geografii russkogo jazyka [Notes on the Materials for Russian Language Geography] // Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva [Imperial Russian Geographical Society Herald]. Pt. 1. Book. 1. Chapter V. SPb., 1851. Pp. 1–24.

Suhachev N. L. Lingvisticheskie atlasy i karty [Linguistic Atlases and Maps] // Problemy kartografirovanija v jazykoznanii i etnografii [Issues in Cartography for Linguistics and Ethnography] / S. I. Bruk (ed.). L.: Nauka, 1974. Pp. 33–43.

Suhachev N. L. Lingvo-etnograficheskie atlasy romanskih jazykov [Linguoethnographic Atlases of Romance Languages] // Sovetskaja jetnografija [Soviet Ethnography]. 1975. № 3. Pp. 45–53.

Lingvisticheskie atlasy: Annotirovannyj bibliograficheskij ukazatel' / sost. N. L. Suhachev [N. L. Sukhachev. Linguistic Atlases. An

Annotated Bibliographic Index]; G. N. Utin, M. A. Borodina (eds.). L.: BAN, 1984. 158 pp.

Tolstoj N. I. Nekotorye voprosy sootnoshenija lingvo- i etnogeograficheskikh issledovanij [Some Issues in Linguistic and Ethnographic Studies] // Problemy kartografirovaniya v jazykoznanii i jetnografii [Issues in Cartography for Linguistics and Ethnography] / S. I. Bruk (ed.). L.: Nauka, 1974. Pp. 18–33.

Tolstoj N. I. O sootnoshenii central'nogo i marginal'nogo arealov v sovremennoj Slavii [On the Interrelation of Central and Marginal Areas in Modern Slavia] // Areal'nye issledovanija v jazykoznanii i etnografii [Areal Studies in Linguistics and Ethnography] / M. A. Borodina (ed.). L.: Nauka, 1977. Pp. 37–56.

Edel'man Dzh. I. Osnovnye voprosy lingvisticheskoj geografii (na materiale indoiranskih jazykov) [Central Questions of Linguistic Geography. Indo-Iranian Languages]. M.: Nauka, 1968. 112 pp., 14 maps.

Biondelli B. Atlante linguistico d'Europa [Linguistic Atlas of Europe]. Milano: Pirola, 1841.

Dees A. Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13e siècle [Atlas of Forms and Constructions of the French 13th Century Documents]. Avec le concours de P. van Reenen et de J. A. de Vries. Tübingen: Niemeyer, 1980. XIII, 371 pp.

Gilliéron J. Petit atlas phonétique du Valais Roman (Sud du Rhône) [Brief Phonetic Atlas of Canton de Valais]. Paris: H. Champion, 1881. 36 pp., 30 maps.

Hensel G. Synopsis Universae philologiae: in qua: miranda unitas et harmonia linguarum totius orbis terrarum occulta, e literarum, syllabarum, vocumque natura & recessibus eruitur [Synopsis of the Whole Philology, in Which the Stunning Hidden Unity and Harmony of the Languages of the Whole World is Extracted from the Nature and Recesses of Letters, Syllables and Sounds]. Nuremberg: Homann heirs, 1741. 492 pp.

Kurath H. The Geography of Speech: Plans for a Linguistic Atlas of the United States and Canada // Geographical Review. 1931. Vol. 21 (3). Pp. 483–486.

Kurath H. et al. Handbook of the linguistic geography of New England. Providence: Brown University, 1939. 240 pp.

Pop S. La Dialectologie. Aperçu historique et méthodes d'enquêtes linguistiques [Dialect Studies. An Overview of Linguistic Research Methods]. Louvain: Gembloux, Duculot, 1950. Vols. 1–2 (common paging).

Pop S. Bibliographie des questionnaires linguistiques [Bibliography of Linguistic Questionnaires]. Louvain: Commission d'enquête linguistique, 1955. 168 pp.

Schrijnen J. Essai de bibliographie de géographie linguistique générale [Bibliographic Essay on General Linguistic Geography]. Nimègue: Dekker et Van de Vegt et Van Leeuwen, 1933. 96 pp. (Comité International Permanent de Linguistes. Publications de la Commission d'Enquête Linguistique. II).

Wenker G. Das Rheinische Platt. Den Lehrern des Rheinlandes gewidmet [The Rhine Plain. A Handbook of a Rheinland Teacher]. Düsseldorf: Selbstverlag, 1877. 16 pp.

Wenker G. Sprach-Atlas von Nord- und Mitteldeutschland, auf Grund von systematisch mit Hilfe der Volksschullehrer gesammeltem Material aus circa 30 000 Orten [Linguistic Atlas of North and Middle Germany, Based on the Data Collected with the Assistance of Public School Teachers in Approximately 30 000 Communities]. Strassburg: K. J. Trübner; London: Trübner and Comp., 1881. Part 1. ch. 1. 6 Maps and Textbook.

Наименования угодий сельского хозяйства в вятских диалектах русского языка

Ольга Анатольевна Теуш
Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России
Б. Н. Ельцина
olga.teush@yandex.ru

В статье анализируется группа вятских лексем для названия места, используемого в сельскохозяйственной деятельности. Выявляются ономаσιологические модели. Для лексем с затемненной внутренней формой предлагаются пути этимологической интерпретации. Определяются истоки заимствования.

Ключевые слова: вятский регион, апеллятив, лексика, луговые и сенокосные угодья, залежные земли, русский язык, праславянский язык, прибалтийско-финские языки, тюркские языки.

Ведущей отраслью в сельском хозяйстве Вятского края является животноводство. Для снабжения животных пищей в зимний период важно состояние лугов и покосов. Родовым наименованием для вятских говоров можно считать лексему *пбжнѧ* ‘луг, сенокосные угодья’: *Пожни у нас заливные по берегам реки* Киров.: Дрв. (ТСВ: 26, 254), имеющую уменьшительно-ласкательный дериват *пбженка* Киров. (ТСВ: 26). Обозначение вторично к *пбжнѧ* ‘сжатое поле’ Киров.: Вкм., Нгр.: *Шли по пожне — все ноги исцарапали* Киров.: Вкм. (ТСВ: 254). Это дериват корня *жън-*, восходящего к праслав. **žin-/ *žę-*, отраженного в русском *жѧть* ‘срезать под корень (стебли зерновых)’ (Шведова 2007: 230). Производным от *пбле* ‘обрабатываемая под посев земля, участок земли’ (Шведова 2007: 685) является *подпбльница* ‘луг около пашни’: *В подпбльнице трава хороша* Киров.: Афн. (ТСВ: 26).

Дериватом глагола *косѧть* ‘срезать косой’ (Шведова 2007: 370) является *кошевіна* ‘выкошенное место’: *На кошевины*

скот скоро погонят, надо кабаны загородить Киров.: Омт. (ТСВ: 247). Однокоренным образованием от русск. литер. *поко́с* ‘место косьбы’ (Шведова 2007: 683) стало *поко́сиво* ‘прокошенная полоса шириной в один взмах косы’ Киров.: Дрв., Ктл., Нм.: *Высокий человек делает покосиво широкое, а низкий поуже* Киров.: Дрв. (ТСВ: 254).

Поскольку травяной покров имеет лучшее качество, если образуется на достаточно увлажненных территориях, ‘заливной луг на берегу’ номинируется лексемой *приса́д* Киров.: Вкм., Лз.: *Сено с присада привезли* Киров.: Вкм. (ТСВ: 27), семантическим дериватом от *приса́д* ‘намывной берег’ Костр.: Вохом. (СРНГ 31: 374). По той же модели значение ‘покос у реки’ развивают лексемы *прилу́к*, *прилу́ка*: *Я по прилуку бежала* Киров.: Дрв. (ТСВ: 27), ср. *прилу́к*, *прилу́ка* ‘берег речной излучины’ Киров. (СРНГ 31: 280), производные от др.-русс. *лук*, *лука* ‘изгиб берега, излучина’ (Шведова 2007: 418). Типологически сходно *дол* ‘сенокосный луг’ Киров.: Мрш., Свт.: *Дол — то место, где косят траву* Киров.: Мрш.; *Пойдем на дол — траву косить* Киров.: Свт. (ТСВ: 18), имеющее однокоренные синонимы *доля́к*, *поддо́л*, *поддо́лок* Киров. (ТСВ: 18): ср. русск. литер. *дол* ‘удлиненная впадина (вдоль речного русла, среди гор)’ (Шведова 2007: 207). В противоположность, луг, расположенный на бугре, ср. *буго́р* ‘небольшое возвышение, холм’ (Шведова 2007: 64), называемый *бугри́вица* ‘холмистые, неровные луга’: *Бугривиху вручную косят. Сено-то на бугривихе неудачное* Киров.: Вкм. (ТСВ: 16), — считается неудобным.

Корень, в несвязанном виде отраженный в русск. литер. *пру́д* ‘водоем в естественном или выкопанном углублении, а также запруженное место в реке’ (Шведова 2007: 773), представлен в *пру́дкі* ‘луга’ Киров.: Мрш. (ТСВ: 27), *пру́довѧще* ‘то же’ Киров. (ТСВ: 27). Семантические связи, являющиеся в современности неясными, выявляются при реконструкции праслав. **prǫd-*, связанного чередованием гласных с **pręd-* (русс. *прѧсло*, *прѧсть*), реализованным, в частности, в латыш. *spriēžu*, *spriēst* ‘натягивать, растягивать’

(Шведова 2007: 773–774). В качестве исходной географической семантики может быть реконструирована семантика протяженного пространства.

Метафорой по форме объекта нужно считать *сгбловь* ‘луг по берегу реки’: *Приехали убирать сено на сглови* Киров.: Зв., ‘ровная часть луга, с трех сторон окруженная водой’ Киров.: Лбж., Нгр.: *В сглови угнали коров* Киров.: Нгр., *В сглови коровы пасутся* Киров.: Лбж. (ТСВ: 258), ср. *головá* ‘часть тела человека или животного, состоящая из черепной коробки и лица’ (Шведова 2007: 158). Описательным обозначением той же формы объекта является *кулига* ‘сенокосная поляна в лесу’ Киров.: Арб., Зв., Свч.: *Я больно хорошу кулигу выкосила в лесу* Киров.: Арб. (ТСВ: 23) (дериват праслав. корня **kil-* ‘гнуть’, из и.-е. **kouil-* ‘гнуть, скрючивать, сжимать’ (Шведова 2007: 389)).

Трансформацией семантики сев.-русс. *ра́йда* ‘разновидность ивы’ (Арх., Влг., Новг., Олон., Прион. (СРНГ 34: 85) (< приб.-фин., ср. карел. *raida* ‘ива’, фин., водск. *raita*, эст. *raid* ‘болотная ива’ (Kalima: 195; Фасмер 3: 436)) нужно считать вятское *ра́йда* ‘несколько сучковатых жердей, составленных в виде шалаша для просушки сена’ — *С райд убирают сено и мечут в круглыши* Киров.: Орч. (ТСВ: 255): ива является распространенным растением, ее ветви используются как для плетения небольших хозяйственных изделий, так и для создания крупных сооружений. Исконными семантически однотипными образованиями являются *репы* ‘часть луга, поросшая кустарником’: *В репы ходят по малину* Киров.: Арб); *репишки* ‘то же’: *В репишках косили* Киров.: Орч. (ТСВ: 256). Лексемы могут считаться продолжениями праслав. **rǣp-* (Фасмер 3: 471), которое отражено в *репéй* ‘сорное растение с цепкими, колючими соцветиями или плодами’ (Шведова 2007: 829) и имеет продолжения в латин. *rapiō, rapiere* ‘хватать, схватывать’, алб. *rjër* ‘сдираю’ (Фасмер 3: 471).

Основным апеллятивным наименованием места выпаса скота в вятских диалектах является лексема *вы́пуск* ‘пастбище в лесу’ Киров.: Шбл., Яр.: *Коровы в выпуску у нас*

Киров.: Шбл.; *Трава-то в выпуске больно хорошая* Киров.: Яр. (ТСВ: 263) — производное от глагола *вы́пустить* ‘дать выйти’ (Шведова 2007: 134). Менее распространено *поскóтина* ‘пастбище для скота в лесу или в поле, чаще огороженное’: *Хоть бы совхоз место для поскотин отвёл, а то пасут коров, где попало* Киров.: Вкм. (ТСВ: 272). Слово является дериватом от русск. литер. *скот* ‘сельскохозяйственные млекопитающие животные’ (Шведова 2007: 891).

Пастбища нередко огораживались: *загородка*: *Нынче коров в загородку погонят* Киров.: Афн., *загородка*: *В загородке уже стоят стога* Киров.: Опр. — ‘загороженное место для косябы или выпаса скота’ (ТСВ: 265), образовано от *загородить* ‘поставить ограду, загородку, огородить’ (Шведова 2007: 245). Если животные выпасались вблизи сельскохозяйственных угодий, то место выпаса отделяли изгородью: *двори́ще* ‘огороженное место для скота в поле’: *На дворище ушли доить коров* Киров.: Свч. (ТСВ: 182) — дериват от русск. литер. *двор* ‘место содержания сельскохозяйственных животных’ (Шведова 2007: 182).

Вятское *ты́рло* ‘место водопоя и отдыха скота’: *Посидите, а я на тырло схожу* Киров.: Кчп. (ТСВ: 275) — имеет параллели в других русских диалектах: *ты́рло* ‘стойло, приют для скота на дальнем пастбище’ Тульск., Южн., ‘место, где собирается на отдых табун рогатого скота’ Ворон., Донецк. (Фасмер 4: 132). Лексема находит параллели в болг. *търло* ‘загон’, с.-хорв. *трло* ‘то же’, которые М. Фасмер считает дериватами праслав. **ter-* (русск. *тереть*) (Фасмер 4: 132), ср. др.-русс. *търтти* ‘топтать’ (Срезневский 3: 1028).

Прибалтийско-финские истоки имеет лексема *ко́рда* ‘огороженное место для скота в поле или в лесу’: *В корду скот уже зашёл* Киров.: Вкм. (ТСВ: 185). Слово может быть сопоставлено с вепс. *kortte, kořtt'e* ‘высотой, вышиной со что-либо’ (SKES 2: 219). Внутренняя форма лексемы определяется тем, что изгородь для скота ставили, рассчитывая высоту по росту животного.

Разведение полевых сельскохозяйственных культур яв-

ляется сложным и трудоемким процессом. Первым этапом полеводческой деятельности нужно считать разработку целинных земель. В вятских диалектах такие земли называют **челизна** 'целина, непаханное поле': *Поехали прямо по челизне* Киров.: Орч., *Всю челизну распахали* Киров.: Слб. (ТСВ: 260), лексема образована от корня **цел-** с отражением мены *ц/ч*. Синонимично *новина* 'новья, целина': *Новины распахивали в лесу, пеньё жгли* Киров.: Орл. (ТСВ: 250).

Заимствованием является **тутёмь** 'целина, непаханное поле' Киров.: Дрв., Лз.: *Тутёмь какая, давно уж не пахали* Киров.: Дрв.; *Тутемми-то сколь тут, трава растёт только* Киров.: Лз. (ТСВ: 259), отмечалось в варианте *тутём* 'заляжь, покинутая на годы, выпашь, залог, перелог' с производным *тутёмный* 'покинутый на годы (о земле)' Арх., Вят., Костр. (Даль, 2-е изд. 4: 445). Согласно Я. Калиме (Kalima: 50–51) связано с **шутём** 'покинутая из-под пашни земля' (Даль, 2-е изд. 4: 649), которое заимствовано из коми *šut'om* 'заросшее сорняком поле'. В этом случае начальное *t* — опечатка вместо *ш*. М. Фасмер считает неясным (Фасмер 4: 127).

На вятской территории практиковалось подсечно-огневое земледелие: **подсёку поднимать** 'пахать землю на месте вырубленного и выжженного леса' Киров.: Юр. (ТСВ: 253). Русск. литер. *подсёка* 'место среди леса, расчищенное для пашни' (Шведова 2007: 674), являющееся дериватом глагола *подсекать* 'надрубать, надрезать или срубать, срезать снизу, у основания, корня; подрубить' (БАС 10: 592), в вятских диалектах отмечено в варианте **пóдчека** 'разработанное, но еще не распаханное место в лесу' Киров.: Мрш. (ТСВ: 26). При учете русск. литер. *чеканить* 'обрезать (верхушки побегов или верхние побеги)' (Шведова 2007: 1085) последнее (*пóдчека*) можно считать как самостоятельным образованием, так и результатом контаминации.

Дериватом *драть* 'отрывая, отделять, снимать' (Шведова 2007: 215) является **дор** 'расчищенное место в лесу': *Накопец-то дор нашли в лесу – земляники много на нём* Киров.: Снч. (ТСВ: 18), 'распаханная земля': *На дору рожь хорошая*

уродилась Киров.: Арб. (ТСВ: 18). Дальнейшие этимологические и семантические параллели указаны в (Фасмер 1: 529).

С праслав. корнем **kul-* 'гнуть' (из и.-е. **koul-* 'гнуть, скрючивать, сжимать') (Шведова 2007: 389) следует связывать **кулига** 'поляна в лесу, расчищенная для земледелия' Киров.: Арб., Орч.: *Земли было мало, приходилось на кулигу сеять* Киров.: Арб., *Маши, эту кулигу-то овсом засею* Киров.: Орч. (ТСВ: 247–248); 'небольшое поле среди леса, расчищенное или выжженное для посева' Киров.: Арб., Лз.: *Доля моя пала на кулигу, на старый палник, что к волоку выходит* Киров.: Лз. (ТСВ: 23). Слово отмечено также в сочетании *кулиги катить* 'выжигать участок, на котором срублены деревья: костёр из пяти-шести сухих брёвен после прожигания определённого участка перекачивают на другое место' Киров.: Лз. (ТСВ: 23, 248). Употребление глагола *катить* объясняется тем, что при выжигании лесных участков деревья вырубали, а далее с помощью багров перекачивали по вырубке вал подожженных стволов и ветвей, чтобы максимально очистить пространство и удобрить землю золой.

Образованиями от глагола *орать* 'пахать' (Шведова 2007: 572) являются **орань** Киров. и **ораница** 'пашня': *Ораница чернеет, грачей приманивает* Киров.: Снч. (ТСВ: 251). 'Вспаханное поле, пашня' номинируется **рбспашиь**: *Все роспаши новые* Киров.: Лз. (ТСВ: 257). На вятских землях практиковалось также паровое земледелие: **пар поднимать** 'пахать паровое поле': *Мужики в воскресенье пар поднимать будут* Киров.: Снч. (ТСВ: 253), ср. русск. литер. *пар* 'поле, оставленное на одно лето незасеянным для очищения от сорняков и удобрения почвы' (Шведова 2007: 612).

Производно от *лехá* 'грядка, борозда' (Фасмер 2: 490) **леховина** Киров., имеющее при контаминации с др.-русск. *лихóй* 'плохой, дурной' (Шведова 2007: 411) вариант **лихаина** 'непропаханный участок поля, плешина': *Плохо напахали, везде лихаины наоставляли* Киров.: Зв. (ТСВ: 248). Последнее отмечено также с иной суффиксацией — **лихотина** Киров. (ТСВ: 248). Фонетически близкое к указанным **плексовина**

‘непропаханный участок поля, плешина’ Киров. (ТСВ: 248) связано с праслав. **plěxъ*, которое отражено, в частности в чеш. *plchý* ‘лысый’ (Фасмер 3: 281).

Земельные участки в вятском регионе выделялись в личное пользование: *повыть* ‘участок земли или покоса на одного человека’: *Если нет в семье мужиков, так одну-то повыть дадут* Киров.: Зв. (ТСВ: 253), ср. *выть* ‘участок земли, часть общинной земли’, др.-русс. *выть* ‘земельный участок, доля’ (Фасмер 1: 371); *подстать* ‘участок поля, выделенный на одного человека во время сельскохозяйственных работ’ Киров.: Пжн., Юр.: *Подстать подстати бывает рознь, поэтому-то с работой справляются все в разное время* Киров.: Пжн., *Досталась ей на подстати борозда, овёсец маленький, в горстку не взять* Киров.: Юр. (ТСВ: 253), — имеющее синоним *постать* Киров. (ТСВ, 253); ср. с.-хорв. *пдстат* ‘ряд во время жатвы’ (Фасмер 3: 341).

В сельскохозяйственной деятельности принято для поддержания плодородия земель производить посадки на участках, чередуя выращиваемые культуры, что отражено в *перемёна* ‘поле, засеянное определенной культурой при трехпольном севообороте’: *Одно из трёх полей, которые попеременно засевают — это перемена* Киров.: Вшж. (ТСВ: 253).

Из культивируемых растений в названиях земельных участков отражены: рожь — *ржыце* ‘ржаное поле, с которого уже снят хлеб’ Киров.: Дрв., Мрш., Свч.: *По ржыцу овёс сеяли* Киров.: Дрв.; *Во ржыци телёнок-то угнали* Киров.: Мрш. (ТСВ: 257), ячмень — *ятменице* ‘участок земли после убранного ячменя’: *На ятменице я тоже работать ходила* Киров.: Лз. (ТСВ: 260), яровые культуры — *яровина* ‘поле, засеянное яровыми’: *Поле яровиной звали* Киров.: Ктл. (ТСВ: 260), горох — *гороховице* ‘поле, засеянное горохом’ Киров.: Зв., Ктл.: *Ходили в поле на гороховице* Киров.: Ктл. (ТСВ: 244), картофель — *картошице* ‘картофельное поле’ Киров.: Нгр., Свч.: *Картошице опахали, назёму привезли* Киров.: Свч., *Идём на картошице, собираем гнилую картошку* Киров.: Нгр. (ТСВ: 246), репа — *репице* ‘поле, засеваемое

репой’ Киров.: Клм., Нгр.: *После школы бежим босиком по грязи на репици* Киров.: Нгр. (ТСВ: 256), лен — *лныце* ‘участок земли, на котором проращивают лен’: *До дальних лныц от деревни километров пять* Киров.: Зв. (ТСВ: 248). При выращивании последнего (льна) принято при уборке расстилать растения для просушки на луговых пространствах: *стлыце* ‘место на лугу, на котором расстилают лен’ Киров.: Дрв., Орл.: *Лён везут на стлыце и там расстилают* Киров.: Орл., *Лён на стлыци стелют* Киров.: Дрв. (ТСВ: 282).

По происхождению с др.-русс. *страдати* ‘стараться, добиваться’ (Шведова 2007: 948) связано *страдовать* ‘работать на уборке хлеба’: *Страдовать выходили всей деревней* Киров.: Урж. (ТСВ: 259).

Поле, с которого снят урожай, номинируется *жнйва* ‘скошенное поле’: *На жнйву-то уж снег навалил* Киров.: Яр. (ТСВ: 245) или *пбжня* ‘сжатое поле’ Киров.: Вкм., Нгр.: *Шли по пбжне — все ноги исцарапали* Киров.: Вкм. (ТСВ: 254), дериваты корня *жн-/жса-*, восходящего к праслав. **žę-*, отраженному также в русском *жать* ‘срезать под корень (стебли зерновых)’ (Шведова 2007: 230).

Для очищения от сорняков и удобрения почв поля оставляли паровыми: *паренина* ‘поле, оставленное на одно лето незасеянным’ Киров.: Лз., Нгр.: *Под парениной поле отдохнёт* Киров.: Нгр. (ТСВ: 253).

По местоположению в вятских диалектах обозначены полевые угодья, к которым доступ затруднен: *оклон* ‘поле за оврагом’: *У нас были поля: первый, второй и третий оклон* Киров.: Лз. (ТСВ: 24); *запблиця* ‘дальнее поле’ Киров.: Орч., Снч.: *Сегодня посылают в запблицу сено метать* Киров.: Снч. (ТСВ: 246), *дблныки* множ. ‘самые дальние поля’: *На дольныки мужики на целый день пахать уезжали* Киров.: Свт. (ТСВ: 18).

Особые номинации имеют крайние и межевые участки. ‘Окраина поля’ носит название *всполье* Киров.: Кчп., Нлн., Орл.: *На всполье-то ромашки сколь* Киров.: Кчп., *опблиця* Киров., *опблье* Киров. (ТСВ: 17).

Обозначением межевого пространства является *ути́н* ‘межа, разделяющая поля, участки земли’: *На утине росло много щавеля* Киров.: Вшж. (ТСВ: 259) (производно от *тин* ‘надрез’, связанного чередованием гласных с *тять* ‘рубить (дрова)’ (Фасмер 4: 141, 174)). Описательно межа называется также *опóлица* ‘край поля, межа’ Киров.: Снч., Флн.: *На ополлице садилась обедать* Киров.: Флн. (ТСВ: 251). ‘Участок земли возле дороги, межи’ имеет обозначение *сголо́вница*: *Сголовницы-то пашут поперёк, а не вдоль* Киров.: Млм. (ТСВ: 258), от *головá* ‘передняя часть чего-нибудь вытянутого’ (Шведова 2007: 158). Наименованием ‘придорожной полосы в поле’ является *задоро́жница*: *Задорожнички косим, где трава есть* Киров.: Орл. (ТСВ: 20).

Основным обозначением участка земли при доме в вятских говорах является лексема *огоро́дец* ‘огород; приусадебный участок; участок земли с постройками’ Киров.: Арб., Бхл., Зв., Млм., Пдс., Свч.: *Сбегай-ка в огородец, принеси луку зелёного* Киров.: Зв., *В огороде сено скошено, грести надо* Киров.: Зв., *Мама ушла в огородец* Киров.: Пдс. (ТСВ: 250). Лексема производна от русск. литер. *огоро́д* ‘участок земли — гряды под овощами, обычно вблизи дома, жилья’, от *огороди́ть* ‘обнести оградой’ (Шведова 2007: 555).

Поскольку ‘крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками, отдельное крестьянское хозяйство’ называют *двор* (Шведова 2007: 182), ‘приусадебный участок, огород’ имеет диалектные обозначения *одво́рица* Киров.: Бхл., Клм., Орч.: *Одворицу уже распахали, приготовьте картошку заранее, завтра возиться некогда будет* Киров.: Клм. (ТСВ: 251). Синонимичны однокоренные *одво́рина* ‘то же’ Киров., *одво́рница* ‘то же’ Киров. (ТСВ: 251).

Дериватом от *земля́* ‘территория с угодьями, находящаяся в чьем-либо владении, пользовании’ (Шведова 2007: 277) является *позéм* ‘участок земли при доме’ Киров.: Впл., Зв., Млм.: *Позём нам достался хороший* Киров.: Млм. (ТСВ: 254).

Редкими нужно считать обозначения приусадебного участка по местонахождению: *лу́жбóк* ‘участок земли при доме’

Киров., *лу́жéчник* ‘то же’ Киров. (ТСВ: 254) (производно от *луг* ‘участок, покрытый травянистой растительностью’ (Шведова 2007: 418)); *ни́жник* ‘участок земли, огород на низком месте’ Киров.: Ктл., Флн.: *На нижнике почва влажная, богатая* (Киров.: Ктл. (ТСВ: 249), от *ни́зкий* ‘малый по высоте, находящийся на небольшой высоте от земли, от какого-нибудь уровня’ (Шведова 2007: 522).

Поскольку многие крестьянские хозяйства имели рядом с домом *гумно́* ‘площадка для молотбы сжатого хлеба, ток’ (Шведова 2007: 176)), ‘огород, используемый для выращивания колосовых и овощных культур’ именовался *гуме́нник*: *Нынче с гуме́нника собрали богатый урожай* Киров.: Свч. (ТСВ: 244–245). Приставочными дериватами являются *огу́ме́нник* ‘огород, участок, обнесенный изгородью’: *Всё посадили и посеяли в огу́ме́ннике* Киров.: Дрв. (ТСВ: 251), *огу́ме́нье* ‘огород, участок, обнесенный изгородью’ Киров.: Дрв. (ТСВ: 251).

Производно от *твори́ть* ‘работать’ (СРНГ 43: 329), являющегося семантическим дериватом русск. литер. *твори́ть* ‘делать, совершать (какие-нибудь поступки), осуществлять’ (Шведова 2007: 973), диалектное *твори́ло* ‘участок земли при доме’ Киров. (ТСВ: 254).

Вятское *осы́рок* ‘земельный участок с домом, хозяйственными постройками, огородом, садом; усадьба’ Киров.: Мрш., Нлн.: *Осырок-то у нас тридцать соток* Киров.: Нлн. (ТСВ: 252), ‘приусадебный земельный участок; огород’ Киров.: Мрш., Пжн., Флн., Шбл.: *Осырки-то неодинаки были* Киров.: Мрш. (ТСВ: 189, 252) – нужно рассматривать как дериват от *сыр* ‘участок земли с домом, хозяйственными постройками, огородом и садом, усадьба’ (Влг., Яросл. (СРНГ 43: 146), для которого дальнейшие этимологические связи могут усматриваться в *сырт* ‘возвышенное место поля’ (Астрах., ‘возвышенность, разделяющая притоки двух рек или водоемов, водораздел’ (Волж., Уральск. ‘гребень, горная гряда’, *сы́ртик* ‘возвышенность, разделяющая притоки двух рек или водоемов, водораздел’ (*Низы мочажинные, а по сыртикам*

и гривкам *выкашиваем*) (СРНГ 43: 168). М. Фасмер усматривает для *сырт* 'водораздел, кряж' возможности заимствования из тюркских языков, ср. тур., крым.-тат., казах., алт. *syrt* 'возвышение, холм, горный кряж', чув. *sərt* 'холм, гора' (Фасмер 3: 820).

Отдельные объекты, располагающиеся на приусадебном участке, имеют самостоятельные названия: *борово́к* 'ряд посаженного картофеля' Киров.: Млм., Шбл.: *Огребли один боровок картошки* Киров.: Млм., *На крайних-то боровках плохая картошка* Киров.: Шбл. (ТСВ: 242) (из праслав. **borvъ*, восходящего к индоевропейской основе со значением 'резать' (Шведова 2007: 56)); *ота́рина* 'полоса земли, засаженная картофелем': *Скоро все отарины выкопаем* Киров.: Шбл. (ТСВ: 252), 'картофельная борозда' Киров.: Дрв., Шбл.: *Опять в отарине сорняк вырос* Киров.: Шбл. (ТСВ: 252), дериват русск. диал. *отора́ть* 'распахать' (Пск. (СРНГ 24: 260). Семантику 'окучивать' имеет в вятских диалектах глагол *опа́хивать*: *Распахником опахиваем картошки* Киров.: Шбл. (ТСВ: 251).

На длительный период оставленные без обработки земли называются *залежными* (прилагательное производно от глагола *залéчь* 'лечь надолго') (Шведова 2007: 253–254). Субстантивными обозначениями являются русск. литер. *залежь* 'надолго оставленная без обработки пахотная земля' и диал. *залог* 'луг; непаханная земля' Киров.: Арб., Кмн., Орч., Снч., Тжн.: *Залог у нас в деревне, машины-то не ходят* Киров.: Орч. (ТСВ: 21, 246).

Плохо приспособленные для сельскохозяйственной деятельности места в говорах Вятского края обозначаются *неудобь* 'неудобная, непригодная для обработки и посева неплодородная земля': *Огород дали, а там одна неудобь, как хошь, так и обрабатывай* Киров.: Свт.; *неудобница* 'то же': *На неудобнице-то не попасешь* Киров.: Вшж. (ТСВ: 249).

Основным вятским обозначением заброшенного полевого пространства являются *дерба́* 'пустошь, давно не паханная земля' Киров.: Слб., Шбл. *Зверобой трава на дербах растёт*

Киров.: Слб., *На дербе нарви ромашки* Киров.: Шбл. (ТСВ: 245), *дербь* 'то же' Киров. (ТСВ: 18) с дериватом *дербу́на* 'пашня, заросшая лесом'. *На елань надел выходит, а там дербина одна* Киров.: Нлн. (ТСВ: 245), 'пустошь, давно не паханная земля' (*А у нас тут недалеко совсем дербина, уж поросла вся, не пользуется никем* Киров.: Мрш. (ТСВ: 18)). Лексемы образованы от глагола *драть* 'царапать, раздражать' (Шведова 2007: 215), 'пахать целину' Твер. (СРНГ 8: 175) и связаны далее с праслав. **der-* 'драть' (Фасмер 1: 499–500).

Земля, переставшая использоваться в полеводстве, в вятских диалектах обозначается как *залу́женье* 'запущенная пахотная земля, превратившаяся в луга' (*Коров сегодня в залуженье погоним*) Киров.: Ктл. (ТСВ: 246), ср. русск. литер. *луг* 'участок, покрытый травянистой растительностью' (Шведова 2007: 418).

Производно от *лехá* 'борозда вдоль полосы, гряды на пашне' (СРНГ 17: 28) (< праслав. **loisā* (Фасмер 2: 490)) вятское *леховина* 'участок поля без всходов' (*Целые леховины озими вымокли* Киров.: Юр. (ТСВ: 23)). При контаминации с *лихой* 'приносящий беду, злой, тяжкий' (Шведова 2007: 411) возникли *лихайна* 'непропаханный участок поля, плешина' (*Плохо напахали, везде лихайны наоставляли* Киров.: Зв.) (ТСВ: 23), *лихоти́на* 'то же' Киров. (ТСВ: 23).

Неурожайными являются участки земли по краю полевого пространства: *закра́йка* 'самые крайние, наименее плодородные участки земли' Киров. (ТСВ: 20–21), от *край* 'предельная часть чего-нибудь' (Шведова 2007: 374), *ути́н* 'полоса неспаханной земли между изгородью и пашней' Киров.: Арб., Афн. (ТСВ: 259), семантический дериват от вятск. *ути́н* 'рубеж, граница', которое связано чередованием гласных со ст.-слав. *тънѣ, тѣти* 'резать' (Фасмер 4: 174).

По мнению Я. Калимы, вятск. *тутéмь* 'пустошь, давно не паханная земля' Киров. (ТСВ: 18) является неверным прочтением рукописного *шутéм*, для которого с сомнением предлагается сравнение с коми *sutem* 'не имеющий зерна, хлеба' (от *śu* 'рожь, жито') (Kalima: 127). Однако фикса-

ция лексемы *тўтъька* ‘сорняк, растущий во ржи’ (Ленингр.: Кириш. (СРНГ 45: 300) позволяет считать *тутёмь* не ошибочным, а реальным лексическим образованием (от праслав. **tog-/*teg-* (> русск. *туг-/мяг-*) (Шведова 2007: 1012)) с суффиксом страдательного причастия *-m-* и упрощением группы согласных (*-gm-* > *-m-*) внутри слова.

В целом ‘открытое, незастроенное место, пустырь’ Киров.: Урж. именуется *пустоплесье* (ТСВ: 28) (производно от *плёсо* ‘участок земли, часть поля’ (Яросл. (СРНГ 27: 118), для которого реконструируется праслав. **pletso*, связанное с **plet-*, представленным в *плести* (Шведова 2007: 651).

Заимствования в обозначениях не использованных в сельскохозяйственной деятельности мест единичны. Лексемы *ласта* ‘лужайка, ровное неспаханное место’ Киров.: Афн. (ТСВ: 23), *ластка* ‘то же’ Киров. (ТСВ: 23), *ластна* ‘то же’ Киров. (ТСВ: 23) перенесены с севера Европейской части России, где восприняты из приб.-фин., ср. фин. *lasta*, карел. *lašta* ‘полоса покоса’ (SKES 2: 278–279; SSAP 2: 50).

В целом, функционирующая в вятских диалектах топографическая лексика сельского хозяйства представляет собой диахронически пеструю группу слов: представлены как дериваты древнейших корней, так и новообразования, возникшие уже в говорах региона. Заимствования немногочисленны.

Сокращения

1. Названия областей и районов

Арб. – Арбажский район Кировской области
 Арх. – Архангельская область
 Астрах. – Астраханская область
 Афн. – Афанасьевский район Кировской области
 Бхл. – Белохолуницкий район Кировской области
 Вкм. – Верхнекамский район Кировской области
 Влг. – Вологодская область
 Волж. – бассейн р. Волга
 Ворон. – Воронежская область
 Вохом. – Вохомский район Костромской области

Впл. – Вятскополянский район Кировской области
 Впж. – Верхоижемский район Кировской области
 Вят. – Вятский край
 Донецк. – Донецкая область
 Дрв. – Даровский район Кировской области
 Зв. – Зуевский район Кировской области
 Кириш. – Киришский район Ленинградской области
 Киров. – Кировская область
 Клм. – Кильмезский район Кировской области
 Кмн. – Куменский район Кировской области
 Костр. – Костромская область
 Ктл. – Котельничский район Кировской области
 Кчп. – Кирово-Чепецкий район Кировской области
 Лбж. – Лебяжский район Кировской области
 Ленингр. – Ленинградская область
 Лз. – Лузский район Кировской области
 Млм. – Малмыжский район Кировской области
 Мрш. – Мураинский район Кировской области
 Нгр. – Нагорский район Кировской области
 Нлн. – Нолинский район Кировской области
 Нм. – Немский район Кировской области
 Новг. – Новгородская область
 Олон. – Олонецкая губерния
 Омт. – Омутнинский район Кировской области
 Опр. – Опаринский район Кировской области
 Орл. – Орловский район Кировской области
 Орч. – Оричевский район Кировской области
 Пдс. – Подосиновский район Кировской области
 Пжн. – Пижанский район Кировской области
 Прион. – Прионежье
 Пск. – Псковская область
 Свт. – Советский район Кировской области
 Свч. – Свечинский район Кировской области
 Слб. – Слободской район Кировской области
 Снч. – Санчурский район Кировской области
 Твер. – Тверская губерния

Тжн. — Тужинский район Кировской области
 Тульск. — Тульская область
 Ун. — Унинский район Кировской области
 Уральск. — Уральский регион
 Урж. — Уржумский район Кировской области
 Флн. — Фаленский район Кировской области
 Шбл. — Шабалинский район Кировской области
 Южн. — Южная часть Европейской России
 Юр. — Юрьянский район Кировской области
 Яр. — Яранский район Кировской области
 Ярослав. — Ярославская область

2. Названия языков и диалектов

алб. — албанский язык
 алт. — алтайский язык
 болг. — болгарский язык
 вепс. — вепсский язык
 водск. — водский язык
 вятск. — вятские диалекты
 др.-русс. — древнерусский язык
 и.-е. — индоевропейский праязык
 казах. — казахский язык
 карел. — карельский язык
 крым.-тат. — крымско-татарский диалект татарского языка
 латин. — латинский язык
 праслав. — праславянский язык
 прибал.-фин. — прибалтийско-финские языки
 русск. — русский язык
 сев.-русс. — севернорусские диалекты
 ст.-слав. — старославянский язык
 с.-хорв. — сербохорватский язык
 тур. — турецкий язык
 фин. — финский язык
 чеш. — чешский язык
 чув. — чувашский язык
 эст. — эстонский язык

3. Прочие

диал. — диалектное
 литер. — литературное
 множ. — множественное число
 ср. — сравни

Names of agricultural lands in Vyatka dialects of Russian language

Olga Teush

Ural federal university
 named after the First President of
 Russia B. N. Yeltsin
 olga.teush@yandex.ru

The article analyzes the complex of Vyatka lexemes naming places with a grassy cover: meadows, hayfields and land plots left uncultivated. Onomasiological models are revealed. For lexemes with a darkened inner form, ways of etymological interpretation are proposed. The sources of borrowing are determined.

Key words: Vyatka region, appellative, vocabulary, meadow and hay lands, fallow lands, Russian language, Proto-Slavic language, Baltic-Finnish languages, Turkic languages.

Лексическая наполненность третьего типа склонения в диалектах (по материалам говоров Воронежской области)

Светлана Сергеевна Токарева

Федеральное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования «Воронежский
государственный педагогический
университет»
svetlana-xs@yandex.ru

В статье представлены результаты анализа третьего типа склонения в говорах Воронежской области с точки зрения его лексического разнообразия для определения круга наиболее частотных лексем в речи носителей традиционного диалекта. Полученный частотный список существительных третьего склонения сопоставлен с данными частотного словаря русского языка, составленного на базе НКРЯ, определены совпадения и расхождения двух частотных списков, выявлена связь между позицией лексемы в частотном списке с тенденцией к сближению третьего типа склонения с первым.

Ключевые слова: воронежские диалекты, третий тип склонения, частотный список существительных.

Современное третье склонение заслуживает внимание исследователей по нескольким причинам. С грамматической точки зрения оно уникально своей родовой однородностью, поскольку объединяет исключительно существительные женского рода в отличие от остальных типов склонения.

С исторической точки зрения третье склонение, напротив, неоднородно, поскольку его образовали существительные трех древних типов склонения, различавшиеся не только характером основ, но и семантически.

Кроме того, диалектной особенностью третьего склонения считается его сближение с первым склонением, поскольку возможность изменения существительных по двум типам

женского склонения в говорах осознается как избыточное, поэтому менее продуктивное третье склонение уступает место более мощному первому. В этом проявляется реализация универсальной славянской тенденции к объединению словоизменятельных моделей в пределах одного рода.

Настоящее исследование посвящено анализу существительных третьего склонения с точки зрения его лексического разнообразия с целью определения круга наиболее частотных лексем в речи носителей традиционного диалекта.

В качестве материала исследования используется картотека, состоящая из 4703 словоформ существительных, полученная методом сплошной выборки из корпуса диалектных текстов [Черенкова 2009, Черенкова 2019] объемом более 30 тыс. словоформ. Объем существительных в форме единственного числа — 3350 словоформ, из них изменяются по третьему типу склонения 258 словоформ — существительные 3 склонения. С помощью метода количественных подсчетов мы составили частотный список лексем женского рода с мягкой основой, относящихся к третьему типу склонения, который представлен 58 лексемами (Таблица 1). Для сопоставимости полученных результатов для каждой лексемы был определен индекс ipm , который рассчитывается по формуле $ipm(x) = freq(x) \times 1\,000\,000 / corp$, где $freq(x)$ — частота единицы в корпусе, а $corp$ — объем реального корпуса.

Таблица 1. Частотный список существительных 3 склонения в воронежских диалектных текстах

№ п/п	лексема	кол-во вхождений	частота (ipm)	№ п/п	лексема	кол-во вхождений	частота (ipm)
1	<i>мать</i>	49	1621,7	30	<i>бедность</i>	1	33,1
2	<i>печь</i>	30	992,9	31	<i>боль</i>	1	33,1
3	<i>жизнь</i>	21	695,0	32	<i>бронь</i>	1	33,1
4	<i>церковь</i>	16	529,5	33	<i>брошь</i>	1	33,1

5	<i>дочь</i>	15	496,4	34	<i>гадость</i>	1	33,1
6	<i>лошадь</i>	13	430,2	35	<i>горсть</i>	1	33,1
7	<i>рожь</i>	10	331,0	36	<i>деталь</i>	1	33,1
8	<i>ночь</i>	8	264,8	37	<i>дичь</i>	1	33,1
9	<i>часть</i>	7	231,7	38	<i>долж- ность</i>	1	33,1
10	<i>свекровь</i>	5	165,5	39	<i>зависть</i>	1	33,1
11	<i>смерть</i>	5	165,5	40	<i>запонец</i>	1	33,1
12	<i>морковь</i>	4	132,4	41	<i>лохань</i>	1	33,1
13	<i>дверь</i>	3	99,3	42	<i>любовь</i>	1	33,1
14	<i>гармонь</i>	3	99,3	43	<i>мебель</i>	1	33,1
15	<i>грязь</i>	3	99,3	44	<i>медаль</i>	1	33,1
16	<i>клеть</i>	3	99,3	45	<i>необ- ходи- мость</i>	1	33,1
17	<i>кровать</i>	3	99,3	46	<i>область</i>	1	33,1
18	<i>кровь</i>	3	99,3	47	<i>опухоль</i>	1	33,1
19	<i>моло- дежь</i>	3	99,3	48	<i>осень</i>	1	33,1
20	<i>память</i>	3	99,3	49	<i>отте- пель</i>	1	33,1
21	<i>речь</i>	3	99,3	50	<i>очередь</i>	1	33,1
22	<i>самодее- тель- ность</i>	3	99,3	51	<i>полать</i>	1	33,1
23	<i>связь</i>	3	99,3	52	<i>поскань</i>	1	33,1
24	<i>шерсть</i>	3	99,3	53	<i>площадь</i>	1	33,1
25	<i>власть</i>	2	66,2	54	<i>сырость</i>	1	33,1
26	<i>одонь</i>	2	66,2	55	<i>те- пльнь</i>	1	33,1
27	<i>пыль</i>	2	66,2	56	<i>фасоль</i>	1	33,1
28	<i>ска- терть</i>	2	66,2	57	<i>чет- верть</i>	1	33,1
29	<i>ста- рость</i>	2	66,2	58	<i>шинель</i>	1	33,1

По частотным характеристикам условно можно выделить три группы лексем:

1. Первую представляют лексемы с индексом *ipm* меньше 50. Сюда вошли 29 лексем в единичном употреблении. Большая часть из них относится к общеупотребительным, нейтральным: *бедность, деталь, должность, зависть, любовь, необходимость, область, опухоль, осень, оттепель, очередь, площадь, сырость* и др. Некоторые имеют разговорную окраску, например, *тепльнь*. Собственно диалектные лексемы — *запонец, полать*.

2. Во второй группе индекс *ipm* находится в диапазоне от 51 до 100. Здесь оказались 17 лексем, большая часть которых также представлена общеупотребительными и нейтральными словами, например, *дверь, гармонь, грязь, кровать, кровь, молодежь, память, речь, самодеятельность, шерсть, власть, пыль, скатерть, старость*. К собственно диалектным относятся лексемы *клеть, связь, одонь*.

3. В третьей группе индекс *ipm* больше 100. В их числе 12 общеупотребительных лексем: *мать, печь, жизнь, церковь, дочь, лошадь, рожь, ночь, часть, свекровь, смерть, морковь*.

Статистические подсчеты употребления существительных в частотном словаре русского языка, составленном на базе НКРЯ (ЧССРЯ), показывают, что на 1 тыс. слов из частотного списка имен существительных доля существительных третьего составляет 7% или 73 лексемы (Таблица 2).

Таблица 2. Частотный список существительных 3 склонения в Новом частотном словаре

№ п/п	лемма	Ча- стота (ipm)	№ п/п	лемма	Ча- стота (ipm)	№ п/п	лемма	Ча- стота (ipm)
1	<i>жизнь</i>	1389,8	26	<i>дочь</i>	142,4	51	<i>осень</i>	81,8
2	<i>часть</i>	585,4	27	<i>грудь</i>	138,8	52	<i>ценность</i>	81,2

3	<i>дверь</i>	450.8	28	<i>радость</i>	137.2	53	<i>обязанность</i>	81.1
4	<i>власть</i>	435.6	29	<i>безопасность</i>	137.1	54	<i>лошадь</i>	80.9
5	<i>возможность</i>	407.5	30	<i>необходимость</i>	129.1	55	<i>промышленность</i>	78.9
6	<i>ночь</i>	402.8	31	<i>личность</i>	115.6	56	<i>деталь</i>	75.7
7	<i>область</i>	400.2	32	<i>ответственность</i>	113.8	57	<i>реальность</i>	71.7
8	<i>связь</i>	346.1	33	<i>боль</i>	113.3	58	<i>запись</i>	71.0
9	<i>мысль</i>	331.6	34	<i>особенность</i>	113.0	59	<i>потребность</i>	70.2
10	<i>мать</i>	330.1	35	<i>частность</i>	112.0	60	<i>опасность</i>	68.4
11	<i>любовь</i>	323.9	36	<i>болезнь</i>	109.6	61	<i>страсть</i>	66.5
12	<i>цель</i>	315.5	37	<i>сеть</i>	105.5	62	<i>новость</i>	65.3
13	<i>деятельность</i>	313.5	38	<i>скорость</i>	105.2	63	<i>постель</i>	63.4
14	<i>помощь</i>	300.1	39	<i>суть</i>	104.9	64	<i>нефть</i>	62.3
15	<i>роль</i>	297.9	40	<i>поверхность</i>	103.4	65	<i>молодежь</i>	62.2
16	<i>смерть</i>	284.1	41	<i>способность</i>	99.9	66	<i>сущность</i>	62.0
17	<i>вещь</i>	242.5	42	<i>стоимость</i>	98.1	67	<i>эффективность</i>	61.8
18	<i>речь</i>	234.2	43	<i>тень</i>	94.3	68	<i>совесть</i>	58.6
19	<i>очередь</i>	212.5	44	<i>ладонь</i>	92.7	69	<i>активность</i>	58.5
20	<i>кровь</i>	187.8	45	<i>зависимость</i>	90.9	70	<i>кость</i>	58.5
21	<i>церковь</i>	178.6	46	<i>собственность</i>	88.9	71	<i>пыль</i>	53.5
22	<i>память</i>	174.5	47	<i>кровать</i>	88.4	72	<i>мощность</i>	53.3
23	<i>степень</i>	155.0	48	<i>отрасль</i>	87.6	73	<i>действительность</i>	52.8
24	<i>модель</i>	153.5	49	<i>должность</i>	84.6			
25	<i>площадь</i>	145.2	50	<i>честь</i>	84.4			

При сопоставлении нашего частотного списка с данными частотного словаря О. Н. Ляшевской мы отметили ряд расхождений.

1. Лексическая наполненность двух частотных списков неодинакова. Совпадения обнаружены по 24 позициям в лексемах *мать, жизнь, церковь, дочь, лошадь, ночь, часть, смерть, связь, речь, память, молодежь, кровь, кровать, дверь, пыль, власть, площадь, очередь, осень, область, необходимость, любовь, должность*. При этом только у двух из них индексы частотности имеют близкие значения. Так, у слова *кровать* в диалектных текстах ipm 99,3, а в частотном словаре 88,4. У слова *пыль*, соответственно, 66,2 в диалектных текстах против 53,5 в частотном словаре. В таблице 3 представлен полный список тех лексем, которые одновременно представлены в двух анализируемых частотных списках с указанием порядкового номера и индекса ipm. (Таблица 3).

Таблица 3. Лексемы, одновременно представленные в двух частотных списках

Воронежский диалектные тексты			Ляшевская О. Н. Новый частотный словарь		
№ п/п	лексема	индекс ipm	№ п/п	лемма	индекс ipm
1	<i>мать</i>	1621.7	10	<i>мать</i>	330.1
3	<i>жизнь</i>	695	1	<i>жизнь</i>	1389.8
4	<i>церковь</i>	529,5	21	<i>церковь</i>	178.6
5	<i>дочь</i>	496,4	26	<i>дочь</i>	142.4
6	<i>лошадь</i>	430,2	54	<i>лошадь</i>	80.9
8	<i>ночь</i>	264,8	6	<i>ночь</i>	402.8
9	<i>часть</i>	231,7	2	<i>часть</i>	585.4
10	<i>смерть</i>	165,5	16	<i>смерть</i>	284.1
14	<i>связь</i>	99,3	8	<i>связь</i>	346.1
16	<i>речь</i>	99,3	18	<i>речь</i>	234.2

17	<i>память</i>	99,3	22	<i>память</i>	174.5
18	<i>молодежь</i>	99,3	65	<i>молодежь</i>	62.2
19	<i>кровь</i>	99,3	20	<i>кровь</i>	187.8
20	<i>кровать</i>	99,3	47	<i>кровать</i>	88.4
22	<i>дверь</i>	99,3	3	<i>дверь</i>	450.8
27	<i>пыль</i>	66,2	71	<i>пыль</i>	53.5
29	<i>власть</i>	66,2	4	<i>власть</i>	435.6
35	<i>площадь</i>	33,1	25	<i>площадь</i>	145.2
38	<i>очередь</i>	33,1	19	<i>очередь</i>	212.5
40	<i>осень</i>	33,1	51	<i>осень</i>	81.8
42	<i>область</i>	33,1	7	<i>область</i>	400.2
43	<i>необходимость</i>	33,1	30	<i>необходимость</i>	129.1
46	<i>любовь</i>	33,1	11	<i>любовь</i>	323.9
50	<i>должность</i>	33,1	49	<i>должность</i>	84.6

2. Часть расхождений вполне ожидаема и объясняется наличием собственно диалектной лексики, однако список таких слов невелик. Остановимся на них подробнее.

Так, контекст из с. Старая Хворостань Лискинского р-на Воронежской обл. фиксирует лексему *за́понь*: [*св'э́рху пан'обы ко́хтѣ была́ / за́пѣн' была́ / платк'и́ был'и́*].

М. Г. Халанский при описании женского костюма крестьян, называющих себя саянами и проживающих в Курском, Фатежском и Щигровском уездах Белгородской губернии, также упоминает очень длинные, украшенные вышивкой фартуки, называемые «завесами» или «запонами» [Халанский 1904: 37–38]. Е. О. Будде отмечает, что «в Орловской же губернии мы встречаемся впервые в Карачаевском уезде с особой “паневой” из трех полотнищ, не сшивной на подобии юбки, а оборачивающей женскую фигуру на подобии малороссийской плахты, с широким просветом спереди, где видна прямо рубаха. Перед закрывался “занавеской” (“запоном”, “хвартуком”) [Будде 1904: 7].

По данным русского диалектного гизауруса, в южнорусских говорах лексема со значением ‘передник, фартук с на-

грудником’ представлена вариантами *за́пон*, *запѣн* и *запѣнчик* (уменьш.-ласк. к *запѣн*) мужского рода, *запѣна* и *запѣнка* женского рода.

В словаре Тамбовских говоров представлен вариант *запѣнья* с пометкой м. р.: *запанья сшитый, как фартук внизу, а на вярху с грудинкай. Зади завязывалси*.

Наш материал дает основания расширить список возможных вариантов и включить форму ж. р. с мягкой основой *запѣнь*.

В с. Старая Хворостань Лискинского р-на зафиксирована лексема *полáть*: [*спáл'и нѣ пр'имѣс'т'ь из дасто́к / нѣ палáт'и / и нѣ салѣм'ь спáл'и*].

Для лексемы *полáти* в СРНГ определено 19 значений. Для всех указана форма только множественного числа. Записанный контекст намекает на употребление слова в единственном числе в значении ‘настил из досок для спанья’. Форма ед. ч. также отражена в Словаре донских говоров Волгоградской области: *делали палать, там пастелють и спим — тьяло* (СДГВО 6: 35).

В с. Шукавка Верхнехавского района записана лексема *клеть* в значении ‘сарай, хозяйственная постройка с погребом’: [*и́д'е па́р'еб'ицѣ / хто нѣзыва́л сара́й / хто / и́д'е кл'ет'*]. Кроме этого, *клеть* означает то же, что *клетка* в значении ‘пристройка к дому с общими сенями’: [*да / был'и с'енцы / кл'етк'и к с'енцѣм был'и // кл'етк'и / кл'ет' // ну хáту / нѣпр'им'ер / ты пастро́ил / дамѣч'ѣк / тут с'ен'и и́дѣт' / прѣм'а́жѣтѣк / а патѣм ч'ер'ьс'эт'и с'ен'и / знáч'ит' / кл'ет' ста́йт' // вот так нѣзыва́л'ис' / а патѣм из мо́д'е т вѣшилѣ фс'о // нач'áл'и уи там зал'и кѣхн'ь и нѣ ꙗ́трацкѣму*].

В с. Александровка-1 Панинского района отмечена лексема *связь*, для которой в СРНГ указано 26 значений. В нашем контексте *связь* употребляется в значении ‘длинный дом с несколькими входами’: [*и от там дом был / бал'иáйа св'ас' // рас / два / тр'и фхѣдѣ / нав'ерна; св'ас' этѣ дл'и́нный дом / с н'эскѣл'кѣм'и / ну / ш'и'ас па́дѣздам'и их нѣзыва́й-ут' / фхѣдам'и // вот адна́ дв'ер' / захѣдат' / там комнѣ-*

та // св'ас'; была уд'ет дваццэт' мбжст м'етрвф дом].
Скорее всего, такое употребление соответствует значению 12. Крестьянская постройка из отдельных смежных помещений (обычно под одной крышей) или нескольких комнат внутри дома, соединенных сенями, коридором и т. п.) (СРНГ 36: 339). В частотном списке О. Н. Ляшевской лексема *связь* представлена, но, вероятно, в ином значении.

В с. Шукавка Верхнехавского района употребляется лексема *одонь* в значении 'способ укладки снопов хлеба, сена (или соломы) для хранения': [патбм уш хл'еп убрал'и // и ф'ч'ивб слажыл'и / вот нзывал'и в адбн'и // нутак'ийь / какск'ирды вот ш'ш'ас // вот так вот укладал'ис' // сноп на сноп; вот палбжыш дв'е палк'и / палбжыш снапы и пэн'ис'бш // вот этб и адбн' клал'и].

3. В диалектах самым частым в употреблении существительным 3 склонения оказалось *мать* с индексом ipm 1621,7, тогда как в частотном списке О. Н. Ляшевской, составленном на базе НКРЯ, оно занимает только 10 место с индексом ipm 330.1 (таблица 4): [мат' звхарала] (с. Ступино), [у_мат'и-ер'и была ср'ада] (с. Бродовое), [а ат_мат'ър'и асталс'и ја шыс'т'и л'ет] (с. Александровка), [вбс'им' к_мат'ир'и л'езут' ф'ч'ашку] (с. Нижнемарьино), [жын'иху спас'ит'ил'а / а д'евач'к'и ббжја мат' казанская] (с. Данково), [ја с_аццбм с_мат'ир'ју дажывала] (с. Нижнемарьино).

Таблица 4. Десятка самых частотных существительных 3 склонения

Воронежские диалектные тексты			Ляшевская О. Н. Новый частотный словарь		
№ п/п	лексема	индекс ipm	№ п/п	лемма	индекс ipm
1	<i>мать</i>	1621,7	1	<i>жизнь</i>	1389.8
2	<i>печь</i>	992,9	2	<i>часть</i>	585.4
3	<i>жизнь</i>	695,0	3	<i>дверь</i>	450.8
4	<i>церковь</i>	529,5	4	<i>власть</i>	435.6

5	<i>дочь</i>	496,4	5	<i>возможность</i>	407.5
6	<i>лошадь</i>	430,2	6	<i>ночь</i>	402.8
7	<i>рожь</i>	331,0	7	<i>область</i>	400.2
8	<i>ночь</i>	264,8	8	<i>связь</i>	346.1
9	<i>часть</i>	231,7	9	<i>мысль</i>	331.6
10	<i>свекровь</i>	165,5	10	<i>мать</i>	330.1

Вторым по частотности употребления из списка существительных третьего склонения в диалектах Воронежской области является лексема *печь*: р'уск'ийь п'еч' угл'бм н'и тап'илс' / ил'и к'из'ик'и д'елл'и / ил' дравá / салбму, у_р'уск'ийь п'еч'и паттбпзк / знáч'ит' и мбжнб н'и тап'ит' р'уск'ийь / а пр'уатбв'ит' на_этбм сáмбм паттбпк'ь / паттбпзк прзтап'ит' (с. Бродовое), натбп'им п'еч' / зур'аб'бм жар / хл'еп нб_лапáту и брасáши у_пот и здравыи б'ыл'и (с. Краснолипые), пас'удб ф_п'ач'е л'ижáлз (с. Старая Хворостань).

Кажется, невозможно переоценить значение печи для повседневной-бытовой и духовной жизни диалектоносителя. Результаты культурно-семантического анализа слова *печь* и его производных, проведенного группой диалектологов на материале севернорусских говоров, доказывает «особую значимость данного артефакта на Русском Севере» [Дьячкова 2021; Бутурлина 2022]. Частотность фиксации лексем *печь* может свидетельствовать о сохранении в сознании диалектоносителей особого статуса реалии, несмотря на то, что найти настоящую русскую печь в домах становится все труднее. В частотном списке О. Н. Ляшевской лексема *печь* не представлена. Кроме того, не отражены в нем и такие частотные лексем диалектных текстов, как *рожь*, *свекровь*.

Говоря о тенденции к разрушению менее продуктивного третьего склонения, отметим, что если в литературном языке, объединившись в одном типе склонения, разные группы слов приобрели единую парадигму словоизменения, то в говорах они продолжают вести себя обособленно. Так, существительные древнего V склонения с основой на согласный *-r (*мать*,

дочь) и существительные древнего VI склонения с основой на *-ī, которые получили формант *-овъ* (типа *свекровь, церковь, морковь*), имеют особенности словоизменения, которые позволяют разным диалектологам рассматривать их склонение как нерегулярное [Пожарицкая 2005: 117–119; Трубинский 2004: 107–108]. Кроме этого, отдельным падежным формам этих слов посвящены карты ДАРЯ, например форме Им. п. и Вин. п. ед. ч. существительного *мать* (ДАРЯ 1989: Карта 9), Им. п. ед. ч. существительного *свекровь* (ДАРЯ 1989: Карта 10), что подчеркивает самобытность их изменения.

Более того, анализ показал, что круг слов, обладающих способностью к перемещению из третьего склонения в первое, лексически ограничен. Это, во-первых. Во-вторых, пути и способы подобного перемещения в каждом случае могут быть разными:

1) у существительных *мать, дочь* происходит выравнивание основы Им. п. по образцу косвенных, что приводит к единству основы по всей парадигме. В плане морфологического воплощения парадигма словоизменения близка первому склонению (*мáт'ьр'а — у_мáт'ьр'и — к_мáт'ир'и — мáт'ьр'у — с_мáтр'ьй*);

2) у существительных *церковь, морковь* используется формант *-ва*, вместо *-овъ*, что также формально сближает эти слова с первым склонением (*марквá — марквѣ — марквѣ́ — марквѣ́й — марквѣ́й*);

3) у существительного *свекровь* особая судьба. К его основе присоединяется суффикс *-j-*, что совместно с окончанием *-а* объединяет его со словами первого склонения (*св'о_крѡв'ја — с_св'акрѡв'ъй*).

Кроме этого, существительные ж. р., исконно принадлежавшие IV склонению с основой на *-ī, также демонстрируют признаки объединения с первым склонением. Круг этих слов невелик, чаще всего в материалах представлены слова *болезнь, жизнь, лошадь, печь, грязь*. При их словоизменении используются характерные для первого склонения

окончания (*жызн'а, бал'эзн'а — на_лошэд'у — ф_п'ач'е — у_гр'аз'е*).

Выводы

Анализ лексической наполненности третьего склонения в диалектах на материале говоров Воронежской области показал, что концентрация в десятке частотных таких лексем, как *мать, дочь, свекровь, церковь, печь*, свидетельствует о важности родственных, семейных отношений, сохранении традиционных ценностей, еще раз подтверждает антропоцентричность языковой картины мира. Существительные, которые демонстрируют сближение с первым склонением, как правило, входят в десятку частотных в употреблении.

Литература

Будде Е. О. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследования и словарь // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Том 76. № 3. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1904. [4], 148 с.

Бутурлина М. Ю., Писарева Д. А., Дьячкова И. Н. Лексема *печь* и её дериваты в севернорусских говорах // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2022. № 1 (24). С. 76–81.

Дьячкова И. Н. Этнолингвистический комментарий к деривационно-фразеологическому гнезду слова *печь* в севернорусском диалектном дискурсе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2021. № 6 (105). С. 15–26. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-6-105-2>.

Пожарицкая С. К. Русская диалектология: учебник для вузов. М.: Академический Проект: Парадигма, 2005. 256 с.

Трубинский В. И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем: учеб. пособие. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004. 208 с.

Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии: (Заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии): приложение к Отчету по 2 Отделению Императорской Академии наук за 1902 г. // Сборник Отделения русского языка

и словесности Императорской Академии Наук. Том 76. № 5. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1904. [2], 382, XIII с.

Черенкова А. Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Учебное пособие. Воронеж: Полиграф, 2009. 328 с.

Черенкова А. Д., Токарева С. С. С. Данково Каширского района Воронежской области [тексты] // Диалектологический альманах: сборник материалов и исследований. Вып. III. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019. С. 119–131.

Lexical Structure of the Set of Third Declension Nouns in Russian Dialects (According to the Data Drawn From the Voronezh Region Dialects)

Svetlana S. Tokareva

Voronezh State Pedagogical University
svetlana-xs@yandex.ru

The article presents the results of the analysis of the third declension nouns in the dialects of the Voronezh region from the point of view of their lexical diversity in order to determine the range of the most frequent lexemes in the usage of speakers of a traditional dialect. The obtained frequency list of nouns of the third declension is compared with the data of the Frequency Dictionary of the Russian language compiled on the basis of the RNC and the coincidences and discrepancies of the two frequency lists are determined, which lets us reveal the relationship between the position of a lexeme in the frequency list with the tendency of confusing the third declension type with the first one.

Key words: Voronezh dialects, the third type of declension, the frequency list of nouns.

References

Budde E. O. О говорах Тульской и Орловской губерний. Материалы, исследование, словарь [On the dialects of the Tula and Oryol provinces. Materials, research, dictionary] / E. O. Budde // Сборник отдeления русского языка и словесности Императорской Академии Наук [Proceed-

ings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences], Volume 76. № 3 — St. Petersburg, 1904.— 148 pp.

Buturlina M. YU. Leksema peč' i eyo derivaty v severnorusskikh govorah [The word peč 'oven' and its derivatives in Northern Russian dialects] / M. YU. Buturlina, D. A. Pisareva, I. N. D'yachkova // Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie i filologicheskie nauki [Bulletin of the Volgograd State University. Series: Historical and Philological Sciences].— 2022.— № 1(24). — Pp. 76–81. — EDN YUYQOF.

Cherenkova A. D. Voronezhskie dialektnye tekсты kak istochnik dlja izuchenija russkogo nacional'nogo jazyka, istorii i kul'tury naroda. Uchebnoe posobie [Voronezh dialect texts as a source for the studies in Russian national language, history and culture: a handbook]. Voronezh: Poligraf, 2009. 328 pp.

Cherenkova A. D., Tokareva S. S. S. Dankovo Kashirskogo rajona Voronezhskoj oblasti [tekсты] [A collection of texts from the village of Dankovo, Kashira district, Voronezh Region] // Dialektologicheskij al'manah: sbornik materialov i issledovanij. Vyp. III [An almanac of dialect studies: materials and research. Issue 3]. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2019. Pp. 119–131.

Dialektologicheskij atlas russkogo yazyka (Centr Evropejskoj chasti SSSR). Karty [Dialectological Atlas of the Russian language (Center of the European part of the USSR). Maps]: v 3-h vypuskah / Akad. Nauk SSSR, Institut russkogo yazyka; pod red. R. I. Avensova i S. V. Bromlej. — Vypusk II [Issue II]. Morfologiya. — Moscow, 1989.— 112 maps.

D'yachkova I. N. Etnolingvisticheskij kommentarij k derivacionno-frazeologicheskomu gnezdru slova PECH' v severnorusskom dialektnom diskurse [Ethnolinguistic commentary on the derivational-phraseological nest of the word PEČ in the Northern Russian Dialect Discourse] / I. N. D'yachkova // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Cherepovets State University].— 2021. № 6 (105). —<https://cyberleninka.ru/article/n/etnolingvisticheskiy-kommentarij-k-derivatsionno-frazeologicheskomu-gnezdru-slova-pech-v-severnorusskom-dialektnom-diskurse>, accessed: 22.01.2023.

Lyashevskaya O. N. Novyj chastotnyj slovar' [Elektronnyj resurs]

[New Frequency Dictionary. Digital Version] / O. N. Lyashevskaya, S. A. Harov. — Elektronnaya versiya izdaniya: Lyashevskaya O. N. Shtotnyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka na materialah Nacional'nogo korpusa russkogo yazyka / O. N. Lyashevskaya, S. A. SHarov. — Moskva: Azbukovnik, 2009. — 1090 pp. — <http://dict.ruslang.ru/freq.php?>, last accessed: 26.05.2019.

Pozharickaya S. K. Russkaya dialektologiya. Uchebnik [Russian dialectology] / S. K. Pozharickaya. — Moscow, 2005. — 256 pp.

Trubinskij V. I. Russkaya dialektologiya: Govorit babushka Marfa, a my kommentiruem: Ucheb. Posobie. [Russian dialectology: Grandmother Marfa speaks, and we comment] / V. I. Trubinskij — St. Petersburg, Moscow, 2004. — 208 pp.

Halanskij M. G. Narodnye govory Kurskoj gubernii (Zametki i materialy po dialektologii i narodnoj poezii kurskoj gubernii) [Folk dialects of Kursk province (Notes and materials on dialectology and folk poetry of Kursk province)] / M. G. Halanskij // Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii Nauk [Proceedings of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences], Volume 76. № 5 — St. Petersburg, 1904. — 382 pp.

Костромские ландшафтные микротопонимы (названия омутов)

Елена Вячеславовна Цветкова

Костромской государственный
университет
elv15@list.ru

В статье рассматриваются имеющиеся в говорах Костромской области названия омутов и образованные на их основе микротопонимы — микрогидронимы, которые отличаются многочисленностью и разнообразием. Выявляются особенности семантики данной лексики, осуществляется её сравнение с лексикой, имеющейся в говорах других территорий. Рассматривается находящая отражение в микрогидронимии связь географических терминов, используемых для обозначения не только омутов, но и иных объектов. Даются сведения об основных типах номинации в микрогидронимии. Приводятся примеры функционирования географических терминов и микрогидронимов в живой народной речи. Обращается внимание на значимость зафиксированной в микрогидронимах информации, на возможность использования материалов исследования для Лексического атласа русских народных говоров.

Ключевые слова: микротопонимия, костромская микротопонимия, микрогидронимия, костромские говоры, географическая терминология, названия омутов.

Ландшафтные микротопонимы, составляющие значительную часть микротопонимии костромского края, являются ценным источником, хранилищем информации о ставшей основой для их образования лексике об обозначаемых ею реалиях. Многочисленностью и разнообразием отличаются наименования различных мест на водоёмах, особенно на реках и рядом с ними, среди которых явно выделяются слова, используемые для названия омутов.

Географическим термином *о́мут*, восходящим к праславянскому слову с древней приставкой *ob-* и корнем *-мут-* —

тем же, что и в глаголе *мутить* (ЭССЯ 28: 86; Фасмер 3: 140), имеющим в современном русском литературном языке значения 'глубокая яма на дне реки или озера', 'водоворот, быстрина, вымывающие на дне реки, озера яму' (БТСРЯ: 713), в костромских говорах называют глубокое место, яму, впадину в водоёме (чаще в реке): *Яма так и зовётся* — Кологрив Кологр.; *Это яма, впадина в реке* — Калинки Судисл.; *Омут — глубокое место в речке* — Кадый Кадыйск. Место это может иметь определённую характеристику, например: глубокое расширенное место в водоёме (*Расширение это на реке, глубокое место* — Нерехта Нерехт.), глубокое место с круговым течением, водоворот (*В омуте-то ведь и крутит может. Лучше не попадать* — Подольское Красн.), тихое место в реке, залив (*Омут — это где тихое местечко на реке* — Калинки Судисл.; *В омуте и теченья-то нету* — Екатеринкино Кадыйск.), окно в болоте (*Посреди болота омут иногда. Там вода чистая, как в речке, и глубокой он* — Здемирово Красн.). Такие же и подобные значения есть и в других русских народных говорах (и в севернорусских, и в среднерусских, и в южнорусских). Например, в горно-алтайских говорах географический термин *омут* обозначает речной залив, тихое место в реке, в тверских, саратовских, кировских, новосибирских — заполненную водой яму, бочаг, в новосибирских, архангельских — заросшее мхом болото, в уральских — небольшое озеро (СРНГ 23: 206), в новгородских — яму, заполненную водой, пруд, трясиину на болоте (НОС 2010: 721), в псковских — глубокую яму на болоте, водоворот, тихое место (ПОС 23: 208), в орловских — яму с родниковой водой, используемую как колодец (СОГ 8: 138), в пермских — глубокое место, яму в реке с круговым течением, небольшой залив в реке, вымытое падающей водой место в реке у мельницы, окно в болоте с круговым течением (Полякова 2007: 245–246), в смоленских — глубокое и опасное место в реке (Добровольский 1914: 528). На широкий ареал распространения этого термина обращает внимание в своём труде о славянской географической терминологии Н. И. Толстой [Толстой 2012: 214].

Во множественном числе в костромской народной речи обычно звучат слова *омуты, омутья / омутья, омутовья* (*Омутья — это глубокое место реки. Особенно лес-от скапливался в омутьях* — Митино Кадыйск.; *В реке-то омутья есть, вы там поосторожней* — Гавриловское Галич.; *Лес-то особенно в омутьях скапливался, теченья там нету* — Новая Чудь Кадыйск.; *Омутья там есть / Омутовья-то на Покише есь, как же...* — Калинки Судисл.). Имеются производные от термина *омут*: *омутёк, омутёчек, омутина / омутйна, омутище / омутйще, омутинка / омутйна, омутйночка* и др. (*Есть на реке омутина глубокая* — Лаврово Нерехт.; *На Пышее (речка Пышей) есть омуткй, где мужики рыбу ловили* — Никола Межев.).

Это место может быть и опасным (*Много утопленниц в омуте-то* — Соловецкое Октябр.; *Люди тонули в омутине* — Соловецкое Октябр.; *В омуте захлебнулся и потонул* — Суховерхово Кологр.; *Не дай бог в омут попасть* — Нукша Костр.; *А в том омуте глубота-то какая! Дна не достанешь* — Октябр.; *Шла, шла по реке и провалилась в омут* — Ветлужский Шарьин.), и не опасным или не представляющим серьёзной опасности, используемым чаще для купания, рыбной ловли (*В омуте поглубже, там и купаются* — Петровка Межев.; *В омутине-то хорошо щуки водились* — Рогово Мантур.). В омуте, как говорят в народе, и утопиться можно (*Жить надоело, дак поди вон нырни в омут-от!* — Вохма Вохом.), в нём и нечистая сила водится (*У омута-то, говорят, водяник дурит* — Здемирово Красн.; *В деревне Ворсине и в деревне Сопырёве омуты есь. Так называют очень глубокие места. А сколько людей-то тонуло в этих местах! Говорят, там черти живут, затягивают в омут, даже воронкой затягивает* — Подольское Красн.; *В омуте-то омутник или омутница обитают* — Калинки Судисл.).

В значении 'омут', кроме слова *омут* и его производных, в костромских говорах употребляется целый ряд географических терминов, которые обозначают не только омуты

(чаще основными являются как раз другие их значения). Это лексика, связанная главным образом с характеристикой ям, на что нами уже обращалось внимание (см. например [Цветкова 2022]): *яма, бочаг, бучаг, бычаг, бочажок, впадина, глыбь, бахалдина / бахалдина, емурина, бучило / бучило, выскирь, прудовина, карта, курбан, заводь, прилук, слуда, наволок* и др.: *Яма какая в реке омутом, глыбью, впадиной называется* — Одоевское Шарьин.; *Омут, бочаг, бочажок — как назовёшь, так и будет* — Подольское Красн.; *Бочаг — это омут, яма, впадина* — Шарьин.; *Бочаг — омут* — Поназырево Поназ., Матвейково Кадыйск.; *Бочаг — омут, глубокое и широкое место на реке. На этой реке много бочагов. Ребятишки купаются в бочаге* — Злобино Костр.; *Бочаг — омут, где полощут бельё. Сегодня детки весь бочаг смутили* — Леоново Судисл.; *Бочаг — небольшой омут. Ребята любили купаться в бочаге* — Зашугомье Солиг.; *Бочаг-от — небольшой омуток / Пять щук с бочажка вытянул* — Георгиевское Межев.; *Бучаг — омут, углубление в месте тихого течения (между двумя перекатами на речке). Чем больше и глубже бучаг, тем больше и крупней рыба* — Чёлсма Галич.; *Бучило — водоворот, омут на реке* — Антушево Остров.; *Выскири — подводный обрыв, омут / Там не купаются, выскири там глубокие* — Шубиха Шарьин.; *Карта — глубокое место в реке, омут / Смотри, в карту не заплыви!* — Остров.; *Пойдёмте на курбане купаться. Здесь близко* — Макарята Вохом.; *Тут в реке прудовина есть* — Чухл. (в наших материалах чаще встречается местный географический термин *бочаг*; стоит обратить внимание на то, что термины эти могут использоваться для обозначения омута с определённой характеристикой, например: *прилук* — ‘омут у крутого берега’). Сравним с некоторыми значениями этих слов в костромских говорах (по материалам картотеки Костромского областного словаря, нашим личным материалам): *бочаг* — ‘глубокое место в реке, озере’, ‘широкая и глубокая часть узкой речки’, ‘заполненная водой впадина, яма’, ‘заполненная водой яма около реки’, ‘глубокая лужа’,

бочажок — ‘небольшая яма с водой’, ‘лужа’, *глыбь* — ‘глубокое место’, *бахалдина / бахалдина* — ‘низменное поёмное место на берегу реки’, ‘выбоина на дороге’, ‘болотистое место’, *бучило / бучило* — ‘яма с водой’, ‘топкое место на болоте’, *выскирь* — ‘подводный обрыв’, ‘углубление под корнем вывороченного дерева’, *прудовина* — ‘большая лужа’, ‘яма с водой’, *карта* — ‘глубокое место в реке’, *курбан* — ‘яма с водой’, ‘озерце’, *заводь* — ‘глубокое место в реке’, ‘место с замедленным течением’, ‘место в реке с водоворотом’, ‘водоворот’, *прилук* — ‘берег речной излучины’, *слуда* — ‘мель’, ‘топкое, болотистое место по берегу реки’, *наволок* — ‘заливной луг на берегу реки’, ‘часть луга в излучине реки’. Разнообразна лексика, обозначающая омуты (также наряду с иными объектами), и в говорах других регионов, например: *бочаг* — в московских, тверских, калужских, владимирских, нижегородских, ярославских, вологодских говорах (СРНГ 3: 140), архангельских (СГРС 1: 137), *глыбь* — в тамбовских, сибирских, томских, среднеуральских, владимирских, псковских (СРНГ 6: 221), *емурина, емурина* — в сибирских, *эмурина* — в амурских (СРНГ 8: 538), *бучило* — в тамбовских (СТГДМК: 43), вятских (Васнецов 1907: 22), *заводь* — в олонечких, новгородских, брянских (СРНГ 9: 327), *прилук* — в вологодских (СРНГ 31: 280).

В микропонимии костромского края чаще присутствует географический термин *омут*, как взятый без преобразований (например: *Омут — самое глубокое место в Костромском водохранилище. Так и зовут Омут — Прибрежный Макарята*; *Омут — место, где купаться. Так и зовут. Находится в деревне Никулино. В нём тонули люди* — Караваево Костр.; *Омут — место на реке Танге, куда редко ходят купаться, так как очень глубоко* — Ченцы Красн.; *Глубокое место на Сельсоветском пруду Омутом называют. В нём утонула девушка* — Шарьин.), так и в сопровождении слов, каким-либо образом характеризующих именуемые объекты (таких микрогидронимов очень много).

Составные микрогидронимы содержат информацию

о самих омутах — их глубине, размере, форме, расположении, цвете, чистоте, температуре воды, времени возникновения, особенностях течения воды, особенностях дна и др., например: омут на реке Старке **Глыбóкий óмут** (Мы там с дядькой на омуте-то Глыбоком рыбу сетям ловили. Так нам сетку порвали. Видать, такая рыба попалась, что разрезать пришлось — Лядина Мантур.), **Большóй óмут**, **Мáленький óмут** (Большой омут очень глубокий — около семи метров — Коммунар Нейск.; Чёртова слуга заканчивается Большим омутом — Солиг.; Большой омут — перед слиянием речки Крутой с рекой Большая Якшианга — Якшианга Поназ.; Большой омут — место на реке Пыщуг. Это большое, глубокое место на реке. Есть и Маленький омут. Это другое название Евгиньевского выхода / Ребята пошли купаться на Большой омут — Носково Пыщуг.; На реке Тутка Большой омут есть — Солигалич Солиг.), **Кóний óмут** (Коний омут — на реке Нея. Коний — это, значит, большой, глубокий. Раньше ездили к нему за сомами. На Коньем — заливные луга, а дальше-то будет Горелый мост — Мундырь Поназ.), **Гранённый óмут** (Гранённый омут — на Шаче. Такое название получил за свою треугольную форму / Поеду на рыбалку на Гранённый — Буй Буйск.), **Вéрхний óмут** (Верхний омут — на реке Ноля, рядом с Жадовской мельницей — Чмутово Галич.; Верхний омут — название омута, расположенного в устье реки Шокшианка — Шокша Галич.; Верхний омут — на реке Шача — Буюково Сусан.), **Нíжний óмут** (Нижний омут — на реке Ноля / У Жадовской мельницы есть Нижний омут — Чмутово Галич.; Нижний-то омут — на Покше, около водяной мельницы, ниже по реке — Калинки Судисл.; И ниже по Шаче — Нижний омут — Буюково Сусан.), **Пéрвый óмут**, **Вторóй óмут** (Первый и Второй омуты — глубокие места на реке Солонице, там купаются — Нерехта Нерехт.; Шёл мимо Второго омута. Второй омут — второй по счёту от Купалища вниз по течению реки. А первый по счёту от Купалища вниз по течению — это Первый омут, он небольшой — Григорово

Сусан.), **Выходной óмут** (Выходной омут — омут на реке Шача. Такое название получил потому, что как бы выходит из леса на луговицу. Около Выходного омута есть небольшой лесок — Буй Буйск.), **Дремлячий óмут** / **Гремячий óмут** (Назван так потому, что вокруг него очень дремучее место / Вчера рыбачить ездил на Гремячий — Матвеево Парф.), **Чёрный óмут** (Это очень глубокий омут в реке — Рогово Мантур.; Чёрный омут — омут на реке Шубот, за деревней Журавли. Это самый глубокий и широкий омут. На Чёрном омуте мало кто купался. Назван так, потому что в нём тёмная вода — Доброумово Павин.; Чёрный омут находится на реке Меза. Назван по тёмному цвету воды и глины — Мисково Костр.; Этот омут на реке Костроме называли так, потому что вода там чёрная — Бурдуково Солиг.; Чёрный омут — рядом с Лубенино, по Покше. Вода в нём тёмная — Калинки Судисл.; Чёрный омут — омут на реке Шуя в нашей деревне — Долматово Парф.), **Погáнный óмут** (В него втекает ручей с грязной водой / Поганный находится недалеко от деревни — Григорово Сусан.), **Мыльный óмут** (На Мыльном омуте сверху много пузырей — Белозерово Антроп.), **Холодный óмут** (В Холодном омуте вода даже в жаркое лето холодная. Детям запрещено ходить на Холодный омут — Николо-Полома Парф.), **Нóвый óмут** (Новый омут — глубокая яма на дне реки Нёмды глубиной три — три с половиной метра. Находится в Дубках — Кадый Кадыйск.), **Стáрый óмут** (Старый омут — естественная глубокая яма на реке Нёмда около берега у нас в Дубках. Это место используется для полоскания белья — Дубки Кадыйск.; Старый омут — напротив Лубенина, по Покше — Калинки Судисл.), **Ленивый óмут** (Ленивый омут назван так за очень медленное, ленивое течение — Никола Межев.), **Спóрный óмут** (Это омут на реке Шубот, около деревни Зяблужи / К Спорному омуту нас никогда не отпускали купаться. Называли так, потому что там закруживается вода — Доброумово Павин.), **Вертячий óмут** (Вертячий омут — омут на реке Шача. Вертит в ём — Словинка

Антроп.; *На реке Костроме — Вертячий омут. В непогоду образуется водоворот — вертит* — Бурдуково Солиг.), **Коряжистый омут** (*Коряжистый омут — омут на реке Шача. На дне много коряг, за что он и получил такое название / Пойдём в ночёвку на Коряжистый омут* — Буй Буйск.), **Песчаный омут** (Межев.; *Песчаный омут — омут на реке Солоница. Это расширение на реке Солонице, вниз по течению, глубокое место. Находится около асфальтного завода — Нерехта Нерехт.*).

Глубокое и страшное нередко связывают в названии с нечистой силой: **Чёртов омут** (*Чёртов омут — омут на реке Мера. Назван так из-за того, что в нём очень тёмная вода и никто не знает его глубины. Говорят, и черти есть. Но мы ходили купаться на Чёртов омут — Островское Остров; Чёртов омут — омут в реке Тёбза в селе Борок. Считается, что там водится нечистая сила. В этом омуте утонуло много человек / В Чёртовом омуте всё воду крутит. Если человек попадёт туда, его так и затянет* — Романцево Буйск.; *Чёртов омут — омут на реке Нозьма. Назван так, потому что много людей утонуло в этом месте. Как нечистая сила затянула* — Николо-Полома Парф.).

Зафиксированы в составных микрогидронимах сведения об антропонимах, об особенностях их употребления в речи диалектоносителей: **Тёркин омут** (*В омуте на речке Юровка первым купальщиком был Тёркин / В Тёркином омуте летом много купальщиков — Юрово Макара.*), **Сажин омут** / **Сажин омут** (*Сажин омут — в деревне Пеньки. Когда-то в этом омуте утонул крестьянин Сажин — Островское Остров.*), **Ильинский омут** (*Ильинский омут — место, где потонула Ольга Ильина — Шокша Галич.*), **Мартынов омут** (*По рассказам старожил, раньше там жила банда Мартынова, в основном дезертиры. Находится недалеко от Угловки — Северный Пыщуг.*), **Ксюткин омут** (*Ксюткин омут есть — Межев.*), **Сигов омут** (*Сигов омут — омут на реке. Получил название по фамилии Сиговых, где вдоль речки был их сенокос. В Сиговом омуте рыба не ловит-*

ся — Степаново Галич.), **Васильевский омут** (*Много омутов-то на Андобе. Вот Васильевской омут есть — Медведки Сусан.*), **Харитонов омут** (*Харитонов омут — омут на реке Письме — Чистые Боры Буйск.*), **Ерёмин омут** (*Ерёмин омут — на реке Андобе. По имени Ерёма. Много их. Ещё Ивановский омут, Кругловский, Мельничный... Много — Медведки Сусан.*), **Егорьев омут** (*В этом омуте на реке Вожера утонул Егор — Вожерово Нейск.*), **Абрамов омут** (*Абрамов омут — омут на реке Мера / Абрамов омут находится на реке Мера у деревни Федорково. Когда-то здесь была построена и работала мельница. Хозяина мельницы звали Абрам. В наше время в этом месте глубоко / Мельник Абрам построил мельницу близ этого омута / Мы пошли купаться на Абрамов омут — Островское Остров.*), **Женин омут** (*Женин омут — глубокое место в реке Кусь, названо по имени девушки, которая утонула в этом омуте — Трифон Антроп.*), **Степанов омут** (*Название получил от Степана Фомина, который там утонул — Понизье Антроп.*), **Гришин омут** (*Гришин омут — у деревни Иевлево, там утонул Гриша из деревни Рудницы — Красное-на-Волге Красн.*), **Васюхин омут** (*Васюхин омут — омут на реке, где утонул крестьянин Васюха — Котельниково Антроп.*), **Куприянихин омут** / **Куприяниха** (*На Ноле есь Куприянихин омут / Куприяниха — омут на реке Ноле. Раз вытаскивали одного приезжего из Куприянихи — Россолово Галич.*), **Палашкин омут** / **Палашка** (*Палашкин омут — это на Покше, туда дальше. В нём Палашка утопла — Калинки Судисл.*), **Варваркин омут** (*Варваркин омут — на реке Ноля, где потонула Варвара. Будете купаться — не попадите в Варваркин омут / Варваркиным омутом потому и назвали, что Варвара утонула — Чмутово Галич.*), **Манькин омут** (Межев.), **Катькин омут** (*Пойдём купаться на Катькин омут — Якшанга Поназ; Катькин омут назван так, потому что там утонула девушка по имени Катя — Шарьин.*), **Гришкин омут** / **Гришин омут** (*Гришин омут — омут, в котором утонул мужчина по имени Гриша. Гришкин*

омут недалеко находится — Ивановское Красн.), **Мишкин омут** (Мишкин омут находится вниз по течению реки Большая Якшанга — Якшанга Поназ.), **Гаранин омут** (Гаранин омут — место по устью Вотгати. Жил Сергей Рослов по прозвищу Гаранин — Жуково Кадыйск.), **За Лёниным домом омут** (А в этом доме потом Смирновы Леонид Анатольич и Валентина Ивановна. Дети: Нина, Толя. За этим домом — омут. Так и называли его За Лёниным домом — Кондратово Судисл.) и т. п.

Сохраняются в названиях омутов и сведения о топонимах (чаще о комонимах): **Никитинский омут** (Никитинский омут — около деревни Никитино / Это как глубокое озеро. Когда-то на Никитинском-то омуте мужик утонул — Мантурово Мантур.), **Никольский омут** (Никольский омут назван так потому, что находится у села Николы — Георгиевское Межев.), **Затихинский омут**, **Кокужеvский омут** (Затихинский омут — на реке Нельше, под деревней Затиха. Кокужеvский омут — крупный, расположен напротив деревни Кокужево — Абросимово Нейск.), **Вотчинный омут** (Глубокий омут это под деревней Вотчинкой — Заборье Остров.), **Степановский омут** (Степановский омут находится вблизи Степино. Предназначен для рыбной ловли — Степино Антроп.), **Борисовский омут** (Борисовский омут — омут на реке Никифора, напротив церкви. Сюда ходили купаться из соседней деревни Борисово. Это как их омут считался. Но и мы тоже там купались — Екатеринкино Кадыйск.), **Екимцовский омут** (Екимцовский омут находится вблизи посёлка Екимцево — Суховерхово Кологр.), **Ворсинский омут** (Ворсинский омут — у деревни Ворсино. Один из глубоких омутов в районе. Раньше здесь была мельница — Красное-на-Волге Красн.), **Степуриhский омут** (Степуриhский омут — у деревни Степурино. На Степуриhском омуте хорошо купаться — Красное-на-Волге Красн.), **Артемяев омут** (Артемяев омут — на реке Воче у деревни Артемяево, очень большой — диаметром около восьмьсот метров — Княжево Солиг.), **Брагинский**

омут / **Брагин омут** (На Воче Брагин омут есть.. Это у бывшей деревни Брагино / К Брагинскому мы на рыбалку ездим — Высоковское Солиг.), **Чепасовский омут** (Находится он у деревни Чепасово — Оглоблино Солиг.), **Кашинский омут** (Находится Кашинский омут близ деревни Кашино — Оглоблино Солиг.), **Лыгиняговские омутья** (Лыгиняговские омутья — омуты на реке Ирдом возле деревни Лыгино — Боговарово Октябрь.), **Карповский омут** (Здесь в реку Вотгать впадает речка Карповка — Дудино Кадыйск.), **Черносъко́й омут** (Черносъко́й омут — место впадения реки Чёрной в реку Нёмду — Кадый Кадыйск.), **омут Пóлмыш** (Омут Пóлмыш — на реке Пóлмыш — Нея).

Получили омуты названия от апеллятивов по связи с человеком, другими объектами, животными, растениями и др., например: **Ба́бий омут** (Ба́бий омут — на речке Костомка, недалеко от деревни Костома. В нём купались одни женщины / Девушки и женщины купались на Ба́бьем омуте — Галич Галич.; Ба́бий омут — омут, куда ходят женщины полоскать бельё — Котельниково Антроп.; Ба́бий омут находится вблизи села Понизья. В ём купались — Голочолово Антроп.; В Ба́бьем омуте купались только женщины / На Ба́бьем омуте место глубокое есть — Кадый Кадыйск.; В Ба́бьем омуте купаются только женщины — Мартыново Макара.), **Де́вичий омут** (Де́вичий омут находится вверх по течению Солоницы. Это расширенное место на реке, глубокое / По преданию, трагедия молодой девушки толкнула её на самоубийство — Нерехта Нерехт.), **Ма́льчишечий омут** (Ма́льчишечий омут находится вблизи села Понизье. В нём купаются — Понизье Антроп.), **Попóвский омут** (В этом омуте якобы утонул поп — Никола Межев.; Попóвский омут — омут на реке Кузь, расположен напротив бывших земельных владений священника в селе Трифон — Трифон Антроп.; Попóвский омут — омут на реке Поле. Попóвский-то омут страшнее Куприяники будет — Росолово Галич.), **Солда́тский омут** (Солда́тский омут — речной омут, в котором утонули два солдата — Хмельёвка

Поназ), **Хуторский омут** (*Хуторский омут* — вблизи деревни Белозёрово. Там рыбу ловят — Белозерово Антроп.), **Сельский омут** (*Сельский омут* — под селом Верховье, на реке Костроме — Бурдуково Солиг.), **Водокачечный омут** (Поназырево Поназ.), **Мельничный омут** (*На речке Сахарейска стояла мельница, где был омут* — Выголово Нерехт.; *Мельничный омут находится в реке Шуя, в том месте, где раньше была мельница около деревни Белозёрово, глубина около шести метров. Там ловят рыбу* — Понизье Антроп.; *Мельничный омут — омут на реке Тёбзе, примерно в трёх километрах от деревни Костома. На Мельничный омут купаться ходили* — Галич.; *На берегу реки раньше стояла мельница* — Поназырево Поназ.; *Мельничный омут — омут на реке Шистом / Мельничный-то — около хутора Вася Ласточкин. Мельница на берегу раньше стояла, так и омут звать стали* — Верхне-Спасское Пыщуг.; *Раньше рядом стояла мельница / Оборвал блесну на Мельничном омуте* — Григорово Сусан.), **Маслозаводские омуты** (*Маслозаводские омуты — омуты на реке Ирдом. Находятся у маслозавода* — Боговарово Октябр.), **Кобылий омут** (*Кобылий омут — около деревни Селище. В этом месте когда-то утонула лошадь* — Селище Кадыйск.), **Лошадный омут** (*Лошадный омут — место на реке Ворозьма. Назван потому, что утонула лошадь. Бельё-то бабы полощут на Лошадином омуте* — Кадый Кадыйск.), **Собачий омут** (*Собачий омут находится в посёлке Коммунар, это сорок километров от Неи* — Коммунар Нейск.), **Кискин омут** (*Кискин омут — омут на реке Шача у деревни Новинское* — Котельниково Антроп.), **Медвежий омут** (*Медвежий омут — это где на реке купались медведи* — Татаурово Парф.), **Омут У сосны / У сосны** (*Омут У сосны — самый глубокий омут на реке Шубот, недалеко от деревни Осиновка / Он ещё на Омуте У сосны хотел мельницу строить* — Доброумово Павин.), **Осиновский омут** (*Осиновский-то омут на реке Нея. Назван так, потому что рядом находится осиновая роща. В основном названье употребляется рыбака-*

ми. На Осиновском знатных лещей таскают — Поназырево Поназ.). Наиболее многочисленными являются названия омутов, содержащие определение **бабий** и показывающие значимость мельницы (название этого объекта могло становиться наименованием омута: *Старая мельница — омут. Когда-то здесь была мельница, построенная зажиточным мельником-немцем. На берегу очень много перелесок. Весной место это голубое от нлх. Говорят, перелески развела здесь немка, жена мельника. Находится за Сидоровом в двух-трёх километрах* — Муравьице Галич.).

Подобного рода информация сохраняется и в односоставных микрогидронимах, не содержащих рассматриваемую гидрографическую лексику, например: **Антипка** (*Омут Антипка есть, по имени назвали* — Котельниково Антроп.), **Аринка** (*Аринка — омут на реке Шага. Так называется потому, что здесь когда-то утонула некая Арина / В прошлом году поймали на Аринке большую щуку* — Буй Буйск.), **Мариевка** (*Мариевка — место на реке, омут, где утонула Мария* — Буй Буйск.), **Холуй** (*Холуй — омут на реке Луптюг. На Холуе хорошо ловится рыба* — Стариково Октябр.), **Улан** (*Улан — омут на реке Кострома около деревни Бурдуково* — Солиг.), **Горшуха** (*Иваньково Кадыйск.*), **Бездонка** (*Бездонка — на реке Костроме. Глубокий очень омут* — Солигалич Солиг.), **Обмбина** (*Омут Обмбина на реке Костроме. Тут крутые, обмытые берега* — Бурдуково Солиг.), **Шумилиха** (*На Вохтоме ещё омут Шумилиха есть, в шести километрах от села Матвеева. Щуки хорошо на Шумилихе берут* — Матвеево Парф.), **Бокоуша** (*Бокоуша — глубокий омут / Бокоуша глубокая была, вода ледяная, а не боялись, купаться с ребятами бегали* — Дубровино Межев.), **Глинки** (*Это омут по реке Ветлуга, выше Берёзовского* — Шайменский Павин.), **Камушник** (*Камушник — старый омут на реке Мера, около улиц Горная и Кооперативная. На дне этого омута лежат большие камни / Камушник — старый омут на Мере, около улиц Горная и Кооперативная. На дне этого омута лежат большие*

камни — Островское Остров.), **Ка́менка** (Каменка — омут, дно которого усеяно мелкими камешками / В Каменке вода мутна — Лопарево Галич.; Каменка — омут, место для купания. Находится в посёлке Якшанга у подсобного хозяйства / Сегодня на Каменке купались — Якшанга Поназ.), **Ключи́** (Ключи — омут на реке Кострома, под деревней Федьково, за Бугайкой — Калинино Солиг.), **Корча́жка** (Омут Корчажка — на реке Кострома, в деревне Бурдуково. На дне осталось много коряг от сплава леса — Солигалич Солиг.), **Холоди́льник** (Находится Холодильник на реке Котталке, вблизи деревни Жихарица. Назвали так, потому что в омуте всегда очень холодная вода — Грудки Судисл.), **Лошадíник** (Это омут у села Корцово, на котором поят лошадей — Солигалич Солиг.), **Портомой** (На Малом Утрасе омут есть Портомой. Так ещё зовут залив на Ветлуге под Рождественским — Шарьин.), **Ныря́лка** (Нырялка — омут на реке Мера. Это около Больничной улицы, где стоит на берегу нырялка — Островское Остров.), **Плоти́на** (Плотина — омут на реке Мера. Этот омут находится чуть пониже птицефабрики, где раньше стояла плотина — Островское Остров.; Плотина — омут, место для купания. Находится на окраине посёлка Якшанга, назвали по плотине. Это место для купания / Пойдём на Плотину купаться — Якшанга Поназ.), **Ме́льница** (Мельница — место на реке Костроме, глубокое. Раньше в этом месте была водяная мельница, теперь перевезена в Ипатьевский монастырь. На Мельницу ходит купаться весь Солигалич — Солигалич Солиг.; Это где раньше была мельница — Медведки Сусан.), **Ба́нька** (Раньше там на берегу стояла баня, около Дома пионеров — Кады́й Кады́йск.), **Па́сека** (Омут Пасека — на реке Прудовка. Рядом находится пасека, так и омут назвали — Поназырево), **Волчи́ха** (Волчиха находится на реке Вохтома, в шести километрах от Матвеева. Назван так потому, что раньше здесь стояла волчиная мельница. Вчера я на Волчихе рыбачил — Матвеево Парф.), **Собсе́нка** (Собсенка — омут на реке Кусь — Трифон Антроп.), **Дубовка**

(Дубовка-то — самый большой омут на реке Нея. Назван так, потому что на берегу в тыща девятьсот семнадцатом году посадили дубовую рощу крестьяне деревни Мундырь в честь Октябрьской революции / В ночное-то опять на Дубовский гоняют — Поназырево Поназ.), **Вя́зы** (Вязы — место на реке Шача, омут. Когда-то на берегу росли вязы — Буяково Сусан.), **Под осина́ми** (Кусты осины растут на берегу / Омут Под осинами грязный — Григорово Сусан.).

Оказалась зафиксированной в названиях омутов и иная географическая лексика (это не только значительная часть местных географических терминов, приведённых выше, но и в определённой степени дополняющие их другие термины), что способствует сохранению сведений о ней. Например: **Елизáрова я́ма** (Елизарова яма — омут на реке Вочь. Эта часть берега была территорией сенокоса богатого поселанина Елизара Ивкова — Коточижное Павин.), **Ла́за-рева я́ма** (Лазарева яма — омут на реке Ноле — Галич.), **Чёрная я́ма** (На Ветлуге — омут Чёрная яма — Шарьин.), **Чёртова я́ма** (Углубление около реки Векса. Это близ Лосева. Глубина пять — шесть метров. По преданию, раньше здесь была мельница, затем образовался омут двадцать на тридцать метров — Солигалич Солигалич.), **Медве́жья я́ма** (Около Бакшановского песка на Вохме — омут Медвежья яма / Омут Медвежья яма у нас чуть ниже Бакшановского песка — Тихон Вохом.) (термин **я́ма**, общее название для всех ям, чаще других присутствует в рассматриваемых микрогидронимах), **Я́мка** (Ямка — омут на реке Андоба, под мостом — Медведки Сусан.), **Ба́бьи я́мки** (Бабьи ямки — омут на реке Святица. Глубокое место, дно имеет несколько ям. Вода летом всегда быстро нагревалась в этом месте. Омут имеет особую форму, дно неровное. И когда-то в этом месте утонули две женщины. По Бабьим ямкам на лодке катались — Солигалич Солиг.), **Коро́винский боча́г** (Коровинский бочаг — омут на реке Шокшанка, опасное место / Не ходи туда: там Коровинский бочаг — Шокша Галич.), **Вохалди́на** (Есть

омут *Бахалдина* — Путятино Нерехт.), **Чёрный яр** (Омут Чёрный яр находится ниже Афанасовой заводи — Шайменский Павин.), **Бабий яр** (Омут Бабий яр расположен на реке Прудовка. Своё название получил от того, что являлся любимым местом купания женщин / Пошли что ли на Бабий яр — Поназырево Поназ.), **Старка** (Старка — омут на реке Мера — Островское Остров.), **Чёрная слуда** (Чёрная слуда — омут на речке Тутка, у Калинино. Чёрная слуда — омут очень большой — Калинино Солиг.), **Нечистая заводь** (Нечистая заводь — тихий омут в верховье Корбы это. По старинному преданию, там всегда водились черти — Судиславль Судисл.), **Прилук** (Прилук — глубокое место, омут на Возме, под Кириной горой. Только на Прилуке не переплывай — утонешь — Тихон Вохом.), **Китов омут** / **Китов наволоок** (Китов омут или Китов наволоок. Когда-то в Володове жил дедушка Кит. Он постоянно ловил в этом омуте рыбу, отсюда и название — Буй Буйск.), **Курбан** (Курбан-то ещё глуше стал, вы туда не ходите — Нерехт.), **Девичий курбан** (В Девичьем-то курбане и летом холодна вода — Вохом.), **Евгиновский выход** (Евгиновский выход — место на реке Пыщуг. Названо по названию деревни Евгиновцы, основал которую Евгений. По-другому называют Маленький омут / Отец пошёл за грибами через Евгиновский выход — Носково Пыщуг.).

Представляют интерес такие образные названия, как **Оладьи** (На реке Кострома есть ещё омут Оладьи. Он в форме кругов — оладьи и есть оладьи — Бурдуково Солиг.), **Сахар** (Сахар — омут на Малом Утресе. И покос там так называют — Шарьин.), **Горло** (На Андобе-то омут Горло есть. Назван так за свою глубину и узость — Медведки Сусан.), **Белоглазова огорода** / **Белоглаза** (Огороженное место для покосов Белоглазова огорода. Называется так потому, что там есть два омута, похожих на два глаза — Тимошино Макар.), **Горшечкин омут** / **Горшок** (Горшечкин омут по форме похож на горшок. В Горшечкином омуте мы с ребятами всегда купались — Игумново Судисл.).

Омутом соответственно называют бочаг, заводь, пруд и другие виды углублений (разного вида ямы): *Омут — место на реке Мелша. Омут — самый большой бочаг. На Омуте осторожней купайтесь — Петровское Чухлом.; Большой омут — место для купания детей, тихая заводь на реке Луптюг — Ильинское Октябр.; Мишкин омут — бочаг, заводь на реке. Назван так по имени утонувшего в нём мужчины — Горбачёво Солиг.; Омуток. Озеро, старое русло реки названо так, потому что много омутов — Унжа Макар.; Омут — пруд. Находится рядом с посёлком Лънозавод. Летом я часто бываю на Омуте — Ивановское Красн.; Рядом с деревней протекает речка Тома, раньше по ней справляли лес. Она впадает в реку Мера. Чуть дальше от деревни есть Омут. Это небольшой пруд. Назвали его так потому, что там глубокое место. Зайдёшь в пруд, вроде бы мелко, а потом сразу резкий обрыв, который скроет головой. Очень глубокое место. А сам пруд не прозрачный, почти чёрный. Там ещё сомы водятся. Акшары чёрные рядом с омутом. Насколько помню, там раньше какой-то угольный завод был или уголь добывали, теперь остались чёрные руины — Селиваниха Остров. Ср.: Гусинка — омут, длинная заводь на реке Воче, куда прилетают гуси. Находится у деревни Гусинка — Бурдуково Солиг.*

Получают названия омуты в соответствии с различными причинами. Не обо всех сохранились сведения (на это обращают внимание и сами диалектоносители, например: *На реке Шокианке есть омут Большой Король — опасное место-то и Малый Король, куда раньше стирать ходили. А почём так назвали, неизвестно, не слышали об этом — Галич Галич.*), что подчас становится причиной возникновения легенд, например: *Княжовый омут — место на реке Корба. Очень глубокий омут, возможно, потому так и назван. Не все осмеливались нырять в Княжовый. Он очень глубокий — Хомутово Остров.; Куделин омут — омут за Чёрной речкой в Рабочем Начале / Когда-то на этом озере жил рыбац Куделя. В этом омуте водилось много крупной*

рыбы, даже сомы. Однажды сеть запуталась в тине вместе с рыбой, среди которой был крупный сом, и утащила в омут рыбака Куделю / Куделин омут — омут на реке Шача. Называется так, потому что один купец затопил баржу с куделью из-за того, что его жена нашла себе на этой барже любовника. Куделин омут очень глубокий — Буй Буйск.; Япончуг — омут на Воче у деревни Дуплево. Есть легенда, что там жили японцы, которые были ссыльные, но сбежали и обосновались в этом месте. До Япончуга далеко добираться — Высоковское Солиг.

Микрогидронимы, как отдельно взятые, так и особенно ярко в контексте — в живой народной речи, представляют ставшую основой для их образования географическую терминологию, используемую для обозначения омутов и иных объектов, сохраняя и дополняя сведения о ней, в определённой степени раскрывая её особенности, как бы иллюстрируя её. Информация о рассматриваемой лексике может быть использована в работе над соответствующими картами ЛАРНГ по теме «Ландшафт».

Литература

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды / отв. ред. С. Б. Бернштейн. 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 360 с.

Цветкова Е. В. Костромская микротопонимия как источник сведений для ЛАРНГ (названия ям) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2022 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 406–429.

Сокращения названий районов Костромской области

Антроп. — Антроповский.
 Буйск. — Буйский.
 Вохом. — Вохомский.
 Галич. — Галичский.
 Кадыйск. — Кадыйский.
 Кологр. — Кологривский.

Костр. — Костромской.
 Красн. — Красносельский.
 Макар. — Макарьевский.
 Мантур. — Мантуровский.
 Межев. — Межевской.
 Нейск. — Нейский.
 Нерехт. — Нерехтский.
 Октябрь. — Октябрьский.
 Остров. — Островский.
 Павин. — Павинский.
 Парфен. — Парфеньевский.
 Поназ. — Поназыревский.
 Пыщуг. — Пыщугский.
 Солиг. — Солигаличский.
 Судисл. — Судиславский.
 Сусан. — Сусанинский.
 Чухлом. — Чухломский.
 Шарьин. — Шарьинский.

Kostroma landscape micro-toponyms (names of whirlpools)

Yelena V. Tsvetkova
 Kostroma State University
 elv15@list.ru

The names of whirlpools present in the dialects of Kostroma Region which form micro-toponyms (micro-hydronyms) are the central topic of our article; these lexical units are quite numerous and diverse. The semantic peculiarities of this lexical group are revealed by comparing it with the lexical items available in the dialects of other territories. We examine the interrelation of geographic terms denoting whirlpools and other objects as well, as reflected in micro-hydronymy and give the information on the main types of nomination in micro-hydronymy. We also provide examples of functioning of geographical terms and micro-hydronyms in living dialectal speech. In general, we try to draw the reader's attention to the significance of the information fixed in

micro-hydronyms, as well as to the possibility of using the research materials for the Lexical Atlas of the Russian Folk Dialects.

Key words: micro-toponymy, Kostroma micro-toponymy, microhydronymy, Kostroma dialects, geographic terminology, names of whirlpools

References

Tolstoj N. I. Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya: Semasiologicheskie etyudy [Slavic geographical terminology: Semasiological studies] / otv. red. S. B. Bernshtejn. Izd. 3-e. M.: Knizhnyj dom «LIBRIKOM», 2012. 360 pp.

Tsvetkova E. V. Kostromskaya mikrotoponimiya kak istochnik svedenij dlya LARNG [Kostroma micro-toponymy as an information source for the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (names for pits)] // Leksicheskij atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) 2022 [Lexical Atlas of the Russian dialects (Materials and research) 2022] / otv. red. S. A. Myznikov. SPb.: ILI RAN, 2022. Pp. 406–429.

Слово *вершина* в русских говорах: значения ‘овраг’ и ‘низменное место’

Надежда Викторовна Шевченко

Институт лингвистических исследований РАН
speranza249@mail.ru

В статье рассматриваются значения слова *вершина* в русских народных говорах, зафиксированные в КЛАРНГ за последние 3–4 десятилетия. Описывается происхождение слова *вершина*, его значения, отмеченные в наиболее известных словарях (БАС, СРНГ и др.), анализируются как общеупотребительные значения слова *вершина*, так и мало известные и даже единичные в русских говорах. Внимание уделяется слову *вершина*, отмеченному в говорах в значениях ‘овраг’ и ‘низменное место’, характеризующих ландшафт и рельеф местности. Устанавливается взаимосвязь между оппозициями в значениях слова *вершина*: ‘вершина горы’, ‘вершина дерева’ и ‘овраг’, ‘низменное место’.

Ключевые слова: лингвогеография, диалектология, диалектная семантика, русские говоры.

Происхождение слова *вершина* и его значения представлены в различных словарных источниках. *Вершина* зафиксирована уже в Материалах для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского ‘верховье — верх, вершина’ в значениях: а) ‘верховье/верх/вершина горы, древа (дерева)’; б) ‘верхнее течение реки’ (XI–XII; XIV–XV вв.). Отмечены и другие значения этого слова: ‘купол’; ‘голова’; ‘победа (князя)’; ‘верхняя часть чего-л. (чистый воск и сверху, и снизу)’ и др. (Срезневский 1: 465–466).

М. Фасмер объясняет происхождение слова *верх* от праславянского **vrъxъ*, от кот. произошли: «др.-русс. *врѣхъ*, ст.-слав. *врѣхъ* (греч. *κορυφή, ἄκρον*), русск. *верх*, болг. *врѣх* ... Родственно лит. *viršius*, латышск. *viršus* «верх», др.-инд. *várṣta* (ср. р.) «высота, верх, величина», *varṣmā, varṣimā* м.

«высота, верхушка...; о верхнем течении реки...» (Фасмер 1: 301–302). Слово *вершина* М. Фасмер отдельно не рассматривает.

В Словаре русского языка XI–XVII вв. *вершина* имеет значения: а) ‘верх чего-л., верхушка, вершина’ «А те храмы покрыты тёсом не до вершины»; б) ‘возвышенное место, яр, обрыв, крутой берег; овраг, водороина с крутыми берегами; ложбина»; в) ‘верховье, исток реки’ «...до вершины той реки» (СлРЯ XI–XVII 2: 320).

В словаре В. И. Даля слово *вершина* объясняется происхождением от слова *верх* и имеет значения: а) ‘верх, верхушка, темя, маковка»; б) ‘начало, исток реки»; в) ‘верх оврага»; г) ‘вершина угла»; д) ‘вершина дерева»; е) ‘вершина солнца, высшее полуденное стояние его’ (Даль, 2-е изд. 1: 184).

В БАС слово *вершина* поясняется как: ‘1. Самая высокая, верхняя часть чего-л.’; ‘2. *Перен.* Высшая степень чего-л.’; ‘3. *Устар.* То же, что верховье «в вершинах реки»’ (БАС-3 2: 443–444).

В СРНГ у слова *вершина* есть все значения, отмеченные в других диалектных словарях: 1) ‘верхушка, верх, макушка (дерева; называется еще верховина)»; 2) ‘верхняя часть снопа с колосьями»; 3) ‘берёзовые прутья для веника»; 4) ‘темя головы»; 5) ‘прозвище человека высокого»; 6) ‘в сочетаниях «посадить/сесть на вершину (на лошадь верхом)»; 7) ‘отстой на молоке, сливки «Продаю цельное молоко, вершина не снята»»; 8) ‘верхняя часть пруда»; 9) ‘овраг, начало оврага»; 10) ‘низменное место, покрытое лесом»; 11) ‘склон, ложбина, цо которым течет вода во время половодья»; 12) ‘русло реки; глубокое место в реке»; 13) ‘неизогнутая часть полоза»; 14) ‘хвойник в озере’ (СРНГ 4: 172–173). В словарях говоров и в материалах КЛАРНГ слово *вершина* зафиксировано во всех значениях, имеющихся в СРНГ, но при анализе данных словарей и КЛАРНГ, поясняющих значение этого слова, обращено внимание на следующее.

В диалектных словарях севернорусских говоров *вершина* — это 1) ‘исток, начало реки, пруда, оврага»; ‘верховье реки’

(ОСВГ 2-е изд.: 152; СГРС 2: 77; СВГ 1: 64; СПГ 1: 88–89); ‘речная вода, прибывшая с верховьев реки; вершина речки’ (АОС 3: 143–144); 2) ‘более тонкая, часть какого-н. растения или ствола растущего дерева, его верхушка, длинная часть срубленного ствола дерева, бревна, тонкое небольшое бревно»; 3) ‘тонкое деревце, любое ветвистое растение, бревнышко»; 4) ‘часть снопа с колосьями зерновых, льна или березового веника с листьями»; 5) ‘верхняя часть укладки сена, соломы или снопов»; 6) ‘поверхностный слой земли»; 7) ‘о засоленных грибах «вершина-то горька»»; *вершинина* ‘гора, возвышенность»; *вершинка* ‘возвышенность, холм’ (АОС 3: 143–147); 8) ‘высокий человек»; ‘прозвище человека высокого роста’ (СГРС 2: 77; ЯОС 3: 6); 9) ‘концы волос»; ‘верхняя часть, верхний конец чего-н. «шерсть, вершинки (конечки) завертываются»; ‘конец веревки’ (СГРС 2: 77; СРГНП 1: 63–64; СПГ 1: 10) ‘темя»; ‘маковка’, ‘самое высокое место на голове’ (ЯОС 3: 7; НОС 1: 118). *Вершинина* или *верховинка* — в значении ‘возвышенность горы, холма’ (АОС 3: 144; Ганцовская 2015: 47); *верховочка* ‘вершина дерева’ (Ганцовская 2015: 47) отмечена в двух словарях.

В КЛАРНГ в севернорусских говорах *вершина* зафиксирована как в значениях, отмеченных в программе ЛАРНГ, так и в общенародных значениях *вершина* ‘возвышенность, гора, холм»; ‘вершина дерева’. *Вершина* встретилась и в значениях: 1) ‘овраг’ (13 карточек), 2) ‘низменное место в лесу’ (5); 3) ‘склон, ложбина...’ (6); ‘русло реки’ (18), ‘глубокое место в реке’ (4). Кроме того, зафиксированы значения: а) ‘конец работы’ «у меня вершина/конец домываю» (п. 53); б) ‘глава семьи, хороший хозяин’ (п. 150). В общенародном значении слово *вершина* отмечено в 118 карточках (59 — в значении ‘вершина дерева»; 59 — в значении ‘вершина горы, холма’).

Диалектные словари (12) среднерусских говоров показали следующее.

Вершина зафиксирована в значениях: 1) ‘возвышенность, возвышенное место»; *вершень* ‘вершина холма, горы’ (ВОС: 20); ‘верхняя часть снопа с колосьями»; ‘крутая гора’

‘самая макушка стога’ (ПОС 3: 108); ‘верх воза сена, соломы’; ‘верхний слой укладки сена или соломы’ (СРГБ 1: 67); 2) ‘овраг’ «Виршынь — эць аврах в лису»; ‘начало оврага’ (СПП 1: 55; Климкова 2006 1: 198; СРГРМ 1: 76; ТСГТО 1: 40); 3) ‘поляна’; 4) ‘низина, поросшая кустарником или лесом’; 5) ‘перен., шутл. очень высокий и худой человек’; 6) **вершёнка** ‘макушка, верхняя часть головы; затылок’; ‘темя’ (СРГРМ 1: 64; СРГБ 1: 67); 7) ‘конец бревна (чаще всего верхний)’; ‘лес на дрова’; 8) ‘ручей’; 9) ‘луг’ «В Пятров день пайдём в вершину, касить нады» (Климкова 2006 1: 198); 10) ‘верхний слой жира на спине животного’ «У барава вершина свёрху снята, а патпузица — с патпузья»; 11) ‘задняя часть саней’ «А ззади саней — хвост, или вяршына»; 12) ‘о коже’ (ПОС 3: 108–109); 13) ‘исток реки’ (СРГБ 1: 67); **вёршень** ‘начало, исток реки, ручья’ (ВОС: 21–22); 14) **вершёнка** ‘крыша, купол’ (у церкви) (СРГРМ 1: 76).

В КЛАРНГ среднерусских говоров **вершина** встретилась во всех значениях, отмеченных в программе ЛАРНГ, в следующем количественном соотношении: ‘овраг’ (48 ед.); ‘низменное место в лесу’ (14 ед.); ‘склон, ложбина...’ (17 ед.); ‘русло реки’ (12 ед.); ‘глубокое место реки’ (5 ед.). В значениях: а) ‘вершина дерева’ и б) ‘вершина горы’ — это слово встречается в 1,5–2 раза чаще, чем в севернорусских говорах, причем ‘вершина горы’ преобладает над значением ‘вершина дерева’ (85:143 ед.).

В значении ‘овраг’ **вершина** встречается в среднерусских говорах встречается в 3 с лишним раза чаще, чем в севернорусских говорах (13:48 ед.).

В диалектных словарях южнорусских говоров **вершина** отмечена в следующих значениях. Это — 1) ‘верховье реки, исток’; ‘верхняя часть пруда; ручей, овражек, начало реки’ (Опыт ОСБ: 53; БТСДК: 73); 2) ‘верхушка дерева’; 3) ‘густой жирный верхний слой скисшего молока; сметана’; 4) вершинок ‘гребень волны’ (БТСДК: 73).

В КЛАРНГ южнорусских говоров получили отражение все значения слова **вершина**, представленные в программе

ЛАРНГ: ‘овраг’ (36 карточек); ‘низменное место в лесу’ (15), ‘склон, ложбина...’ (7); ‘русло реки’ (18); ‘глубокое место реки’ (5). **Вершина** зафиксирована также в значениях: 1) ‘верхний конец дуга’ (701: Орловская обл., Сосковский р-н); 2) ‘низшая точка горы, холма’ (717: Пензенская обл., Шемышейский р-н); 3) ‘голова кого-то’ (832: Воронежская обл., Рамонский р-н); 3) ‘вершина леса’ (885: Воронежская обл., Новохоперский р-н). Не встретились значения 3 и 4, отмеченные в диалектных словарях. В литературном значении ‘вершина дерева’ зафиксирована 31 раз, ‘вершина горы’ — 118.

Итак, в современных говорах встретились все значения слова **вершина**, обозначенные в программе ЛАРНГ, но в разных соотношениях. Так, ‘овраг’ редок в севернорусских говорах, но многочисленен в среднерусских (48 ед.) и южнорусских говорах (36 ед.); ‘низменное место в лесу’ чаще встречается в среднерусских и южнорусских говорах, нежели в севернорусских (14:15:6 ед.); ‘склон, ложбина...’ чаще используется в среднерусских говорах, реже — в севернорусских и южнорусских (17:6:7 ед.); ‘русло реки’ (18:12:18 ед.) и ‘глубокое место реки’ (4:5:5 ед.) отмечены в относительно равной степени во всех говорах.

Зато встретились значения слова **вершина**, не получившие отражения в диалектных словарях: 1) ‘глава семьи, хороший хозяин’; 2) ‘конец работы’; 3) ‘вершина славы, достижений’ (перен.); 4) ‘покачивать на волнах’.

Интересно, что **вершина** в говорах имеет значение не только верхней точки, самого высокого места чего-либо ‘вершина горы, холма, дерева’, но и нижней точки: ‘овраг’, ‘низменное место’, ‘ложбина’, ‘самое глубокое место в реке’ (омут), а также ‘край чего-то (конец)’: ‘березовые прутья на венике’, ‘концы волос’, ‘конец работы’. Имеется и значение верхней части чего-либо, поверхности: ‘поверхностный слой земли’, ‘кожура, верхний жир животного’; высоты: ‘вершина волны’.

Особый интерес в описании значений **вершина** представляют оппозиции: ‘вершина горы, холма’ (всех) и ‘вершина оврага’, ‘низменное место’ (низ), относящиеся к ландшафт-

ной лексике.

Так, Н. В. Бурко, анализируя значения диалектных слов, называющих 'овраг' и 'возвышенность' в орловских говорах, обращает внимание на то, что *вершиной* жители Орловщины называют как 'возвышенное место (горы, холма)', так и 'овраг', 'низменное место'. При этом под *вершиной* чаще понимается какая-н. часть: начало или конец оврага, реже — его глубина, т. к. для ее наименования есть другие слова: 'круча', 'яруга', 'бочаг' и т. д. [Бурко 1998: 116–120; 2008: 193–199; 2013: 84–90].

В словарях севернорусских, среднерусских и южнорусских говоров *вершиной* называется 'начало оврага' или 'овраг'. То же самое отмечено и в материалах КЛАРНГ. Во всех говорах — это 'овраг', 'начало оврага, лога', реже — 'конец лога' (49: Кировская обл., Лузский р-н «Где лог кончился — это вершина»; 310: Респ. Удмуртия, Киясовский р-н «Да где лог кончается, еще вершиной называют»; 393: Нижегород. обл, Богородский р-н «Где кончается овраг — вершина»; 937: Волгоград. обл., Камышинский р-н 'конец оврага'). Единичны случаи, где *вершиной* называют глубину оврага: 'крутая вершина', 'глубокий овраг' (465: Калужская обл., Малоярославский р-н), 'вершина узкая и глубокая, овраг' (477: Нижегородская обл., Дивеевский р-н), 'глубокая длинная впадина на поверхности земли — овраг' (703: Орловская обл., Орловский р-н), 'край, верх оврага' (845а: Курская обл., Коньшовский р-н; 871: Воронежская обл., Грибановский р-н), 'пологий склон оврага' (886: Воронежская обл., Поворинский р-н).

Слово *верх*, от которого происходит вершина, в говорах (материалы КЛАРНГ) тоже имеет значение 'начало оврага': в среднерусских и южнорусских говорах слово «верх обозначает и 'овраг', и 'начало оврага'», и 'верхний край оврага' [Глебова 2022: 105–106].

Вершина в значении 'низменное место, поросшее лесом, низина' так же, как и 'овраг', входит в оппозицию 'низменное место — возвышенное место', характеризующее отрицательные формы рельефа по Н. В. Бурко [Бурко 2012: 260–264].

Вершина — низменное место (в КЛАРНГ) — это: а) 'место у начала реки' (207: Респ. Удмуртия, Игринский р-н), 'место у начала пруда': «На этой-то вершине у пруда я была» (206: Респ. Удмуртия, Красногорский р-н); б) 'овраг, который переходит в низину между холмами'; «на дне обычно бывает болото, возможно небольшой водоем» (905: Белгородская обл., Красногвардейский р-н), в) низменное место, где 'пасут скот' (853: Воронежская обл., Лискинский р-н), 'косят траву' «все скошил в кривой вершине» (870: Воронежская обл., Аннинский р-н) и др. Низменное место нередко сложно отграничить от оврага (ср. 905). Поэтому *вершиной* в этом случае может называться как все низменное место, покрытое лесом, на месте которого мог образоваться овраг, или овраг, перешедший в низменное место, так и часть его: начало или конец этого места.

Таким образом, *вершина* в современных говорах русского языка используется в значениях как самого высокого места в ландшафте местности, так и самого низкого. Ср.: 'вершина горы, холма', 'вершина дерева' и 'вершина оврага', 'овраг', 'низменное место'. При обозначении оврага *вершиной* чаще называют часть оврага, а не целое: 'начало оврага', 'конец оврага', 'край оврага', 'склон оврага' 'глубокая впадина оврага'.

Литература

Бурко Н. В. Названия глубоких оврагов в орловских говорах. // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995 / ред. И. А. Попов. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. С. 116–120.

Бурко Н. В. О некоторых наименованиях возвышенностей в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Наука, 2008. С. 193–199.

Бурко Н. В. О некоторых наименованиях возвышенностей в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 84–90.

Бурко Н. В. О номинации географических объектов в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012 / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 260–264.

Глебова О. В. Материалы для семантической карты «верх» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2022 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 103–113.

The Word *Veršina* in the Russian Dialects and its Meanings ‘Ravine’ and ‘Low-Lying Place’

Nadezhda W. Shevchenko
ILS RAS, St. Petersburg,
speranza249@mail.ru

The article deals with the meanings of the word *veršina* in the Russian folk dialects recorded in the LARFD for the last 3–4 decades. It describes the origin of the word *veršina*, its meanings recorded in the most acknowledged dictionaries (BAD, DRFD, etc.), analyzes both the commonly used meanings of the word *veršina* and the little known and even sporadic ones in Russian dialects. The central attention is paid to the word *veršina* found in the dialects with the following meanings: ‘ravine’ and ‘low-lying place’, referring to the landscape or terrain. We also explain the relationship between the opposite meanings of the word *veršina* such as ‘mountain top’, ‘tree top’ and ‘ravine’, ‘low-lying place’.

Key words: linguistic geography, dialectology, dialect semantics, Russian dialects.

References

Burko N. V. Nazvaniya glubokih ovragov v orlovskih govoraх [Names of the deep ravines in the dialects of the Oryol region]. Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya). \. SPb: ILS RAS, 1998. Pp. 116–121.

Burko N. V. O nekotoryh naimenovaniyah vozvyshennostej v orlovskih govoraх [On some names of the uplands in the dialects of the Oryol region]. Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy

i issledovaniya): ILS RAS, 2008. Pp. 192–198.

Burko N. V. O nominacii geograficheskikh ob’ektov v orlovskih govoraх [On the nomination of geographical objects in the dialects of the Oryol region]. Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya). SPb: ILS RAS, 2012. Pp. 260–264.

Burko N. V. O nekotoryh naimenovaniyah vozvyshennostej v orlovskih govoraх [On some names of uplands in the dialects of the Oryol region]. Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya). SPb: ILS RAS, 2013. Pp. 84–91.

Glebova O. V. Materialy dlya semanticheskoy karty ‘Verh’ [Materials for the semantic map ‘Top’]. Leksicheskiy atlas russkikh narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya). SPb: ILS RAS, 2022. p. 103–113.

Список сокращений

Авдеева 2008 – Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. Воронеж, 2008–2012.

Акчим. сл. – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): в 6 вып. / под ред. Ф. Л. Скитовой. Пермь, 1984–2011.

Аникин – Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–15. М.; СПб.; Новосибирск, 2007–2021.

Анненков 1878 – Анненков Н. И. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. Новое, испр., пополненное и расшир. изд. СПб., 1878.

АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецово-вой, Е. А. Нефедовой. Вып. 1–22. М., 1980–2021.

Арьянова – Арьянова В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1–3. Томск, 2006–2008.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов [и др.]. М.; Л., 1950–1965.

БАС-2 – Словарь современного русского литературного языка. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. Т. 1–6. М., 1991–1994.

БАС-3 – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–27. М.; СПб., 2004–2021.

БД АОС – Электронная база данных «Архангельского областного словаря». Кабинет «Архангельского областного словаря» кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

БРЭ – Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://old.bigenc.ru/biology/text/1969337> (дата обращения: 28.06.2023).

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества / редкол.: В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова, Б. Н. Проценко, О. К. Сердюкова. М., 2003.

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред.

С. А. Кузнецов. СПб., 1998. (и другие стереотипные издания). 2000.

Бурнашев – Бурнашев В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного: в 2 т. СПб., 1843–1844.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. М., 2006.

БЭБ – Ринекер Ф., Майер Г. Библийская энциклопедия Брокгауза. М., 1999.

Васнецов 1907 – Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.

ВОС – Владимирский областной словарь: лексика природы / Р. С. Канунова, Е. М. Матсапаева, К. В. Епифанова. Владимир, 2012.

Ганцовская 2015 – Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома; М., 2015.

Громов 1992 – Громов А. В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учебн. пособие. Ярославль, 1992.

Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1863–1866 (1-е изд. и другие фототипические издания).

Даль, 2-е изд. – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Второе издание, исправленное и значительно умноженное по рукописи автора: в 4 т. М.; СПб., 1880–1882.

Даль, 3-е изд. – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. 3-е изд., испр. и знач. доп. СПб.; М., 1903–1909 (и др.)

Даль, 6-е изд. – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.

Даль, 7-е изд. – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1978–1980.

ДАРЯ 1986 – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Фонетика / под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986.

ДАРЯ 1989 – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. 2. Морфология / под ред. С. В. Бромлей. М., 1989.

ДАРЯ 1997 – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Карты. Вып. 3. Ч. 1. Лексика / под ред. О. Н. Мораховской. Минск, 1997.

ДАРЯ 2004 – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Карты. Вып. 3. Ч. 2. Синтаксис. Лексика / отв. ред. О. Н. Мораховская. М., 2004.

Деулино – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.

Дилакторский – Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2006.

Добровольский 1914 – Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Доп. Опыт – Дополнение к Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1858.

Дуров 1929 – Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Соловки, 1929.

Дуров 2011 – Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011.

КАОС – Картотека Архангельского областного словаря. Кафедра русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

КЛАРНГ – Картотека Лексического атласа русских народных говоров. Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.

Климкова 2006 – Климкова Л. А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское между-речье): в 3 ч. Арзамас, 2006.

Клыков 1968 – Клыков А. А. Краткий словарь рыбацких слов. Изд. 2-е. М., 1968.

Коновалова 2000 – Коновалова Н. И. Словарь народных назва-

ний растений Урала. Екатеринбург, 2000.

Копылова 1984 – Копылова Э. В. Ловецкое слово: Словарь рыбаков Волго-Каспия. Волгоград, 1984.

КТГ – Картотека тверских говоров. Кафедра русского языка Тверского государственного университета.

КСГРС – Картотека Словаря говоров Русского Севера. Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета.

КСРГК – Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей. Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.

КСРГСПК – Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края. Кафедра теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров. Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.

Кузнецов 1915 – Кузнецов И. Д. Рыболовственный словарь Псковского водоема. По материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912–1913 г. Пг., 1915.

Куликовский 1898 – Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

КЭСКЯ – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. (2-е изд. Сыктывкар, 1999).

КЭСРЯ – Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова. М., 1971. (2-е изд. М., 1975).

ЛАВЯ – Зайцева Н. Г., Мызников С. А., Муллонен И. И., Жукова О. Ю., Бродский И. В. Лингвистический атлас вепского языка. / под общ. ред. Н. Г. Зайцевой. СПб., 2019.

ЛАРНГ. Проект 1994 – Лексический атлас русских народных говоров. Проект / отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.

ЛАРНГ 2004 – Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск / отв. ред. И. А. Попов, Т. И. Вендина. СПб., 2004.

- ЛАРНГ 2017 – Лексический атлас русских народных говоров: Т. 1. Растительный мир / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб., 2017.
- ЛАРНГ 2022 – Лексический атлас русских народных говоров: Т. 2. Животный мир / отв. ред. Т. И. Вендина. М.: СПб., 2022.
- Лаучюте – Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
- Линдберг, Герд – Линдберг Г. У., Герд А. С. Словарь названий пресноводных рыб СССР на языках народов СССР и европейских стран. Л., 1972.
- Малеча – Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург, 2002–2003.
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1960. (2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984). (и другие стереотипные издания).
- МДС – Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья: [в 2 т.] / под ред. О. И. Блиновой. Томск, 1982–1983.
- Михайлова 2013 – Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М., 2013.
- МКРСС – Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебrenникова, А. П. Феоктистова, О. Н. Полякова. М., 1998.
- Моисеев 2010 – Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург, 2010.
- Мокиенко, Никитина, Николаева 2010 – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. М., 2010.
- Мосеев 2005 – Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.
- МСФУСЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1 (А–И) / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2004.
- Мурзаев 1984 – Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Мызников 2003 – Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб., 2003.
- Мызников 2019 – Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб., 2019.

- логический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб., 2019.
- Мызников 2021 – Мызников С. А. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия. М.; СПб., 2021.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – Электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru>.
- Нордстет – Российский с немецким и французским переводами словарь, соч. Иваном Нордстетом: в 2 ч. СПб., 1780–1782.
- НОС – Новгородский областной словарь: в 13 вып. / отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–2000.
- НОС 2010 – Новгородский областной словарь / изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; [авт.-сост. А. В. Клевцова и др.; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова]. СПб., 2010.
- Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук / [ред. А. Х. Востоков]. СПб., 1852.
- Опыт ОСБ – Опыт областного словаря Белгородчины. Дифференциально-сопоставительный словарь: 3 700 слов / С. А. Кошарная, А. С. Алейник, А. И. Медведева; под общ. ред. С. А. Кошарной. Белгород, 2017.
- ОСВГ – Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии: в 12 вып. / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров, 1996–2018.
- ОСВГ, 2-е изд. - Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. 2-е изд., испр. и доп. Киров, 2012–2018.
- Петровский 1966 - Петровский Н. А. Словарь русских личных имен: более 3000 единиц. М., 1966.
- Петроченко 1994 – Петроченко В. И. Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья. Красноярск, 1994.
- ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях).
- Подвысоцкий 1885 – Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Полякова 2007 – Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.

Пономарев 1996 – Пономарев Ф. А. Профессиональная лексика рыболовства. Словарь. Архангельск, 1996.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / ред. А. И. Лебедева, О. С. Мжельская, С. М. Глускина, Л. А. Ивашко, А. И. Корнев, И. С. Лутовинова и др. Вып. 1–28. Л./СПб., 1967–2020.

Программа ЛАРНГ – Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2 ч. / отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.

Проект СРНГ – Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л.: АН СССР, 1961.

Прокошева 2002 – Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.

ПСДЯЛ – Полный словарь диалектной языковой личности: в 4 т. / под ред. Е. В. Иванцовой. Томск, 2006–2012.

Псковский лён – Псковский лён в диалектной речи, фольклоре и образцах традиционного ткачества: иллюстрированный словарь с комментариями / авт.-сост. Н. В. Большакова. Псков, 2022.

Радлов – Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4 т. СПб., 1899–1911.

РСП – Рыболовный словарь Прикамья / сост. М. А. Бакланов [и др.]; науч. ред. И. А. Подюков. СПб., 2013.

РТС – Русско-татарский словарь / сост. Ф. А. Ганиев, Ф. Ф. Гаффарова; под ред. Ф. А. Ганиева. Изд. 4-е, испр. Казань, 2014. КМ

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

СВЯ – Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

СГП – Войтенко А. Ф. Словарь говоров Подмосковья. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1995.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / гл. ред. А. К. Матвеев (Т. 1–5); гл. ред. М. Э. Рут (Т. 6–7). Т. 1–7. Екатеринбург, 2001–2018.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. М., 1995–2013.

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области / сост. Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. Волгоград. Вып. 1–6. 2006–2009.

СДГВО, 2-е изд. – Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина, В. И. Супрун; под ред. Р. И. Кудряшовой. 2-е изд., перераб. и доп. Волгоград, 2011.

Селигер – Селигер: материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–8 / гл. ред. А. С. Герд. СПб.; Тверь, 2003–2020.

Симина – Словарная картотека пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ (ныне в составе КСРНГ в Институте лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).

СКЯМ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

СКЯП – Словарь карельского языка (тверские говоры) / сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

Слов. Акад. 1789–1794 – Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб., 1789–1794.

Слов. Акад. 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. I–IV. СПб., 1847 (Репр. изд.: в 2 кн. СПб, 2001).

Слов. Акад. 1891–1930 – Словарь русского языка, сост. Вторым отд. Императорской Акад. наук. СПб.; Пг.; Л., 1891–1930.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелёв, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. Вып. 1–30. М., 1975–2015.

СМ – Славянская мифология: энциклопедический словарь: А–Я / [редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.) и др.]. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: 2011.

СНРРА – Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: в 3 т / сост. Е. Е. Котцова [и др.]. Архангельск, 2014– .

СОГ – Словарь орловских говоров / под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 5–17. Орёл, 1992–2016.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 т. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.

СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии: в 4 т. / под ред.

З. П. Здобновой. Уфа, 1997–2005. (переизд. Уфа, 2008).

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2004.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2006.

СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.

СРГО – Словарь русских говоров Одесщины. Т. 1–2. Одесса, 2000–2001.

СРГП – Словарь русских говоров Приамурья / отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1983. (2-е изд., испр. и доп. Благовещенск, 2007).

СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / под ред. Р. В. Семенковой. Вып. 1–8. Саранск, 1978–2006.

СРГСиб – Словарь русских говоров Сибири: в 5 т., 6 кн. / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск, 1999–2006.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова. Вып. 1. Пермь, 2011.

СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 вып. / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2010–2012.

Срезневский – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. СПб., 1893–1912. (переизд. М., 1958).

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–52. М.; Л./ СПб., 1965–2021.

СРСГЯ – Дружинина М. Ф. Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии: в 4 т. Якутск, 1997–2007.

СРФ – Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.

ССГ – Словарь смоленских говоров: в 11 вып. / под ред. А. И. Ивановой, Е. Н. Борисовой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.

ССГКН – Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / авт.-сост. В. М. Грязнова, Э. А. Черкашина, И. В. Желябова и др.: отв. ред. В. М. Гряз-

нова. Ставрополь, 2012.

ССЗФЯ – Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. 1904. № 4. С. 1–72.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева; под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.

Ставшина 2008 – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. СПб., 2008.

СТГ – Словарь тульских говоров. Ч. 1–4 / Д. А. Романов, Н. А. Красовская. Тула, 2015–2022.

СТГДМК – Пискунова С. В., Махрачева Т. В., Губарева В. В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура). Тамбов, 2002.

СЧГ – Словарь чердынских говоров (Чердынский словарь) / гл. ред. И. И. Русинова. Пермь. Вып. 1 (рукопись).

ТСВ – Тематический словарь вятских говоров / отв. ред. З. В. Сметанина. Киров, 2013.

ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области: в 5 вып. / гл. ред. Т. В. Кириллова. Тверь, 2003–2006.

ТСИС – Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: около 25 000 слов и словосочетаний. М., 2006.

Усачева 1973 – Усачева В. В. Материалы для словаря славянских названий рыб. I // Этимология. 1971. М., 1973. С. 115–182.

Усачева 1975 – Усачева В. В. Материалы для словаря славянских названий рыб. II // Этимология. 1973. М., 1975. С. 65–94.

Усачева 1976 – Усачева В. В. Материалы для словаря славянских названий рыб. III // Этимология. 1974. М., 1976. С. 81–116.

Усачева 2003 – Усачева В. В. Славянская ихтиологическая терминология. Принципы и способы номинации. Обратный словарь. М., 2003.

Ушаков – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / перевод с нем. и предисловие О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973. (и другие стереотипные издания).

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / сост. А. И. Федоров. Новосибирск, 1995.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.

Черных – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1993. (и другие стереотипные издания).

ЧССРЯ – Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка на материалах Национального корпуса русского языка М., 2009; То же: [электрон. версия: Новый частотный словарь русской лексики] // Словари, созданные на основе Национального корпуса русского языка: [сайт]. М., [2008–2011]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.

Шапошников 2010 – Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 2010.

Шведова 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: (82 000 слов и фразеологических выражений) / [Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин]; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007 (и другие издания).

ЭРС – Эрзянско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. М., 1993.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / рэд. В. У. Мартынаў, Г. А. Цыхун. Т. 1–13. Мн., 1978–2010.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), А. Ф. Журавлева (вып. 32–39), А. Ф. Журавлева и Ж. Ж. Варбот (вып. 40), Ж. Ж. Варбот (вып. 41–42). Вып. 1–42. М., 1974–2021.

ЭЛХ – Энциклопедия лесного хозяйства: в 2 т. / [редкол.: С. А. Родин (гл. ред.) и др.]. Изд. испр. и доп. М, 2006.

ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 т. / под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

Itkonen 1958 – Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Wörterbuch des Kolta- und Kolalappischen. O. I–II. Helsinki, 1958. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XV).

Kalima – Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915.

SKES – Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII).

SSAP – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3 / Päätoim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.

Указатель лексики

В указателе представлены только те слова, которые в текстах статей приведены в начальной форме, т. е. существительные в им. п., глаголы в инфинитиве и т. д. Словосочетания приводятся по алфавиту первого компонента.

(А. С. Герд, 2015)

В отдельных случаях косвенные формы возведены к начальным, а слова в фонетической записи приведены к орфографической норме. Акцентологические варианты, а также варианты написания с прописной и строчной буквы не дифференцированы.

(Р. В. Гайдамашко, Д. М. Усова, 2020)

Абра́мов о́мут 419	а́рбиш 293	бабу́ра 288
Адам 257, 258, 259, 269	Арга́ш 293	бабу́рка 288
Адам-Адамом 260	арги́ш 293	ба́бушка 11
Адамова борода 260	Аргиш 292, 293	ба́бьи шары 242
Адамова вилка 260	а́ргыш 292, 293	Ба́бьи я́мки 425
Адамова голо- ва 259, 260	аржавец 340	багно́ 24, 111
Адамова ложка 260	Аринка 423	баго́нник 24
Адамова пола 260	А́рка 293	баго́рник 24
Адамовы слёзы 260	артáчина 156	багу́л 24
Адамом сидеть (лежать 260	артельный 154	багу́ла 24
Адамщина 259	Артёмьев о́мут 420	багу́льник 24
азу́рчик 155	аст 327, 341	багу́н 24
активность 400	а́шные шары́ 242	багу́нник 24
Алехинская горка 319	ба́ба 230, 288	бадо́г 75
Анти́пка 423	ба́ба-рыба 288	баёра 140, 141
Ар 293	бабий 423	баера́ка 140
	Ба́бий о́мут 421	баераковый 141
	Ба́бий яр 426	баера́ковый 140
	ба́бка 70	баёры́й 140, 141
		базáрник 154

ба́йна 71	безво́дица 100	бе́лька 283
бакáлда 20	Бездóнка 423	бельца́ 283
баклешка 284	бездóнница 22	белю́га 283
бакло́к 154	безлеси́ца 98, 105, 112	беля́ва 283
бакло́ха 284	безлесы́й 98	беля́к 191, 195, 196
бакля́ 284	безлесье 98, 112	беля́сина 283
бакча́га 20	безопасность 400	беля́шка 283
балабо́н 154	белáха 20	берда́ 288
балабо́ха 154	белáшка 282	бе́рдо 122
балаку́чий 154	белашки́ 197	Бердя́ник 288
ба́лмас 20	белáшки 191	берег 167
ба́лмаш 156, 157	бе́лая 200	бережи́на 96, 109
Ба́нька 424	бе́лая земля 191	бесёда 71
барабо́ха 154	белева́я 200	бесёда 71
барабо́шка 154	белева́я земля 191	беспло́дная 199
барабу́ля 154	белеви́на 20	беспло́дная земля 188
барача́га 20	белево́й 283	беспло́дная смо- ковница 142
баргату́нья 154	белево́й су́щик 283	бессо́вестник 154
ба́рда 190, 195, 196	белесь 283	бесёдка 124
барла́к 20	бели́к 197	би́ль 20, 98
басило́ 157	бели́к 197	би́ля 20
басклéйка 284	бели́к 191	бирь 100
баско́й 71	Белогла́за 426	би́ть шары́
баску́ха 285	Белогла́зова	кому-л. 238
батог 75	о́города 426	благáя 199
батог 74	белодёр 191, 195, 196	благáя земля 188
Батог 75	белто́к 191, 197	блэ́стки 22
бахалди́на 414, 415	белуни́ще 98, 191, 197	богáтая 199
бахалдина 414, 415	белу́ха 191, 197	Божья борода (бородка) 268
бахво́стка 155	белу́шка 197	божья земля 205
башкле́йка 285	белы́зма 283	бой 100, 103
башклея́ 285	бель 20, 98, 112, 283	Бокоу́ша 423
башкля́ 285	бельё 283	болва́н 110
бе́дная 199		
бе́дная земля 189		
бе́дность 397, 399		

болезнь 400, 406
 болодёр 191, 196
 болонь 106
 болотвина 111
 болотина 191, 197
 болотина 19, 20, 111
 болотиха 20
 болотица 20
 болотичко 20
 болотник 20
 Болотный серый
 кулик 212
 болото 19, 22, 167
 болото 20, 111
 болотовик 20
 болотце 19
 болотчино 20
 болотыш 20
 болтовня 154
 болтучий 154
 болтушный 154
 боль 397, 400
 Большая серая
 сова 212
 больше шар 241
 Большой омут 416
 Большой серый
 дрозд 212
 бор 112
 Борисовский
 омут 420
 боровина 98, 103,
 113, 190, 195, 196
 борovina 113
 боровинка 113
 боровинка 113
 боровище 197
 боровище; буза 190
 боровок 390
 боровуха 7, 8, 10
 боровушка 7, 8
 борода 193, 195, 197
 борода Флорам-
 Лаврам 268
 бородня 20
 боронуха 154
 борочага 20
 борочажник 20
 Ботвинская казар-
 ма 321, 323
 Бохалдина 426
 бочаг 92
 бочаг 102, 327,
 335, 336, 414, 415
 бочага 102
 бочажок 414, 415
 Брагин верх 319
 Брагин омут 421
 Брагинский
 омут 421
 браники 122
 бранина 122
 браное 122
 браные кросна 122
 брань 122
 брат (выби-
 рать, наводить)
 узоры 122
 брат на шары,
 на пальцы 231
 бредень 288
 бредник 288
 бредничок 110
 брехало 154
 брехливый 154
 бречина 20
 брод 97, 100
 бронь 397
 бросовая 201
 бросовая земля 192
 брошь 397
 бубешок 23
 бубешочек 23
 бугор 168
 бугорок 168
 бугривиха 381
 буза 106, 195, 198
 буй 92, 100
 бук 103, 106
 бука 7, 10
 буклѐ 20, 104
 буклина 104
 букло 20
 букловина 104
 букля 20, 95,
 100, 104
 букля 20, 95, 100
 буковина 20
 буковинка 20
 буковинка 20
 буковинка 20
 булдырь 23
 Бульки 233
 бурда 22, 195, 198
 бурдомага 22
 буркалки 233, 244
 буркалы 233
 бурун 100

бурунок 100
 бухара 198
 бухара 198
 бухара 190, 195
 бухвостка 155
 бухвостник 155
 буч 104
 буча 104
 бучаг 414
 бучало 104
 бучило 104, 414, 415
 бучило 104, 414, 415
 буян 318
 Буяновка 318, 323
 бырка 100
 бырь 100
 бистер 100, 103
 бистерь 100, 103
 бистерье 103
 бистредь 96, 100
 бистрень 96, 100
 бистрень 96, 97, 100
 бистреть 96, 100
 бистрина 96, 100
 бистрина 96, 97, 100
 бистрина 96, 100
 бистриница 96, 100
 бистринка 100
 бистрица 96, 100
 бистрота 96, 100
 бистроток 100
 биструйка 100
 бистрь 100
 бистряк 96, 100
 бистрянка 96, 100
 быстрая 96, 100
 бычаг 414
 вага 104
 вагмаз 20
 вагмазина 20
 вагмас 20
 вагмус 20
 вада 20
 вадега 22, 95
 вадига 95
 вадинка 22
 вадкий 112
 Ванда 287
 Вандыш 287
 Варваркин омут 419
 vareжки 75
 Васильевский
 омут 419
 Васюхин омут 419
 васюшок 294
 вахканец 20
 вахканик 20
 вачега 20
 вашкал 294
 Вашкал 294
 Вашкалок 294
 Вашкальѐ 294
 Вашкальѐ 294
 вашкол 294
 Вашкол 294
 Вашколлок 294
 вашкольнаца 294
 Вашкольнаца 294
 В гостях — Илья,
 а дома — свинья 268
 ведренная погода 173
 ведро 173
 векошки 123
 вельга 20, 98
 вербочка 136,
 140, 141
 вербочка 135
 веретно 122
 вереть 98
 вертеть шарами 236
 Вертеть шарами 236
 вертоголовик 23
 Вертячий омут 417
 верх 346, 351, 352,
 431, 432, 436
 верха 346, 351, 352
 верхи 346, 351, 352
 верхи 352
 верхина 346, 352
 Верхний омут 416
 верховина 169,
 346, 352
 верховина 346, 352
 верховинка 433
 верховица 346, 352
 верховище 346, 352
 верховка 286
 верховня 346, 352
 верховодка 286
 верховодье 346
 верховочка 433
 верховушка 286
 верховье 346,
 351, 352
 верхоплавка 286

верхорече́е 346, 352
 верхота́ 346, 352
 верхоти́на 346, 352
 верхоти́на 346, 352
 верху́шка 346,
 347, 352
 вершень 433
 верше́нь 352
 ве́ршень 346,
 352, 434
 ве́ршеньга 346
 вершина 432, 433
 верши́на 346, 351,
 352, 431, 435, 437
 Верши́на 435, 436
 верши́нина 433
 верши́нка 346,
 352, 433, 434
 вершкí 346, 352
 вершнега́ 346
 вершне́га 352
 ве́ршье 346
 ве́черка 124
 вешка́рь 294
 вещь 400
 взно́р 327, 334, 336
 В Ильи́нов день
 белого коня в поле
 не видно 264
 ви́р 103, 106
 вири́на 106
 ви́ро́к 103
 вла́сть 398, 399,
 400, 401, 402, 404
 В лю́дях Илья́, [а]
 дома — сви́нья 268
 во́деной 112
 Водока́чечный
 о́мут 422
 водомо́ина 109
 водопо́й 20
 водорези́на 195, 198
 водоро́й 327, 333
 водото́к 327,
 330, 331
 водото́чь 105
 водото́к 104
 водото́пина 111
 возмо́жность
 400, 404
 Вознесе́нское
 поле, 320
 волоса́тка 7, 8
 Волосу́ борода 268
 Волчи́ха 424
 во́льник 156
 во́льница 156
 Ворси́нский
 о́мут 420
 воспаре́ние 178
 Во́тчишный
 о́мут 420
 впа́д 348, 351, 352
 впаде́ние 348
 впа́дина 109,
 348, 414
 вражо́к 109
 все шары выреветь
 по кому-л 238
 все шары вытря-
 сти 238

все шары поте-
 рять 238
 вспо́лье 387
 Вто́рой о́мут 416
 ву́стье 348
 ву́сье 348
 в ша́рах кто-л.
 сто́ит 242
 в ша́ры кому-л. 241
 вы́вершек 346, 352
 вы́вершки 346
 выворотить ша́ры
 на кого-л. 236
 вы́гон 114
 вы́золенная 200
 вы́золенная зем-
 ля 190, 192
 вы́йный 157
 вы́катить 235
 вы́катить ша́ры 239
 выкру́гивать ша́ры
 на кого-л. 236
 вы́леток 157
 вы́лупить 235
 вы́лупить ша́ры
 235, 239
 вы́лупить ша́ры
 на кого-л. 236
 вы́моек 109
 вы́моина 96, 109
 вы́мойка 109
 выно́сная 199
 выно́сная земля 184
 вы́пад 346, 351
 вы́падка 100
 вы́падок 346

вы́пуск 382
 вы́пучить 235
 вы́пучить шары 235
 вы́пучить ша́ры 239
 выпучить ша́ры на
 кого-, что-л. 235
 выпучить шары,
 хоть коли 235
 вы́пятить 235
 вы́пятить шары 235
 вы́свистать
 шары 235
 вы́скирь 414, 415
 вы́ставить
 ша́ры 235
 вы́таращить 235
 вы́ток 346, 352
 вы́тощенная 200
 вытяжи́на 109
 вы́ход 348, 349
 Выхо́дной о́мут 417
 вычу́ра 20
 вы́яха 157
 выю́н 99, 104
 вя́жущий 112
 вяз 112
 вязе́листый 112
 вя́зель 22
 вязе́нки 76
 вяза́на 112
 вя́зкий 112
 вязко́й 112
 вя́зливый 112
 вязо́тина 112
 вязу́тый 112
 вязу́чий 112
 вя́зучий 112
 вя́зучо́к 22
 Вя́зы 425
 вяза́нки 75
 во́тра 120
 гадость 398
 га́лечник 102
 га́льш 100
 галь 98
 Га́ранин о́мут 420
 гармонь 398, 399
 Га́рни 322
 га́рный 157, 158
 гверста́ 70
 гво́здик 283
 гво́здики 283
 гвоздь 283
 гйблы́й 112
 глава́ 346, 347
 глади́на 98, 112
 гладь 98, 112
 гладбо́ха 98, 112
 гла́з 23
 глаза́ 233
 глаза́виные 110
 глаза́напы 233, 244
 гла́зик 23
 глази́на 110
 глази́на 23, 110
 гла́зина 110
 гла́зник 110
 гла́зник 110
 гла́зница 23
 глаза́вина 23, 110
 глаза́вник 23
 глаза́вья 110
 глазо́к 110
 глей 100
 глейка 100
 глея 100
 гли́на 98
 глине́витая 200
 глине́витая
 земля 190
 гли́нистая 190, 200
 глинка 100
 Гли́нки 423
 гли́нник 100
 гли́нница 100
 глиня́ка 100
 Гло́бка 74
 глۇ́ба 113
 глۇ́бина 113
 глۇ́бинка 113
 глۇ́бица 113
 глۇ́бище 113
 глۇ́бник 113
 глۇ́бница 113
 глۇ́бница 113
 Глыбо́кий о́мут 416
 глы́бь 414, 415
 гляде́лки 233, 244
 Гляде́лы про-
 дава́ть 240
 гмы́ра 157, 158
 гмыра́стый 157, 158
 гмы́ря 157, 158
 гмыря́стый 157, 158
 гна́ть в угон 230
 гне́т 73
 гнила 100

гни́листая 200
 гни́листая зем-
 ля 190
 гнилка 100
 гни́лка 106
 гнилóй 112
 гниль 100
 гнильё 100, 197
 гóбец 37
 говорíла 154
 говорíстый 154
 говорíтель 154
 говорóха 154
 гóлая 188, 199
 голбéц 37
 гóлбец 39
 гóлбец 36, 38, 42
 гóлбечный 38
 голбечóк 38
 гóлбешный 38
 гóлбик 38
 гóлбика 38
 гóлбичек 38
 гóлбчик 37, 38
 голéник 98, 112, 113
 голéц 189, 198
 голея́ 98, 113
 голея́ 98, 113
 голи́на 98, 113
 голи́на 98, 112, 113
 голи́цы 71
 голова́ 23, 110,
 346, 347, 351
 головáнчик 23
 голова́стик 23
 голова́к 23

голови́то 110,
 346, 347, 352
 голова́ца 110,
 347, 352
 головище 92
 голова́ще 110,
 346, 347, 352
 голова́к 346, 347
 голодная 196
 голо́дная 199
 голодная земля 190
 голо́дная земля 103
 голоднáк 189,
 190, 198
 гóлое 98, 113
 голо́ на голо 33
 голощёчина
 189, 195, 198
 голы́га 189, 198
 голызина 98
 голы́нь 98, 112, 113
 голы́ш 98, 112, 113
 голы́ш 100
 голышóк 189, 198
 голь 98, 112, 113
 гольцы 98, 112, 113
 голя́к 98, 112
 гомоню́ха 154
 гора 92
 горáзно 70
 горбáльчик 23
 горбы́ш 23
 гордéна 157
 гордéха 157
 гордéц 157
 гóрдный 157, 158

гóрдый 157
 горжéт 39, 40
 горжéтка 39, 40
 Гóрло 426
 горлови́на 23
 горóховик 190, 198
 горсть 398
 Горшéчкин
 óмут 426
 Горшíха 423
 Горшóк 426
 град 167
 грамотéй 35
 грамотéйка 35
 Гранёный óмут 416
 гребóк 40, 41
 гремя́к 327, 331, 332
 гремя́ч 327, 331, 332
 Гремя́чий óмут 417
 грива 92
 грíва 100
 Грíшин óмут 419
 Грíшкин óмут 419
 громобой 331
 громобóй 327, 331
 грубо́й 103
 гру́бой 103
 гру́да 73
 грудь 400
 гру́зкий 112
 грязáло 22
 грязенной 112
 грязкий 112
 грязли́вый 112
 грязь 398, 399, 406
 гуля́щая 201

гумённая 199
 гумённая земля 185
 гумённый 389
 гумённый 185
 Гумнищев Лог 320
 гúмос 186, 197
 гúмос 186, 197
 гундóрка 154
 гутáрливый 154
 дава́ть глаза́ (гла́-
 зы, глядéлы 240
 дать по шарáм 238
 дать ша́ра 238
 дверь 398, 399,
 400, 401, 402, 404
 дворíще 383
 дéба 189, 195, 198
 Дéвичий курба́н 426
 Дéвичий óмут 421
 дéвка 11
 девя́та 106
 девя́тка 106
 Дегтявой лес 321
 действитель-
 ность 400
 дéльницы 75
 дерба́ 390
 дерби́на 391
 дербь 391
 дерево 142
 дерни́к 20
 дёрьба 20
 дёрьби 20
 деталь 398, 399, 400
 детей у кого как
 у Ада́ма 260

дея́нки 75
 деятельность 400
 ди́кая 188, 201
 дичь 398
 до́брая 199
 довылупáть
 шары́ 235
 дождíть 175
 дождну́ть 175
 дождь 167
 докóчник 154
 дол 381
 до́лгий 34
 долгоязы́кий 154
 долгоязы́чница 155
 до́лгущий 34
 Должанская 318
 должность 398,
 399, 401, 402
 до́льники 387
 доля́к 381
 Дома — Илья,
 а в людях — сви-
 нья 269
 допросíться 36
 дор 384
 Дорогомиллова
 гора 320
 дорóдная 199
 досáдный 154
 дохóд 348, 349, 352
 дочь 398, 399,
 400, 401, 404,
 405, 406, 407
 дра́нка 155
 дрéбный 112

дрéгва 104, 105, 106
 Дремя́чий óмут 417
 дробля 295
 дрóбля 294
 дрóбуша 294
 дрóбрь 295
 дрябу́чина 22
 дря́га 22
 дрягá 22
 дря́гва 111
 дрягун 22
 дря́зга 112
 дуб 135, 136,
 141, 142
 дуб дуба лучше 141
 Дубки 321
 Дубовка 425
 дуботолк 141
 дуботóлк 135
 дурноплётка 155
 дуруплёт 154
 дух 106
 ды́бкий 105, 112
 дыбко́й 105, 112
 дыбу́н 22
 дыбунíстый
 105, 112
 дыбу́нистый 112
 дыбу́тина 22
 дыбу́чий 105, 112
 дыбучина 22
 дыбу́чка 22
 дыбь 22
 дыровáтка 122
 Дюков сад 317, 323
 Дягилев верх 319

дьянки 75
 Евги́новский
 вы́ход 426
 Егóрьев о́мут 419
 едун 98, 190,
 195, 196
 едунья 190, 197
 Екíмцовский
 о́мут 420
 ела́нь 98
 Елизáрова я́ма 425
 емури́на 415
 ему́рина 414, 415
 ёмурина 415
 ердáн 104
 ёрдан 104, 327, 336
 ердáнь 104
 Ерёмин о́мут 419
 ери́к 104, 346, 352
 ёрик 104, 106,
 346, 351, 352
 ёрка 104
 ёрка 104
 еро́к 104
 жало́бвник 155
 жар 173
 жа́рень 100
 жа́рина 100
 жа́рины 20, 23
 жа́ры 173
 желобóйка 154
 жёлтик 20
 жёлти́к 98, 191, 198
 желти́ха 191
 жёлти́ха 198
 желтя́к 198
 жёлтя́к 98, 191
 Жéнин о́мут 419
 жёнка 11
 жёнщина 11
 жёнщина-лэший 7
 жердь 73
 жерло́ 104, 327, 339
 жёрло 22
 живорóд 184, 197
 жигу́н 327, 332, 333
 жидёля 22
 жиделя́га 22
 жидкий 105, 112
 жидко́й 105, 112
 жизнь 397, 399,
 400, 401, 404, 406
 жи́ла 327, 336, 339
 Жила́я 316, 317
 жили́на 339
 жи́лина 327
 жи́рная 199
 жи́то 70
 жить как библей-
 ский Адам
 в раю 262
 жни́ва 387
 жом 20
 за́берег 96
 за́берега 96, 113
 забере́жина 96
 за́бережка 96
 забережнiк 96
 заберéжник 96
 забéрежник 96
 за́бережник 96
 за́бережня 96

за́бережь 96
 заберéжье 96, 113
 за́бережье 96
 за́брег 96
 забро́шенная 201
 забро́шенная
 земля 192
 завалiть все шары́
 чем-л. 241
 заварíха 70
 заверня́й 157, 158
 завёрт 114
 за́вертель 114
 завертёнь 114
 завёртень 114
 за́вертень 99, 114
 завертíна 114
 завёртыш 114
 завёрть 114
 за́верть 114
 завивание боро-
 ды Илье 268
 Завивать/ завить
 бороду 267
 завивать/ завить
 (завязывать/
 завязать) илье
 бороду 267
 зависимость 400
 зависть 398, 399
 заводёнь 95, 100
 за́водень 95, 100
 заводíна 95
 заво́дина 95
 за́водина 95
 заводня́ 95, 100

за́водня 95, 100
 заводь 92
 заводь 95
 за́водь 95, 346,
 348, 351, 414, 415
 завязистый 112
 завязкий 112
 загибáть 237
 Загибáть глаза́ 236
 загибать (загнуть)
 глаза (шары) 236
 загибáть шары 239
 Загибáть шары́ 237
 Загну́ть шары 237
 Загну́ть шары́ 237
 Загну́ть шары́
 на баню 237
 загородка 383
 за́городка 383
 заго́рье 113
 заго́рьище 113
 за́грязь 22
 задира́ть 237
 задира́ть шары 239
 Задира́ть шары́ 237
 Задня́
 Пятница 320
 задорóбница 388
 зажо́р 171
 зажо́ры 171
 за́ймище 24
 закло́чище 327,
 329, 331, 334
 зако́сок 95
 за́косок 95
 закра́ина 114
 закра́й 114
 закра́йка 391
 закра́йник 114
 закра́йница 114
 закрýть шары́ 234
 заку́тать 74
 за́лежи 192, 198
 залежо́ 192, 198
 за́лежь 390
 За Лёниным до-
 мом о́мут 420
 залéчь 390
 залив 92
 зали́в 109
 за́лив 114
 зали́ва 114
 зали́вина 114
 зали́вье 114
 залóвина 95
 залóг 390
 залóй 95, 102
 Заломiть шары́ 237
 залóя 102
 залúженье 391
 Залупáть 237
 залупiть шары́ 237
 замóристый 112
 за́мороз 114
 за́морози 114
 заморóзка 114
 заморóзник 114
 заморóзок 114
 замочка 111
 западэри́ть 175
 запади́на 22
 за́падь 109
 за́песок 102
 запись 400
 запо́лица 387
 запо́н 403
 за́пон 403
 запо́на 403
 запо́нка 403
 запо́нчик 403
 запонь 398
 за́понь 399, 402
 зарóд 71
 зарóсли 196
 за́росли 189,
 192, 195, 196
 за́росль 192, 196
 за́ростель 109
 зарóсть 196
 зарóстье 196
 за́росье 192
 зарощíна 109
 засóсистый 112
 засу́ха 173
 за́суха 100
 за́суша 100
 За́тихинский
 о́мут 420
 затóпливый 112
 затя́га 22
 затягивающий 112
 затя́жина 95
 затя́жина 95
 захлэ́стье 98,
 189, 195, 196
 захлэ́стье 189, 196
 захлóстье 196
 захо́д 348, 349, 352

захолустье 192, 198
 зачѣн 346, 347, 352
 зачѣнок 346, 347, 352
 зачѣнок 346, 347, 352
 за шары 241
 зашеёк 346, 348, 351, 352
 зашеёк 110
 зашеёка 110
 звяга 154
 звягало 154
 здорный 156, 157
 зеворót 155
 зеленчук 98
 зеленчук 112
 земелька 205
 земляна 184, 188, 196
 зэмлина 196
 земляца 205
 зэмлюшка 205
 земля, которая хорошо родит 202
 землянина 197
 зѣнки 233, 244
 зѣркало 107
 знорина 334
 знóрина 334, 336
 золотая 199
 зóлотец 197
 золотозём 184, 187, 188, 196
 золотозёмистая 200
 зóльница 190, 197
 зряшная 199
 зряшная земля 103
 зубок 122
 зубочѣс 155
 зундѣло 154
 зыббель 22
 зыбкий 112
 зыбник 22
 зыбочный 112
 зыбун 22
 зыбунѣце 22
 зыбуха 22
 иван болóтный 24
 иван кóчкин 24
 игра в шара 230
 игра в шарá 230
 и бабу 230
 играть в шар 230
 и бабу 230
 играть шаром 230
 в угón 230
 игра шар-мазлó 230
 игра шаром 230
 в котле 230
 игра шаром 230
 в угón 230
 игра шаром по ланам 230
 изголóвье 110, 346, 347, 352
 изнорина 334, 336
 Из серых серый 218
 йлистая 190, 200
 Илье борода 268
 Илье на бороду 268

Илье-пророку борода 268
 Ильинский óмут 418
 Ильюха 262
 Ильюша 263
 Ильюшкина борода 268
 Илья 262, 263, 269
 Илья пророк фсе деньки уволок 264
 Илюна 263
 Илюся 263
 Илюха 263
 Илюша 263
 Иля 263
 Иляха 263
 ирѣнка 293
 ирѣнник 293
 исáда 104
 исплорóдная 200
 исплорóдная земля 192
 иссуша 100
 истѣбка 72
 истѣк 346
 истóк 327, 330, 331, 346, 347, 348, 351, 352, 353
 истóчина 327, 346
 источник 328, 329
 истóчник 327, 346, 351, 352
 истóчница 327, 329
 истоцѣнная 200
 истрóга 327, 334, 336

исход 352
 исход 346, 348, 349, 351, 353
 исхудáвшая 200
 исхудáвшая земля 192
 Кавказ 317
 Казаков колодец 320
 Казачьей слободы 318
 Казачья 316
 Казачья слобода 320
 как баерака 141
 как баерáка 140
 как вѣрба 135
 как дерево 141
 как дѣрево (лежáть) 134
 как кому-л. шарáм— то не совестно 242
 как репей в малине 137, 140, 141
 как репей 135
 в малине 135
 кáлега 20
 кáленьга 20
 кáлимán 155
 калина 141
 калинник 141
 кáлиновика 138
 кáлиновки 138
 кáлтуз 20
 калтузѣна 20
 кáлтус 20, 105
 калужина 170
 калѣкала 154
 камѣжник 327, 335, 336
 каменѣстая 190, 200
 Кáменка 424
 Камушек 320
 Камушки 320
 Кáмушник 423
 каплоух 155
 каплух 155
 каравáшек 23
 Кáрзина 72
 кáрзинка 72
 карзóвка 155
 каркóша 154
 Кáрпошнов óмут 421
 кáрта 414, 415
 картóщице 386
 Карьер 319, 323
 Кáтькин óмут 419
 кач 22
 качѣга 73
 качóлина 22
 качóля 22
 Качыгá 73
 Кáшинский óмут 421
 квасцы 340
 квасцы 327, 339
 квашня 22, 23, 71
 кедрá вятская 137
 кѣдра вятская 135
 керѣндус 20, 22
 кипалух 155
 кипун 170
 кипунóк 110
 кипунчик 110, 170
 Кѣскин óмут 422
 кѣслая 200
 кѣслая земля 190
 кѣслуха 20
 кѣсляк 22
 Китóв нáволок 426
 Китóв óмут 426
 кѣчара 21
 кѣчень 157
 кѣчѣга 73
 кладовáя 199
 кладовáя земля 184
 клѣйка 285
 клѣклая 200
 клѣклая земля 190
 клеть 398, 399, 403
 клобук 23
 клобык 23
 ключь 22
 клюговѣна 21
 клѣквенник 23
 ключ 327, 328, 331, 334, 346, 348
 клѣчак 327, 329, 331, 334
 ключáник 327, 331, 334
 клѣчаник 329
 ключевѣна 327, 328, 331, 334
 ключевѣна 327, 328, 331, 334

ключёвина 327, 328, 331, 334
 ключёвник 329
 клóчень 327, 329, 331, 334
 Ключи́ 424
 ключи́на 327, 329, 331, 334
 ключо́вик 327, 329, 331, 334
 кля́кля 190, 200
 клóчня 22
 клóчья 22
 кобе́нистый 156
 ко́бень 154
 ко́бень 156
 Кобы́лий о́мут 422
 ко́валь 155
 ко́йдама 21
 койдо́мина 21
 ко́йдоми́на 21
 Коку́евский о́мут 420
 ко́лено 110
 колоби́ха дубро́вская 135
 коло́да 122
 колодезь 337
 колодезь 327, 337, 338
 коло́дец 23, 327, 337, 338
 коло́дчик 327, 338
 колоко́л 154
 колоко́бла 154
 колоко́лец 122
 колоко́лка 154
 колоко́лок 154
 колоти́ла 154
 колоти́ра 155
 колоти́ха 124
 колоу́шник 155
 колóчик 327
 колто́вка 154
 колтовня́ 154
 колто́к 154
 комя́га 154
 ко́ндрюх 22
 ко́нец 348, 351
 Ко́ний о́мут 416
 ко́ник 72
 ко́нура 22
 ко́нурина 22
 ко́нурка 104
 коню́шня 72
 копенда́й 154
 ко́постный 156
 копоту́ха 124
 ко́пошный 156
 ко́пырза́ 156, 157
 ко́пырза́ 158
 ко́рба 20
 ко́рда 383
 ко́рень 156, 346, 348
 корми́лица 205
 Корóвинский бо́чаг 425
 ко́рточки 23
 корча́га 23
 Корча́жка 424
 ко́рыстный 156, 157
 Коря́жистый о́мут 418
 Косинская 318
 косовик 99
 косты́ца 122
 ко́стишна 154
 косты́г 156
 косты́к 156
 ко́сть 400
 котё́л 106
 котё́л 230
 кочерга́ 231
 кочере́жка 231
 Кочере́жка 231
 ко́чик 105
 кочка́ра 22
 кочка́рник 19, 192, 198
 кочковáть 24
 кочковáна 22
 кочка́рник 22
 кочугу́рник 22
 кочу́льник 20
 кочу́ха 22
 кочу́рник 22
 коше́вина 380
 Кошкин овраг 319
 Крапивенская 316, 317
 Крапивенская слобода 317
 Красинская 318
 кра́сная 200
 красная земля 191
 краснозе́м 191, 198
 краснота́ 191, 198

красноянжи́на 20
 кратково́дье 100
 кривля́к 104
 криву́лина 104
 криву́ль 104
 криву́ля 104
 криву́ляка 104
 криву́н 104
 криница 336, 337
 Криница 337
 крини́ца 327, 336, 338
 кровать 398, 399, 400, 401, 402
 кровь 398, 399, 400, 401, 402
 кругáн 22
 круглы́шечка 20
 кру́тик 170
 кру́ча 109
 кру́чень 109
 крыни́ца 327, 336
 Ксю́ткин о́мут 418
 ку́гра 20, 22
 ку́греник 20
 куде́ля 122, 123
 куде́льница 124
 куде́льня 124
 ку́кишки (ку́кишечки) в шары́ кому-л 242
 кули́га 105, 186, 198, 382, 385
 куме́рник 22
 купа 185, 198
 купа́ва 157, 158
 ку́пки 103, 106
 Куприя́ниха 419
 Куприя́нихин о́мут 419
 ку́пы 103, 106
 купы́рза́ 156, 157, 158
 курба́н 414, 415
 Курба́н 426
 курга́н 22
 ку́рея 104
 куржав 177
 куржавень 177
 куржевина 177
 ку́ржево 177
 ку́рпага 21
 ку́рья 94, 104
 ку́рья 94, 104
 куст 134, 135, 141
 кути́ла 99, 112
 ко́чки 22
 ко́чник 22
 ко́чня 22
 ла́бут 155
 ладо́нь 400
 Ла́зарева я́ма 425
 лазу́ха 155
 лала́ 154
 ла́ларь 154
 ла́н 230
 ла́нка 230
 ла́ста 392
 ла́стина 392
 ла́стка 392
 ла́хта 100
 леденец 92
 ледень 173
 ле́день 171
 леда́нка 171
 Лени́вый о́мут 417
 лесáвая ба́бушка 7
 лесы́на 134
 лескоту́н 154
 лескоту́ха 154
 лесно́к 109
 лесня́к 109
 лесови́ца 7, 8
 лес Пя́тница 323
 лести́вый 159
 лести́ть 159
 лестли́вый 159
 ле́ховина 385, 391
 леша́к 7
 лешачи́ха 7, 8, 9, 11, 12, 14
 Лешачи́ха 13
 ле́шего же́нка 7
 ле́ший 7
 Ле́ший 12
 лешу́ха 7, 8
 ливáн 105
 лимо́нник 157
 линейки́ 122
 липу́н 154
 лихайна́ 385
 лихово́дь 106
 лиходо́й 158
 лихо́й 158
 лихоти́на 385, 391
 личность 400
 липша́йник 99, 112

лобоза 99
 ловка́ч 155
 лог 169
 ло́жник 155
 ло́коть 110
 Лонская казар-
 ма 322, 323
 лопоте́нь 154
 лопотли́вый 154
 лопоту́н 154
 лопоту́ха 154
 лопу́х 155
 лоскобо́йка 154
 лоскоту́н 154
 лоскоту́ха 154
 лоток 23
 лох 155
 лоха́ 155
 лохань 398
 лохта́ 100
 лохта 100
 Лошадни́к 424
 Лошадни́ый
 о́мут 422
 лошадь 398, 399,
 400, 401, 405, 406
 луг 167
 луга́ 99
 луда 100
 луда́ 154
 лу́да 105, 190,
 195, 198
 лудило́ 154
 лудя́к 190, 198
 лужечник 389
 лужо́к 388
 лука 92
 лука́ 94
 лука́вистый 155
 лука́вый 155
 лыв 111
 лы́ва 111, 171
 лы́вина 111
 Лы́гиняговские
 о́муты 421
 лыса́пиха 155
 лыси́на 99, 112
 лы́ска 154, 155
 лысу́ха 99, 112
 льни́ще 387
 любовь 398, 399,
 400, 401, 402
 любовь к род-
 ной земле 205
 людей Илья, а дома
 сви́ня 268
 люди́вый 154
 люди́мый 154
 Люля 263
 Люня 263
 Люся 263
 ля́вда 189, 195, 198
 ляга 99
 ляга 22, 111
 ляговина́ 22
 лягуша́тник 102
 ляди́на 70
 ляжбина 99
 ля́жка 111
 ляпу́н 154
 ляса́ 154
 мазло́ 230

мазу́р 155
 мазу́рик 155
 мазу́ристый 155
 Ма-
 зурихин пово-
 рот 323
 Мазурихин
 поворот 317
 мазу́рка 155
 мазу́рница 155
 майдан 106
 ма́йма 290
 Ма́ймух 290
 ма́ймуха 290
 Ма́ймуха 290
 ма́ймушка 290
 Ма́ймушка 290
 Максимовский
 пруд 320
 маку́шка 23
 малёвка 277
 малёзга 278
 малёк 278
 маленок 278
 малёнок 278
 Ма́ленький
 о́мут 416
 малёха 278
 ма́лец 278
 мали́на 278
 маловоди́ца
 100, 105, 106
 маловоды́ 100
 маловодье́ 100
 малу́шка 278

Малы́нский
 курган 320
 маль 278
 мальва́ 278
 ма́льва 278
 мальга́ 278
 мальё́ 278
 малька́ 278
 мальтя́вка 278
 Мальчи́шечий
 о́мут 421
 малюшо́к 278
 маля́ва 278
 маля́вина 279
 маля́вочка 279
 маля́шка 279
 Ма́нькин о́мут 419
 Мари́евка 423
 Марти́нов о́мут 418
 марь 19, 21
 ма́рь 99
 Масло́заводские
 о́муты 422
 материк 92
 матери́к 348, 351
 матери́чная 199
 матери́чная
 земля 184
 ма́тка 70, 110
 ма́тушка-хо-
 зяю́шка 7
 мать 397, 399,
 400, 401, 404,
 405, 406, 407
 мацга́н 112
 мебель 398
 Ме́ва 291
 Ме́ва 291
 медаль 398
 Медве́жий о́мут 422
 медве́жник 23
 Медве́жья я́ма 425
 Меева 291
 ме́ева 290, 291
 Ме́ева 291
 ме́евка 291
 ме́евка 290
 Ме́евка 291
 ме́евки 291
 ме́ево 291
 меже́ница 100
 меже́нь 100
 меже́нь 100
 межеу́мок 155
 межни́к 109
 мезгуля́ 282
 Ме́йва 291
 Ме́йвочка 291
 ме́лда 195
 ме́лда 189, 198
 мелезга́ 282
 мелёнок 275
 мелза́ 275
 мели́ла 154
 ме́лка 102, 274
 мелка́ш 274
 ме́лкая 274
 мелковод 100
 мелководи́на 100
 мелководи́ца 100
 мелководи́ще 100
 мелководни-
 ца 100, 104
 мелководье́ 100
 мелководи́на 113
 мелкопла́вка 274
 мелкота́ 274
 мелкоти́на 113
 мелкото́тка 102
 мелкотня́ 102, 275
 мелку́ша 275
 мелку́шка 275
 мелкото́тка 113
 мелоча́ 275
 мелоча́га 275
 мелочо́ 275
 мелочо́вка 275
 мелочу́га 276
 мелочу́ха 276
 ме́лочь 275
 мелузга́ 281
 мель 275
 мельга́ 275
 мельё́ 275
 Ме́льница 424
 Ме́льничный
 о́мут 422
 мельча́ 275
 мельчи́на 275
 мельчи́ха 275
 мелюзга 282
 мелюно́к 275
 ме́лядь 275
 меля́тник 100
 ме́нда 189, 195, 198
 меньшина́ 274
 ме́рда 288

мердяник 288
 мёртвая 188, 199
 месяц 167
 метель 177
 Мёява 291
 Миёвки 291
 Мйшкин бмут 420
 мишүля 155
 модель 401
 мóдя 155
 мозóльник 154
 мокрель 111
 мокретина 111
 молёвина 277
 молёвица 277
 мóлень 276
 молодежь 398, 399, 400, 401, 402
 мблòдь 280
 молóбла 154
 молотíльня 155
 молотбга 154
 моль 276
 мольва́ 277
 мóльва 277
 мольга 277
 мольгва́ 277
 мóлька 276
 молбóшка 277
 моля́ва 277
 молявинка 277
 молявча́ 277
 моля́пса 277
 моля́ток 277
 моляушки 277
 моргафóня 155
 морковь 398, 399, 406
 морбóзик 178
 морóк 155
 мóрок 175
 морошáть 175
 Московская 316, 317
 Московской сло-
 боды 318
 мохáйник 112
 мохáрник 112
 моховíк 112
 моховíна 25, 112
 мохóвина 112
 моховíца 112
 моховíша 112
 моховíще 112
 моховíщное 112
 моховщíна 112
 мочажíна 19
 мочарина 111
 мошáник 112
 мошáнник 112
 мошáринка 25
 мошáрник 25
 мошíна 112
 мбшина 112
 мошнíк 25
 мошóк 25
 мощность 400
 мул 280
 мулёва 280
 мулёвка 280
 мулёк 280
 мулёц 280
 мульва́ 280
 мўльга 280
 мульё 280
 муля́ 280
 муля́ва 280
 муля́вка 280
 муля́вник 280
 муля́вщина 280
 муля́ш 280
 муля́шник 281
 муля́шка 281
 муран 295
 мура́н 295
 Мура́нчик 295
 мурашí 74
 Муром лес 322
 мшарíна 25
 мшарíнка 26
 мшáрник 26
 мыс 170
 мысль 400, 405
 мычижíна 192, 198
 мягкотéлый 159
 мя́кость 22
 мя́кость 22
 набéлки 122, 123
 набивóня 154
 набивóха 154
 набивóуха 154
 набивщíк 154
 набíлки 123
 набóйный 154
 набóйчивый 154
 набóйчистый 154
 навóз 186, 198
 навóзная 201

навóй 122
 наволо́к 92
 наволо́к 109, 169
 на́воло́к 109, 414
 наволо́ка 109
 на́воло́ка 109
 навязчивый 154
 наговíца 99, 112
 надоéдный 154
 назём 184, 196
 назёмная 201
 назёмы 196
 на́земь 196
 назьмённая 201
 назьмённая
 земля 184
 налить в шары́
 кому-л. 238
 налóй 184, 198
 намóй 185, 198
 напласта́ть шары́
 кому-л. 238
 напóрный 154
 напротíвщик 156
 насвистáть по
 шарáм кому-л. 238
 наsgиба́ть шары́
 кому-л. 238
 наскúка 154
 настóйчистый 156
 настýрник 154
 настýрный 154
 нахвóстник 155
 нахвóстница 155
 нача́ло 346, 347, 351
 начин 346, 347, 351, 352
 начинать
 с Адама 259
 [Наш] хозяин
 в дому — [как]
 Адам во яру 262
 на́йн 158
 на́янка 158
 неблаго́род-
 ная 188, 201
 нева́жная 188, 201
 невбди́ца 100
 негб́дная 188, 201
 негодь 195
 не́годь 189, 196
 негодя́щая 188, 201
 недогно́йная 201
 недомéрка 282
 недомéрок 282
 нёземь 198
 ненавóзная 188, 201
 неназьмённая 201
 необходимость 398, 399, 400, 401, 402
 неокульту́рен-
 ная 188, 201
 неотступ 154
 неотстúпный 154
 непло́дная 188, 201
 непло́довитая 201
 непло́дород-
 дистая 188, 201
 непло́дороди-
 ца 189, 198
 непло́дородная 196
 непло́дород-
 ная 188, 201
 непло́дóрь 103, 189, 198
 непоко́рчивый 156
 непрола́зный 112
 непроходный 112
 нёрод 189, 198
 неродíвая 188, 201
 неродíмая 189, 201
 нерóдливая 189, 201
 нерóдная 189, 201
 нерóдная земля 103
 неродóчая 189, 202
 неродя́щая 189, 201
 нерожа́вая 189, 201
 несговóрный 156
 неслухмя́ный 156
 неугб́дь 189, 196
 неугб́дья 189, 196
 неудоби́ца 189, 195, 196, 390
 неудобная 189, 202
 неудобрённая 202
 неудобренная 202
 неудобренная
 земля 190
 неудобь 189, 195, 196, 390
 неудобье 189, 195, 196
 неудобья 189, 196
 неуродíмая 189, 202
 неурожайная 202
 неурожайная 189
 нефть 400

нехорóшая 189, 202
 нечернозём 189, 196
 нечернозём-
 ная 189, 202
 нечернозё-
 мье 189, 196
 Нечíстая
 заводь 426
 нíва 74
 Нíжний óмут 416
 нíжник 389
 низ 105, 348,
 349, 351
 низá 105, 348,
 349, 351
 низбíна 109
 низíна 109, 113
 низíнка 109, 113
 нízмень 109
 низóвнина 109
 низóвье 348,
 349, 351
 низодóл 109
 низы́ 105, 348,
 349, 351
 Никíтинский
 óмут 420
 Николе на
 бородку 268
 Никóльский
 óмут 420
 Ни серо ни бело 220
 нíченицы 122
 новость 400
 Нóвый óмут 417
 норовы́тый 156, 157
 ночник 178
 ночной 178
 ночь 398, 399,
 400, 401, 405
 Нырýлка 424
 ня́ша 22
 Немец Иван
 Иваныч 257
 обакúла 155
 обакúльник 155
 обанáт 156
 обдёр 155
 обдíра 155
 облáза 155
 облázливый 155
 область 398, 399,
 400, 401, 402, 405
 облíпа 154
 облóm 156
 облоúm 155
 облóх 192, 195, 198
 облы́га 155
 облыгáла 155
 Обмóбина 423
 обморóзить
 шары 239, 242
 обморóзить
 шары́ 238
 óбморóк 155
 обойдóха 155
 оболóнь 106
 обонúсистый
 156, 157
 обонúсный 156, 157
 обормóт 155
 óборотень 156, 157
 обрýв 109
 обтягúлиха 155
 обтягúльник 155
 обúшник 156
 обязанность 400
 оврáг 169
 овраг Пятница 323
 оврáжек 109
 оврáжина 109
 огорóдец 388
 огорóдная 199, 202
 огумénник 389
 огумéнье 389
 одвóрина 388
 одвóрица 388
 одвóрница 388
 одёр 156, 157
 одонь 398, 399
 одрíна 156
 озерíна 22
 озóйник 159
 оклón 387
 окнíна 22
 окнíще 22
 óкнище 341
 окрáинец 114
 окрáинка 96
 окрáйник 96
 окúла 155
 окúльник 155
 окúльница 155
 Оладьи 426
 óли 112
 óмолотень 155
 омúт 412
 óмут 411, 413, 415

омутíна 413
 óмутина 413
 омутíнка 413
 óмутинка 413
 омутíночка 413
 омутíще 413
 óмутище 413
 óмутовья 413
 омутóк 413
 омутóчек 413
 óмут Пóлмыш 421
 Óмут У сосны́ 422
 óмуты 413
 омутья́ 413
 óмутья 413
 омшáник 112
 омшáнник 112
 омшáра 26, 112
 омшарíна 112
 омшáрина 112
 омшáринка 112
 опасность 400
 опáхивать 390
 оподзóленная 200
 опока 100
 опóлица 387, 388
 ополóнь 104
 óполонь 104
 опóлье 387
 опúпок 170
 опухоль 398, 399
 оранíца 385
 орань 385
 орíшка 293
 Орловская казар-
 ма 322, 323
 осень 398, 399,
 400, 401, 402
 Осíновский
 óмут 422
 ослúшка 156
 особенность 400
 остebель-
 ник 156, 157
 острохвóстка 155
 осы́рок 389
 отáрина 390
 отбуткать шары 238
 отбучкать шары 238
 отвертётъ шарá-
 ми 236
 отвёршек 113
 ответственность 400
 от [времето на] Адам
 [и Ева], от дядя
 Адама, от [дядо]
 адамово време 259
 от [времето на] Адам
 [и Ева], по времето
 на Адам и Ева 259
 отдúшина 110
 отёра 120
 отíра 120
 отíрка 120
 откатáть 231
 открытоё 99
 отнóга 110
 отнóжина 113
 отоцáвшая 200
 отоцáвшая
 земля 192
 отрасль 400
 отрíна 120
 от (с) адама 261
 отсáдина 192, 198
 оттепель 398, 399
 отóра 120
 отóрь 120
 отóрье 120
 отóрья 120
 отóря 120
 охвóстка 155
 охлóй 155
 охлýнец 155
 очередь 398, 399,
 400, 401, 402
 пáберега 109
 пáбережь 113
 пáвна 346,
 348, 351, 352
 падéра 175
 падíна 191, 198
 пáдина 109
 пáдинка 109
 падýн 109
 пáдьма 22
 пáла (пáлы) 231
 Палáшка 419
 Палáшкин óмут 419
 память 398, 399,
 400, 401, 402
 пантёха 155
 паренíна 387
 пар поднимáть 385
 Пáсека 424
 пáсмы 122
 пáстбище 114
 паун 99

пахать 71
 пелá 73
 пёлá 73
 пелевá 73
 пелёва 73
 Пелёвня 73
 пелить шары 235
 пелы́ 73
 пэндус 327, 341
 Первый, Второй
 и Третий лес 321
 Пёрвый óмут 416
 перебóр 102, 105
 перебрóд 102
 переводень 155
 переводина 155
 переводок 155
 перегной 196
 перегной 186
 перегнойная 201
 перека́т 100,
 102, 103
 перемельщик 155
 перемéна 386
 переход 102
 песóчная 200
 песóчная земля 190
 песчáная 190
 песчáник 98
 Песчáнный óмут 418
 песья́нка 104
 Пётр и Павел час
 убавил, а Илья про-
 рок два уволок 264
 Пётр и Павел час
 убавил, а Илья

пророк два часа
 светлово уволок 264
 Петухова гора 319
 Петуховка 319
 печáная 200
 печина 100
 печинка 100
 печь 397, 399,
 404, 405, 406, 407
 Пйлега 293
 Пйльтуха 293
 пильтушй́нка 293
 Пильчара 293
 пй́па 156
 Пйруза 293
 пихтовéц 23
 Плавка 319
 плавь 22
 план 71
 плёс 22, 102, 105
 плесея́ 122
 плёсо 102
 плетéнь 122
 плетун 155
 плетуха 155
 плетухан 155
 плехóвина 385
 плодй́вая 201
 плодй́стая 201
 плодóвая 201
 плодовй́тая 201
 плодозём 198
 плодонóсица 198
 плодонóсная 201
 плодородй́ца 198
 плодородная 188

плодородная 201
 плодородье 198
 плодускáя 201
 Плотина 318
 Плотй́на 424
 плохая 196
 плохáя 189, 199
 площадь 398,
 399, 401, 402
 пльвун 22
 поверхность 400
 повбй́ть 386
 погáная 189, 199
 Погáный óмут 417
 погода 167
 погóда 175
 подвáл 72
 подгóрье 109
 поддóл 381
 поддóлок 381
 поджй́лина 113,
 327, 335, 336
 подзол 196
 подзól 98, 190, 195
 подзóблистая 200
 подзóблистая
 земля 190
 подзóблистые
 земли 190
 подзóблица 190, 197
 подзóлки 190, 197
 подзóлковая 200
 подзóлковая
 земля 190
 подзóлок 98,
 103, 190, 197

подзолóх 190, 197
 подзóлы 190, 196
 подзóль 190, 196
 подкáтывать 232
 подкаты́вать
 к кому-л. 232
 подкáтывать
 колéса 232
 подкáтывать
 шары 232
 подкáтывать
 шары́ 232
 подклётник 285
 подкра́ек 96
 подкра́ина 114
 подлй́ога 110
 подля́га 110
 подмарина 191
 подморина 189, 198
 поднимáть 384
 подознорй́ца 334
 подознорй́ца 113,
 328, 334, 336
 подóл 105, 109
 Под осй́нами 425
 подпóльница 380
 Под Пятницей 322
 подсéку 384
 подстáть 386
 подсы́к 328, 330, 331
 подтáлина 96
 подувáл 169
 подхвóстица 155
 подчека 384
 подщеклэйник 285
 поды́збица 72

поды́ка 195, 198
 пóженка 380
 пóжня 105,
 106, 380, 387
 позём 184, 198
 позём 388
 позову́шки 124
 покóсиво 381
 полáти 403
 полать 398
 полáть 399, 403
 Полдня 318
 полéсье 113
 поли́ва 104
 полóнка 104
 полóнь 104
 пóлонь 104
 полудёнка 178
 полудёнок 178
 полудни́ца 9
 полбóдный 154
 пómочь 70
 помощь 400
 понёбник 122
 понестй́ шары 232
 попелуха 191, 198
 Попóвский óмут 421
 поползуха 171
 попрядй́ка 124
 попрядуха 124
 попряду́шка 124
 попыльню-
 хй́ 191, 199
 пóркий 156
 пóрный 156
 порбóг 100

порбóжки 23
 поросля́к 109
 порбóща 109
 Портомбй́ 424
 порудá 156
 порудливый 156
 посевщик 155
 посидёлки 124
 посидёнки 124
 поскань 398
 послать к леше-
 му 13
 постáть 386
 постель 400
 пóстная земля 190
 поступá 154
 потáйка 175
 потóк 346, 352
 потребность 400
 потрепу́ха 124
 пóтяг 73
 потёря 121
 почвенный тук 186
 пóчвенный тук 202
 почесуха 124
 прёсная 189, 199
 прёсни́ца 122
 при Адамовых 259
 при Адамщине 259
 прибережь 113
 прибрёжни́ца 96
 привй́ва 154
 пригуб 110
 пригубок 110
 прилэпщик 154
 прилипáло 154

прилук 381, 414, 415
 Прилук 426
 прилука 381
 приплетала 155
 присад 104, 381
 присада 104
 приставун 154
 пристегай 154
 притужальник 122
 притяг 73
 приузь 70
 пришвица 122
 провал 109
 провалина 109
 провалье 109
 провальчивый 112
 провылупать
 шарь 239
 провязина 22
 прогалина 105
 продувень 155
 продух 22
 продух 22, 104, 110
 продуха 22
 продуха 110
 продушина 22, 104, 110
 прордых 22, 110
 пройдоха 155
 пролесина 99
 промбина 109, 114
 промой 114
 промойна 96
 промывина 109, 328, 332, 333
 промышленность 400
 промьира 155
 пропарина 22
 проруб 114
 проруб 114
 проруба 109, 114
 прорубка 109, 114
 прорубь 114
 прорывина 22
 просежный 112
 простофиля 156
 простынища 156
 проталина 96
 проталинка 96
 протек 328, 330, 331
 протечь 96
 проточина 328, 330, 331
 проточник 328, 330, 331
 прощельга 155
 прудки 381
 прудовина 414, 415
 прудовище 381
 прядея 122
 прялка 122
 прялки 124
 пурга 177
 пурга 177
 пургатый 177
 пустая 189, 199
 пустая земля 103
 пустобрех 155
 пустозвон 155
 пустозвонный 155
 пустозём 195, 197
 пустолесье 99, 112
 пустольга 155
 пустоматный 155
 пустомол 155
 пустоплесье 392
 пустоплёт 155
 пустослов 155
 пустота 197
 пустотка 197
 пустоцвет 197
 пустошь 197
 пусть 98, 99, 112, 197
 пустьерник 197
 пустьерь 195, 197
 пустьш 197
 пустьшка 197
 пустьшь 197
 пуховый чернозём 202
 пучеглазый 234
 пучешарый 234
 пучина 328, 332, 333
 пучинистый 112
 пучистый 112
 пушистая 199
 Пушкарская 316
 Пушкарская земля 315
 пыль 398, 399, 400, 401, 402
 пьля 73
 пьлить глаза 235
 пьлить шары 235

пятнай тебя
 в шарь, 243
 Пятница 320, 322
 рада 105
 радость 400
 раздеуля 156
 разевай 156
 разепай 156
 разинья 156
 размывина 109
 разобурда 156
 разрозья 156
 разруб 109
 разуть 235
 разуть глаза 235
 разуть шары 235
 райда 382
 рассомаха 156
 рассоха 109
 растабара 155
 растепеля 156
 растепиля 156
 расщелина 109
 рахманный 156, 160
 реальность 400
 рекостай 103
 релка 104, 168, 169
 репище 386
 репы 382
 речистый 155
 речка 167
 речь 398, 399, 400, 401, 402
 ржавец 340
 ржавец 112
 ржавина 199
 ржище 386
 рбина 109
 ровчак 105
 рогатистый 156
 родимая 201
 родная 201
 родная земля 184
 родник 106, 328, 333, 346, 348, 351
 родовина 328, 333
 родовитая 201
 родовитая земля 184
 родящая 201
 родимая земля 183
 рожавая 201
 рожая 201
 роженка 198
 рожь 398, 399, 405
 розлив 109
 роль 400
 росомаха 156
 респашь 385
 россыпка 185, 198
 ротозей 156
 рохлая 200
 рохлая земля 185
 рохла 156
 рубка 109
 рудник 328, 340
 рукав 110
 русло 167
 рюжа 288
 Рюжа 288
 рюза 288
 рям 24
 с адама и евы 261
 Сажинов омут 418
 Сажин омут 418
 сакла 289
 сакля 289
 саковик 287
 саконник 287
 самодеятельность 398, 399
 самород 198
 Сахар 426
 сахара 193, 199
 свежун 110, 328, 338, 339
 свекровушка 70
 свекровь 398, 399, 405, 406, 407
 сверхун 190, 195, 199
 Свисталовка 318, 323
 сводка 155
 Своих денег нету, поехал глаза про-
 давать 240
 связь 398, 399, 400, 401, 402, 403, 405
 столовница 388
 столовь 382
 сторок 113
 сдобренная 202
 себель 289
 север 178
 севолеток 284
 сегодавка 284
 сегодок 284

сегóлик 284
седой 214, 220, 222
секиля́вка 289
секля́ 289
селга́ш 284
селёвка 285
сельдя́вка 285
Сельский óмут 422
селья́ва 284, 285
Селя́ва 284
Селя́вина 284
селья́вка 285
Селя́вка 284
Семь березок 322
сенокóс 114
сентябрю́ха 284
сентя́вка 285
сентя́па 285
сентя́пка 285
сентя́рка 285
сенчо́пка 285
Сера капуста 222
се́рая 200
Серая баба
(бабуся) 212
серая вода 222
серая заячина 220
се́рая земля 191
Серая земля,
почва 213
Серая икра 221
серая капуста 220
Серая капуста 221
Серая карга 212
серая кожа 217
Серая крупка 221

се́рая моль 283
Серая мука 221
Серая мука́ 215
серая неделя 219
Серая нитка 218
серая ночь 217
Серая палья 212
Серая полынь 213
Серая посуда 218
Серая работа 218
Серая рыба 212
Серая сечка 221
Серая сова 212
Серая утка 212
Серая шеклея 212
Се́ро 219
Се́ро 219
Серова́тенький 219
серое вино 222
серое лицо 217
серое место 219
Серое молоко 221
Серое наречие 219
Се́рое сено 221
серое сукно 221
Се́рость 220
серу́шка 283
Серые листья 221
Серые слова 218
Серые щи 222
Се́рые яблоки 221
серый 209, 210,
214, 215, 216,
220, 222, 223
Серый воск 221
Серый горох 213

Серый гриб 213
Серый дрозд 212
Серый елец 212
Серый журавль 212
Серый карась 212
Серый квас 215, 218
серый ладанъ 221
серый от ужаса 217
Серый полынец 213
Серый пуных 212
Серый свинаръ 213
Серый тальник 213
Серый хлеб 215
Серый цвет 213
Се́рый че́рт 218
се́ряк 220
Се́ряк 219
сеть 400
Сибиль 289
Сибиль 289
сибиля́вки 289
сивале́т 284
си́вер 178
сивый 214
сигалёток 284
Си́гов óмут 418
сиголёнок 284
си́зик 283
сизу́ха 283
сикаши́ 74
сикля 289
Сикля́ 288
си́лька 289
синёц 283
синиля́ва 283
синпея 285

Синтева́ 292
Синть 292
синтя́ 292
Си́нтя 292
Синтя́вка 292
Синтя́па 292
синьга́ 292
Синьга́ 291
скатерть 399
скать 122
ско́бель 154
сколоту́ха 155
скопысовáтый 157
скорость 400
ску́дная 189, 199
ску́дная земля 190
ску́дный 160
ску́дня 190, 199
скупáя 189, 199
скупáя земля 190
скупой 160
сла́бая 199
сла́бая земля 190
слабу́н 22
славута́ 156
сланей 156
слане́ц 192, 199
сланцо́вая 200
сланцо́вая зем-
ля 191
слива́ние 348,
351, 352
слия́ние 348
слобода
Пушка́рская 316
слуда́ 414, 415

смак 139
смаковница 139, 141
смаковни́ца 135
смерть 398, 399,
400, 401, 402
смоковница
139, 141, 142
смола́ 154
смонуть 119
смуста́ 155
смүтолок 155
снег 167
сновáльно 123
Соба́чий óмут 422
собáчки 123
Соба́чьи дво-
рики 318
собственность 400
со́вень 154
совесть 400
Солда́тский
óмут 421
солёная 200
солёная земля 190
солонёц 190,
196, 197
солонцы́ 190,
196, 197
солонча́к 191,
196, 197
солончаки́ 191, 197
солонча́к(и) 196
солонча́ки 99
солончу́к 191, 197
солоня́ 156
солоня́к 191, 197

солоня́ки 197
солóтвина 191, 197
солунчаки́ 191, 197
сопесча́ная 200
сопротівный 156
сопу́н 110, 328,
331, 332
Со́сенка 424
спад 100
спадінка 109
Спасова борода 268
Спасу на бороду 268
спі́ча в шарі
кому-л. 243
спі́чыи шары́ 242
сплётень 155
спогля́нка 195, 199
с-под адама 260
Спо́рный óмут 417
способность 400
сся́куши́ 74
стакáны 23
стані́на 123
станові́ться
улицею 231
Ста́рка 426
старость 399
стару́нья 110
стару́ха 110
стару́шка 110
Ста́рый óмут 417
ста́рый пере-
ной 202
сте́жка 99
сте́к 348, 351
стена́ 123

Степáнов óмут 419
 Степáновский óмут 420
 степень 400
 Степúринский óмут 420
 стлiще 387
 стоимость 400
 стоячая вода 95
 страдовáть 387
 страсть 400
 стрeж 100
 стрeж 100
 стрeжа 100
 стрeжень 100
 Стрелецкая 316
 Стрелецкая жилая 316
 Стрелецкая Московская 316
 стрeлка 348
 стремнiна 97, 100
 строплiвый 156
 струга 334
 струя́ 100
 стрясeнные шары́ 242
 студенец 338, 339
 студенец 338
 стúденец 338
 стúдница 110, 328, 338, 339
 Стúдница 338
 стяг 73
 субботeя 124
 суббóтки 124

суглeнистая 200
 суглiнистая 200
 сугóр 168
 сугроб 177
 сузeм 184, 198
 сузeмная 200
 сузeмок 184, 198
 суковáтый 156, 157
 сумeт 177
 супрядúна 124
 сýстье 348
 С устья до устья 349
 сутки 167
 суть 400
 сахара 141
 сухáра 139
 сухáя 200
 сухáя земля 103, 192
 сухмeнь 100
 суховóдье 100
 суходóл 103, 192, 195, 199
 суходóлина 98, 103, 192, 195, 199
 суходóлье 109
 сухотiна 192, 199
 суша 193
 сúша 192, 199
 сушняк 100
 сушь 100
 сущность 400
 сыбылька 289
 сырина 111
 сырость 398, 399
 сýпрядка 124

сýпрядь 124
 табарeтки 23
 тамáк 348, 351, 352
 таращить глаза 235
 таскáть лён 71
 творiло 389
 текáлка 328, 330, 331
 текúн 106, 328, 330, 331
 супрядúна 124
 текúч 328, 330, 331
 тeнь 400
 тeплик 185, 198
 тeплина 76
 тeплинка 76
 теплынь 398, 399
 терeбить 121
 тeрка 121
 Тeркин óмут 418
 тeрница 121
 терпение 205
 тертуха 120
 тертушка 121
 терюха 120
 терeть 121
 терeться 121
 тeтенька 7, 11
 тiна 71
 тiхая вода 95
 тиховóдье 95
 тiхое течeние 95
 толóка 192, 195, 199
 тóпель 111
 тóпельный 112
 тóпeсть 22
 тóпистый 96, 112

тóпкий 96, 112
 тóпливый 112
 тóплина 111
 тóплый 96, 112
 тóпный 96, 112
 тóпость 22
 топúчий 96, 112
 топь 19
 торгну́ть 121
 торгáть 121
 торiца 120
 торф 186, 198
 тóча 123
 точeя 123
 точник 328, 330, 331
 тóчая 190, 200
 треплúха 155
 третьe 120, 121
 Троицкий(ая) бугор/гора 320
 Троицкий бугор 323
 Троицкий колодезек 320
 Троицкий мост 318
 тропiнка 99
 трóпка 99
 труби́ца 123
 трудолюбие 205
 трясiна 104
 трясiнистый 112
 трясiнный 112
 тряский 112
 трясовiтый 112
 трясу́чий 112
 тук 186
 тутeмь 384, 391

тúчная 199
 тыкать (натýкать) в шары́ кому-л. 238
 тыкать шары́ кому-л. 238
 тýрло 383
 тьфу тебе в шары 243
 тю́ня 156
 тягúчий 112
 тяжeлая 189, 200
 уб дúба лúчнее 135
 У Ботвина 321
 увeй 191, 195, 199
 увязчивый 154
 угóдья 185, 198
 угóн 230
 угор 168
 угóр 168
 угóрчик 168
 угóрье 113
 удóбная 202
 удóбренная 202
 удóбье 198
 úжнив 74
 úжниво 74
 Узлово 320
 уйтá 99
 уйтá 99
 уйтiна 99
 уйтина 99
 уклeйка 285
 уклeя 285
 укóбистый 156
 Улáн 423

У людей Илья, а дома свинья 268
 унавóженная 201
 упeртый 156
 упряжка 71
 ура 99
 ура́ 99
 урeчище 104, 109
 урожáйная 202
 урóчище 99, 104
 ус 348, 349
 У сосны 422
 уcтавить глаза 235
 усть 348
 Усть 349
 устье 348
 Устье 349
 устьe 348, 352
 úстье 348, 351, 352, 353
 úстьe 348
 Устьмóрие 349
 усýнок 110
 усь 348, 352
 úсьe 348
 úсья 348
 утiн 388, 391
 утiтник 23
 ухóбистый 156
 ушлeп 195, 199
 ушлeк 195, 199
 ушлeп 195, 199
 фасоль 398
 Фетисова гора 320
 харзiстый 157
 Харитóнов óмут 419

хвѣли 105
хвѣля 105
Хитровка 317
хитруля 155
хитруля 155
хлеборобная 201
хлебородная 201
хлопоть 157
хляботá 156
хозійстый 157
хозяин 8
Хозяин в дому
— [как] Адам
в раю 262
хозяйка 8
холодѣц 191, 199
Холодильник 424
холодник 191,
199, 328, 338, 339
Холóдный óмут 417
Холуй 423
хорошая 188
хорóшая 199, 202
хоть в шар тычь
кому-л, а он
всѣ своё! 238
хоть шарóm
покатй 232
хоть шары сшей 242
хохолкй 23
Хренов(а) бугор
(гора) 319
Христу на
бородку 268
худáя 189
Хўторский óмут 422

цѣвка 123
цежонка 337
цежóнка 328,
337, 338
цель 400
ценность 400
церковь 397,
399, 400, 401,
404, 406, 407
частность 400
часть 398, 399,
400, 401, 404, 405
челізна 384
человѣческий 154
человѣчный 154
Чепáсовский
óмут 421
чѣрная 200
Чѣрная слўда 426
Чѣрная яма 425
чѣрнедь 197
чернозѣм 186,
187, 196
чернозѣмие 186, 196
чернозѣми-
на 186, 196
чернозѣми-
на 186, 196
чернозѣмистая 200
чернозѣм-
ная 200, 202
чернозѣмы 186, 196
чернозѣмь 186, 196
чернозѣмье 186, 196
Черносъкбй
óмут 421

чернўшка 197
Чѣрный óмут 417
Чѣрный яр 426
Чѣртова яма 425
Чѣртов óмут 418
честь 401
четверть 399
чивѣчка 123
чивѣчки 123
чйсменки 123
чистáтка 99
чистйна 99, 112
чистйнка 99, 112
чйстить шары
кому-л 238
чйстки 99, 112
чистовйн 112
чистовйна 99
чистоѣ 99
чйстое 99
чисть 99, 104
чищанйна 23
чтоб у кого-л. шары
лóпнули 243
шаклея 285
шаклея 285
шáпа 328, 341
шáпка 23
шар 229, 230, 231,
232, 233, 243, 244
шарáми торго-
вáть 239, 242
шарáми тря-
сти 239, 242
Шарóm кати 232
шарóm покатйсь 232

шар шарóm 232
Шар шарóm
покати 232
шары 233, 234,
235, 241, 244
шары валять
да к стенѣ при-
слонять 240
шары вѣртятся
у кого-л. 236
Шары вѣртятся
у кого-л. 236
шары вйкле-
вать 242
шары в яме
у кого-л. 242
Шары добыть 239
шары драть 242
Шары драть
кому-л. 240
шары замáраны
у кого-л. 240
Шары замарáть 240
шары надуть 242
Шары надуть
кому-л. 240
шары на проволо-
ке бегают 236
Шары на проволо-
ке (бегают) 236
шары на проволо-
ке у кого-л. 236
шары нáпрочь 242
Шары на спйч-
ках 240

шары обморó-
жены 242
шары обморóже-
ны у кого-л. 239
шары обморó-
зить 242
шары отлѣты-
вают 242
шары под лоб 242
шары прода-
вáть 239, 242
шеклея 286
шерсть 398, 399
шинель 399
шипйца 139
шипичный
бадог 139, 141
шипйчный
бадог 135
шйрить шары 235
шйрь 99
шишáк 7
Шишáк 7
шла 231
Шлыковская
казарма 322
шўбницы 71
шуклея 286
шулява 286
Шумйлиха 423
шутѣм 195, 199
шутѣм 384
щеклея 286
щеклея 286
щелкўн 155
щуканцы 74

щукашѣвник 74
Щукашй 74
эффektivность 400
Юдинский коло-
дец 320, 323
ядрѣная 200
яловая 189, 200
яма 167
яма 414, 425
Ямка 425
яр 328, 341
ярик 328, 341
яровйна 386
ятменйще 386
Яшкина казар-
ма 322, 323
Адам Адамыч 257
суходóл 109
ўтренник 124

Contents

Contents

MATERIALS AND RESEARCH

Female Demonological Characters
in the Arkhangelsk Dialects:
the Mythological Mistress of the Forest
Darya A. Dobkina 17

Linguistic Interpretation of the Landscape by Means
of Dialectal Telmographic Vocabulary 29

Tatyana E. Bazhenova 29

Perm Dialectisms Related to the Archaic
Vocabulary of Standard Russian 45
Maria V. Bobrova 45

Written Vepsian Language and Dialects:
Problems of Correlation 62
Igor V. Brodsky 62

Interzonal Variants of the Northern Dialect:
History and Modernity 88
Irina A. Bukrinskaya 88
Olga E. Karmakova 88

Lexical Atlas of Russian Folk Dialects
(Vol. 3. Landscape): Results and Prospects. 117
Tatiana Ivanovna Vendina 117

Regional Lexicography and the Tasks of Representing
the Vocabulary of Various Thematic Groups in
the Lexical Atlas of Russian Folk Dialects
Nina S. Gantsovskaya
Galina D. Neganova 129

Nominations of Trees and Shrubs as a Motivational Base
for Lexical and Phraseological Units Denoting a Person
in the Russian Dialects of the Perm Region (according
to the Data of the Dialect Dictionaries of the Region)
Mariia A. Granova 148

Ambivalence of the Assessment of Human Character
and Behavior in the Vocabulary of Tver Dialects
Natalya YU. Gribovskaya 164

Vocabulary Corresponding to the LARFD
Sections "Meteorology. Astronomy. Calendar" and
"Landscape" in Russian Dialects of Udmurtia
Ekaterina A. Zhdanova 182

Systemic Relations in Russian Dialectal Vocabulary
(a Study of Cartographic Material)
Lyudmila A. Kimkova 208

The Semantics of the Adjective *Seryj*
(‘Grey’) in Russian Dialects
Elena V. Kolesnikova 226

Set Expressions and Idioms Containing the Word
ŠAR (ŠARY) in the Dialect Vocabulary
Elena V. Kolosko 247

On the Publication of the Second LARFD Volume
(‘Animal Kingdom’): The Harmony of
Deeds and the Struggle for New Knowledge
in the Field of Dialect Studies
Larisa YA. Kostyuchuk 256

Some Fragments of the Biblical Nomenclature
in Folk Speech (*Adam* and *Elijah*)
Valery M. Mokiienko 272

Words Denoting Pan fish in Russian Dialects. Part 1 300

Sergei A. Myznikov 300

Mariia D. Korolkova

Phonetic and grammatical features of the speech portrait
of a resident (Chetverikovo village, Voronezh region)

Lyubov V. Nedostupova 312

Microtoponymy of the Historical Settlement of
Krapivna, Shchekinsky District of the Tula Region

Olga S. Venevtseva 326

Igor V. Panteleev

Names of Springs and Water Sources in
Russian Dialects (as Represented in the
Lexical Atlas of Russian Folk Dialects)

Andrey V. Priobrazhensky 345

The Names for River Source and
Mouth in Russian dialects

Vladimir A. Pykhov 355

Linguistic Map Metalanguage and the Modern
State of Linguogeographic Research

Nikolai L. Sukhachev 377

Mariia D. Korolkova

Names of agricultural lands in Vyatka
dialects of Russian language

Olga Teush 397

Lexical Structure of the Set of Third Declension
Nouns in Russian Dialects (According to the Data
Drawn From the Voronezh Region Dialects)

Svetlana S. Tokareva 410

Kostroma landscape micro-toponyms
(names of whirlpools)

Yelena V. Tsvetkova 431

The Word Veršina in the Russian Dialects and
its Meanings 'Ravine' and 'Low-Lying Place'

Nadezhda W. Shevchenko 440

Abbreviations

450

Word index

460

Contents

430

Научное издание
Лексический атлас русских народных говоров
(Материалы и исследования)
2023

Печатается по решению Ученого совета
Института лингвистических исследований РАН

Оригинал-макет подготовлен Д. М. Усовой
Подписано в печать 30.12.2022. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 62,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Институт лингвистических исследований РАН
199053 Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Тел. (812)328-16-12
e-mail: larng@mail.ru
<http://iling.spb.ru/>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134
9450922@gmail.com